КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА и ПРАВА
СЕКЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА

ВОПРОСЫ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА

СБОРНИК ПЕРВЫЙ

под редакцией
Л. ГИНЦБУРГА и И. СУВОРОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1933

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПРАВА
СЕКЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА

ВОПРОСЫ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА

СБОРНИК ПЕРВЫЙ

Статьи тт. Амфитеатрова Г., Гинцбурга Л., Загвязинского И., Костельцева А., Липецкера М., Раевича С., Рубинштейна Б.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Л. ГИНЦБУРГА и И. СУВОРОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
Москва 1933

Редактор А. Шпсксторов. Технический редактор Л. Васильев. IV квартал 1933 г. № 93. С–3 г. Сдано в производство 29 VI. Подписано к печати 22/XI. 18 п.-л.; 62×94 16. В одном печ. листе 50.400 знаков. Уполномоченный Главлита В–66029. Тираж 10.000

16-я типография треста «Полиграфкнига». Москва, Трехпрудный пер., 9. Заказ 928.

ВОПРОСЫ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА НА ДАННОМ ЭТАПЕ[1]

Л. ГИНЦБУРГ

Успешное выполнение первой пятилетки, окончательное закрепление СССР на социалистическом пути, победа принципа социализма во всех областях народного хозяйства—все это по-новому ставит основные вопросы советского хозяйственного права на данном этапе.

В докладе т. Сталина на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) была подчеркнута связь проблемы революционной законности с важнейшими политическими лозунгами второй пятилетки. Революционная законность—один из важнейших рычагов пролетарской диктатуры, одно из мощных орудий построения социализма. Основная забота революционной законности на данном этапе—охрана и укрепление социалистической собственности. Социалистическая же собственность—основа всего советского строя, основа социалистического производства и советской торговли. Так проблема революционной законности поднимается на величайшую принципиально-политическую высоту. Ее роль как орудия политики пролетарского государства и социалистического строительства несомненна.

Эта постановка вопроса должна быть распространена и на советское хозяйственное право, представляющее собой форму применения начал революционной законности к специфической области регулирования хозяйственных отношений и являющееся следовательно также одной из форм политики пролетарского государства. Еще в июле 1932 г. т. Крыленко в докладе о революционной законности наметил четыре категории, как он назвал, «норм революционного права». Это — законы, охраняющие диктатуру пролетариата, законы, охраняющие права и интересы трудящихся как граждан советской республики, законы о советской и колхозной торговле и, наконец, законы, регулирующие взаимоотношения социалистических предприятий между собою (законы

[1] Настоящая статья представляет собою несколько переработанную стенограмму доклада на объединенном заседании бригады хозправа ИССП и Бюро юрисконсультов при Мособлпрокуратуре 3 ноября 1932 г. См. «Сов. государство», 1932, № 11—12.

о хозрасчете, о договорной, финансовой и плановой дисциплине) [2]. Во всяком случае, две последние категории норм революционного права — законы о торговле и о регулировании взаимоотношений хозяйственных организаций обобществленного сектора — область советского хозяйственного права. И, подчеркивая значение этих норм как рычага или орудия укрепления пролетарской диктатуры, т. Крыленко дал тем самым положительный ответ на вопрос о значении советского хозяйственного права для социалистического строительства. Нам остается лишь присоединиться к его выводам.

Однако эти выводы разделяются, повидимому, не всеми. С разных сторон несутся голоса сомнения. Особенно в части советского хозяйственного права, относящейся к регулированию хозяйственных взаимоотношений в социалистическом секторе, приходится сталкиваться с установками иного рода. В юрисконсультской практике наших хозорганов «служители права» сплошь и рядом резко отделяют «вопросы права» от «вопросов существа». Заключения, исходящие от юрисконсультов, пестрят такими, например, формулировками: «не касаясь существа вопроса, с формальной стороны (или с юридической стороны или «с моей стороны») возражений не имеется». Что это значит? Ведь «существо вопроса», от которого абстрагируется в данном случае юрисконсульт,—это хозяйственный вопрос, вопрос нашего хозяйственного строительства, вопрос классовой борьбы. «Абстрагирование» здесь может означать лишь переход на позиции внеклассовой, аполитичной, «нейтральной» трактовки советского хозяйственного права, начисто отрицающей его значение как орудия пролетарской диктатуры и рычага социалистического строительства.

Но наше понимание советского хозяйственного права как формы политики пролетарского государства подвергается обстрелу и с другой стороны. Исходя от диаметрально противоположных посылок, отрывают революционную законность («вопросы права») от хозяйственной целесообразности («вопросы существа»). Эта вторая точка зрения сужает сферу действия и применения последних директив партии и правительства о революционной законности до рамок защиты личных и имущественных прав граждан (трудящихся, колхозников) и колхозов от вмешательства неправомерно действующих органов власти. Основная же масса хозяйственных отношений, в первую очередь отношения между хозорганами в сфере обобществленного сектора, будто бы вовсе не затрагивается последними директивами. Здесь, в этой последней сфере, право вообще не при чем. Поскольку здесь отношения замыкаются рамками единой социалистической собственности, основным критерием, с точки зрения которого должен рассматриваться любой вопрос и должны регулироваться «права» и «обязанности» отдельных звеньев социалистического хозяйства, может быть лишь хозяйственная целесообразность. В случае спора надо выяснить лишь, как данный вопрос отражается на выполнении плана и на системе народного хозяйства в целом. Сделает это лучше всего хозяйственник. Дело юриста, если он вообще еще для чего-либо нужен, реализовать технически или *оформить* решение, в вынесении которо-

[2] Крыленко, О революционной законности, М. 1932.

го он никакого участия принимать не должен. Понятно, что и вопросы упорядочения законодательства, приведения его в систему, проблема упрощения нашего чрезвычайно разветвленного и сложного хозяйственного законодательства—все эти вопросы не имеют с точки зрения развитой концепции никакой практической ценности. Таким образом, если первый взгляд, скатывающийся к либерально-буржуазной трактовке советского права, *искажает* его сущность, то второй, исходя из «левацких» установок, начисто *отвергает* возможность какого бы то ни было использования советского хозяйственного права (т. е. революционной законности в специфической сфере регулирования хозяйственных отношений) для каких бы то ни было созидательных задач по социалистическому строительству.

Мы ставим своей задачей показать полную несостоятельность и той и другой концепции. Мы докажем и для области регулирования хозяйственных отношений невозможность отрыва революционной законности от революционной целесообразности—хозяйственной целесообразности. Мы докажем абсолютную правильность тезиса о советском хозяйственном праве как особой форме политики пролетарского государства, рассчитанной на построение социалистического хозяйства и бесклассового социалистического общества. Причем мы сделаем это наиболее простым и наглядным методом—путем показа *фактического* использования советского хозяйственного права.

* * *

Центральный институт советского хозяйственного права—право социалистической собственности. По Ленину сущность социализма заключается в «общем владении средствами производства и распределении продуктов по мере работы каждого» [3]. «Общее владение средствами производства», т. е. общественная (социалистическая) собственность на средства производства вместе с принципом вознаграждения по труду, конституируют понятие социализма. Поэтому социалистическая собственность—основа советского строя, т. е. основа государственного строя, имеющего своей целью построение социализма. Низвержение капиталистической системы собственности в октябре 1917 г. и пролетарская национализация основных средств производства создают условия возможности социалистического строительства. Решение проблемы «кто—кого» и в городе и в деревне, т. е. завоевание социалистической собственностью не только ведущего, но и абсолютно преобладающего положения в народном хозяйстве, означает «окончательное упрочение СССР на социалистическом пути». На примере этого института—права социалистической собственности—легче всего проследить роль советского хозяйственного права как одной из форм проведения генеральной линии партии, как особой формы политики пролетариата.

На каких принципиальных посылках базируется этот институт? У Маркса и Энгельса мы находим следующие формулировки о праве собственности в условиях первой фазы коммунизма (социализма). Энгельс пишет, комментируя известное место из I тома «Капитала»:

[3] **Ленин, т. XX, изд. 3, с. 132.**

«...Положение, создаваемое экспроприацией экспроприаторов, характеризуется здесь как восстановление индивидуальной собственности, но *на основе* общественной собственности на землю и на произведенные самим трудом средства производства». Для всякого, кто умеет понимать прочитанное, это значит, что *общественная собственность* распространяется на землю и на другие средства производства, а *индивидуальная собственность*—на продукты, следовательно,—на предметы потребления. А для того, чтобы это было понятно даже детям шестилетнего возраста, Маркс предлагает (на с. 56) представить себе «союз свободных людей, которые работают при помощи общих средств производства и затрачивают свои индивидуальные рабочие силы как общественную рабочую силу», т. е. представить себе социалистически организованный союз, и затем говорит: «совокупность продуктов труда союза есть продукт общественный. Часть этого продукта служит вновь в роли средств производства. *Она остается общественной*. Другая же часть потребляется членами союза в виде жизненных средств. *Она поэтому должна быть разделена между ними*»[4].

Маркс и Энгельс дают, таким образом, диференцированную постановку вопроса. Надо различать право собственности на средства производства и на предметы потребления. Новый общественный строй, который идет на смену капитализму, имеет своей базой общественную (социалистическую) собственность на средства производства. Но сохраняется индивидуальная (личная) собственность на предметы потребления. Тут же надо заметить, что, по Марксу, между той и другой сферой нет непроходимой пропасти [5]. Нельзя забывать, что самое потребление с точки зрения процесса расширенного воспроизводства в целом—«момент производства». Поэтому в фонд социалистической (общественной) собственности включаются наряду со средствами производства (фабрики, машины, орудия, сырье, топливо, материалы) также и средства личного потребления. И чем дальше, тем в большей мере. Самое потребление в значительной мере обобществляется. Успехи социализма находят свое проявление и в области потребления, в форме расширения сети учреждений общественного питания, различных форм обобществления быта и т. д. [6].

Ленин применительно к конкретной обстановке первой в мире пролетарской революции давал еще более диференцированную постановку вопроса. Надо различать право собственности на средства производства и на средства потребления. Надо различать, далее, эксплоататорское по своей сущности право собственности на средства производства помещиков и капиталистов и право собственности мелко-

---

[4] Энгельс, Анти-Дюринг, 1931, с. 119.

[5] См. Маркс, Введение к критике политической экономии (М. 1932, с. 22 и сл.). «...Акт производства во всех своих моментах есть также акт потребления» «...Потребление есть непосредственно также и производство» и т. д.

[6] Ср. также Ленин: «Борьба... за разрыв с проклятым прошлым, приучившим смотреть на добычу хлеба и одежды как на «частное дело», на куплю-продажу, как на сделку, которая «только меня касается»,—это борьба и есть величайшая, имеющая всемирно-историческое значение, борьба социалистической сознательности против буржуазно-анархической стихийности» (т. XXII, изд. 3, с. 451).

го крестьянского хозяйства. Надо уметь видеть разницу между *эксплоататорской и трудовой собственностью* на средства с.-х. производства, а в пределах первой категории—между собственностью помещичье-капиталистической, с одной стороны, и кулацкой—с другой. Ликвидация в частности кулацкой собственности требует особых организационных и экономических предпосылок, она возможна лишь при наличии ряда условий, отсутствовавших в течение ряда лет социалистического строительства, она стала реально осуществимой лишь в 1929/30 г. На VIII съезде партии Ленин говорил: «По отношению к помещикам и капиталистам наша задача—полная экспроприация. Но *никаких насилий по отношению к среднему крестьянству мы не допускаем.* Даже по отношению к богатому крестьянству мы не говорим с такой решительностью, как по отношению к буржуазии: абсолютная экспроприация богатого крестьянства и кулаков. В нашей программе это различие проведено. Мы говорим: подавление сопротивления богатого крестьянства, подавление его контрреволюционных поползновений. Это не есть полная экспроприация» [7]. И на IX съезде партии: «...Здесь говорили: если капиталистов национализировать, то почему нельзя национализировать кулаков? Но этот довод недаром встретил здесь веселость. В самом деле, как ни считать зажиточных крестьян, не обходящихся без эксплоатации чужого труда, все же их не менее полумиллиона, а может быть даже около миллиона, как же мы сможем их национализировать? Это фантазия. *Для этого у нас сейчас сил нет*» [8].

Здесь дана в сжатой форме, во-первых, вся политика партии в отношении кулачества, вплоть до периода 1929/30 г., политика ограничения эксплоататорских тенденций кулака. Здесь дана, во-вторых, возможность перехода от этой политики к политике ликвидации кулачества как класса. Сталин в своей знаменитой речи на конференции аграрников-марксистов имел в виду именно эти высказывания Ленина, а также ряд последующих решений партии до XV партсъезда. «До последнего времени,—говорил т. Сталин,—партия стояла на позиции *ограничения* эксплоататорских тенденций кулачества. Известно, что эта политика была провозглашена еще на VIII съезде. Она, эта самая политика, была вновь возвещена при введении нэпа и на XI съезде нашей партии... Правильная ли была эта политика? Да, она была безусловно правильна. Могли ли мы лет пять или года три назад предпринять такое наступление на кулачество? Могли ли мы тогда рассчитывать на успех такого наступления? Нет, не могли. Это было бы опаснейшим авантюризмом. Это было бы опаснейшей игрой в наступление. Ибо мы наверняка сорвались бы на этом и, сорвавшись, укрепили бы позиции кулачества. Почему? Потому, что у нас не было еще тех опорных пунктов в деревне в виде широкой сети совхозов и колхозов, на которых можно было бы базироваться в решительном наступлении против кулачества. Потому, что мы не имели тогда возможности *заменить* капиталистическое производство кулака социалистическим

[7] Ленин, т. XXIV, изд. 3, с. 163.
[8] Ленин, т. XXV, изд. 3, с. 124. Курсив мой—Л. Г.

производством в виде колхозов и совхозов». И далее уже новая постановка вопроса: «Теперь у нас имеется достаточная материальная база для того чтобы... *заменить* его (кулацкое—Л. Г.) производство производством колхозов и совхозов... Вот почему наше наступление на кулачество имеет теперь несомненный успех... Вот почему мы перешли в последнее время от политики *ограничения* эксплоататорских тенденций кулачества к политике *ликвидации кулачества как класса*»[9].

Таковы основные теоретические и политические установки в вопросе о социалистической собственности. Одно из важнейших средств их претворения в практику социалистического строительства—их реализация в декретах и законах советского правительства, неуклонное, последовательное, твердое и единообразное[10] проведение в жизнь этих законов. Центральная задача ликвидации помещичьей и капиталистической собственности нашла свое выражение в законах о национализации 1917—1918 гг.: о национализации банков, торгового флота, о монополии внешней торговли, о национализации промышленности, о муниципализации строений. Это законодательство, инкорпорированное затем в советской конституции, до сих пор формулирует основы, на которых строится здание социалистического хозяйства. Оно выражает в твердых и четких формулах новую, социалистическую систему собственности, идущую на смену капиталистической. По глубочайшей своей сущности и по всему своему духу оно коренным образом отличается от законодательства по тому же вопросу Великой французской революции. Там речь шла о смене одной эксплоататорской системы собственности—феодальной—другой, эксплоататорской же. Здесь—о провозглашении и укреплении системы собственности, призванной служить основой для построения бесклассового общества, в котором не должно быть никакой эксплоатации человека человеком. Законодательство Великой французской революции решало чисто *отрицательную* задачу освобождения буржуазной собственности, опутанной, связанной и стесненной узами феодального порядка. Законодательство о национализации пролетарской революции призвано было решить *положительную задачу* установления нового порядка, в рамках которого должны быть осуществлены величайшие трудности и сложности задания по социалистическому строительству: овладение старым хозяйственным аппаратом, пуск его в ход, создание *новой* системы управления социалистическим хозяйством, выработка новой трудовой дисциплины и т. д. Все это—задачи, рассчитанные на длительный период хозяйственного строительства, рассчитанные на *эпоху*, и законодательство, впервые их выдвинувшее, так именно и ставило вопрос. Ленин характеризовал его впоследствии следующим образом: «У нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют; вся белогвардейская пресса полна насмешек на этот счет; но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему:

---

[9] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, с. 456—458.

[10] Единообразное, но одновременно учитывающее национальные, местные, культурные и т. д. особенности.

вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте. Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов»[11]. Эти представления о политике «в форме декретов» ныне реализованы. «СССР окончательно укрепился на социалистическом пути»—в этом заключается ответ на «вот попробуйте» 1917 и 1918 гг. Есть чудаки, которые считают необходимым отменить законы о национализации 1917—1918 гг. как устаревшие и ненужные. Глубоко ошибочное предложение! Эти законы сейчас не менее, чем когда-либо, жизненны и действенны.

Новая постановка вопроса о кулачестве, переход от политики ограничения к политике ликвидации нашли свое выражение в известном законе от 1/II 1930 г. «О мероприятиях по социалистическому переустройству сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». Этот закон не только оформил развертывающееся широкой волной массовое колхозное движение, но и сам в свою очередь явился цементирующим и организующим это движение фактором. И доныне он—«действующее советское право», несмотря на завершение в основном в решающих районах процесса коллективизации крестьянского хозяйства. Недаром и постановление от 25/VI 1932 г. о революционной законности наряду с устранением фактов «наложения твердых заданий, раскулачивания и т. п., допущенных в нарушение законов советской власти в отношении отдельных колхозников и единоличных крестьянских хозяйств» предлагает «последовательно проводить установленные советскими законами задания и меры в отношении кулацких элементов» (ст. 3).

Наконец декрет от 7/VIII 1932 г. об укреплении общественной (социалистической) собственности является звеном в единой славной цепи законодательства о национализации 1917—1918 гг. и закона 1/II 1930 г. Он реализует политически центральную на данном этапе задачу—организацию отпора кулацким и антиобщественным элементам, новыми методами срывающим социалистическое строительство. Объявляя социалистическую собственность «основой советского строя», он поднимает весь вопрос о социалистической собственности на небывалую еще теоретическую и политическую высоту. Декрет от 7/VIII дает установку для всей теории советского права. Твердое и последовательное проведение этого декрета, т. е. строгое соблюдение в этой области начал революционной законности, становится важнейшей политической задачей, ибо наиболее острые формы классовой борьбы заключаются ныне в борьбе осколков капиталистических элементов против социалистической собственности—основы советского строя.

■

Подойдем с той же точки зрения к нашему основному, формально действующему по сей день, хозяйственному закону—Гражданскому кодексу 1922 г. Каковы его политические установки, каковы его политические исходные пункты?

---

[11] Ленин, т. XXVII, изд. 3, с. 255.

Гражданский кодекс—это акт, изданный, как известно, в самом начале нэпа, целиком уходящий своими корнями в условия и обстановку восстановительного периода. Переход к новой экономической политике означал новую форму союза рабочего класса и крестьянства и вместе с тем радикальное изменение организации всего нашего народного хозяйства. Советская власть переходила к политике, которую Ленин характеризовал как правильную политику пролетариата, строящего социализм в мелкокрестьянской стране, правильную с точки зрения взаимоотношений пролетариата с крестьянством. Надо было на новых рельсах поставить обмен продуктов между городом и деревней, по-новому наладить смычку между социалистической экономикой и миллионами мелких крестьянских хозяйств. Каковы средства для этого?

«В чем план или идея или суть *нэпа?*»—спрашивал Ленин. И отвечал: «а) сохранение земли в руках государства, б) *тоже* все командные высоты в области *средств* производства (*транспорт* и т. д.), в) свобода торговли в области мелкого производства, г) государственный капитализм в смысле привлечения *частного капитала* (и концессии и *смешанные общества*)» [12]. В другом месте Ленин формулирует задачи нэпа следующим образом: «Всячески и во что бы то ни стало развить оборот, не боясь капитализма, ибо рамки для него поставлены у нас (экспроприацией помещиков и буржуазии в экономике, рабоче-крестьянской властью—в политике) достаточно узкие, достаточно «умеренные» [13].

Таким образом, с одной стороны, всячески, всемерно развить оборот, не боясь даже известного роста капитализма, а с другой стороны, поставить рамки и создать условия, которые ограничивают рост капитализма, которые охраняют и гарантируют устойчивость командных социалистических высот и обеспечивают перестройку для нового развернутого социалистического наступления. В этом—двойственность нэпа, подчеркнутая впоследствии в известном выступлении т. Сталина против Бухарина [14]. Содержание Гражданского кодекса 1922 г. соответствует в полной мере двум основным сторонам нэпа. ГК реализует на 100% центральную политическую идею новой экономической политики. С одной стороны, в нем целый ряд институтов, имеющих целью всемерно—развить оборот. Сюда относятся: постановления о гражданской правоспособности, об обязательственном праве, в частности о договорах, о товариществах, об акционерных обществах (последние были рассчитаны, несомненно, на концессионные предприятия и смешанные акционерные общества) и т. д. С другой стороны, в том же ГК ставятся твердые и жесткие рамки развитию частного оборота, создаются условия, гарантирующие развитие хозяйственных отношений по руслу социалистического сектора в первую очередь. Сюда относятся: ст. ст. 1 и 4 ГК, принципиальное разделение собственности на государственную, кооперативную и частную (ст. 52), изъятие из частного оборота основных командных высот

---

[12] Ленин, т. XXVII, изд. 3, с. 338.
[13] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 340.
[14] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, с. 405.

(ст. 22 и сл.), недопустимость распространительного толкования иначе как в интересах государства и трудящихся (ст. 5 Вв. зак.). и др. Вторая струя в ГК—основная. На ее основе разыгрывается весь концерт «гражданских правоотношений», вся гамма «гражданского оборота». В итоге—использование Гражданского кодекса именно как орудия проведения генеральной линии партии на первом этапе нэпа совершенно очевидно.

Вокруг советского ГК кипела острая борьба. Она нашла свое выражение в различных оценках этого документа. Можно наметить четыре важнейших линии или направления, по которым давалась оценка советского ГК.

Была высказана и защищалась в течение ряда лет такая точка зрения, будто издание советского ГК и тот перелом в нашем хозяйственном законодательстве, который связан с переходом к гражданскому обороту,—это своеобразный «спуск на тормозах», показатель того, что революция пошла на ущерб, что от первоначального поступательного движения вперед она повернула к обычному буржуазному экономическому и правовому порядку. Вот что писали в «Праве и жизни» в период подготовки ГК РСФСР: «...Законность как правомерность общественной жизни есть система устроения общественного бытия, эмпирический закон, указывающий исторический путь общественной жизни культурных народов, независимо от экономических форм и политических условий их существования» [15].

Здесь советская, т. е. революционная законность квалифицируется терминами надклассового порядка. И далее: «*Законы* могут быть либеральные и консервативные, полезные и вредные, но *законности* не бывает дурной или хорошей, правой или левой, революционной или реакционной. Революционная законность поэтому юридически так же мало мыслима, как экономически мало мыслим «красный капитал». Есть свои законы, по которым развивается капитализм, равнодушный к окраске и кличке, и есть законность как некоторая правовая ценность, единая в революции, и реставрации; законность как *следование законам*, без которого ни одна регулярная власть в мире—буржуазная или пролетарская—обойтись не может» [16]. Смысл этой точки зрения заключался в показе совершившегося якобы поражения большевиков. Это—сменовеховство в советском праве. И так же, как устряловцы-экономисты, устряловцы-историки и т. д., устряловцы-юристы спешили «помочь» советской власти поскорее сменить «тактику» на «эволюцию» и притти к настоящему, добропорядочному буржуазному правопорядку. В бесчисленных комментариях, курсах и монографиях советское право причесывалось под западно-европейские образцы. Обычный метод научного исследования в работах этого направления—сопоставление буквы советского закона с законодательством «передовых» капиталистических стран. По такому-то вопросу римское право гласит то-то, германский BGB, швейцарский обязательственный закон, кодекс Наполеона—то-то, новейшее чехо-словацкое уложение,

---

[15] «Право и жизнь» № 1, 1922. Передовая «Наши задачи».

[16] Трайнин, О революционной законности, «Право и жизнь», № 1, 1922, с. 6.

мексиканский гражданский кодекс, турецкий и китайский кодексы, новозеландское уложение—то-то, а советский ГК—иначе. Отсюда—«дружеский» совет: отменить такую-то статью, ввести такую-то новеллу, изменить судебную практику в таком-то направлении. Как правило, все советы—в духе максимального развязывания рыночной стихии и коммерческого оборота [17]. Таков один из подходов к советскому гражданскому законодательству.

Вторая точка зрения более оригинальна. Если первая ставила знак равенства между советским и буржуазным гражданским правом, то вторая видела в советском ГК нечто большее, чем обычное буржуазное уложение. Книга Гойхбарга начиналась словами: «Наш Гражданский кодекс не имеет корней в прошлом» [18]. Советский ГК—это не то, что реализовано в буржуазных государствах, но это лучшее, что пока лишь преподносится умственному взору наиболее передовых и просвещенных юристов Запада,—в таком духе толковали «гойхбарсианцы» советское гражданское законодательство. Отсюда—перенесение на отечественную почву модных теорий «социальной функции», «правообязанности», «хозяйственного публичного права» (Дюги, Реннер, Гедеман) и т. д.

На практике некритическое заимствование буржуазных новинок оборачивалось как перевод на юридический язык теорий «гражданского мира», мирной и плавной эволюции к социализму на базе законодательства восстановительного периода. Дух правооппортунистических теорий организованного капитализма и мирного врастания в социализм витал над всеми этими построениями. П. И. Стучка принадлежит заслуга разоблачения советского дюгизма и вскрытия его ярко оппортунистической, буржуазной сущности, хотя и сам П. И. в своих работах допустил целый ряд ошибочных формулировок.

Третья точка зрения во главу угла ставила те стороны советского ГК, где речь шла о частной инициативе, подчеркивала те моменты нашего гражданского законодательства, которые допускали частнохозяйственное предпринимательство. Если для советских дюгистов ГК РСФСР—сплошное «социалистическое плато», то для «леваков» наш ГК, наоборот, от начала до конца буржуазен. «Базой гражданского права вообще, советского гражданского права в том числе, являются отношения частной собственности»,—утверждал Либерман [19]. Отсюда массовая конфискация частной собственности в порядке ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации равносильна ликвидации (именно ликвидации) *советского* гражданского права как *кулацкого*, охраняющего интересы эксплоататорских элементов. Все вещи и понятия поставлены на голову! Борьба с *советским* законом под лозунгом борьбы с кулачеством—что можно придумать более дикое, антипартийное, антисоветское!

Всем этим установкам, искажающим истинное существо советского права, надо противопоставить ленинское понимание советского ГК.

---

[17] См. «труды», печатавшиеся в «Праве и жизни» и в издании НКФ СССР, Вольфа, Вормса, Агаркова, Винавера, Яблочкова, Черепахина и др.

[18] Гойхбарг, Гражданский кодекс РСФСР, изд. 3, М. 1924.

[19] Либерман, Рецензия на работы т. Стучка, «Советская юстиция», № 20, 1931, с. 24.

При рассмотрении проекта Гражданского кодекса на сессии ВЦИК в октябре 1922 г. Ленин высказался о нем таким образом: «Мы и здесь старались соблюсти грани между тем, что является законным удовлетворением любого гражданина, связанным с современным экономическим оборотом, и тем, что представляет собой злоупотребление нэпом, которое во всех государствах легально и которое мы легализовать не хотим»[20]. Здесь дана правильная революционно-диалектическая оценка нашего хозяйственного законодательства восстановительного периода нэпа, подчеркивающая его двойственный характер соответственно двойственной природе нэпа. Аналогичная постановка вопроса дана т. Сталиным на XIV партсъезде в отношении советской торговли и советского кредита. Это—«инструменты буржуазии», но мы заставляем их служить нашим целям в ущерб капитализму и в пользу социализма, а это меняет их природу.

Уразумение действительной сущности нашего Гражданского кодекса есть вместе с тем осознание его неизбежных границ. Сейчас по-новому поставлены все основные политические вопросы: о нэпе, о смычке, о классах, о колхозах и т. д. Рабочий нынче иной, чем в восстановительный период нэпа,—с другими, более высокими требованиями и запросами, с новыми производственными стимулами. Крестьянин-единоличник в основной массе хозяйств уступил место колхознику—прочной опоре советской власти. По-новому стоит вопрос о смычке: новые производственные формы смычки выдвинулись наряду с прежней торговой смычкой. Самая торговля выглядит теперь иначе. Советская торговля на данном этапе—торговля без «частника», без перекупщика и спекулянта. С исключительной остротой поставлены в порядок дня новые организационные задачи по всем линиям советского хозяйственного и культурного строительства. В огромной степени выросло оперативное значение актов социалистического планирования. По-новому решаются сейчас и все важнейшие проблемы хозяйственного права.

В основу регулирования хозяйственных отношений на данном этапе, в новой обстановке хозяйственного строительства нельзя класть Гражданский кодекс 1922 г. в любом, хотя бы обновленном, исправленном и улучшенном издании, будь то «Общесоюзные основы гражданского законодательства» П. И. Стучка или новый проект ГК НКЮ РСФСР. Отдельные частные вопросы хозяйственного права уже поставлены и практически разрешены существенно и принципиально иначе, чем в ГК 1922 г. Движение вспять невозможно, ненужно и всякая попытка в этом духе заранее обречена на неудачу. По-новому стоит вопрос о собственности. Об этом мы говорили выше. По-новому решается и в значительной мере урегулирован уже ведомственным законодательством и практикой вопрос об участниках хозяйственного оборота (о лицах). Нет места для абстрактной гражданской правоспособности, одинаковой для любого «субъекта права»: государственной хозяйственной организации, кооператива, колхоза, трудящегося-единоличника и т. д. Появились новые «лица»: предприятие (завод, совхоз, стройка, торговая база) как самостоя-

[20] Ленин, т. XXVII, изд. 2, с. 319.

тельный носитель имущественных прав, артель как основная на данном этапе форма колхозного движения. Эти новые лица стоят в центре внимания действующего ныне советского хозяйственного права. По-новому регулируются договорные отношения. Появились новые виды и типы договоров, неизвестные Гражданскому кодексу. Особую остроту приобрели вопросы, либо неизвестные совершенно ГК (например, о схеме договорных отношений, о влиянии актов планирования на силу договоров), или второстепенные для ГК (о санкциях, о качестве). Наоборот, совершенно «не гласят» целые разделы договорного права по ГК.

По-новому стоит также вопрос о хозяйственном суде. Ведущим типом судебных органов в области рассмотрения имущественных споров стали органы госарбитража. По госарбитражу должна равняться и система общих судов [21]. Госарбитраж—хозяйственный суд периода завершения построения фундамента социалистической экономики и второй пятилетки. Это—суд, ибо методы его работы заключаются в использовании государственного принуждения для поддержания хозрасчетной и договорной дисциплины. Он принудительно воспитывает хозорганы к дисциплине[22]. Но в методах его работы, в организации и в принципах, которые он кладет в основу принимаемых решений, есть целый ряд новых элементов, вызванных к жизни новой обстановкой хозяйственного строительства и полной победой социализма,—элементов, делающих госарбитраж одним из органов управления хозяйством специфическими методами борьбы за хозрасчет и договорную дисциплину.

Наконец по-новому поставлен жизнью и вопрос о хозяйственном законодательстве. Гражданский кодекс 1922 г. устарел. Но значит ли это, что вообще не должно быть единого кодекса регулирования хозяйством,—кодекса, соответствующего новым условиям периода завершения построения фундамента социалистической экономики? Ни в коей мере. Наше действующее хозяйственное законодательство находится в хаотическом состоянии. В нем наслоение целого ряда этапов, огромное количество актов, формально «действующих» и фактически давно мертвых, масса актов, внутренне несогласованных друг с другом и противоречащих друг другу. Состояние нашего действующего хозяйственного законодательства таково, что сплошь и рядом его использование как рычага революционной законности становится затруднительным. На сложности, путанице, неупорядоченности нашего хозяйственного законодательства спекулируют волокитчики, сутяжники, формалисты и крючкотворы. Лучшее средство

---

[21] См. по этому вопросу Крыленко, Судебная система и госарбитраж. «Сов. государство», № 7/8, 1932.

[22] См. Ленин, Суд есть орудие воспитания к дисциплине (т. XXII, изд. 3, с. 461). Ср. Шмидт, Доклад на 1 всесоюзном совещании арбитров: ...«Если бы мы подходили формально ко всяким претензиям, то не достигли бы той внутренней дисциплины, какую мы на сегодняшний день имеем, и того влияния, которое мы можем оказывать на хозяйственников» («Бюллетень Госарбитража», № 7, 1932, с. 7). Ср. выступление т. Брюханова: «Мы в арбитражной работе НКСнаба целиком и полностью стремимся проводить... мотивированность решений, их воспитывающее, если угодно, выправляющее работу хозорганов и руководящих ячеек наркоматов значение (там же, с. 18).

выбить у них почву из-под ног—пересмотреть, обновить, объединить советские хозяйственные законы. Нельзя быть одновременно и против старых юристов-формалистов-догматиков и против обновления и кодификации советского хозяйственного законодательства. По Ленину, советские декреты—«это призыв к массам, призыв их к практическому делу. *Декреты—это инструкции, зовущие к массовому практическому делу*»[23]. Мы должны вложить в руки нашего рабочего, хозяйственника, судьи, арбитра закон, который мог бы действительно играть роль инструкции, «зовущей к массовому практическому делу». Для этого он должен быть сравнительно невелик, прост, легко воспринимаем. А то хорош «призыв к массам» в виде 10 000 законов, регулирующих вопросы труда, или нескольких десятков ведомственных приказов о договорной дисциплине! Задача издания нового советского хозяйственного кодекса выдвигается сейчас как важнейшая политическая задача, связанная с важнейшими политическими вопросами данного этапа. Эта задача при всей ее сложности и трудности должна быть решена и будет решена.

---

[23] Ленин, т. XXIV, изд. 3, с. 166.

К ВОПРОСУ О ХОЗЯЙСТВЕННОМ КОДЕКСЕ СССР[1]

Л. ГИНЦБУРГ

Нужен или не нужен хозяйственный кодекс СССР? Стоит ли, имеет ли смысл сейчас приступить к работе по составлению такого кодекса? Если да, то каков должен быть характер этого акта, на какие вопросы он должен ответить, на каких принципах он должен базироваться?

Мы остановимся на четырех вопросах: 1) о состоянии действующего хозяйственного законодательства СССР и о практической необходимости его кодификации, 2) о принципах, на которых должна базироваться эта кодификация, 3) о наметке системы нового кодекса, 4) о пределах его действия.

■

Январский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) дополнил лозунг нового строительства лозунгом *освоения* новых предприятий и новой техники, созданной в период первой пятилетки. На первый план выдвинуты вопросы всемерного повышения качества продукции, качества работы. Что значит поднять качество работы? В первую очередь это значит: организовать производство, организовать труд, расставить людей, организовать управление. Это значит поднять на большую высоту организационные вопросы. Тт. Сталин и Молотов на январском пленуме ЦК подчеркнули исключительное значение организационных вопросов на данном этапе. Эта мысль прошла красной нитью через целый ряд выступлений на пленуме. Вопросам организации хозяйственного управления посвящен ряд важнейших политических документов последнего времени: постановления ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР об угольной промышленности Донбасса, о ж.-д. транспорте и др. Отсюда—в частности—вытекает исключительное значение, которое должно быть придано сейчас вопросам хозяйственного законодательства.

«Закон есть мера политическая»[2]—говорил Ленин. Советское хозяйственное законодательство,—важнейшее орудие политики пролетарского государства, с помощью которого пролетариат строит бесклассовое социалистическое общество, выкорчевывает остатки капитализма из экономики страны и *организует управление социа-*

---

[1] Обработанная стенограмма доклада, сделанного на заседании комиссии по Хозяйственному кодексу ИССП, Госарбитража СССР и НКЮ РСФСР 3 июня 1933 г.

[2] Ленин, т. XIX, с. 212.

листическим хозяйством. Буржуазное гражданское законодательство, т. е. законодательство общественного строя, который ставит принципиальные границы сознательному, активному и непосредственному воздействию государства (и следовательно закона) на экономику, в основе которого лежат стихийные закономерности—даже оно имеет несомненно *организационное* значение. Буржуазный гражданский кодекс—это как бы *устав* своеобразной «компании на паях», какой является капиталистическое общество [3]. Это—организационное выражение всеобщей анархии, царящей в капиталистическом обществе. Буржуазный гражданский кодекс опосредствует капиталистический «общественный обмен веществ», выступая в качестве орудия капиталистической эксплоатации и капиталистической конкуренции.

Иной является роль закона в условиях пролетарской диктатуры[4]. Параллельно процессу, в силу которого «действительный индивидуальный человек» воспринимает «в себе абстрактного гражданина государства и как индивидуальный человек» становится «родовым существом в своей эмпирической жизни», по мере того как он («индивидуальный человек») перестает «отделять от себя общественные силы в виде политической силы»[5]—уничтожается исконная для буржуазного общественного строя противоположность между государством и «гражданским обществом»[6] («совокупностью отношений материальной жизни»).

«Мы ничего «частного» не признаем,—писал Ленин,—для нас *все* в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное. Мы допускаем капитализм только государства... Отсюда расширить применение государственного вмешательства в «частно-правовые» отношения, расширить право государства, отменять «частные» договоры, применять не corpus juris romani к «гражданским правоотношениям», а наше *революционное правосознание*» [7]. Переход власти в руки рабочего класса открывает совершенно неслыханные перспективы по сознательному и планомерному переустройству экономики страны. Все объективные данные и возможности для этого отныне налицо. Почему? Потому, что «власть в наших руках, в руках рабочего класса, потому, что мы ведем плановое хозяйство, планомерно накопляем ресурсы и правильно распределяем их по отраслям народного хозяйства» [8]. Пролетарская диктатура, пуская в ход все свои многооб-

---

[3] См. Тьер, О собственности. Л., 1871, с. 292: «Что такое общество, если не компания, в которой каждый владеет большим или меньшим числом акций». См. также Стучка, Курс советского гражданского права, изд. 1, т. I, с. 44: «Буржуазный гражданский кодекс представляет собою не что иное, как устав буржуазного общества... Это—устав общества частных собственников, обозначая словом «собственник» всех лиц, имеющих право иметь собственность. Эта мысль является основною предпосылкой верного понимания буржуазного гражданского права»... См. также Маркс и Энгельс, Святое семейство, Соч. т. III, с. 145.

[4] Эта роль и больше и качественно иная.

[5] Маркс, К еврейскому вопросу, т. I, с. 392.

[6] Маркс, К критике политической экономии. М., 1932, с. 45.

[7] Ленин, т. XXIX, с. 419.

[8] Сталин, О задачах хозяйственников. «Вопросы ленинизма», 1932, с. 580.

разные рычаги (а одним из важнейших из них является хозяйственное законодательство) превращает «Россию нэповскую» в «Россию социалистическую». На место буржуазного лозунга «laisser fair, laisser passer» ставится другой диаметрально противоположный: «Вмешиваться во все»[9]. Хозяйственник, директор завода—«вмешивайся во все дела, вникай во все, не упускай ничего, учись и еще раз учись»[10]. Передовой пролетарий—коммунар в деревне—возглавь колхозное движение, сделай колхозы большевистскими, наладь доподлинное руководство колхозами. «Ибо мы стоим у власти, мы располагаем средствами государства, мы призваны руководить колхозами и мы должны нести всю полноту ответственности за работу в деревне»[11]. Рабочий класс в целом —возглавь развернутое социалистическое наступление по всему фронту, мобилизуй активность, инициативу и энтузиазм миллионных масс трудящихся, используй всю мощь пролетарской диктатуры на борьбу с остатками капиталистических элементов, за укрепление социалистической собственности—основы нового общественного строя, за дальнейшее развертывание социалистического хозяйства.

Так ныне ставится вопрос, и такая постановка вопроса требует усиленного внимания к вопросам хозяйственного законодательства. Чем значительнее успехи пролетарской диктатуры на пути внедрения и укрепления социалистических форм хозяйства и выкорчевывания остатков капиталистических элементов, тем большую роль играют вопросы *качества* советского хозяйственного закона, его надлежащего использования и применения. Укрепление общественной (социалистической) собственности, социалистическое планирование, хозрасчет, единоначалие и договорная дисциплина—это основные рычаги хозяйственного руководства. Вокруг этих же вопросов концентрируется все действующее советское хозяйственное законодательство. Общественная (социалистическая) собственность—«основная забота» революционной законности на данном этапе. План, хозрасчет и договор—все это «элементы единой большевистской хозяйственной политики»[12], раскрытие содержания которых составляет задачу важнейших законодательных актов последних лет и сегодняшнего дня. Последовательное проведение, внедрение и укрепление этих принципов в практику хозяйственного строительства—важнейший участок всего фронта революционной законности. Так проблемы советского хозяйственного законодательства неразрывно увязываются с важнейшими политическими лозунгами второй пятилетки.

Не представляет больших трудностей с точки зрения принципиальной доказать необходимость *пересмотра и обновления* советского хозяйственного законодательства именно теперь, на данном этапе. Если закон—орудие и рычаг хозяйственного строительства, то коренное изменение хозяйственной обстановки, радикальное изме-

---

9 Там же, с. 585.

10 Там же.

11 Сталин, О работе в деревне. М., 1933, с. 15.

12 Молотов, Задачи первого года второй пятилетки. Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК. М., 1933, с. 30.

нение хозяйственных задач, новая расстановка сил классов в стране требуют и обновления закона. Это очевидно. А то, что коренное изменение хозяйственной обстановки по сравнению с периодом, когда были изданы наши основные крупнейшие акты по хозяйственному праву, произошло, что налицо радикальное изменение хозяйственных задач, что резко изменилась расстановка классов— в этом не может быть сомнений. Успешное выполнение первой пятилетки означает обновление всего хозяйственного облика страны. СССР «превратился в мощную индустриальную страну и выдвинулся в первые ряды наиболее развитых в технико-экономическом отношении стран». «Решена историческая задача перевода мелкого индивидуального раздробленного крестьянского хозяйства на рельсы социалистического крупного земледелия, и СССР из страны мелкокрестьянской превратился в страну самого крупного земледелия». В итоге налицо «абсолютное преобладание социалистических элементов в народном хозяйстве» (решения январского пленума ЦК и ЦКК). Новое в расстановке сил классов заключается в полном вытеснении капиталистических элементов из промышленности, в искоренении перекупщиков-спекулянтов в торговле, в «разгроме кулачества»—последнего капиталистического класса в стране, в окончательном укреплении колхозного строя, в обострении борьбы ликвидируемых и разбитых остатков капиталистических классов и антиобщественных элементов против общественной собственности— основы советского строя, в применении ими новых форм борьбы и т. д. Новое в задачах хозяйственного строительства—в выдвижении на первый план проблем освоения производственного аппарата, созданного в течение первой пятилетки, овладения техникой, организационно-хозяйственного укрепления совхозов и колхозов. Отсюда—лозунги партии об организации большевистского руководства колхозами, борьба за искоренение бюрократическо-канцелярских методов руководства в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 апреля 1933 г. об угольной промышленности Донбасса), курс на всемерное развертывание советской торговли и наконец—*новая постановка вопроса о революционной законности*, «основная забота» которой ныне заключается «в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом» (Сталин).

Партия не в первый раз заостряет внимание рабочего класса и всех трудящихся СССР на революционной законности. В 1921—1922 г., в первый год нэпа проблема революционной законности была поставлена во весь ее принципиальный рост в ряде документов партии и правительства и в известном письме Ленина к Сталину. «Законность должна быть одна», писал Ленин. «Законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации советских республик»[13]. Но единообразие в соблюдении и применении закона возможно лишь при условии, если имеются четкие и доступные *законы*, которые должны применяться, соблюдаться и осуществляться.

[13] Ленин, т. XXVII, с. 298.

Поэтому курс на твердое проведение начал революционной законности означал одновременно приступ к большой кодификационной работе по всем областям хозяйственного и советского строительства. В течение 1922—1923 гг. были разработаны и изданы земельный, трудовой, гражданский, уголовный и ряд других кодексов, декрет о трестах, устав железных дорог—следовательно целая серия крупнейших актов (в частности по хозяйственному праву), многие из которых формально действуют (с рядом изменений конечно) и на сегодняшний день. В этих законодательных актах были подведены итоги завоеваниям Октября и победоносному окончанию гражданской войны 1918—1921 гг.

Сейчас партия снова считает нужным с особой силой подчеркнуть значение революционной законности. Означает ли это возвращение в какой бы то ни было мере и в чем-нибудь вспять на десять лет назад? Конечно, нет! Революционная законность наполняется *новым* содержанием, она призвана ныне охранять и укреплять другие отношения, она ставится на службу *новым* заданиям, самая возможность постановки которых свидетельствует о колоссальных успехах социалистического строительства за истекшее десятилетие. Однако хотя и с иным содержанием (в соответствии с другой полосой хозяйственно-политического развития Советского союза), но законы *нужны*, и это должны быть именно *новые* и притом развернутые и систематизированные законодательные акты, призванные заменить устаревшие кодексы прошлых лет. Перед нами документы: постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о революционной законности 25/VI 1932 г., постановление ЦИК и СНК СССР от 20/VI 1933 г. об учреждении прокуратуры СССР, доклад т. Сталина на январском пленуме ЦК и ЦКК, речи т. Молотова на съезде инженерно-технических работников, на январском пленуме ЦК и ЦКК, на III сессии ЦИК СССР. За этими документами должна последовать серьезнейшая законодательная работа. Новые кодексы второй пятилетки должны подытожить результаты победоносного развернутого социалистического наступления за первую пятилетку и формулировать твердые организационные основания хозяйственного строительства Советского союза на следующие годы. Это касается всех областей советского права и в первую очередь хозяйственного.

Посмотрим под этим углом зрения на действующее советское хозяйственное законодательство. Как оно выглядит, как оно справляется с огромнейшими и ответственнейшими задачами, поставленными перед ним партией и рабочим классом?

В основном, конечно, действующее советское хозяйственное законодательство отвечает тем строгим требованиям, которые ставит перед ним социалистическое строительство. Иначе и быть не может, поскольку в нем находят свое осуществление директивы партии, поскольку советский хозяйственный закон—это реализация генеральной линии партии в практике хозяйственного руководства через государственный аппарат пролетарской диктатуры. Отсюда и характерные черты советского хозяйственного законодательства последнего времени. Прежде всего его особо оперативный и действен-

ный характер. Такие законы, как постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по организации весеннего сева на Северном Кавказе» от 23/I 1933 г.[14] или «О ремонте тракторов и весенней посевной кампании» от 19/I 1933 г.[15] — являются типичными для последнего времени. Они сильны, точны, оперативны. Каждый из них — образец подлинно конкретного, хозяйственного руководства. Оба акта почти не содержат норм общего порядка, в них нет совсем «общих отвлеченных директив». Каждая статья декретирует совершенно конкретное хозяйственное мероприятие. И вместе с тем оба акта глубоко принципиальны и дают богатейший материал для заключений, далеко выходящих за рамки буквального текста обоих постановлений[16].

И вторая черта, характеризующая действующее советское хозяйственное законодательство — его внутренняя согласованность, целостность и одновременно серьезнейшая и коренная *новизна* по сравнению с аналогичными актами предшествующих лет нэпа. На августовском пленуме МК 1932 г. т. Каганович указал, что такие законы, как о революционной законности, о колхозной торговле, о борьбе со спекуляцией, об охране и укреплении общественной (социалистической) собственности, представляют собой некое единое целое, внутренне связанное и согласованное[17]. Вместе с тем все эти акты противостоят законам первого периода нэпа, дают тем же вопросам *новое* решение. Революционная законность первого периода нэпа своим острием была направлена против «крайностей» военного коммунизма; революционная законность нынешнего времени основной своей задачей имеет охрану общественной собственности. Законы о торговле первого периода нэпа и Гражданский кодекс легализовали частный оборот и допускали в известных рамках развитие капиталистических элементов. Законы о колхозной торговле и о борьбе со спекуляцией, изданные в 1932 г., направлены к недопущению и искоренению частника и спекулянта. Внешне эта радикальная и коренная новизна действующего законодательства выражается в том, что законы 1931—1933 гг. как бы забывают, что они издаются не на чистом месте, а взамен каких-то других, в свое время изданных, часто формально до сих пор не отмененных, но по существу уже себя изживших. Этим создается путаница в законодательстве. Ибо законы

---

[14] СЗ, 1933, № 4, ст. 26.

[15] СЗ, 1933, № 5, ст. 30.

[16] Такое безусловно общее значение с точки зрения народного хозяйства имеют постановления об ответственности за порчу полей и за срыв посевкампании как за расхищение общественной (социалистической) собственности, о невключении недодела по IV кварталу 1932 г. в план выпуска запчастей в I квартале 1933 г., о привлечении к судебной ответственности за невыполнение планового задания и многие другие.

[17] См. Каганович, Боевые задачи Московской партийной организации по подъему сельского хозяйства и укреплению колхозов. М., 1932, с. 29: «Мы имеем за последние 2—3 месяца полтора десятка важнейших решений ЦК нашей партии и высших правительственных органов. Между прочим было бы полезно издать все эти решения одной книжкой, с тем, чтобы каждый член партии смог изучать их и уметь связать их друг с другом. А уметь найти связь между всеми этими решениями, найти то общее, что их объединяет — чрезвычайно важно».

1931—1933 гг. как бы игнорируют старые законы, не считают даже нужным оговорить, в какой части они их отменяют, в какой изменяют и дополняют. Так например до сих пор не отменена одна из принципиальных статей ГК РСФСР, ст. 5, предоставляющая право «каждому гражданину РСФСР и союзных советских республик... организовывать торговые и промышленные предприятия с соблюдением всех постановлений, регулирующих промышленную и торговую деятельность и охраняющих применение труда». Ст. 5 ГК формально «действует», хотя законы о колхозной торговле и закон 22/VIII 1932 г. «О борьбе со спекуляцией» предлагают «не допускать открытие магазинов и лавок частными торговцами и всячески искоренять перекупщиков и спекулянтов, пытающихся нажиться за счет рабочих и крестьян». Налицо явная неувязка в законодательстве. Но действенность и сила закона о борьбе со спекуляцией от 22/VIII 1932 г. ни мало не умаляется тем, что законодатель «забыл» изменить старую, пережившую себя ст. 5 ГК. Законодательство о договорах 1931—1933 гг. находится также в резком противоречии с разделом об «обязательствах, возникающих из договоров» ГК. Такие, например, актуальные вопросы, как о моменте перехода права собственности или об ответственности за недостатки, решаются им иначе, чем в ГК, однако соответствующие статьи ГК формально сохраняют свою силу [18]. Подобные примеры можно было бы множить до бесконечности. В чем источник этих невязок? Конечно, в том, что всякое постановление советского правительства, директива и закон ориентируются в первую очередь на достижение определенного практического результата в той или иной области государственного строительства или хозяйственной политики, а не на соблюдение традиционных юридических канонов и заповедей. При общих небывало быстрых темпах политического и хозяйственного роста Советского союза, при характерной для советской системы неизвестной буржуазным странам «быстроте законодательства»—понятны погрешности вроде указанных выше. Они симптоматичны, ибо лишний раз подчеркивают неразрывную связь советского хозяйственного закона с актуальнейшими политическими проблемами текущего момента.

Итак, хотя советское хозяйственное законодательство проводит генеральную линию партии в области хозяйственной политики, однако в нем имеется огромное количество недочетов и недостатков специфического порядка. Здесь мы имеем дело не просто с партийной директивой, а с реализацией партийной директивы через государственный аппарат, с *законом* советского *государства*, аппарат которого страдает до настоящего времени «бюрократическими извращениями». Устранить специфические для советского закона—именно как *закона*—недочеты и дефекты могут советские

---

[18] О моменте перехода права собственности ср. ст. 1 Постановления СНК СССР о мерах улучшения практики кредитной реформы от 14/I 1931 г. (СЗ, 1931, № 4, ст. 52) и ст. 2 Постановления СНК СССР об ответственном хранении покупателем неоплаченных грузов от 17/VIII 1931 г. (СЗ, 1931, № 53, ст. 343), с одной стороны, и ст. ст. 66 и 67 ГК—с другой; об ответственности за недостатки—инструкцию Госарбитража СССР от 28/VII 1932 г. (Бюллетень Госарбитража, 1932 г., № 8) и ст.ст. 195—199 ГК.

юристы. Это их задача, притом достаточно серьезная и практически неотложная. Примеры «невязок», приведенные выше—лишь капля в море. Их несть числа. Притом самым неверным было бы сложить руки и считать их неизбежными. Еще хуже было бы «оправдывать» их, превращая «нужду» в «добродетель». Напротив, надо бороться всеми силами, средствами и аргументами за упорядочение, за рационализацию советского закона, памятуя о том, что советский закон адресуется к миллионам, что им пользуются тысячи, что каждый советский закон должен быть «инструкцией к массовому действию».

Первый из серьезнейших упреков, который должен быть адресован к советскому хозяйственному законодательству—это упрек в *сложности*, а через это иногда и малодоступности. Изучение многих из серьезных вопросов советского хозяйственного права требует погружения в огромную массу источников: законов, приказов, циркуляров, инструкций. Конечно, не только основанное на прецедентах буржуазное гражданское и торговое право англо-саксонских стран (Англия и Америка), но и германское право с его 2385 параграфами BGB и 905 параграфами HGB неизмеримо сложнее, чем советское, даже в наиболее его запутанных разделах. Но не на буржуазное же право нам равняться. Советское законодательство должно ориентироваться и ориентируется на трудящиеся массы. А если учесть эту его внутреннюю социальную установку, наши упреки оказываются справедливыми.

Возьмем тот же вопрос о регулировании договорных отношений. Всякий, желающий ознакомиться с советским договорным правом, естественно, обратится в первую очередь к Гражданскому кодексу, в котором этот вопрос разработан наиболее детальным образом. Но он жестоко разочаруется. В Гражданском кодексе, который ежегодно вплоть до 1933 г. обновляется, изменяется и дополняется, нет и намека на наиболее актуальные вопросы регулирования договоров на данном этапе, вопросы, волнующие массу хозяйственников. Там нет даже упоминания о таких, например, вопросах как о схеме договорных отношений, о форме договоров (генеральные, локальные, прямые), об обязательности соответствия договоров утвержденным правительством планам, о твердых ценах, о санкциях, как об одном из непременных элементов хозяйственного договора, о диференциации санкций, о принципе реальности исполнения и т. д. Целый ряд формулировок ГК сейчас просто режет ухо. Таковы, например, формулировки о праве одной стороны «отступиться от договора» при неисполнении его другой (ст. 145 ГК), о задатке (ст. 143 ГК) и многие другие. Однако неправильно было бы просто забыть о ГК. Не случайно в практике арбитражных органов проскальзывает иногда ссылка на тот или иной институт по ГК [19]. И законодатель как будто запрещает полностью его игнорировать. 7/IV 1932 г. был издан союзный закон о сокращенных сроках давности. 1/VI 1932 г. последовало изменение

---

[19] См. напр. решения Госарбитража СССР, опубликованные в Бюллетене Госарбитража за 1931 г., № 3, с. 8—9 (о солидарной ответственности) за 1932 г., № 2, с. 17 (о смешанной ответственности).

ст. 44 ГК о давности. Тов. Крыленко, докладывая на III сессии ВЦИК об изменениях кодексов, подлежащих утверждению сессии, специально остановился и на Гражданском кодексе. «Гражданский кодекс у нас,—сказал т. Крыленко,—на 60% «не гласит» [20] и в этой части ГК—мертвый закон. Ну а остальные 40%? Где пролегает граница между 60% и 40%? Что из ГК относится к первым 60% и, что ко вторым 40%? Где критерий разграничения живого и мертвого? В частности, раздел о договорах. Очевидно что и из этой части что-то попадает в живые 40%? Просто откинуть ГК, как видно, нельзя, хотя с другой стороны и небезопасно им руководствоваться.

Лицо, изучающее советское договорное право, вынуждено будет обратиться к позднейшим законодательным актам. Оно столкнется с целым рядом законов о генеральных договорах, изданных в 1929 и 1930 гг. Это—плоды длительной работы специальной правительственной комиссии, изучавшей вопросы организации советского товарооборота: закон о генеральных договорах госпромышленности и кооперации 3/VII 1929 г. [21], закон о взаимоотношениях потребкооперации с госпромышленностью 26/VIII 1930 г., специальные законы о гендоговорах промышленности с промкооперацией и системой местных торгов и т. д. В этих актах, а особенно в первом из них, т. е. законе от 3/VII 1929 г., имеется ряд принципиальных положений, не утративших значения до настоящего времени (о потребкооперации как единой системе, о плановом сбыте промышленной продукции, о двухзвенности системы договорных отношений, гендоговоры и договоры исполнения—иначе локальные) и т. д. Однако в целом и эти акты не могут быть признаны действующим советским договорным правом: они имеют в виду систему организации товаропродвижения, ныне полностью отмененную и уступившую место новой. Государственный и кооперативный товаропроводящий аппараты организованы сейчас иначе: другие звенья выступают в качестве участников системы договорных отношений, а порядок планирования товарооборота так изменился, что практическое использование всех этих сравнительно недавних и формально «действующих» законов почти невозможно.

Наконец, законы сегодняшнего дня: это—постановления ЦИК и СНК СССР от 18/II 1931 г. об ответственности за невыполнение заказов и поставок по договорам для обобществленного сектора, постановление СНК СССР от 3/I 1933 г. о заключении договоров на 1933 г., постановление СНК СССР от 3/II 1933 г. о том же, постановления СНК СССР от 27/I 1933 г. и от 23/III 1933 г. о заключении договоров на строительные работы, постановление СТО от 5/III 1933 г. о ходе заключения договоров. Ни один из этих законов нельзя игнорировать. Но ими действующее советское законодательство о договорах не исчерпывается. К этим общесоюзным законам надо добавить изданные в их развитие республиканские законы, а также ряд специальных законов, посвященных регулированию до-

---

[20] См. Крыленко, Доклад на III сессии ВЦИК XV созыва, Бюллетень сессии, № 16, с. 10. М., 1933.

[21] СЗ, 1929, № 45, ст. 394.

говорных отношений в отдельных отраслях народного хозяйства (один из важнейших таких специальных законов—примерный договор МТС с колхозами от 5/II 1933 г.), инструкции и циркуляры Госарбитража СССР, приказы и инструкции хозяйственных наркоматов. Основные общесоюзные законы слишком общи; они устанавливают лишь наиболее общие принципы регулирования договорных отношений. Все остальное,—а этого остального достаточно много, причем здесь речь идет иногда о практически чрезвычайно важных вопросах—регламентируется в порядке наркоматского нормотворчества или в порядке указаний и практики арбитражных органов. Надо отметить, впрочем, что в 1933 г. сделан определенный сдвиг в *законодательном* регулировании договорных отношений. Директивой для договорной кампании 1931 г. явился короткий двухстатейный закон от 18/II 1931 г. Он выставил один лишь принцип обязательности заключения договоров и установил дисциплинарную и уголовную санкцию за неисполнение их. В связи с договорной кампанией 1932 г. было издано уже несколько законодательных актов, причем отдельные вопросы договорного права (в частности вопрос об освобождении от ответственности за неисполнение и о расторжении договоров) были разрешены в законах 1932 г. довольно подробно. Наконец, постановление СНК СССР от 3/I 1933 г. о договорной кампании на 1933 г. дает уже целую систему основных понятий советского договорного права (порядок заключения договоров, формы договоров, основные элементы договоров, порядок расторжения договоров, порядок решения споров по ним). Следовательно принципиально признано допустимым и целесообразным регулирование именно в *законодательном*, а не в ведомственном порядке (как это было в 1931 и 1932 гг.) важнейших вопросов договорного права.

Однако перечень вопросов, возникающих в связи с заключением и исполнением договоров, на которые дает ответ закон 3/I 1933 г., крайне ограниченный. За бортом остается огромное количество вопросов. Делается понятным, в связи с этим, появление многочисленных разъяснений и инструкций Госарбитража [22] и ведомственных приказов. В 1933 г. по одним союзным хозяйственным наркоматам и кооперативным центрам издано до полутора десятка приказов о договорах: по НКТяжпрому, НКЛегпрому, НКСнабу, НКВнешторгу, НКВоду, НКСовхозов, Центросоюзу и т. д. Некоторые из приказов представляют собой довольно развернутые «кодексики» договорного права. Такой же примерно характер имел в 1931 г. известный приказ ВСНХ № 850 от 18/XII 1931 г. [23], в 1933 г.—приказы по НКСнабу,

---

[22] См. например: Инструктивное письмо Госарбитража при СНК СССР от 22/VII 1932 г. «О подведомственности дел органам Госарбитража». Бюллетень Госарбитража СССР за 1932 г. № 8, с. 39, Инструкция Госарбитража СССР от 28/VII 1932 г. о порядке и сроках предъявления претензий за ненадлежащее качество товаров, там же, с. 41. Циркуляр о порядке выдачи приказов по делам, разрешенным ведомственными арбитражами—Бюллетень Госарбитража за 1932 г. № 9/10, с. 48. Директивное письмо от 9/II 1933 г. о наблюдении за ходом заключения договоров. Бюллетень Госарбитража за 1933 г., № 2/3.

[23] См. Сборник приказов и постановлений по ВСНХ СССР за 1931 г., № 54.

НКТяжпрому и НКЛегпрому [24]. За приказами, как правило, следуют инструкции и разъяснения. Так например, по НКЛегпрому СССР помимо развернутого приказа № 6 от 7/I 1933 г. издана инструкция специально по вопросу о структуре договорных отношений, примерная схема санкций (размер пеней и неустоек) и целый ряд директивных писем совместно с Главторгом НКСнаба и Центросоюзом. От союзных наркоматов не отстают республиканские, дополняющие и конкретизирующие приказы союзных ведомств, и т. д. и т. п. В итоге—лавина законов, в которой становится в конце концов трудно разобраться не только рабочему или хозяйственнику, но и специалисту-юристу!

Так дело обстоит с законодательством о договорах. Ряд других разделов советского хозяйственного законодательства отличается еще большей сложностью и запутанностью. Особенно сложно и трудно усваивается строительное законодательство. Здесь—на непосвященный взгляд—совершенно хаотическое нагромождение бесчисленных законов (некоторые из них стоят хорошего кодекса, как например постановление СНК СССР от 26/XII 1929 г. «О мерах к оздоровлению строительства» или постановление НКТП от 3/VIII 1932 г. об организации проектирования—своего рода научный трактат в форме ведомственного приказа). Наряду с постановлениями правительства Союза и правительств союзных республик обширное нормотворчество в этой области развивают Госплан СССР и все хозяйственные наркоматы СССР и союзных республик. По компетентному свидетельству т. Романова (арбитра при СНК СССР, ведающего строительными делами) «имеющиеся законодательные и ведомственные постановления (а в области строительства нормы издавались больше чем десятью учреждениями) не согласованы между собою и, кроме того, по своей многочисленности и разбросанности они не могут быть усвоены и приняты к руководству хозяйственниками и прорабами, непосредственно выполняющими строительство» [25].

Итак, двух мнений быть не может. Советское хозяйственное законодательство исключительно сложно и запутано. Отсюда целый ряд других его отрицательных качеств, затрудняющих надлежащее, т. е. быстрое и оперативное использование. Прежде всего—многочисленные *противоречия и коллизии* между законами союзными и республиканскими, между постановлениями правительства и ведомств, между постановлениями различных ведомств по одному и тому же вопросу и наконец между различными постановлениями в пределах одного и того же ведомства. Классический, ныне до известной степени устаревший и практически мало актуальный пример—коллизия между законами РСФСР и УССР о комиссии [26]. Пара свежих примеров. 3/I 1933 г. правительство Союза постановляет считать

---

[24] См. Бюлл. фин. и хоз. законодательства за 1933 г., № 3, с. 10, 19, 33.

[25] См. Романов, Практика Госарбитража по разрешению споров, вытекающих из строительных договоров. Бюлл. Госарбитража за 1933 г., № 2/3, с. 14—18.

[26] См. об этом у Кобленца, Договор комиссии. Научный комментарий ГК. М., 1929.

генеральные договоры *обязательной* формой договорных отношений по производственному снабжению. Заключение *прямых* договоров допускается лишь при поставке индивидуального оборудования, при наличии постоянной производственной связи между предприятием-поставщиком и потребителем, и в случаях, предусмотренных специальными законами. 23 же января один из хозяйственных наркоматов—НКТП—приказывает организовать снабжение целого ряда металлургических, машиностроительных и химических заводов нефтетопливом, а нефтепромыслов оборудованием и металлом в порядке *прямых* договоров, явно отступая этим от совершенно недвусмысленных предписаний закона 3/I 1333 г.[27]. Приказ НКСнаба о договорной кампании от 5/I 1933 г. идет в этом вопросе еще дальше, декретируя прямые договоры для всей нефондируемой продукции [28]. Тот же закон 3/I 1933 г. допускает расторжение или изменение договоров между хозорганами различных ведомств лишь по постановлению СТО, а договоров между хозорганами одного и того же ведомства—лишь по постановлению коллегии наркомата. Приказом НКТП от 16/III 1933 г. объединению Союзхимсбыт предоставлено право изменять договоры, заключенные хозорганами и предприятиями химической промышленности [29]. Согласно закону 3/I 1933 г., «договоры, заключенные с нарушением установленных цен, недействительны и лица, их подписавшие, подлежат ответственности, как за должностное преступление». По позднейшему постановлению СТО от 5/III 1933 г. такие договоры отнюдь не недействительны в целом, они сохраняют свою силу и лишь в соответствующих пунктах, нарушающих директивы правительства о ценах, подлежат изменению по решению органов государственного и ведомственного арбитража.

Таковы примеры противоречий в действующем хозяйственном законодательстве.

Запутанность законодательства способствует появлению на свет законов, изданных с нарушением компетенции органов, от имени которых они исходят, т. е. по существу «незаконных». Так в порядке инструкции НКЛегпрома СССР введена в хозяйственный оборот новая фигура, создана новая организационно-правовая форма—*торговая база*, имеющая собственные оборотные средства, самостоятельный расчетный счет в банке и отвечающая по своим долгам и обязательствам лишь в пределах выделенных по промфинплану средств и имущества [30]. Изданием такой инструкции НКЛегпром явно превысил свои полномочия. Постановлением президиума Центросоюза неоднократно менялся размер пая в потребкооперации, хотя по основному и действующему сейчас закону о потреб-

---

[27] Приказ НКТП № 84 от 23/I 1933 г. о снабжении оборудованием металлургических и других заводов.

[28] См. приказ НКСнаба СССР № 10 от 5/I 1933 г. о договорной кампании, 1933 г., ст. 11, пп. 3 и 4.

[29] См. приказ НКТП № 263 от 16/III 1933 г.

[30] См. Инструкцию НКЛП СССР от 3/IX 1932 г. о торговых базах (отделениях) сбытовых объединений НКЛП СССР.

кооперации 20/V 1924 г. размер пая устанавливается в законодательном порядке [31].

Оборотной стороной законодательного изобилия являются *пробелы* в законе. Пробелы неизбежны при любых обстоятельствах, ибо никакой закон не может охватить всего многообразия жизни. Но такие пробелы, как отсутствие к 1/V 1933 г. закона об управлении промышленности, закона, который должен был быть издан 1/IV 1930 г.,—нетерпимы. Еще хуже, когда наряду с этим имеется множество «мертвых» законов. Мы отмечали выше мнение т. Крыленко о том, что ГК на 60% является мертвым. К сожалению не редки и такие факты, когда законы, изданные в самые последние годы, отвечающие как будто острым запросам хозяйственной практики, также остаются под спудом и не применяются. Например постановлением ЦИК и СНК СССР от 13/Х 1931 г. было установлено, что изъятие отдельных предприятий из республиканской и местной промышленности и передача их в ведение общесоюзных органов допускается лишь с начала нового операционного года и по балансам на 1/I соответствующего года [32]. В действительности это правило не соблюдается. Переброска предприятий практикуется систематически и в середине года. Другой пример: 22/III 1932 г. издано постановление СТО о порядке распределения стройматериалов—закон исключительного народнохозяйственного значения. Спустя год, в марте 1933 г., в цитированной уже статье т. Романова судьба этого постановления описывается следующим образом: «В области обеспечения строительства материалами имело место большое разнообразие законодательных установок в отношении возложения обязанностей по получению фондов и их реализации то на заказчика, то на подрядчика. Постановлением СТО от 22/III 1932 г. № 265 было предложено изменить со II квартала 1932 г. существовавший ранее порядок распределения планируемых фондов и контингентов стройматериалов, передавая их непосредственно строительным организациям, а не заказчикам, и в этой части изменить уже заключенные договоры. Как видно из прошедших через Госарбитраж дел, постановление это за редким исключением практически не осуществлялось, но тем не менее оно в значительной степени осложнило и умножило споры между сторонами о распределении между ними обязанностей по снабжению строительства материалами» [33].

Наконец, нельзя не отметить еще одного характерного явления—*нарушения нормальной иерархии законодательных актов*—постановлений правительства, с одной стороны, и ведомственных приказов с другой. Согласно неоднократным директивам партии и правительства основной задачей наркоматов является не общее законодательство, а конкретное, оперативное руководство. Наркоматы должны перенести центр тяжести своей работы с рельс декретно-директивных по-

[31] См. Постановление ЦИК и СНК СССР от 20/V 1924 г. о потребительской кооперации. Вестник ЦИК и СНК СССР, № 5, с. 172, п. 7, и инструкцию Центросоюза СССР от 12/II 1929 г. (Инф. бюлл. Центросоюза, 1929 г., № 8, с. 213) и от 13/III 1932 г. (Инф. Бюлл. Центросоюза 1932 г., № 8/9, с. 172).

[32] См. Постановление ЦИК и СНК СССР от 13/Х 1931 г. «О порядке изъятия предприятий из местной и республиканской промышленности» СЗ 1931 г. № 63, ст. 409.

[33] Цит. стат. Бюллет. Госарбитража 1933 г. № 2/3, с. 16.

становлений на рельсы конкретного руководства и систематической проверки исполнения. На практике бывает сплошь и рядом наоборот: правительство дает совершенно конкретные, оперативного порядка указания, а наркоматы в развитие их занимаются изданием общих актов («декретно-директивных постановлений»). В качестве примера можно указать на ту же инструкцию НКЛП СССР о торговых базах от 3/IX 1932 г., представляющую собой по существу закон крупного принципиального значения, явно «декретно-директивное постановление», а с другой стороны то постановление СНК СССР от 19 июля 1932 г., в развитие которого издана инструкция НКЛП, постановление сугубо оперативное [34].

Что следует из нашего обзора современного состояния Советского хозяйственного законодательства? Первый вывод: наличие в нем многочисленных дефектов и недочетов; сложность, запутанность, иногда противоречивость, формальное сохранение «в силе» целого ряда изживших уже себя норм, многочисленные пробелы, неприменимость ряда норм на практике, нарушение правильной иерархии законодательных актов. Эти недочеты конечно не могут не влиять на практику применения советского закона. Благодаря им терпит ущерб общедоступность закона, неизбежно он становится делом специалистов-юристов в значительно большей мере, чем это могло бы быть. В силу многочисленных противоречий в законе решение ряда вопросов затрудняется. И наконец сложность и запутанность часто приводят к *игнорированию* закона. Одним из наиболее ярких примеров такого игнорирования является обсуждение проблемы договорной дисциплины на первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности (январь—февраль 1931 г.). В докладе т. Орджоникидзе и в речах нескольких десятков выступавших хозяйственников было уделено исключительно много места вопросу о договорах и о договорной дисциплине. Однако ни одному из ораторов не пришло в голову увязать этот вопрос с изданным за год до конференции совместным приказом двух наркомов (ВСНХ и НКСнаба) о договорной дисциплине [35]. А между тем как будто бы постановка вопроса в плоскость соблюдения приказа наркомов напрашивалась сама собою и в отношении целого ряда других вопросов, дебатировавшихся на конференции, именно в такой плоскости и шла дискуссия (вопросы о хозрасчете цехов, о единоначалии и другие) [36].

На сложности и запутанности советского закона спекулируют, с одной стороны, буржуазные интерпретаторы, выхолащивающие из советского закона его революционную сущность, а—с другой стороны—«леваки», противопоставляющие хозяйственную целесообразность революционной законности и считающие «хорошим тоном» подчеркивать свое пренебрежительное отношение ко всему «юридическому».

Второй вывод, непосредственно связанный с первым,—практическая необходимость и неотложность приступа к работе по *систе-*

---

[34] Постановление СНК СССР от 19/VII 1932 г.

[35] См. Приказ ВСНХ и НКСнаба о договорной дисциплине № 1297/652 27/IV 1930 г.

[36] См. Первая всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. Стеногр. отчет. М. 1931.

матизации, упрощению и кодификации советского хозяйственного законодательства. Как можно защищать существующее положение вещей? Нельзя привести аргументов в пользу сохранения законодательного status quo. Нельзя во всяком случае быть против догматической юриспруденции и ее носителей—буржуазных юристов—и одновременно против немедленного приступа к работе по пересмотру нашего хозяйственного законодательства—его упрощению, систематизации и кодификации. Допустим, что вместо Гражданского кодекса, законов о трестах, законов о хозрасчете, о государственной собственности, об организации различных видов кооперации, многочисленных законов и приказов о договорах был бы издан один законодательный акт, охватывающий все основное и принципиальное в области организации и управления советским хозяйством, нечто вроде советской хозяйственной конституции. Издание такого акта для практики социалистического хозяйствования имело бы огромное значение. Масса хозяйственников, профсоюзных работников, судей, арбитров, работников планово-регулирующих органов получили бы в руки документ, безусловно необходимый для решения тысячи ежедневно возникающих хозяйственно-актуальных и животрепещущих вопросов. Только одно сведение всех этих разновременно изданных и разбросанных в разных местах законодательных постановлений в единый акт, внутренне увязанный и согласованный, имело бы колоссальное практическое значение. Соответствующие постановления и директивы сразу стали бы более доступными, а тем самым возросла бы их эфективность.

Практика последнего времени ощупью с разных концов сама подходит к постановке вопроса о кодификации советского хозяйственного законодательства. Понятно, что на первых порах вопрос ставится применительно не ко всей системе советского хозяйственного права, а к отдельным его разделам, там, где по данным конкретным обстоятельствам особенно «жмет», особенно остро ощущаются недочеты существующего положения вещей. Так Госарбитраж СССР ставит вопрос об упрощении и систематизации строительного законодательства. В договорной кампании 1933 г. рядом хозорганов выдвинут вопрос о типизации договоров, т. е. о вынесении за скобки не только тех общих моментов договорного права, которые уже стандартизованы и обобщены в законе 3/I 1933 г. и в ведомственных приказах о договорах, но и ряда других значительно более конкретных моментов.

Нам могут сделать возражение примерно такого порядка: одно дело систематизировать и кодифицировать законодательство по известным частным вопросам хозяйственного права (строительное законодательство, колхозное законодательство, жилищное право и т. д.), другое дело—единый кодекс хозяйственного права или единые «Основы хозяйственного законодательства». Первое вполне приемлемо, своевременно и осуществимо, хотя и не без большого труда. Второе же не нужно и не выполнимо. Почему? Потому что такая работа противоречила бы самым основам советского права, была бы принципиально ошибочной, ибо неизбежно игнорировала бы особый *конкретный* характер советского права.

Действительно, конкретный характер большинства институтов советского хозяйственного права не подлежит сомнению. Каждый из них неразрывно связан с материальным содержанием отношений, которые регулируются законодательными нормами. В буржуазном праве имеются некие общие организационные шаблоны, пригодные для всех отраслей капиталистического хозяйства. Такими шаблонами будут например нормы об акционерном обществе и других видах товариществ; такие же шаблоны—многочисленные типы договорных отношений (купля-продажа, подряд, заем, имущественный наем и т. д.), абстрактный характер которых особенно возрастает при переходе капитализма в империалистическую стадию (вексель и другие кредитные обязательства, сделки на разницу и т. д.). Совсем иначе обстоит дело в советском праве. Принцип *конкретного*, т. е. специализированного и оперативного руководства требует приспособления организационных форм, методов и приемов управления к особенностям соответствующих отраслей народного хозяйства. Отсюда—огромное разнообразие организационных форм, трудность стандартизации и шаблонизации отношений, конкретный характер каждого института, каждой организационной формы и каждого типа договорных отношений (вместо векселя—разного рода целевые ссуды, вместо купли-продажи—поставка в области производственного снабжения, поставка по ширпотребу и рабочему снабжению, договор розничной купли-продажи и т. д.), тем самым огромные и будто бы принципиального порядка препятствия на пути сведения разнообразного материала хозяйственно-правового регулирования в один закон, будь то кодекс или Основы.

Но не следует переоценивать значения этих особенностей советского права. Именно в силу планового характера советского хозяйства здесь возможна такая степень единства и типизации организационных форм и хозяйственных отношений, которые немыслимы в бесплановом капиталистическом хозяйстве. Вся система управления социалистическим хозяйством строится на основах *единого* принципа *социалистического централизма* или демократического централизма в той своеобразной его интерпретации, которая была дана Лениным применительно к области хозяйственного управления [37]. Это—совмещение начал строгой централизации в основном, главном, решающем с максимальной децентрализацией, инициативой, самодеятельностью низов—во второстепенном, во всем, что связано с местными особенностями, местной обстановкой и т. д. Решения партии о «централизации планирования и децентрализации выполнения плана» и о единоначалии связаны с осуществлением этого принципа. Он про-

---

[37] См. Ленин, т. XXII, с. 416: «Наша задача теперь провести именно демократический централизм в области хозяйства, обеспечить абсолютную стройность и единение в функционировании таких экономических предприятий, как железные дороги, почты, телеграфы и прочие средства транспорта и т. п., а в то же самое время централизм, понятый в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразие путей, приемов и средств движений к общей цели».

низывает собою содержание института права государственной социалистической собственности: единство фонда государственной собственности при «закрепленности» отдельных частей его за хозрасчетными звеньями. В сфере управления государственной собственностью он расшифровывается как принцип планового руководства, с одной стороны, и хозрасчет, с другой; в сфере организации хозяйственных связей как хозяйственный договор—«лучшее средство сочетания плана и хозрасчета» (Молотов). Другой важнейший принцип управления социалистическим хозяйством—принцип *конкретного руководства*—имеет также *всеобщее* значение для всех хозорганизаций социалистического сектора. То, что сказано в решениях партии и правительства об угольной промышленности Донбасса и ж.-д. транспорте, находит свое применение и во всех других отраслях государственного и кооперативного хозяйства. Организационные формы государственных хозяйственных организаций в различных отраслях народного хозяйства имеют также значительно больше общего, чем это кажется с первого взгляда. И завод (промышленность) и торговая база (торговля) и МТС (сельское хозяйство)—все это с незначительными модификациями *одна и та же* организационная форма—*предприятие*. Важнейшие вопросы, касающиеся организации управления промышленным, торговым, с.-х. государственным предприятием, место каждого из них в системе социалистического хозяйства в целом, принципы управления и наконец конкретные вопросы порядка планирования, имущественной ответственности, структуры имущества, взаимоотношений с вышестоящими планово-регулирующими органами и т. д.—решаются всюду одинаково. Степень единства и типизации здесь такова, что вполне допустимо говорить об едином типе государственного предприятия. Эти примеры—совсем не исключение. Они характерны для всего советского хозяйственного права. Именно высокой степенью организационного единства и достигнутым уровнем типизации объясняется, почему организационная ломка в той или иной отрасли народного хозяйства немедленно резонирует в других областях, почему за реорганизацией управления промышленностью по постановлению ЦК ВКП(б) от 5/XII 1929 г. последовала реорганизация управления государственной внешней и внутренней торговлей, сельским хозяйством, транспортом, почему постановление от 8/IV 1933 г. об угольной промышленности немедленно нашло отклик в других отраслях промышленности.

Итак, аргумент «от конкретности» в борьбе против идеи хозяйственного кодекса оказывается несостоятельным. Практическая необходимость и неотложность пересмотра, обновления, систематизации и кодификации советского хозяйственного законодательства совершенно очевидна. На каких же принципах должна базироваться эта работа?

*

На данном этапе выкристаллизовался с достаточной четкостью ряд основных принципиальных положений, на которых строится вся система хозяйственно-правового регулирования в Советском союзе. Среди таких положений первое место принадлежит тезису

. Сталина о том, что общественная (социалистическая) собственность—основа советского строя. Общественная (социалистическая) обственность является фундаментом всего социалистического троительства, право социалистической собственности—центральным институтом советского хозяйственного права, а закон 7/VIII 932 г. об охране и укреплении общественной (социалистической) обственности важнейшим актом всего советского законодательства. В свое время буржуазия сумела, отправляясь от права частной собственности, создать классический памятник буржуазного права—Кодекс Наполеона. Ныне мы должны суметь построить новый хозяйственный кодекс второй пятилетки и бесклассового социалистического общества так, чтобы центральным его ядром было право общественной (социалистической) собственности.

В новом кодексе надо будет, во-первых, записать принципиальное положение об общественной собственности, как основе советского строя. Пользуясь формулировками т. Сталина и действующим законодательством, сделать это будет не так трудно. В кодексе надо будет, во-вторых, раскрыть конкретное содержание этого института, показать его, как действительно основу и предпосылку всех других институтов советского хозяйственного права. Надо суметь сделать общественную (социалистическую) собственность стержнем, на который нанизать всю систему хозяйственно-правового регулирования [38].

Почему, действительно и в каком смысле общественная собственность является основой всей системы советского хозяйственного права?

Общественная (социалистическая) собственность обосновывает прекращение капиталистической эксплоатации. Государственные предприятия в Советском союзе потому являются последовательно социалистическими, что и средства производства принадлежат государству (т. е. организованному как господствующий класс пролетариату—Л. Г.) и земля, на которой стоит предприятие и все предприятие в целом [39]. Кол-

---

[38] Уже в проекте «Общесоюзных начал гражданского законодательства П. И. Стучка общественная (социалистическая) собственность была признана основой всего хозяйственно-правового регулирования. См. П. Стучка, Основные начала гражданского законодательства Союза ССР, М. 1931, с. 1: Советским гражданским законодательством регулируются имущественные отношения переходного к коммунизму периода на основе государственной социалистической и колхозно-кооперативной собственности с допущением на этот период во все уменьшающемся размере права частной собственности и гражданского оборота». Относительно этой статьи в 1931 г. мы писали: «Здесь неудачно подчеркивание социалистического характера только государственной собственности: кооперативно-колхозная собственность также социалистическая. Однако с этой оговоркой в ст. 1 содержится неплохая формулировка задач всего советского хозяйственного законодательства. Хозяйственное регулирование в Советском союзе базируется действительно на государственной и колхозно-кооперативной собственности. Совершенно верно, что частная собственность и гражданский оборот лишь «допускаются» и притом «во все уменьшающемся размере». См. Гинцбург, Костельцев и Хитев, Сборник материалов по хозадмправу. М. 1931, Введение, с. 13.

[39] Ленин, т. XXVII, с. 395.

хозные и кооперативные предприятия являются социалистическими по типу, потому что «они основаны на земле при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу» [40] Разве в колхозе имеется класс людей, являющихся собственниками средств производства, и класс людей, лишенных этих средств производства?—спрашивал т. Сталин. «Разве в колхозе имеется класс эксплоататоров и класс эксплоатируемых? Разве колхоз не представляет обобществления основных орудий производства на земле, принадлежащей к тому же государству? Какое имеется основание утверждать, что колхозы как тип хозяйства не представляют одну из форм социалистического хозяйства» [41]. Следовательно решение вопроса о собственности в пользу пролетариата против буржуазии есть вместе с тем решение вопроса о типе хозяйства в пользу социализма против капитализма.

Диктатура пролетариата и общественная (социалистическая) собственность лежат в основе всего социалистического планирования. Почему возможно социалистическое планирование? Потому, что в руках пролетарского государства сосредоточены основные экономические командные высоты. Почему невозможно капиталистическое планирование? Потому, что капитализм базируется на частной собственности на орудия и средства производства. Еще XII партийный съезд совершенно четко сформулировал мысль об общественной (социалистической) собственности, как основе социалистического планирования. «В Советской России, где главные средства промышленности и транспорта принадлежат одному владельцу—государству, активное вмешательство последнего в хозяйственную жизнь должно по необходимости получить плановый характер и ввиду господствующей роли государства, как собственника и хозяина, плановое начало приобретает тем самым уже на первых порах исключительное значение» [42]. Возможность применения принципа непосредственного планового руководства к сельскому хозяйству создана решающей победой совхозов и колхозов, т. е. переходом основных средств и орудий сельскохозяйственного производства в общественную собственность.

Общественная (социалистическая) собственность является предпосылкой, делающей возможным строжайшее проведение принципа *единоначалия* на социалистических предприятиях. «Беспрекословное выполнение предписаний советского руководителя во время труда», подчинение воле единоначальника необходимо на социалистических предприятиях и вполне совместимо с массовым контролем снизу только потому, что этот единоначальник—не частный собственник, не «хозяин», а слуга рабочего класса, поставленный рабочим классом для охраны, укрепления и преумножения общественной собственности. Общественная (социалистическая) собственность—основа и предпосылка *хозрасчета*, как метода управления социалистическими

---

[40] Ленин, т. XXVII, с. 396.

[41] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, 1933, с. 454.

[42] См. Савельев и Поскребышев, Директивы ВКП(б) по хозяйственной политике, М. 1931, с. 112.

предприятиями. Игнорирование особого характера той сферы хозяйства, где применяется хозрасчет, недоучет особенностей социалистической природы государственной и колхозно-кооперативной собственности приводит к искажению хозрасчета, к его буржуазно-нэпманскому истолкованию, к антигосударственным тенденциям. Хозрасчет—метод управления специфический именно для социалистического хозяйства, и следовательно базирующийся на общественной (социалистической) собственности. Общественная (социалистическая) собственность лежит в основе всей *системы договорных отношений* в Советском союзе, ибо советский хозяйственный договор неразрывно связан с планом, носит плановый характер, а это его качество делается возможным только в силу первенствующего положения, которое занимает в народном хозяйстве общественная (социалистическая) собственность.

Решающие победы социалистической собственности и господствующее положение, которое приобрели социалистические формы хозяйства, требуют новой постановки вопроса о *гражданской правоспособности*. Новый кодекс должен учесть новую расстановку классов на данном этапе, он должен учесть новые политические задачи, поставленные партией в решениях XVII партконференции и январского пленума ЦК («окончательное уничтожение капиталистических элементов и классов вообще»), он должен учесть новые формы классовой борьбы, в частности такую важнейшую, как покушение остатков разгромленных капиталистических элементов на общественную (социалистическую) собственность. Глубоко неправильно было бы отмести законы о борьбе со спекуляцией от 22/VIII 1932 г. или о паспортной системе, как не имеющие никакого отношения к хозяйственному праву. Исходя именно из этих законов, с полным учетом их должны быть даны в хозяйственном кодексе новые формулировки о гражданской правоспособности.

Кодекс должен дать исчерпывающее решение вопроса о *фонде* общественной (социалистической) собственности и провести четкий водораздел между сферой общественной (социалистической) и частной собственности, а в пределах первой между государственной и кооперативной. Он раскроет *содержание* права собственности по советскому праву в принципиально новых формулах по сравнению с традиционными «владением, пользованием и распоряжением» (ст. 58 ГК). Он поставит на первое место право эксплоатации (использования) имущества в целях и границах, установленных народнохозяйственным планом. Для социалистической собственности он подчеркнет принцип ее единства, в силу которого делается возможным: а) единообразный и упрощенный порядок перераспределения имущества, входящего в фонд социалистической собственности, и б) социалистическое планирование. Этим он вооружит на борьбу со всякого рода антипартийными, антигосударственными, буржуазно-нэпманскими «самостийными» тенденциями. Рядом с принципом единства фонда социалистической собственности он поставит другой принцип, неразрывно связанный с первым,—«расщепленности» фонда единой социалистической собственности и «закрепленности» отдельных частей входящего в его состав имущества за

самостоятельными хозрасчетными звеньями в рамках и пределах, устанавливаемых единством фонда социалистической собственности и единством народнохозяйственного плана. Игнорирование этого второго момента, определяющего режим социалистической собственности, также недопустимо. Оно приводит к смазыванию значения хозрасчета, к бюрократизации отношений, оно протягивает палец недопустимой спекуляции на новизне и оригинальности советского права со стороны белогвардейцев-юристов, доказывающих, исходя якобы из положений советского права («единство социалистической собственности»), универсальную ответственность советского государства («казны») за долги государственных хозрасчетных организаций [43]. Наконец, кодекс даст ряд правил, направленных специально к охране общественной (социалистической) собственности. В связи с этим он создаст социалистической собственности преимущественное, привилегированное положение в обороте [44]. Задача охраны социалистической собственности—дело хозяйственного законодательства не в меньшей мере, чем уголовного.

Так выглядит первый принципиальный устой нового хозяйственного кодекса—общественная (социалистическая) собственность. Следующие устои—*социалистическое планирование*, *хозрасчет*, *единоначалие*, *договор*. Каждая из этих категорий должна быть представлена в кодексе во вполне развернутом виде. Первые две—социалистическое планирование и хозрасчет—составят основное содержание первого раздела «общих положений». Они должны быть конкретизированы на материале последующих конкретных разделов закона. Единоначалие и договор составят стержень двух важнейших частей кодекса: организационной структуры народного хозяйства и организации хозяйственных связей. Сочетание планирования и хозрасчета, единоначалия и договора—различные формы осуществления того же принципа социалистического централизма (демократического централизма в применении к сфере хозяйственного управления), который пронизывает организационный режим государственной социалистической собственности и всю систему советского хозяйства в целом. Материал, который по каждому из этих вопросов (планирование, хозрасчет, единоначалие и договор) должен быть развернут в кодексе, требует серьезного выхода за рамки уже имеющегося действующего законодательства. Здесь одной систематизацией, обобщением и упрощением не обойдешься. Необходимо будет провести работу творческого порядка по исследованию ряда хозяйственно-политических проблем большого народнохозяйственного значения. Только результаты такой положительной работы могут дать основание к тому или иному решению конкретных вопросов организации регулирования хозяйства. Так проблема

---

[43] См. напр. G. Tager в Journal du droit international, 1931, Mars-Avril, pp. 417—425.

[44] Сюда относятся положения, твердо установленные действующим советским правом о презумпции государственной собственности (Разъяснение Пленума Верхсуда РСФСР от 25/VI 1925 г.) об особых преимуществах государства по виндикационному иску (ст. 60 ГК), о признании всякого бесхозяйственного имущества государственной собственностью (ст. 68 ГК) и друг.

единоначалия должна быть раскрыта в той новой ее постановке, которая дана величайшими техно-экономическими сдвигами последних лет, выдвижением на первый план вопросов *освоения* новой передовой техники, реализацией лозунга т. Сталина—«по новому работать, по-новому руководить». В связи с проблемой социалистического планирования должны быть поставлены вопросы о порядке составления и прохождения планов, о методах планирования, о степени и пределах обязательности актов планирования. Организации социалистического планирования необходимо, наконец, уделить внимание, которого эта проблема по праву заслуживает. Здесь надо проработать огромный материал, накопившийся в практике планово-регулирующих органов хозяйственных организаций.

Особенно остро на данном этапе стоит вопрос об организации планирования товарооборота. Судьба и пределы фондирования во внутрипромышленном обороте, система товаропроводящих звеньев и организация товаропродвижения по ширпотребу, планы завоза, предварительные заказы, методы планирования колхозной торговли, все эти вопросы необходимо проанализировать под единым обобщающим углом зрения, с привлечением обширного материала хозяйственных наркоматов и арбитража и на базе общих установок, данных в решениях январского пленума ЦК и ЦКК, и в последних руководящих указаниях партии и правительства. В 1929 г. законы о генеральных договорах промышленности с потребкооперацией, о розничной торговле, о системе местных торгов и о кредитной реформе явились результатом работы специальной правительственной комиссии, изучавшей *по существу* проблемы организации таварооборота [45]. Также и сейчас законодательство о планировании товарооборота должно вытечь из изучения существа хозяйственных связей в советской торговле. Объективно все данные для успешного проведения такой работы налицо. Имеются частичные проработки отдельных вопросов. Внимание партии, правительства и широких кругов советской общественности сконцентрировано на организационных проблемах. Принципиальные установки даны партийными решениями и законодательством последних двух лет.

Отсюда и методы работы по хозяйственному кодексу. Менее всего они должны напоминать методы работы по «Основам гражданского законодательства СССР» (комиссия исключительно из юристов, в том числе большая прослойка буржуазной профессуры). К составлению кодекса обязательно должны быть привлечены практики-хозяйственники: оперативные работники и арбитражники.

Большая работа должна быть проведена по хозрасчету и системе договорных отношений. Сравнительно нетрудно сейчас дать общие, принципиальные формулировки по этим вопросам [46]. Но безусловно трудно раскрыть и уточнить конкретное содержание хозрасчета

---

[45] См. Сборник «Рационализация товарооборота и кредита» под ред. Кактыня, М. 1930 г.

[46] По хозрасчету, в частности, можно использовать формулировки проекта закона об управлении государственной промышленностью. См. «СГиРП» 1931, № 10/12, с. 220.

каждого звена в системе управления социалистическим хозяйством. Чрезвычайно трудно развернуть законодательное регулирование договорных отношений до рамок своего рода обязательственного права социалистического хозяйства. А между тем именно это требуется на данном этапе. Опять-таки необходимо будет углубиться в самую суть целого ряда проблем большого народнохозяйственного значения, в частности о снабах и сбытах, о методах и формах конкретного руководства, осуществляемого хозяйственными наркоматами и т. д.

■

Наметка системы советского хозяйственного кодекса должна исходить из тезиса *о единстве* советского хозяйственного права. Речь идет не только и не просто об единстве его классового содержания, не только о том, что все советское хозяйственное право во всех его разделах и частях—форма политики одного класса—пролетариата. Единство всего советского права со стороны его классового содержания было доказано в полемике тт. Стучка и Пашуканиса против Рейснера в 1924—1926 гг. Ныне речь идет уже о большем. В 1931 г. в борьбе с концепцией П. И. Стучка, настаивавшего на дуализме советского хозяйственного права и на необходимости издать два самостоятельных кодекса—гражданский и хозяйственно-административный,—мы писали: «...Советское хозяйственное право едино. В чем конкретно проявляется это единство? Оно находит свое проявление в единстве *источника* правового регулирования—пролетарская диктатура; в единстве конечной *цели* правового регулирования—построение бесклассового коммунистического общества; в единстве *основы*, на которой оно осуществляется — командные высоты, социалистическая собственность, с ростом и укреплением которой связывается изменение конкретных методов и приемов регулирования; в единстве «*подхода*» к организации и регулированию отношений во всем народном хозяйстве в целом; этот подход конкретный, революционно-диалектический, ставящий во главу угла всегда конечные цели пролетарской диктатуры и интересы трудящихся и эксплоатируемых классов и обусловливающий различие приемов и методов регулирования в частном секторе, с одной стороны, социалистическом—с другой; в единстве ряда *рычагов*, используемых (хотя и различным образом) и в том и другом секторе (например, договор); в единстве, наконец, *внешнего офармления* правового регулирования всего народного хозяйства в одном документе—едином кодексе. Ведущим институтом для всей системы советского хозяйственного права является единая государственная социалистическая собственность. Вместе с колхозно-кооперативной собственностью государственная собственность противостоит частной в качестве базы (основы) хозяйственно-правового регулирования всего народного хозяйства» [47].

На январском пленуме ЦК и ЦКК т. Сталин подчеркнул, что необходимость высоких темпов в выполнении первой пятилетки дик-

---

[47] См. цитированное выше Введение к «Сборнику материалов по хозадмправу». М. 1931, с. 10—11.

товалась «соображением о том, что советская власть не может долго базироваться на двух противоположных основах, на крупной социалистической промышленности, которая *уничтожает* капиталистические элементы, и на мелком единоличном крестьянском хозяйстве, которое *порождает* капиталистические элементы»[48]. В итоге первой пятилетки советская власть базируется на единой социалистической основе: государственная последовательно социалистическая промышленность и сельское хозяйство, в основном своем массиве также социалистическое: совхозы, МТС, колхозы. Отсюда еще большее единство методов и форм организации управления и регулирования народного хозяйства в целом. Сейчас в частности партия, эта главнейшая направляющая сила пролетарской диктатуры, «должна взять в свои руки руководство колхозами»[49]. И колхозное хозяйство надо «планировать и вести организованно»[50].

С учетом всего этого нам представляется, что нет необходимости возвращаться к вопросу о том, должен быть или единый хозяйственный кодекс или два самостоятельных: гражданский и хозяйственно-административный. Вопрос решен окончательно в пользу единого кодекса.

В качества одного из возможных вариантов системы хозяйственного кодекса СССР можно предложить следующий:

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОДЕКС СССР

Вводный закон

§ 1. Действие кодекса во времени.

§ 2. Действие кодекса по месту. Хозяйственный кодекс СССР и хозяйственные законы союзных республик.

§ 3. Действие кодекса по лицам.

§ 4. Толкование хозяйственного кодекса.

§ 5. Сфера правоотношений, подпадающих под действие хозяйственного кодекса.

РАЗДЕЛ I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Глава 1. Право собственности

§ 1. Собственность общественная (социалистическая)—государственная и колхозно-кооперативная—и частная.

§ 2. Социалистическая (общественная) собственность—основа советского строя.

§ 3. Государственная (последовательно-социалистическая) собственность и ее ведущая роль.

§ 4. Колхозно-кооперативная собственность, ее социалистическая природа.

§ 5. Частная собственность.

---

[48] Сталин, Итоги первой пятилетки. М., 1933 г. с. 14.
[49] Сталин, О работе в деревне, М. 1933, с. 8.
[50] Там же.

§ 6. Объекты права собственности. Вещи, изъятые из оборота (командные высоты). Фонд государственной социалистической собственности. Монополия внешней торговли.

§ 7. Правила о перераспределении имущества, входящего в состав социалистической собственности.

§ 8. Особый порядок защиты (охраны) социалистической собственности.

§ 9. Бесхозяйственное и бесхозяйное имущество.

§ 10. Прекращение права собственности. Конфискации и реквизиции.

Глава 2. Социалистическое планирование и хозрасчет

§ 1. Плановое руководство как основной принцип социалистического хозяйства.

§ 2. Единство социалистического планирования (от станка до Госплана).

§ 3. Промфинплан и его безусловная обязательность для социалистического предприятия.

§ 4. Система актов планирования.

§ 5. Регулирование, методы и формы регулирования. Обязательная сила актов регулирования.

§ 6. Хозрасчет как основной метод выполнения плана и управления предприятиями.

РАЗДЕЛ II. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

Глава 1. Общие положения о лицах

§ 1. Различные категории лиц, государственные хозяйственные организации, кооперативные организации, общественные организации, частные лица.

§ 2. СССР, союзные республики, местные советы как хозяйствующие единицы.

§ 3. Оформление участия в обороте. Государственная регистрация.

§ 4. Право на фирму.

§ 5. Публичная отчетность.

Глава 2. Государственные хозяйственные организации

§ 1. Общие принципы.

§ 2. Предприятия (промышленные, торговые, транспортные, коммунальные, сельскохозяйственные, строительные и др.).

а) Управление предприятием: 1) Оформление (Положение и пр.). 2) Единоначалие. Права директора. 3) Промфинплан. 4) Материальная база. Основное имущество. Оборотные средства. Банковское кредитование. 5) Договорная система. 6) Прибыль.

б) Управление хозрасчетными звеньями предприятия.

§ 3. Трест: а) Организация и оформление. б) Управление. в) Имущество. г) Снабжение, сбыт и кредитование. д) Отчетность и прибыль. е) Прекращение деятельности.

§ 4. Снабы и сбыты.

Глава 3. Кооперативные организации

§ 1. Принципы организационного строительства кооперации в условиях диктатуры пролетариата.

§ 2. Колхозы.

а) С.-х. артель.

б) ТОЗ.

в) С.-х. коммуна.

§ 3. Промкооперация.

§ 4. Потребкооперация.

§ 5. Жилкооперация.

§ 6. Другие виды кооперации.

Глава 4. Частные лица

§ 1. Гражданская правоспособность и дееспособность.

§ 2. Наследственное право.

§ 3. Причинение вреда жизни и здоровью лица.

§ 4. Алиментные обязательства.

РАЗДЕЛ III. ОРГАНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

Глава 1. Общие положения советского договорного права

§ 1. Заключение договора. Фондирование. Схема договорных отношений. Генсоглашения, локальные договоры, прямые договоры.

§ 2. Условия, влияющие на действительность договоров.

§ 3. Основные элементы договоров: предмет, количество, качество, цена, срок, санкции, условия расчета.

§ 4. Исполнение договоров.

§ 5.Ответственность по договору. Распоряжения планово-регулирующих органов.

§ 6. Прекращение договоров.

§ 7. В частности: давность.

§ 8. Споры по договорам. Суд и арбитраж.

Глава 2. Купля-продажа и поставка

§ 1. Общие положения о купле-продаже. Переход права собственности. Риск гибели.

§ 2. Купля-продажа (поставка) по производственному снабжению.

§ 3. Купля-продажа в области потребительского снабжения (ширпотреб и продовольственное снабжение). Система предварительных заказов и проч.

§ 4. Договор розничной продажи. Колхозная торговля.

§ 5. Отдельные виды договоров розничной продажи.

а) Купля-продажа в розницу с рассрочкой платежа.

б) Купля-продажа по предварительному авансированию и др.

§ 6. Купля-продажа в области заготовок. Контрактация.

Глава 3. Поставка-сдача в порядке налога

Глава 4. Договоры МТС с колхозами

Глава 5. Подряд

§ 1. Общие положения о подряде.

§ 2. Особые виды договоров подряда. Договоры на научно-исследовательскую работу, на рационализацию производства и техпомощь.

§ 3. Особые виды договоров подряда. Договоры по строительству: а) Договоры на проектирование. б) Договоры на производство строительных работ. в) Договоры на монтаж.

Глава 6. Имущественный наем

§ 1. Общие положения об имущественном найме.

§ 2. Аренда торговых и промышленных предприятий.

§ 3. Наем жилых помещений.

Глава 7. Договор комиссии

Глава 8. Поклажа

Глава 9. Имущественное страхование

Глава 10. Перевозка.

§ 1. Общие положения.

§ 2. Ж.-д. перевозки.

§ 3. Водные перевозки.

Глава 11. Кредитные правоотношения. Финансирование

§ 1. Общие положения. Планирование кредита.

§ 2. Краткосрочное кредитование. Ссуды.

§ 3. Расчеты. Чеки.

§ 4. Долгосрочное кредитование. Финансирование.

§ 5. Меры кредитного воздействия. Контроль рублем. Обеспечение кредита (в частности залог).

Глава 12. Исключительные права

§ 1. Авторское право.

§ 2. Изобретательское право.

§ 3. О товарных знаках и промышленных образцах.

Глава 13. Внедоговорные обязательства

§ 1. Причинение имущественного вреда.

§ 2. Неосновательное обогащение.

Этот вариант разбивает все содержание кодекса (помимо вводного закона) на три раздела: а) общие положения, б) организационная структура народного хозяйства, в) организация хозяйственных связей. Нам представляется более или менее бесспорной схема первых двух разделов. И наоборот—вызывает ряд возражений третий раздел. По приведенному варианту он начинается с «общих положений советского договорного права». Это должна быть обширная глава, охватывающая все основные вопросы регулирования договорных отношений. За нею следует ряд специальных глав, построенных по признаку традиционной классификации различных типов договорных отношений: купля-продажа (поставка), подряд, имущественный наем и т. д. с дальнейшей детализацией, учитывающей особенности использования этих «типов» в условиях советского хозяйства. Здесь и сила и слабость схемы этого раздела. Весь многообразный материал советского договорного права может быть в нее уложен без особого труда. Этот раздел будет сравнительно легко воспринимаем. Но его серьезнейший недочет будет заключаться в том, что при таком расположении материала окажутся оторванными друг от друга такие части, которые

в реальной действительности слишком неразрывно связаны друг с другом.

Действительно, выдвижение на первое место юридических критериев классификации до некоторой степени отодвигает на второй план вопросы планирования соответствующей сферы отношений, планирования, предшествующего заключению договора и обусловливающего содержание договора. Согласно приведенной схеме о договорах по внутрипромышленному снабжению кодекс сначала скажет, что это— купля-продажа (поставка), а потом уже подчеркнет их специфические особенности как договоров, опосредствующих отношение социалистического расширенного воспроизводства. О договорах по строительству будет сначала сказано, что это подряд, а потом уже речь пойдет о плановой загрузке стройорганизаций и т. д.

Поставка-сдача в порядке налога (централизованные заготовки) оказывается несколько искусственно помещенной среди других договоров, хотя это—внедоговорное отношение; она обязательна в силу закона, а не договора.

С учетом этих возражений можно было бы наметить такой второй вариант раздела об «организации хозяйственных связей»:

РАЗДЕЛ III. ОРГАНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

Глава 1. Общие законы о планировании товарооборота и о хозяйственных договорах

Глава 2. Организация производственного снабжения

Глава 3. Заготовки

§ 1. Централизованные заготовки.

§ 2. Дец. заготовки и контрактация.

Глава 4. Договоры МТС с колхозами

Глава 5. Организация потребительского снабжения (ширпотреб и продовольственное снабжение)

Глава 6. Колхозная торговля

Глава 7. Организация капитального строительства

Глава 8. Транспорт. Складские операции

Глава 9. Жилищные правоотношения

Глава 10. Кредитные правоотношения. Финансирование

Глава 11. Авторское право. Изобретательское право

На данной стадии изучения вопроса нам представляется более обоснованным первый вариант. Принятие второго варианта неизбежно приведет к большому параллелизму, к громоздкости, в значительной мере аннулирует преимущества и удобства, связанные с изданием одного акта взамен многих разрозненных. Окончательное решение вопроса может быть дано лишь на основе дальнейшего углубления в проблему, лишь после приступа к работе по существу. Здесь

небесполезно вспомнить ленинские слова: «Помнится Наполеон писал: «On s'engage et puis... on voit». В вольном русском переводе это значит:
«Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет»[51].

Не исключена вероятность, что в процессе работы над кодексом выяснится необходимость дать третий вариант классификации договорных отношений, исходящий, как и наш первый вариант, из критериев организационного порядка, но отбрасывающий традиционные шаблоны и учитывающий положительные моменты второго варианта.

■

Вопрос о пределах действия Хозяйственного кодекса СССР включает в себя три самостоятельных вопроса: а) союзный закон или республиканский, б) кодекс или основы, в) хозяйственный кодекс и специальные кодексы.

Хозяйственный кодекс должен быть издан в порядке общесоюзного, а не республиканского законодательства. Поскольку мы имеем на данном этапе окончательную победу социалистического сектора, а государственное и кооперативное хозяйство почти на 100% «осоюзено», постольку кодекс законов, регулирующих организацию и функционирование этого хозяйства, не может не быть союзным.

Сейчас находятся в подчинении союзных органов: вся кредитная система, транспорт: железнодорожный, водный, морской, воздушный, в значительной мере безрельсовый, совхозы, МТС, лесная промышленность, внешняя торговля, 95% тяжелой промышленности, решающие отрасли легкой промышленности и т. д.

Там, где хозяйство не «осоюзено» на 100%—«осоюзено» или «осоюзивается» его планирование и регулирование: колхозы, коммунальное хозяйство, внутренний товарооборот. Соответственно этому за последние годы идет интенсивное строительство союзных органов управления и регулирования хозяйства: НКЗем СССР, НКСовхозов, Всесоюзный совет коммунального хозяйства, Комитет товарных фондов и регулирования торговли, Комитет по заготовкам и т. д.

Отсюда вывод—не может быть и речи о том, чтобы основным законодательным актом в области регулирования хозяйства был только кодекс, изданный в порядке республиканского законодательства.

Вопрос о том, нужно ли издавать «Основы» или кодекс, решается исходя из практики развития хозяйственного законодательства за последние годы.

Проект «Основ гражданского законодательства» П. И. Стучка решал этот вопрос следующим образом: «По вопросам, которые не отнесены к ведению общесоюзного законодательства, союзными республиками могут издаваться в соответствии с настоящими Основами свои гражданские законы.

Общесоюзные Основы гражданского законодательства и изданные в соответствии с ними гражданские законы советских республик составляют единый гражданский кодекс каждой союзной республики» (ст. 7).

---

[51] Ленин, т. XXVII, с. 401.

Таким образом даже и по этому проекту союзные республики издают не кодексы, а лишь «законы». Уже этим сделано отступление от обычного понимания «Основ» как правил, не исключающих республиканских кодексов (ср. «Основы уголовного законодательства» СССР и «Уголовные кодексы» союзных республик).

Для данного этапа правильно будет следующее решение вопроса: для отраслей хозяйственного регулирования целиком осоюзенных, находящихся в ведении союзных органов, Хозяйственный кодекс СССР является единственным основным актом регулирования. Для отраслей хозяйства, находящихся в ведении местных и республиканских органов, хозяйственный кодекс является директивным актом, в развитии которого законодательствуют союзные республики, поскольку их правотворчество не противоречит как Хозяйственному кодексу СССР, так и другим союзным хозяйственным законам. Иногда это могут быть и республиканские кодексы. В качестве примера можно указать на жилищный кодекс.

Вопрос о взаимоотношениях, которые должны быть установлены между хозяйственным кодексом и специальными союзными же кодексами, должен быть решен, исходя из следующих соображений:

По вопросам, затрагивающим взаимоотношения Союза ССР с капиталистическим миром, целесообразно сохранение специальных кодексов (морской и воздушный кодексы). Регулирование остальных отраслей хозяйства как правило подлежит включению в единый хозяйственный кодекс. Сюда относится кредит, транспорт, промышленность, торговля и т. д. С изданием нового кодекса должны быть отменены такие законы, как «Положение о трестах», ряд общесоюзных законов по кредиту, по организации совхозов и колхозов и т. д.

Издание нового кодекса отнюдь не устраняет полностью необходимости в ведомственном правотворчестве. Ведомственные инструкции, приказы, циркуляры и т. д. должны издаваться в развитие соответствующих разделов хозяйственного кодекса.

Нельзя возражать против такого решения вопроса указанием на необычайную громоздкость нового кодекса. Большей сложности, громоздкости и неудобства для пользования, чем мы имеем в настоящее время, в советском хозяйственном праве трудно себе представить.

К ВОПРОСУ О ХОЗРАСЧЕТЕ

Б. РУБИНШТЕЙН

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Единство советского хозяйства обеспечено диктатурой пролетариата, господствующим положением общественной (социалистической) собственности и планом. Единство советского хозяйства ни в какой мере не означает его *однородности*. Наоборот, экономика переходного периода характерна именно тем, что происходит революционная переделка общественных отношений; социалистическое строительство означает развитие и рост новых элементов в советском хозяйстве, ликвидацию одной части и переделку другой части старых элементов.

Сталин на январском пленуме ЦК и ЦКК, подводя итоги первой пятилетки, констатировал, что «в итоге осуществления пятилетки в области промышленности, сельского хозяйства и торговли мы утвердили во всех сферах народного хозяйства принцип социализма, изгнав оттуда капиталистические элементы»...[1] «Основой нашего строя является общественная собственность, так же, как основой капитализма— собственность частная». [2] «Дело в том, что несмотря на недостатки и ошибки, наличия которых никто из нас не отрицает, мы добились таких серьезных успехов, которые вызывают восхищение в рабочем классе всего мира, мы добились такой победы, которая имеет поистине всемирно-историческое значение» [3].

Победы социалистического строительства вызывают обострение классовой борьбы, усиливают сопротивление недобитого врага, требуют укрепления и усиления пролетарской диктатуры. Наличие разнородных элементов в экономике и вытекающее отсюда различие форм воздействия единой политики пролетарской диктатуры на разные элементы нашего хозяйства являются выражением переходного характера советской экономики—такова его диалектика.

«Но именно потому, что сейчас перед нами стоят величайшие исторические задачи, что мы вступили в новый период социалистического строительства, нам нужно весьма тщательно просмотреть соотношение отдельных элементов, частей и частиц нашей экономики: что необходимо из старого ликвидировать до конца, какие элементы отбросить, что должно само отмереть в ближайшее время, что должно

---

[1] Сталин, Итоги первой пятилетки. Доклад на январском объединенном пленуме ЦК и ЦКК, 1933 г., с. 41.
[2] Там же, с. 43.
[3] Там же, с. 46.

сохраниться и каковы те элементы нового, которые мы должны всячески развивать и укреплять»[4].

Нет сомнения в том, что хозрасчет не относится ни к тому, что нужно ликвидировать, ни к тому, что нужно отбросить, ни к тому, что должно отмереть в ближайшее время. Наоборот, практика социалистического строительства, практика проведения генеральной линии партии, практика борьбы с уклонами и извращениями показывает, что хозрасчет остается острой политической проблемой, что хозрасчет является одним из важнейших методов управления советским хозяйством, одним из важнейших методов выполнения плана, необходимым условием социалистического накопления, словом, что хозрасчет представляет собой одно из важнейших орудий социалистического строительства.

Вторая пятилетка не только не снимает хозрачета с порядка дня, но требует действительного проведения его в жизнь и углубления. XVII партконференция, обсуждавшая итоги развития промышленности за 1931 г., констатировала, что одной из основных причин недовыполнения плана 1931 г. было «недостаточное внедрение хозрасчета». В директивах к составлению второго пятилетнего плана XVII партконференция подчеркнула необходимость «проведения принципа хозрасчета во всей хозяйственной работе», указала на антибольшевистский характер «левой» фразы о переходе к «продуктообмену» и об «отмирании денег» уже на данном этапе и на несовместимость с политикой партии «буржуазно-нэпманских извращений принципа хозрасчета». Январский пленум ЦК и ЦКК 1933 г., подведя итоги выполнению первой пятилетки, подчеркнул, в частности, необходимость «твердого проведения хозрасчета и договорной дисциплины между хозорганами».

А между тем, несомненно, что как теоретическая, так и практическая разработка проблемы хозрасчета явно недостаточна. Довольно богатая литература по хозрасчету ограничивается либо повторением принципиальных установок, либо описанием практики. И применительно к проблеме хозрасчета можно констатировать отставание теории от практики.

Настоящая статья не имеет целью ни освещение истории хозрасчета, ни изложение практики его проведения в различных отраслях нашего хозяйства, ни исчерпывающей сводки теорий и теоретических извращений хозрасчета. Она представляет собою попытку поставить и наметить разрешение некоторых основных, связанных с хозрасчетом вопросов, в частности, правовых.

Бесспорно, что теория и практика хозрасчета приводят к выводу о необходимости пересмотра некоторых положений теории советского хозяйственного права. Поэтому наряду с постановкой основных теоретических проблем хозрасчета необходимо поставить также и вопрос о том, каковы выводы из этих положений для советского хозяйственного права, в особенности, для вопроса о правосубъектности. Ни в какой мере не претендуя не только на исчерпание этих вопросов, но и на их окончательное решение, а делая лишь попытку

---

[4] Стецкий, Речь на XVII партконференции. Стеногр. отчет, с. 190—191.

наметить его, мы полагаем, что эти вопросы имеют не только теоретическое и общеполитическое значение, но и большое практическое значение. Это особенно ясно по отношению к проблеме правосубъектности в социалистическом секторе хозяйства. И здесь стоит задача использовать советское право, как форму политики пролетарской диктатуры, в качестве одного из средств закрепления и защиты социалистической собственности—важнейшей основы, одного из орудий в строительстве бесклассового социалистического общества. Не создание голой юридической формы, фетиша закона, свойственного буржуазно-юридическому мировоззрению, а использование советского права, как одного из средств организации отношений в социалистическом хозяйстве,—такова задача.

2. ХОЗРАСЧЕТ И ПЛАН

Хозрасчет неразрывно связан с планом. Это положение подчеркивается всеми директивами партии и правительства. Хозрасчет, как один из методов осуществления плана—такова неизменная директива партии и правительства. Это положение совершенно ясно вытекает и из директив XII партсъезда (резолюция о промышленности), и из законодательства о трестах, и из постановления ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г. о реорганизации управления промышленностью, и из директив о кредитной реформе, и из постановлений XVII партконференции, и из директив январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г. и из всех других директив партии и правительства, имеющих какое бы то ни было отношение к плану и хозрасчету. Действительное проведение хозрасчета необходимо, именно, для выполнения плана социалистического строительства, именно, для выполнения плановых заданий, в частности заданий по поднятию производительности труда и снижению себестоимости.

Само собою разумеется, тезис о неразрывной связи хозрасчета с планом не может влечь за собой вывода о неизменности этого соотношения на всех этапах нашего развития. Наоборот, вся история развития советского хозяйства показывает, что это соотношение постоянно менялось, что хозрасчет, расширяясь и углубляясь, приобретал все большее значение как один из основных методов выполнения плана, что вместе с тем сегодняшние успехи социалистического планирования были бы невозможны без расширения и углубления хозрасчета, поскольку «составление плана есть лишь начало планирования» [5]. Но несмотря на эти различия сама неразрывность связи хозрасчета и плана, безусловность подчинения хозрасчета плану должна считаться бесспорной для всех этапов.

Этим тезисом теперь обычно начинается большинство работ о хозрасчете. Он выражается либо в форме утверждения о «диалектической связи хозрасчета и плана», либо в форме утверждения о «наличии неразрывной связи», либо в форме утверждения, что «хозрасчет невозможен вне плана».

И тем не менее большинство теоретических и практических извращений маркso-ленинской методологии и генеральной линии партии

[5] Сталин, Вопросы ленинизма, 1932, с. 553.

в вопросе о хозрасчете коренится в недооценке именно этого положения о неразрывной связи плана и хозрасчета. Поэтому защита его предполагает в первую очередь борьбу с буржуазными и оппортунистическими извращениями хозрасчета. Правильное понимание тезиса о неразрывной связи плана и хозрасчета требует, прежде всего, полной ясности в вопросе о сущности и значении социалистического планирования.

Социалистический народнохозяйственный план это не «субъективная» поправка к каким то объективным, стихийным закономерностям, а единство «субъективных» действий, т. е. политики пролетарской революции с «объективными» отношениями в нашем хозяйстве, единство на базе «господства политики над экономикой», единство, возможное лишь после социалистической революции, на базе диктатуры пролетариата и овладения командными высотами. Это единство, являющееся выражением первенствующей роли политики, возможно лишь потому, что руководство перестройкой старых общественных отношений и созданием новых находится в руках основной производительной силы общества—рабочего класса.

Социалистическое планирование охватывает все народное хозяйство. Несмотря на различную степень планового охвата различных отраслей советского хозяйства, несмотря на различные формы и методы воздействия на обобществленный и необобществленный сектор, несмотря на различие этих форм и методов в пределах необобществленного сектора (например, ликвидация капиталистической собственности и переделка мелко-товарной собственности) социалистический план есть план всего народного хозяйства. Он выражает господство пролетарской диктатуры в экономике, господство, завоеванное и укрепляемое в классовой борьбе. Поэтому положение о неразрывной связи хозрасчета с планом («вне плана нет хозрасчета») означает, что хозрасчет неразрывным образом связан с особенностями экономики переходного периода, означает, что о хозрасчете нельзя говорить применительно к капиталистическому хозяйству [6].

Что является главным, решающим для определения существа хозрасчета? Главным и решающим является а) оперативная и имущественная самостоятельность, «выявление лица» (т. е. учет и контроль) и «материальная заинтересованность», б) на базе и в пределах выполнения плана социалистического строительства. Решающим здесь является не тот или другой из этих элементов в отдельности, а оба эти элемента в их диалектическом единстве. Нет этого единства, значит нет хозрасчета. Незачем доказывать, что возможность этого единства дается только диктатурой пролетариата и обобществлением основных средств производства. Оперативная и имущественная самостоятельность, выявление лица, материальная заинтересованность—все это еще не дает хозрасчета. «Хозрасчетные» свойства эти элементы приобретают только тогда, когда они существуют на базе плана, в пределах плана социалистического строительства. Первая «сторона хозрасчета» (самостоятельность, материальная заинтересованность), взя-

---

[6] Ср. Л. Гинцбург, Вопросы управления хозяйством на XVII партконференции. «Совет. Гос.» № 2, 1932, с. 63—64.

тая сама по себе, т. е. вне определяющего ее плана, не только имеется в капиталистическом хозяйстве, но отражает основные черты капиталистического способа производства и капиталистических производственных отношений. Но эта «сторона» не дает хозрасчета. Этот порядок хозяйственных взаимоотношений становится хозрасчетом только на базе планового хозяйства, в условиях планового хозяйства.

Против этого положения выдвигаются два основных возражения. Первое из них сводится к тому, что это положение увековечивает хозрасчет. Если ограничиться тезисом о плановой сущности хозрасчета, то неизбежен вывод об «имманентности» хозрасчета плановому хозяйству любого этапа развития общества после социалистической революции. Но ограничиваться констатированием плановой сущности хозрасчета нельзя. Не предвосхищая дальнейшего изложения, здесь следует сказать, что хозрасчет, представляя собой способ осуществления ленинского принципа демократического централизма в управлении хозяйством (централизация планирования при децентрализации оперативного выполнения) и вместе с тем такой способ выполнения плана, который означает применение принципов *«буржуазного права»*, т. е. распределения по количеству и качеству труда [7]. В период строительства социализма хозрасчет теснейшим образом связан с использованием товарно-денежной формы. Речь идет не о капиталистической торговле, а о советской торговле, о советских деньгах, которые социализм использует «*против* капитализма... для построения социалистического фундамента нашей экономики»[8].

Поэтому тезис о плановой сущности хозрасчета не означает увековечивания хозрасчета. Он не снимает вопроса о пределах существования хозрасчета в бесклассовом обществе.

Второе возможное возражение против положения о плановой сущности хозрасчета исходит из многочисленных извращений хозрасчета в нашей хозяйственной практике. Известно, что главная, правая опасность в этом вопросе заключается в буржуазно-нэпманском извращении хозрасчета, т. е. в понимании хозрасчета, ориентирующемся *только* на оперативную и имущественную самостоятельность и материальную заинтересованность данного предприятия, в таком понимании хозрасчета, которое противоречит плану и интересам социалистического хозяйства, как целого. Не будем приводить множества фактов этого рода, фактов широко известных и получивших должную оценку. На основании фактов извращений делают вывод о том, что хозрасчет есть чисто капиталистическая категория, только используемая в переходный период и поэтому и создающая возможность извращений. Такой вывод совершенно неоснователен и неприемлем. К изложенной аргументации полностью применимо то, что говорил т. Сталин на январском пленуме ЦК и ЦКК 1933 г. по вопросу о колхозе как о социалистической форме хозяйства, о колхозе, который «далеко еще не гарантирован от всякого рода опасностей и проникновения в руководство колхозом всякого рода контрреволюционных

---

[7] Эту именно мысль подчеркивал т. Молотов в докладе на VI съезде советов СССР.

[8] Сталин, Заключительное слово к докладу на XIV партсъезде, Стеногр. отчет, с. 496.

элементов, не гарантирован от того, что при известных условиях колхозы могут быть использованы антисоветскими элементами в своих целях»[9]. Тов. Сталин, сравнивая колхозы с советами, говорил: «Советы являются социалистической формой *политической организации*. Как колхозы, так и советы являются величайшим завоеванием нашей революции, величайшим завоеванием рабочего класса. Но колхозы и советы представляют лишь *форму* организации, правда, социалистическую, но все же *форму* организации. Всё зависит от того, какое *содержание* будет влито в эту форму. Мы знаем случаи, когда советы рабочих и солдатских депутатов поддерживали на известный период контрреволюцию против революции»[10]. Можно ли на основе этих фактов и на основе фактов использования колхозов контрреволюционными элементами делать вывод о том, что колхозы или советы являются буржуазной или хотя бы нейтральной формой, лишь используемой строящимся социализмом? Безусловно, нет. Колхозы являются одной из социалистических форм хозяйственной организации. Советы являются социалистической формой политической организации.

Несмотря на все особенности вопроса о хозрасчете, мы полагаем, что аргументация т. Сталина целиком применима и к вопросу о хозрасчете. Можно ли на основании фактов буржуазно-нэпманских извращений хозрасчета сделать вывод о том, что хозрасчет есть какая-то нейтральная форма организации хозяйства? Нет, такого вывода сделать нельзя. Хозрасчет является одной из форм организации хозяйства переходного от капитализма к коммунизму периода, т. е. он является социалистическим методом управления хозяйством.

Высказанные положения неизбежно приводят к выводу о недопустимости постановки вопроса о хозрасчете применительно к капиталистическому хозяйству. Здесь, однако, встает еще один вопрос. Можем ли мы сказать, что отрицая возможность хозрасчета в капиталистическом хозяйстве, мы должны допустить возможность его существования в необобществленном секторе советского хозяйства, поскольку мы говорим, что план у нас охватывает все хозяйство, в том числе и необобществленный сектор. Очевидно, такой вывод недопустим, ибо он исходит из механистического извращения тезиса о плановом единстве советского хозяйства, из правооппортунистической недооценки классовой борьбы, из непонимания того, что план социалистического строительства есть план победы элементов социалистических над элементами капиталистическими, план борьбы с капиталистическими элементами, ликвидации капиталистических элементов и переделки мелкотоварных элементов. Он исходит из непонимания того, что план построения бесклассового общества есть план классовой борьбы. Никто, правда, прямо и не говорит о том, что, скажем, капиталист-предприниматель, или кулак или даже единоличник, или любой «частный собственник» в СССР находились или находятся на хозрасчете. Однако, это положение стоит упоминания потому, что оно связано с еще одной существенной предпосылкой

---

[9] Сталин, О работе в деревне, М. 1933, с. 10.
[10] Там же.

хозрасчета, непосредственно вытекающей из данных выше основных положений, характеризующих хозрасчет.

Хозрасчет означает определенную самостоятельность в пределах некоего целого—планового целого. Частный предприниматель, носитель частной собственности, по природе своей индивидуалистичен и неорганизован. У него «свой план»[11]. Нельзя говорить о его плановости, ибо в условиях пролетарской революции для него, в конечном итоге, есть только плановость гибели. Это значит, следовательно, что хозрасчет возможен только на базе социалистической собственности. Социалистическая собственность является основой советского строя. Высшей формой обобществления является государственная социалистическая собственность. Кооперативная собственность в условиях пролетарской диктатуры есть собственность социалистическая; она, однако, отличается меньшей степенью обобществления. Хозрасчет в его наиболее ясно выраженной, наиболее «чистой» форме связан именно с высшей формой обобществления, с государственной социалистической собственностью. Этот вывод следует из социалистической (а не капиталистической) «природы» хозрасчета, как метода управления социалистическим хозяйством. В государственной собственности налицо наиболее яркое выражение диалектического единства социалистической собственности при закреплении и оперативном обособлении отдельных ее частей за отдельными хозрасчетными звеньями. Поэтому нельзя механически переносить хозрасчет с государственной социалистической собственности на кооперативную социалистическую собственность. Опыт борьбы со всякого рода оппортунистической теорией и практикой ясно показывает, куда ведет теоретическая «уравниловка» в этом вопросе. Хозрасчет применим в кооперативном хозяйстве, ибо и кооперативные предприятия—социалистические по типу. Но надо учитывать различия в единой социалистической собственности. Особенно ясна необходимость учета этих различий в вопросе о проведении хозрасчета в колхозах.

Изложенные выше положения, характеризующие плановую «сущность» хозрасчета, характеризующие его, как социалистический метод управления хозяйством, отсутствующий в капиталистическом обществе, связанный с социалистической собственностью, определяют, как нам кажется, как теорию и практику хозрасчета, так и борьбу на два фронта в вопросах хозрасчета.

Надо прежде всего упомянуть о теориях, рассматривающих хозрасчет, как некую *нейтральную* форму, заполняемую в различных общественно-экономических формациях различным содержанием. В качестве примера укажем на следующее положение: «Проблема хозрасчета возникает всегда, когда устанавливаются определенные соотношения между хозяйственным целым и его частями. Вместе с изменением социально-экономических отношений меняются содержание и форма связей, но принцип хозрасчета остается«[12]. Таков же исходный пункт и другой работы, в которой содержится следующее

---

[11] Ср. Л. Гинцбург, О хозрасчете, М. 1931, с. 18.

[12] Дукор, статья в журнале «Пути индустриализации», № 13—14, 1929.

положение: «Основой управления предприятиями в Германии, как теперь и у нас, является *хозрасчет предприятия*. Хозрасчет проведен там гораздо более последовательно, чем у нас» [13]. Правда, одновременно констатируется глубокая пропасть, отделяющая советское хозяйство от капиталистического, но суть дела в отношении хозрасчета от этого не меняется.

Что означают приведенные положения? Они означают, во-первых, выхолащивание из хозрасчета его политического существа, характеризующего его, как метод управления социалистическим хозяйством. Они означают, во-вторых, полный отрыв хозрасчета от плана. Они означают, в-третьих, сведение хозрасчета к взятому вне времени и пространства, вне соотношения классовых сил, вне того или иного способа производства, обособлению предприятия от всего хозяйства и тому или иному учету его деятельности.

Нетрудно заметить, что в основе этих ошибочных положений лежит та же методология, которая лежит в основе закона трудовых затрат, т. е. стремление отыскать абстрактную, пригодную для различных общественно-экономических формаций форму. Закон трудовых затрат исходит именно из такой формы, устанавливая лишь, что во всяком обществе труд как-то затрачивается, устанавливая наличие каких-то пропорций. Но ведь суть дела заключается именно в том, как, чем и какого порядка пропорции устанавливаются. Думается, та критика, которой подвергся «закон трудовых затрат», целиком применима и к теории нейтрализации хозрасчета» [14]. Вместе с тем не трудно установить, что теории «нейтрализации» хозрасчета влекут за собой с одной стороны троцкистскую концепцию методов управления нашим хозяйством, как методов капиталистических, а с другой стороны—увековечивание хозрасчета. Ибо какие-то отношения «между хозяйственным целым и его частями», очевидно, имеются и будут во всяком хозяйстве. Положение создается такое же как при применении термина собственности «вообще» к социалистической собственности переходного периода, в то время как следует говорить о принципиальной противоположности собственности социалистической и собственности частной [15].

Другая также неприемлемая точка зрения, о которой необходимо упомянуть, заключается в том, что хозрасчет рассматривается, как результат сожительства с необобществленным сектором. Хозрасчет объясняется «наличием в стране капиталистических элементов, пытающихся сорвать социалистическое строительство, т. е. обострением классовой борьбы» [16].

---

[13] Гольцман, Управление промышленностью в Германии и в СССР, 1930, с. 12. Ряд положений, подобных двум, приведенным выше, и даже идущим дальше их, приведен т. Загвязинским в статье в журнале «Сов. гос-во», № 7/8, 1932.

[14] Ср. Л. Гинцбург, О хозрасчете, с. 23, и статью М. И. Ельевича и Шахназарова в сборнике «Организационные вопросы хозрасчета в промышленности». 1933, С. 10.

[15] П. И. Стучка. Курс Сов. Гражд. права, т. I, с. 146 и сл., т. III, с. 24 и сл.

[16] Зайцев, ст. в журн. «СГ и РП» № 7 за 1931 г., с. 95.

Здесь мы имеем по существу один из вариантов теории капиталистического характера хозрасчета.

Против этой точки зрения вопиют факты. А факты—вещь упрямая. Каковы факты? Факты таковы: восстановительный период создал базу для дальнейшего развернутого социалистического наступления, в ходе дальнейшего строительства социализма завершено построение фундамента социалистической экономики, в результате первой пятилетки «капиталистические элементы вытеснены из промышленности окончательно и бесповоротно, а социалистическая промышленность стала единственной формой индустрии в СССР»[17]. Таким образом все развитие нэпа означает сужение и вытеснение частного сектора, а затем ликвидацию кулачества, т. е. основы капитализма в сельском хозяйстве; вторая пятилетка имеет своей задачей окончательную ликвидацию капиталистических элементов и построение бесклассового социалистического общества. И одновременно хозрасчет, характеризовавший в восстановительном периоде только тресты и подобные им (по положению в системе хозяйства) звенья, спускается до производственных предприятий, ставших основным звеном управления, а далее—до цехов и бригад. Развертывание социалистического строительства, борьба за выполнение народнохозяйственного плана, борьба за внутрипромышленное накопление, борьба против обезлички означают расширение и углубление хозрасчета. Иными словами вытеснение и ликвидация капиталистических элементов не повлекли за собой «отмирания» хозрасчета (как это должно было бы быть по изложенной выше теории); наоборот, борьба за победу социализма, борьба за выполнение плана потребовала укрепления, расширения и углубления хозрасчета. Вот почему применительно ко второй пятилетке получается так, что «хозрасчет—один из наиболее ярких образцов применения ленинских принципов управления хозяйством к конкретной обстановке построения законченного социалистического общества на возведенном уже фундаменте социалистической экономики»[18]. Вот почему «хозрасчет—основное средство организационно-хозяйственного укрепления всех звеньев системы управления народным хозяйством», а следовательно, и способ укрепления социалистической собственности.

Можно было бы привести еще ряд теоретических аргументов против теории обусловленности хозрасчета необобществленным сектором. В этом, однако, нет необходимости, ибо практика социалистического строительства есть лучший критерий для теории. А эта практика показала полную несостоятельность упомянутой теории.

3. ХОЗРАСЧЕТ КАК МЕТОД УПРАВЛЕНИЯ

Известно, что в первые годы реконструктивного периода распространено было мнение, что хозрасчет исчерпает себя на протяжении пары ближайших лет, во всяком случае, в течение первой пятилетки. Предположения такого рода встречаются даже в 1931 г. «Мы

---

[17] Сталин, Доклад на январском объединенном пленуме ЦК и ЦКК 1933 г.

[18] Гинцбург, «Вторая пятилетка» в сборнике «15 лет советского строительства», М., 1932, с. 410.

можем заявить совершенно определенно,—писал тов. Н. Вознесенский[19], что недалеко время, когда мы в условиях полного социалистического общества сможем и должны будем осуществить указания Маркса и Энгельса. Несомненно, что эти проблемы станут практическими задачами в процессе осуществления нового перспективного плана 1933—1937 гг. Однако, на нынешнем этапе перед нами задача—укреплять всеми силами хозрасчет, т. е. контроль рублем за выполнением планов и накоплением прибылей». В цитированном отрывке т. Вознесенский имеет в виду, главным образом, перспективы денег в советском хозяйстве и роль рабочего времени, как «меры индивидуального участия производителей в совокупном труде» (Маркс). Не затрагивая этой проблемы здесь, мы хотели бы все же отметить, что из цитированного отрывка следует вывод о необходимости укрепления хозрасчета в течение первой пятилетки («на нынешнем этапе») и о неизбежности изменения этого положения во второй пятилетке.

Практика социалистического строительства полностью опровергла эти прогнозы. В чем корень сказавшейся здесь недооценки хозрасчета? В том, что хозрасчет не рассматривается как метод управления социалистическим хозяйством, а понимается только, как результат существования рынка и денег. Между тем, хозрасчет, будучи теснейшим образом связанным с наличием товарно-денежной формы, отнюдь не является простым ее отражением. Само собой разумеется, было бы совершенно недопустимо не учитывать теснейшей связи хозрасчета с советским товарооборотом—с советской торговлей и с советской денежной системой. Такого рода позиция могла бы привести только к извращению хозрасчета, к «левацкой» недооценке советской торговли, к левацкому пренебрежению денежной системой. Однако это не значит, что следует рассматривать хозрасчет только как отражение этой «стороны» советского хозяйства (т. е. наличия товара и денег). Ибо хозрасчет является прежде всего *методом управления* социалистическим хозяйством, причем таким методом, при помощи которого для управления используется и советский товарооборот и советская денежная система.

Точка зрения, рассматривающая хозрасчет только как отражение рынка и денег, грешит совершенно недопустимым отрывом обращения от производства. Часто при этом советский «рынок» и советские деньги отождествляются с рынком и деньгами капиталистическими (в откровенно-буржуазных и во вредительских теориях). Такая точка зрения по существу мало отличается от теорий, рассматривающих хозрасчет как капиталистическую категорию. Но и в тех случаях, когда нет такого отождествления, т. е. когда речь идет о *советской* торговле, о *советской* денежной системе, как об элементах, единственно определяющих, конституирующих хозрасчет, мы имеем дело с неправильными, неприемлемыми теориями. Почему? Потому что в этой концепции совершенно пропадает характеристика хозрасчета как метода управления социалистическим хозяйством, метода, применяемого в *определенных* конкретных

[19] Н. Вознесенский. Хозрасчет и планирование на современном этапе, «Большевик» № 9, 1931 г., с. 40.

условиях, на определенных (а не всех) этапах развития хозяйства после пролетарской революции, но именно *метода* управления хозяйством. Тем, что хозрасчет есть только отражение товарно-денежной формы—никак нельзя объяснить развития хозрасчета в реконструктивном периоде (в частности, углубление хозрасчета, «спуск» его до предприятия, цеха, бригады). И последовательное доведение этого положения до конца неизбежно должно привести к выводу, что хозрасчет внутри предприятия уже не есть хозрасчет. Именно такой вывод и был сделан—А. В. Венедиктовым в 1928 г.[20].

Этот вывод опровергается всей дальнейшей практикой хозяйственного строительства, опровергается, в частности, и материалами позднейшей работы того же автора[21]. Не в том, конечно, неправильность теории А. В. Венедиктова, что он не учитывал дальнейшего углубления и развития хозрасчета (предприятие, цех, бригада), которого (углубления) тогда еще не было, или которое только намечалось, а в том, что для анализа хозрасчета были взяты неверные установки по вопросам плана и рынка, механистическое понимание соотношения плана и рынка. Именно из этих положений и вытекало резкое разграничение двух организационных начал в предприятиях последовательно-социалистического типа и ряд других выводов [22], в частности и по отношению к роли и месту хозяйственного права в этих отношениях. Именно из них и выросло учение о двух хозрасчетах—одном настоящем (товарные элементы), а другом—условном, «внутреннем», без товарных элементов.

Но здесь надо упомянуть и о другом. Хозрасчет, скажут нам, возник с началом нэпа, хозрасчет возник в связи с допущением известной свободы торговли, в связи с «развертыванием товарооборота». Следовательно, его и нужно рассматривать как отражение советского товарооборота, и только как отражение. В самом деле, хозрасчет в первые годы нэпа выступает как «коммерческий» расчет: хозрасчет означал тогда прежде всего самостоятельное участие переведенного на хозрасчет предприятия в товарообороте. Можно ли из этого делать вывод, что хозрасчет исчерпывается этими «рыночными» элементами? Нет, нельзя. Хозрасчет первого этапа нэпа был повернут «лицом» к рынку, ибо оперативная самостоятельность предприятия в условиях развертывающейся свободы торговли и «не могла быть ничем, кроме *коммерческой* самостоятельности» [23]. А дальнейшее развитие хозрасчета пошло по пути роста его значения, как метода руководства *производством*. Почему в первый период нэпа хозрасчет был повернут «лицом» к рынку? Потому, что тогда план не имел столь оперативного характера, как в настоящее время. Он устанавливал лишь общие рамки работы предприятий: «на ближайший период,—говорится в резолюции XII съезда РКП(б),—задача имеет, таким образом, общедирективный и в значительной мере

---

[20] А. В. Венедиктов, Правовая природа госпредприятий, изд. 2, ЛНГ. 1928.

[21] См. А. В. Венедиктов, Хозрасчет предприятия и цеха, в сб. Организационные вопросы хозрасчета в промышленности. Л. 1933.

[22] См. А. В. Венедиктов. Правовая природа, стр. 3, 87, 171.

[23] Л. Гинцбург, О хозрасчете, 1931, с. 13.

подготовительный характер[24]. А дальнейший рост и укрепление социалистического планирования привело к тому, что «план стал реальным основанием установления, изменения и прекращения хозяйственных отношений»[25].

Само собой разумеется, что этот рост оперативности планирования, конкретизация плана для каждого звена хозяйства, спуск его до каждого звена были бы невозможны без хозрасчета.

Спрашивается: тот факт, что хозрасчет в первый период был повернут «лицом» к рынку («коммерческий расчет») влечет ли за собой вывод о том, что хозрасчет является лишь формой *приспособления* социалистического хозяйства к рынку и не является методом управления хозяйством? Нет, такой вывод был бы неправилен. Всегда— и в первый период нэпа—вопросы производства стояли на первом плане. Но именно интересы производства требовали тогда *такого метода управления, который был бы повернут лицом к рынку*. Мы имеем совершенно ясные указания Ленина по этому вопросу. «Правильная политика» требовала товарообмена. Этот товарообмен сорвался: «сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу». Далее Ленин говорит: «потрудитесь приспособиться к ней (к купле-продаже, торговле—Б. Р.), иначе стихия купли-продажи, денежного обращения захлестнет вас»[26].

Что следовало из создавшегося в начале нэпа соотношения классовых сил, из хозяйственного положения страны?». «В данный момент,—говорил Ленин в конце 1921 г.,—в той области деятельности, о которой идет речь, таким звеном является оживление внутренней *торговли* при ее правильном государственном регулировании (направлении). Торговля—вот то «звено» в исторической цепи событий, в переходных формах нашего социалистического строительства 1921—1922 гг., «*за которое надо всеми силами ухватиться*» нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы *теперь* за это звено достаточно крепко «ухватимся», мы *всей* цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических общественно-экономических отношений не создать»[27]. Что следует из этих указаний Ленина? Из них следует, что поворот лицом к торговле означал необходимость ухватиться за главное звено, не ухватившись за которое нельзя было вытянуть всей цепи. Это значит, что и методы управления хозяйством должны были обеспечить возможность ухватиться за это главное звено. Это значит, что и методы управления хозяйством должны были быть тогда повернуты «лицом» к рынку. Вот почему Ленин в записке к Сокольникову[28] предлагал так жестко проводить коммерческий расчет. Но это значит, что недопустимо недооценивать хозрасчет как метод управления хозяйством не только сейчас, когда цепь в основной своей части вытянута, когда

---

[24] Савельев и Поскребышев, Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам, 1931, с. 112.
[25] Гинцбург, О хозрасчете, 1931, с. 20.
[26] Ленин, т. XXVII, с. 68.
[27] Ленин, т. XXVII, с. 82.
[28] Ленин, собр. соч., т. XXIX.

фундамент социалистической экономики уже возведен, но и применительно к первому этапу нэпа. Ибо рынок вовсе не «съедал» и тогда хозрасчета, как метода управления. Хозрасчет есть метод конкретного управления хозяйством: конкретные условия требовали тогда поворота лицом к товарообмену, «к рынку».

Итак, хозрасчет—это метод (не всеобщий и абстрактный, а конкретный метод) управления социалистическим хозяйством в условиях пролетарской диктатуры. С этой стороны он представляет собой одну из форм применения ленинских принципов управления хозяйством. Хозрасчет одна из форм социалистического централизма[29]) или своеобразного демократического централизма в управлении хозяйством. «Каждая фабрика, каждая деревня,—говорит Ленин,—является производительно-потребительской коммуной, имеющей право и обязанной по-своему применять общие советские узаконения («по-своему» не в смысле нарушения их, а в смысле разнообразия форм проведения их в жизнь), по-своему решать проблему учета производства и распределения продуктов. При капитализме это было «частным делом» отдельного капиталиста, помещика, кулака. При советской власти это—не частное дело, а важнейшее государственное дело»[30].

Только рассматривая хозрасчет как метод управления социалистическим хозяйством, мы сможем правильно понять основные этапы развития хозрасчета. Становится понятным, почему в первый период нэпа хозрасчет проводился в форме коммерческой самостоятельности. В самом деле, при том хозяйственном положении, в котором находилась страна в начале нэпа, возможна ли была развернутая централизация планирования? Нет, невозможна. Эта централизация тогда превратилась бы в бюрократизацию, ибо задача тогда имела главным образом «общедирективный характер», ибо хотя плановое начало по объему немногим должно было отличаться от планового начала военного коммунизма, «но оно радикальнейшим образом отличается по методам. Главкократическое администрирование сменяется хозяйственным маневрированием»[31]. Для дальнейшего усиления централизации планирования необходимо было укрепление материально-производственной базы социалистического сектора, улучшение дела с кадрами хозяйственников и т. д.

С этой точки зрения становится понятным, почему хозрасчет охватил в первую очередь промышленность и несколько позднее

---

[29] См. резолюцию IX съезда РКП(б) об очередных задачах хозяйственного строительства: «...Советское хозяйство перейдет от нынешних форм централизма, носящего на себе еще следы капиталистических трестов, к подлинному социалистическому централизму, охватывающему единым планом хозяйство во всех его отраслях и во всех частях страны», См. Савельев и Поскребышев, Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам, с. 17, см. также Каравайкин, Реорганизация системы управления промышленностью, «Сов. гос.», № 7/8 за 1932, № 69—72, помещенную в этом же сборнике статью т. Липецкера, с. 72—127.

[30] Ленин, т. XXII, с. 455—456. Тов. Каравайкин, как нам кажется, правильно видит в этом отрывке наметку основных черт хозрасчета—мы добавим, именно как метода управления.

[31] Савельев и Поскребышев, Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам, 1931, с. 113.

стал внедряться в другие отрасли хозяйства. Становится также понятным, почему в восстановительном периоде основным хозрасчетным звеном был трест, а в реконструктивном периоде на хозрасчет переведено производственное предприятие, являющееся ныне «основным звеном управления промышленностью» [32]. Становится далее понятным, почему дальнейшее развитие и углубление хозрасчета пошло по линии цехов и бригад. Становится вместе с тем понятным, почему советская кредитная система, как одно из важнейших средств контроля рублем, могла перестроиться коренным образом только в последние годы.

Итак, хозрасчет не просто отражение сохранения в советской экономике товарно-денежных форм хозяйствования, а метод управления социалистическим хозяйством, представляющий собой одну из форм проведения принципа демократического централизма (своеобразного демократического централизма).

Объем, пределы и особенности хозрасчета на разных этапах нэпа зависят от соотношения сил классов, от роста производительных сил, от укрепления социалистического сектора, от укрепления социалистического планирования, от роста новых кадров и т. д.

4. ХОЗРАСЧЕТ И «БУРЖУАЗНОЕ» ПРАВО

Констатируя, что хозрасчет есть прежде всего метод управления социалистическим хозяйством и развивая это положение, мы выше уже подчеркнули, что это ни в коей мере не означает увековечения хозрасчета, ибо хозрасчет такой метод управления хозяйством, специфика которого дается только определенными этапами развития хозяйства после пролетарской революции. Само собой разумеется, такая постановка вопроса обязывает попытаться ответить на вопрос, каким этапам развития социалистического хозяйства «присущ» хозрасчет. Сделанное нами выше указание на то, что хозрасчет является одной из форм осуществления демократического централизма в управлении хозяйством еще не решает этого вопроса.

В этой связи необходимо начать с вопроса о хозрасчете, как форме контроля рублем, следовательно, о хозрасчете в связи с финансовой системой переходного периода. Представляется совершенно бесспорным, что как практика социалистического строительства, так и все директивы партии и правительства дают ясные и точные указания о недопустимости всякого рода разговоров об отмирании денег уже теперь, всякого рода практических действий, объективно исходящих из положений, игнорирующих или недооценивающих нашу финансовую систему. Такие установки ведут на деле не только к срыву хозрасчета, они ведут к подрыву и ослаблению социалистического строительства, они подрывают социалистическое накопление, подрывают, следовательно, материальную базу социализма. Практика извращений кредитной реформы, практика игнорирования советского рубля ясно это показали. Эти «теория» и практика получили исчерпывающую оценку—в решениях XVII партконференции. Решения январского пленума ЦК и ЦКК 1933 г. подчеркнули необходимость

---

[32] Там же, с. 641.

дальнейшего укрепления нашей финансовой системы и потребовали «строжайшей бюджетной и кредитной дисциплины как по доходам, так и по расходам», а в непосредственной связи с этим «твердого проведения хозрасчета и договорной дисциплины между хозорганами». Налицо, следовательно, теснейшая связь хозрасчета с финансовой системой и контролем рублем.

Однако, неправильно было бы делать такой вывод, будто хозрасчет просто учет и контроль в денежной форме и что «только последний момент» («денежная форма») отличает хозрасчет от учета и контроля, свойственного дальнейшим этапам развития общества. Мы уже говорили выше, что сведение хозрасчета к учету и контролю, хотя бы и в денежной форме, недостаточно подчеркивает свойственную хозрасчету активность воздействия на хозяйственные отношения, недостаточно характеризует хозрасчет как метод управления социалистическим хозяйством. А кроме того такая характеристика не раскрывает главного—какие же производственные отношения выражает хозрасчет?

Хозрасчет выражает производственные отношения социалистического хозяйства, о которых говорит Маркс в «Критике Готской программы» и Ленин в «Государстве и революции». Хозрасчет—форма применения к управлению социалистическим хозяйством принципа «буржуазного» права, т. е. принципа оплаты и распределения по труду. Принцип «буржуазного» права (Маркс) определяет меру труда и долю участия в общественном продукте не только отдельного трудящегося—работника социалистического общества, но и хозяйственных организаций [33]. Само собой разумеется, этот «буржуазный» принцип в условиях пролетарской диктатуры проводится совершенно иначе, чем при капитализме, ибо «принцип и практика не ссорятся более». Само собой разумеется, также, что применение этого принципа к хозяйственным организациям отличается *от применения его к отдельному трудящемуся; но хозрасчет это именно принцип оплаты по труду, примененный к звеньям социалистического хозяйства и в первую голову к последовательно-социалистическим хозяйственным организациям,* за которыми «закреплены» известные части единого фонда государственной социалистической собственности.

В чем конкретно выражается в хозрасчете предприятия применение принципа «буржуазного» права, принципа оплаты по труду? В том, что на основе оперативно-имущественной самостоятельности *хозрасчетного звена результаты его деятельности измеряются количеством и качеством его (общего для звена) труда, в том, что последствия применения этой меры труда отражаются на материально-финансовом его положении,—т. е. что «мерой труда» определяется «мера потребления» либо в форме изъятия материальных ценностей (взыскание убытков, неотпуск средств, кредита), либо в форме «выявляющих лицо» звена ценностных показателей.*

---

[33] См. Л. Гинцбург, Вопросы управления хозяйством в решениях XVII партконференции. Сов. госуд. № 2 за 1932, с. 62—63. Его же, «Вторая пятилетка», в сборн. «15 лет сов. строительства», стр. 413.

Каравайкин, Реорганизация управления промышленностью. Сов. гос. № 7/8 за 1932 г., стр. 87—88.

Здесь необходимо, однако, остановиться на одном вполне вероятном возражении против тезиса о том, что хозрасчет представляет собой применение к социалистической собственности принципа «буржуазного» права, принципа оплаты по труду. Это возражение заключается в ссылке на то, что Маркс и Ленин, говоря о «буржуазном» праве, имеют в виду лишь отношения распределения и что поэтому недопустимо говорить об этом принципе применительно к организации производства. Мы считаем, что такая точка зрения не выдерживает критики и противоречит марксову пониманию соотношения производства и распределения.

Говоря о распределении стоимости между владельцем рабочей силы, владельцем капитала и владельцем земельной собственности, Маркс указывает, что «это—отношения или формы распределения, так как они выражают те отношения, в которых вся вновь произведенная стоимость распределяется между владельцами различных факторов производства». Но Маркс указывает также, что «отношения распределения существенно тождественны с производственными отношениями, представляют лишь оборотную сторону последних, так что те и другие носят один и тот же исторический проходящий характер» [34]. Вместе с тем Маркс подчеркивает, что капитализм не только производит материальные продукты, но и непрерывно воспроизводит и те производственные отношения, в которых эти продукты производятся, воспроизводит следовательно и соответственные распределительные отношения. Маркс, наконец, прямо говорит, что «определенное распределительное отношение лишь отражает в себе исторически определенное производственное отношение», что «так называемые распределительные отношения создаются исторически определенными, специфически общественными формами процесса производства и теми отношениями, в которые вступают между собой люди в процессе воспроизводства своей человеческой жизни, и соответствуют этим формам и отношениям» [35].

В «Критике Готской программы» Маркс говорит о том, что «вульгарный социализм... перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать распределение как нечто независимое от способа производства» [36]. Ленин также считал, что научный социализм «не придает существенного значения распределению, объясняя общественный строй организацией *производственных отношений* и считая, что данная организация их уже включает в себя определенную систему распределения. Эта идея... проникает собой все учение Маркса» [37].

Из этих положений следует, что нельзя отрывать распределение от производства, нельзя допускать, что распределение может быть построено на принципе противоположном, или просто неприменимо в производстве.

«Структура распределения вполне определяется структурой производства,—говорит Маркс во «Введении к критике политической экономии». Распределение само есть продукт производства, не

[34] Маркс, Капитал, т. III, ч. II. 1932, с. 633, 634.
[35] Там же, с. 637, 638.
[36] Маркс, Критика Готской программы, изд. ИМЭЛ, М., 1932, с. 29.
[37] Ленин, т. I, с. 310.

только по своему предмету,—ибо распределяться могут только результаты производства,—но и по своей форме, ибо определенный способ участия в производстве определяет особую форму распределения,—форму, в которой каждый принимает участие в распределении» [38].

Вместе с тем Маркс подчеркивает, что «прежде чем распределение есть распределение продуктов, оно есть: *1) распределение орудий производства и 2)—что представляет собою дальнейшее определение того же отношения—распределение членов общества по различным родам производства (подчинение индивидов определенным производственным отношениям)*[39]. Это последнее указание Маркса для нас особенно важно.

Из него несомненно следует, что принцип распределения непосредственно связан с производством. Это значит, что принципы распределения могут и должны использоваться для организации производства и что применение « меры труда и потребления» не должно ограничиваться индивидами, а должно охватывать такие хозяйственные единицы, как предприятия, фабрики, заводы, как некую совокупность, часть обобществленного труда. Применительно к кредитно-финансовой системе Маркс в другом месте дает прогноз именно такого рода, прогноз, блестяще оправданный практикой нашего строительства. «Не подлежит наконец никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда,—однако, лишь как один из элементов в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства» [40].

Наконец, поскольку хозрасчет означает применение к государственным хозяйственным организациям принципа вознаграждения по труду, он неразрывно связан с *государственным принуждением*.

...«Тоже форма принуждения: «не работает, так не получит и есть»,—говорит Ленин по поводу тезиса Маркса об «узких горизонтах буржуазного права», еще не вполне превзойденных в низшей фазе коммунизма [41]. Принуждение является необходимым и в бесклассовом обществе в первой фазе коммунизма, как одно из средств воспитания к новой дисциплине. Оно должно применяться не только по отношению к индивидуумам, но и к хозяйственным звеньям. Задача по отношению к хозрасчетным звеньям хозяйства заключается конечно не в том, чтобы «продавать с молотка» убыточные предприятия, используя капиталистические методы определения жизнеспособности предприятия, а в том, чтобы дисциплинировать, воспитывать хозяйственные звенья, принудить, заставить их работать хорошо, опре-

---

[38] Маркс, К критике политической экономии, изд. ИМЭЛ, М., 1932, с. 27.

[39] Маркс, К критике политической экономии, 1933, с. 12. (Выделение мое—Б. Р.).

[40] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, 1932, с. 436.

[41] Ленин, Марксизм о государстве, цитирую по изд. ИМЭЛ, «Критика Готской программы», М., 1932, с. 84.

деляя их меру потребления мерой труда. Поэтому проведение хозрасчета не влечет за собой капиталистического банкротства ни для цеха, ни для завода, ни для треста или объединения. Но оно влечет за собой определенное воздействие, необходимое до тех пор, пока не преодолены «родимые пятна» капиталистического общества.

Изложенные нами соображения дают материал для ответа на вопрос о «границах» хозрасчета. Судьба хозрасчета оказалась неразрывно связанной с судьбой принципа вознаграждения по труду и государственного принуждения. Их границы есть одновременно и границы хозрасчета. Вознаграждение по труду и государственное принуждение в полной мере сохраняют свое значение для всей первой фазы коммунизма—социализма. Равным образом и хозрасчет «присущ» социалистическому хозяйству в течение всей первой фазы коммунизма—социализма. Он «отмирает» лишь с переходом ко второй развернутой фазе коммунизма.

5. ХОЗРАСЧЕТ КАК ПРАВООТНОШЕНИЕ

Положение о том, что хозрасчет неразрывно связан с применением принципа оплаты по труду, обязывает, очевидно, к дальнейшему выводу: поскольку мы имеем дело с хозрасчетными отношениями, постольку мы имеем дело с отношениями правовыми, т. е. *наличие хозрасчетных отношений неизбежно обусловливает наличие правоотношений*. В вопрос о соотношении хозрасчета и права должна быть внесена полная ясность. Иначе проблема «права и хозрасчета» не может быть в достаточной мере разрешена ни теоретически, ни практически. Можно ли считать, что формулированный нами тезис является для всех бесспорным и ясным? Нет, нельзя этого считать. Мы не будем разбирать здесь ряда откровенно-буржуазных теорий, исходящих из того положения, что план и право исключают друг друга, исходящих из несовместимости плана и хозрасчета. Для них хозрасчет есть, конечно, правовая проблема. Но для них хозрасчет есть проблема *буржуазно*-правовая (без кавычек), свидетельствующая о капиталистическом характере хозрасчета, о возврате нашей экономики к принципам капитализма [42]. Когда же *мы* говорим о хозрасчете, как о правовой проблеме, мы ставим вопрос применительно к *советскому* праву, к праву переходного периода, тому праву, которое является одним из орудий социалистической перестройки общества. Отрицание капиталистического характера хозрасчета, констатирование социалистического его характира означает недопустимость постановки вопроса о хозрасчете, как буржуазно-правовой проблемы, но отнюдь не делает неправомерной проблему «хозрасчет и советское право».

Правовые вопросы хозрасчета имеют большое теоретическое и практическое значение. Только при правильном их разрешении можно

---

[42] См. например цит. в «Введении» Л. Гинцбурга к «Сборнику материалов по хоз.-адм. праву», М., 1931, с. 4. Французский курс юристов-белогвардейцев Ельяшевича, Нольде и Тагера.

обеспечить полное использование советского права для действительного проведения хозрасчета, как метода управления социалистическим хозяйством. Недооценка здесь роли права неизбежно ведет к недооценке тех средств, которые находятся в распоряжении пролетарской диктатуры для воздействия на хозяйство. Вопрос этот имеет серьезное значение и для советского хозяйственного законодательства, как в смысле самой его системы, так и особенно в отношении того его раздела, который имеет дело с организационной структурой нашего хозяйства.

Положение о том, что наличие хозрасчетных взаимоотношений означает наличие правовых отношений, является бесспорным в советской литературе по отношению к объединению, тресту и производственному предприятию в целом. Да это и не может быть иначе при существующей практике хозрасчета, хотя бы эта практика (по отношению к производственному предприятию) и не была адекватно отражена в законе. Но это положение отнюдь не является общепризнанным применительно к отношениям внутри предприятия.

Мы не встречали нигде ясно и прямо выраженного положения о том, что хозрасчетные отношения «внутри предприятия» являются также в известной мере отношениями правовыми. Из изложенных выше положений, как нам кажется, бесспорно вытекает положительное решение этого вопроса, т. е. признание наличия правовых отношений и «внутри предприятия». Иной вывод несовместим с единством хозрасчета. Единство хозрасчета отнюдь не означает, конечно, тождества его на всех ступенях хозяйства. Поэтому и наличие правоотношений при всех хозрасчетных отношениях отнюдь не дает права говорить о *тождественности* этих правоотношений во всех хозрасчетных звеньях. *Наоборот, только положение о единстве хозрасчета дает возможность правильно понять различия хозрасчета и различия хозрасчетных правоотношений на разных, так сказать, ступенях нашей единой хозяйственной лестницы* (имеется в виду социалистический сектор, разумеется). Теории, отрицающие наличие всяких хозяйственных правоотношений «внутри» предприятия, объективно связаны либо с положениями, *механистически* разрешающими проблему «план-рынок», либо с «левацкими» установками, недооценивающими роли права в переходный к коммунизму период, либо с положениями, объективно приводящими к традиционному «цивильному», т. е. буржуазно-догматическому пониманию советского хозяйственного права.

В качестве примера неправильного разрешения проблемы хозрасчета как правовой проблемы остановимся на точке зрения А. В. Венедиктова. Автор считает, что «для правильного разграничения организационно-технических и правовых элементов в общей системе планируемого и регулируемого хозяйства необходимо прежде всего разграничить эти элементы в тех отношениях, в которые трест, как хозяйствующая организация, вступает с планово-регулирующими органами, с одной стороны, и со своими контрагентами, с другой. *Наличие разнородных элементов в этих отношениях обусловливается тем, что в организационной структуре треста «сосуществуют» два — отличных друг от друга — организационных начала: трест — хозяй-*

ственный орган государства. И в то же время—он юридическое лицо гражданского права»[43].

В ряде положений А. В. Венедиктова проявляется неправильная концепция гражданского права, *как абстрактной категории всякого товарного оборота*. Это особенно ясно вскрывается следующими положениями. «Если в области гражданско-правовых отношений госорганы *противопоставляются, тем не менее, друг другу в качестве особых субъектов права, то к этому принуждает самый механизм товарного оборота*, предпосылкой участия в котором является обладание гражданской правоспособностью. Для *внутренних отношений* госорганов *вне товарного оборота* необходимости в подобной персонификации не ощущается *даже* в *капиталистических государствах*, несмотря на всепроникающее влияние *товарной (гражданско-правовой)* формы отношений на все области буржуазного права. Тем менее имеется оснований к перенесению гражданско-правовых категорий на внутренние отношения советских государственных органов»[44].

Действительно, недопустимо переносить на «внутренние отношения» социалистического сектора гражданско-правовые категории, но категории *буржуазного* гражданского права. Зато, наоборот, недопустимо исключать из очень значительной части отношений в социалистическом секторе хозяйства категории *советского хозяйственного права*, ибо основами его являются социалистическая собственность и социалистическое планирование. Недооценка советского хозяйственного права влечет за собой, в лучшем случае, неиспользование одного из важнейших «инструментов» социалистического строительства. Нет никаких оснований исключать применение этого «инструмента» и внутри предприятия.

По мнению А. В. Венедиктова, кроме хозрасчета «настоящего», есть еще «внутренний» хозрасчет, представляющий «собой заимствование лишь *внешней формы* (*техники*) соответствующих институтов гражданского права, но не заимствование самых институтов, как таковых»[45].

Исходя из понимания гражданского права, как абстрактной формы товарооборота, автор приходит к выводу о том, что «настоящий» хозрасчет является отражением товарной формы и отрицает правовой характер хозрасчета внутри предприятия. Но позднейшая работа того же автора[46] дает материал, из которого неизбежен вывод о наличии правовых элементов (отношений советского хозяйственного права) и в хозрасчетных взаимоотношениях «внутри предприятия».

Прежде чем несколько детализировать положение о том, что *наличие хозрасчетных отношений обусловливает наличие в том или ином объеме и тех или иных правоотношений применительно к каждому хозрасчетному звену*, необходимо остановиться еще на одном

---

[43] Венедиктов, Правовая природа госпредприятий, Л., 1928, с. 3, ср. с. 171, где эти положения рассматриваются как отправной пункт исследования. Выделение мое—Б. Р.

[44] Там же, с. 87. Выделение мое—Б. Р.

[45] Там же, с. 27.

[46] См. А. В. Венедиктов, Хозрасчет предприятия и цеха в Сб. Организационные вопросы хозрасчета в промышленности. Л., 1933.

вопросе. Не означает ли только что подчеркнутое положение полной *юридизации* хозрасчета, рассмотрение хозрасчета *только* как проблемы права? Такой вывод не вытекает из наших положений.

Разве признание особого качества советского права и его революционной роли, понимание его как *одной из форм политики пролетарской диктатуры—означает юридизацию советского хозяйства, отрицание других форм политики?* Конечно, нет.

Подобно этому и тезис о том, что хозрасчетные отношения обусловливают наличие правовых отношений, означает не юридизацию хозрасчета, а определение места и роли советского хозяйственного права в проведении хозрасчета как метода управления социалистическим хозяйством.

Само собой разумеется, хозрасчетные отношения отнюдь не исчерпываются правом. Хозрасчет является проблемой экономической, технической, организационной. Хозрасчет в соединении с новыми формами труда является мощным средством для воспитания строителей социализма, для подготовки к новому, более высокому строю бесклассового общества и т. д. Однако необходимо рассмотрение и правовых вопросов хозрасчета, в частности разработка их в том направлении, чтобы выяснить, каковы по характеру и объему те правоотношения, которые имеются на различных, так сказать, ступенях хозрасчетности (трест, завод, цех).

Одним из важнейших элементов хозрасчета является договор. «И план, и договор и хозрасчет—все это элементы единой большевистской хозяйственной политики, проведение которой требует, разумеется, большевистского к себе отношения»—говорил т. Молотов на январском пленуме ЦК и ЦКК 1933 г. При этом, говоря о договорах между хозрасчетными звеньями надо иметь в виду как договоры объединений, трестов, производственных предприятий, так и договоры хозрасчетных цехов между собой и договоры хозрасчетных бригад. Если по отношению к первой группе (договоры между объединениями, трестами, предприятиями) вопрос о хозяйственно-правовой природе договорных отношений представляется бесспорным, то что касается остальных договоров, их иногда еще продолжают выделять в особую группу «договоров внутри предприятия», хозяйственно-правовой характер которых ставится под сомнение.

Такая точка зрения совершенно неосновательна. Все эти договоры являются, *несмотря на все их различия, хозяйственно-правовыми*. Да и какие аргументы можно было бы привести против того, что договор между двумя *любыми* хозрасчетными звеньями представляет собой хозяйственно-правовые отношения? Только тот аргумент, что договор «внутри предприятия» является не всамделишным договором, ибо здесь нет *товарообмена* и невозможна реальная ответственность в смысле изъятия имущества. Но этот аргумент означал бы принятие в качестве исходной позиции понимание и хозяйственного права и хозрасчета, как абстрактных товарных форм. Он означал бы неизбежное сползание на позиции меновой концепции права, игнорирование *единства* социалистической собственности и утверждение, что «закрепленность» имущества за хозрасчетными звеньями устраняет единство социалистической собственности, между тем и при

договорах между двумя предприятиями, когда имеется «реальный» переход товаров и ценностей, сохраняется единство фонда социалистической собственности и нет конкурирующих на рынке субъектов.

Но основное заключается в том, что хозрасчет вовсе не исчерпывается договором, хотя хозрасчет необходимо предполагает договор. Договор есть неизбежное следствие и вместе с тем условие действительного проведения хозрасчета как такого метода, который ликвидирует обезличку, дает оперативную самостоятельность, возлагает ответственность. Именно поэтому, игнорирование договора (во время извращений кредитной реформы, например) означало игнорирование хозрасчета. Но хозрасчет охватывает и, так сказать, структурные отношения в социалистическом хозяйстве, т. е. охватывает и отношения «сверху вниз» и «снизу вверх» (наркомат-трест, трест-предприятие, предприятие-цех). Здесь уже, как правило (исключение—хозрасчетные бригады, где хозрасчет «срастается» с социалистическим соревнованием), не применяется договор, ибо здесь он означал бы нарушение единоначалия. Но разве хозяйственно-правовая форма исчерпывается договорами? Разве хозяйственно-правовая форма не охватывает и определенных «структурных» отношений в нашем хозяйстве? Ясно, что и в отношениях «структурных», «сверху вниз», или «снизу вверх» также используется хозяйственно-правовая форма, что здесь также имеются отношения хозяйственного права. Они выражаются хотя бы в «выделении» определенного комплекса имущества из единого фонда социалистической собственности и закреплении его за хозрасчетным звеном, в установлении определенного объема оперативной и имущественной самостоятельности и ответственности каждого из этих звеньев по отношению в высшему, в определенной форме закрепления этой самостоятельности (например, наряд-заказ), в твердом порядке распределения лимитов кредита (предоставленный в распоряжении предприятия лимит может быть, как правило, изменен лишь при изменении плана), в твердом порядке распределения прибыли, экономии и т. д. *Разве все это не вопросы права, в частности советского хозяйственного права? Конечно это отношения хозяйственно-правовые. Но этот их правовой характер обусловливается не частно-правовой автономией отдельных хозяйственных единиц*, а единой социалистической собственностью, социалистическим планированием.

В несколько иных формах те же принципы применимы и к цеху. Цех состоит в хозрасчетных взаимоотношениях с заводом. Он состоит в хозрасчетных отношениях с другими цехами. Положение с оборотными средствами цеха (по отношению к заводу) не тождественно, но *аналогично* положению с оборотными средствами завода по отношению к тресту или объединению. Цех имеет определенные пределы оперативной самостоятельности по отношению к заводу. По постановлению президиума ВСНХ от 12/XI 1931 г. должны заключаться межцеховые хозрасчетные договоры.

Все это бесспорно говорит за то, что и в отношениях между цехами имеют место хозяйственно-правовые отношения. Правда, оперативная самостоятельность цеха и прочие признаки его хозрасчетности «не выходят за ворота завода». Но почему последние являются пределом для хозяйственного права? Такая постановка вопроса была понят-

на только при «товарной» (меновой) концепции советского права. Говорят, что в пределах завода нет «реального изъятия имущества», нет товарооборота. Это соображение связано с «товарной» концепцией хозрасчета и хозяйственного права.

Решающим является то, что и внутри завода *мы имеем дело с применением того же единого принципа хозрасчета*. Единство же хозрасчета не устраняет различий в степени «хозрасчетности» отдельных звеньев. Естественно, что и цеховой хозрасчет имеет целый ряд особенностей как в области договоров, так и по вопросу об ответственности, собственной материальной базы и т. д.

6. ХОЗРАСЧЕТ И ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ

Рост и углубление хозрасчета не может не отразиться на постановке вопроса о правосубъектности в советском хозяйственном праве. Актуальность этого вопроса усугубляется состоянием действующего хозяйственного законодательства.

Для нас вопрос о правосубъектности отнюдь не является отправным и решающим. Вопрос о субъектах права это проблема организационной структуры советского хозяйства.

В сущности основные положения ГК о субъектах права устарели сейчас и в отношении юридических и в отношении физических лиц. Формально до сих пор действует ст. 5 ГК, но в реальной действительности давно нет правоотношений, возможность которых ей предусматривается. В отношении государственных предприятий действует до сих пор декрет о трестах от 29/VI 1927 г., в силу которого входящие в состав треста производственные предприятия не пользуются правами юридического лица. Директор предприятия выступает «во-вне» до сих пор на основании доверенности. Эти положения совершенно не соответствуют действительной роли предприятия в советской системе хозяйства. Производственное предприятие давно стало «основным звеном» системы хозяйственного управления.

Хозяйственная, арбитражная и судебная практика давно уже вопрос о правосубъектности производственного предприятия решает в положительном смысле.

Это совершенно бесспорно вытекает из того порядка взаимоотношений, который был установлен поправками к кредитной реформе и законом 23/VII 1931 г. «О собственных оборотных средствах». Ликвидация обезлички оборотных средств и реальное проведение контроля рублем сделали неизбежным «выявление лица» каждого предприятия и в смысле его материальной ответственности. Само собой разумеется, что и судебная практика не могла остаться на позиции обезличения ответственности предприятий в составе треста или объединения.

Вопрос не исчерпывается однако правосубъектностью производственного предприятия. Изложенные выше положения, характеризующие хозрасчет как единый метод управления хозяйством, в различных формах применяемый на каждом данном конкретном звене социалистического хозяйства, приводят к выводу о том, что наличие хозрасчетных отношений неизбежно обусловливает наличие тех или иных правоотношений. *Но это значит, что каждое хозрасчетное звено обладает той или иной степенью правосубъектности*. В связи с

этим о правосубъектности, как нам кажется, необходимо говорить и по отношению к хозрасчетным звеньям «внутри предприятия», отнюдь не забывая, конечно, своеобразия и особенностей положения этих звеньев.

Это положение встречает возражения. Говорят, что нельзя игнорировать *принципиальной* разницы между отношениями «во-вне» предприятия с одной стороны и отношениями «внутри» предприятия — с другой. Если в первом случае речь идет о товарно-денежных операциях, о купле-продаже, о реальном эквиваленте, то, во втором случае, речь идет лишь об учетном, бухгалтерском обороте; здесь нет купли-продажи, ибо цех, бригада не покупают, а получают сырье и т. д. Такая постановка вопроса таит в себе опасность скатиться к меновой концепции советского хозяйственного права. Основная здесь беда непонимание *единства социалистической собственности, не устраняемого «закрепленностью» ее частей за отдельными хозрасчетными звеньями*. Именно из этого единства вытекает вывод об отсутствии *принципиальной* разницы между товарными отношениями «во-вне» предприятия и отношениями, скажем, между заводами-отделами или между цехами. Само собой разумеется, здесь есть очень существенные различия, однако, эти различия являются различиями внутри единой социалистической собственности, различиями конкретного оформления на разных ступенях хозяйства одного и того же принципа организации социалистического хозяйства — хозрасчета. Это различия конкретного содержания хозрасчетности каждого отдельного звена.

Другое возражение тесно связано в конечном счете с той же товарной (меновой) концепцией. Речь идет о недопустимости наделения правосубъектностью отдельных звеньев внутри предприятия, так как это будто бы означает противопоставление их предприятию в целом. Отсюда вывод, что хозрасчетные части предприятия представляют собой лишь самостоятельные *объекты* планирования и учета. Это рассуждение исходит из неверных предпосылок по вопросу о характере правосубъектности в советском хозяйственном праве. Ибо совершенно недопустимо рассматривать советское право как систему отношений между *противостоящими* друг другу автономными единицами. Одним из выражений качественных особенностей советского права является то, что *правосубъектность отдельных звеньев последовательно-социалистической собственности является одной из форм проявления единства этой собственности* и ни в коем случае не тождественна буржуазно-правовой автономии. Только с этой точки зрения нужно рассматривать вопрос о правосубъектности по советскому праву.

Для буржуазного права вопрос о лицах — основной вопрос всей системы права, как системы взаимоотношений между автономными единицами. Для нас этот вопрос должен стать иначе. Ибо в советском праве вопрос о лицах это прежде всего вопрос об организационной структуре хозяйства, и в этом частном вопросе советское хозяйственное право выступает как одна из форм политики пролетарской диктатуры.

Применительно к последовательно-социалистическому предприятию правосубъектность должна оформлять прежде всего опера-

тивно имущественную самостоятельность и ответственность в пределах плана, для выполнения плана на базе социалистической собственности.

Бесспорно, что именно это отношение (оперативно-имущественная самостоятельность и ответственность в пределах плана) и представляет собой содержание хозрасчета. Отсюда и следует вывод о *наличии правосубъектности в том или ином объеме у каждого хозрасчетного звена*. Ибо именно опосредствование этой самостоятельности составляет содержание правосубъектности в социалистическом секторе и именно с этой точки зрения должна быть признана неправильной теория об организационно-техническом характере всех этих отношений.

Единство хозрасчета, как метода управления хозяйством во всех хозрасчетных его звеньях ни в коем случае не означает *тождества* конкретных форм его проведения. Только диалектическое, а не механистическое понимание этого единства может обеспечить реальное проведение хозрасчета. Общеизвестны извращения хозрасчета, являющиеся следствием механического перенесения его в неизменном виде с одного хозрасчетного звена на другое, например, с предприятия и цеха—на бригаду. *Содержание и объем оперативно-имущественной самостоятельности и ответственности в пределах плана различны на различных ступенях, звеньях социалистического хозяйства, именно поэтому положение о правосубъектности каждого хозрасчетного звена отнюдь не влечет за собою вывода о тождественности этой правосубъектности для всех звеньев, наоборот, необходимо подчеркнуть различный объем и содержание правосубъектности разных хозрасчетных звеньев.*

Вопрос о правосубъектности имеет значение не только для теории советского хозяйственного права, но и для практики советского хозяйственного строительства: практика хозяйственного строительства требует разрешения его в законодательстве—именно потому, что вопрос о лицах в советском хозяйственном праве теснейшим образом связан с вопросами управления социалистическим хозяйством. На сегодняшний же день наше законодательство по этим вопросам совершенно недостаточно отражает происшедшие в экономике страны за первую пятилетку решающие перемены, как в смысле соотношения классовых сил, так и в смысле организационных отношений внутри социалистического хозяйства.

Эти изменения не укладываются, в частности, в имеющуюся в нашем законодательстве фигуру юридического лица. Не рассматривая вопроса о целесообразности или нецелесообразности сохранения *термина* «юридическое лицо» т. е. уклоняясь от спора по вопросам терминологии, необходимо все же отметить, что *фигура юридического лица в том виде, как она дана в гражданском кодексе, не учитывает кардинальных различий* в объеме правоспособности отдельных хозрасчетных звеньев. Это объясняется «универсальностью» категории юридического лица в смысле гражданского кодекса, несмотря на те поправки, которые у нас вносят в эту «универсальность», принципиальное различие социалистической и частной собственности, несмотря на те поправки, которые внесены были сюда установленным судебной и

арбитражной практикой принципом специальной правоспособности юридических лиц.

В таком виде, в каком дает юридическое лицо гражданский кодекс, правоспособность госпредприятия ориентирована, главным образом, на «рынок».

Поскольку с одной стороны, оперативно-имущественная самостоятельность в первые годы нэпа и не могла быть ничем иным, кроме коммерческой самостоятельности, поскольку с другой стороны хозрасчет еще не был спущен вглубь предприятия, постольку эта данная в гражданском кодексе форма правосубъектности была адэкватна организационным отношениям социалистического сектора хозяйства. Тогда *«хозрасчетное звено» и «юридическое лицо», не будучи тождественными, совпадали.*

По мере дальнейшего развития планирования и углубления хозрасчета и усиления его роли как метода управления социалистическим хозяйством, получился известный разрыв между хозрасчетным звеном и юридическим лицом. Только этот разрыв и объясняет то положение с правосубъектностью производственного предприятия, которое упомянуто выше: при отсутствии ее с точки зрения некоторых частей нашего действующего до сих пор хозяйственного законодательства, она бесспорно вытекает из другой части законодательства и признается практикой. Необходимость ликвидации этого разрыва ясна: она обусловливается необходимостью использования советского хозяйственного права, как одной из форм политики диктатуры пролетариата, как средства закрепления социалистических отношений и дальнейшего роста их.

С этой точки зрения надо признать, что наделение всех хозрасчетных звеньев правами юридического лица, в том смысле *как оно дается гражданским кодексом*, будет совершенно неправильным и ненужным, ибо оно все равно не обеспечит необходимой четкости во взаимоотношениях различных звеньев друг с другом, реального размежевания их хозяйственных задач, функций и правомочий.

Поэтому вне зависимости от решения вопроса о целесообразности дальнейшего использования термина «юридическое лицо» (в этом случае очевидно пришлось бы говорить о разной по содержанию правосубъектности юридических лицах) или замене его другими (хозрасчетное звено—наименование соответствующего типа звена) нужно притти к выводу о наличии правосубъектности (того или иного объема и содержания) у каждого хозрасчетного звена и к необходимости точно определить различный объем и содержание этой правосубъектности применительно к месту в системе управления хозяйством каждого хозрасчетного звена, исходя из тех конкретных хозяйственных задач, решать которые каждое хозяйственное звено призвано.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПЛАНИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ

М. ЛИПЕЦКЕР

ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

ПЛАН КАК ВТОРАЯ ПРОГРАММА ПАРТИИ

Еще в 1920 г., выступая на VIII съезде советов, Ленин говорил: «Наша программа не может оставаться только программой партии. Она должна превратиться в программу нашего хозяйственного строительства, иначе она не годна и как программа партии. Она должна дополниться *второй программой партии*—планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники» [1].

В этих немногих словах Ленин с предельной четкостью охарактеризовал роль и значение социалистического планирования. *Социалистический план—это вторая программа партии*. Он определяет направление и темпы развития советского хозяйства и дает конкретную программу индустриализации страны, обобществления мелкотоварного хозяйства и ликвидации капиталистических элементов; короче говоря, социалистический план является экономической программой построения социализма. По своему содержанию социалистический план является боевым, классовым актом, ибо в нем «находит свое выражение концентрированная воля пролетариата, направляющая развитие производительных сил Советского союза» (Куйбышев). Проведение в жизнь социалистических планов обеспечивается диктатурой пролетариата.

В свете ленинского понимания плана как второй программы партии выявляется истинное лицо вредительской теории о прогнозном характере социалистического планирования. Авторы этой теории (Кондратьев, Базаров и др.) утверждают, что задачей социалистического планирования должно являться предвидение путей развития народного хозяйства, и лишь на основе такого прогноза могут быть выведены те директивы, которые должен содержать в себе план. «Выдвигая те, а не иные перспективы, мы тем самым даем, или точнее принимаем на себя определенную директиву в организации наших

---

[1] Ленин, т. XXVI, с. 45.

мероприятий»[2]... Активно-творческое воздействие планирования на народное хозяйство принимается авторами этой теории лишь постольку, поскольку это воздействие вытекает из стихийного развития народного хозяйства и подчиняется капризам рыночной стихии. В конечном счете кондратьевская теория приводит к утверждению, что диктатура пролетарита, создающая и направляющая социалистическое планирование, не в силах преобразовать советскую экономику и должна поэтому смиренно подчиняться «естественному» (читай—капиталистическому) развитию хозяйства. Это, конечно, в корне противоречит ленинскому утверждению о том, что план является второй программой партии. Подходя к плану как ко второй программе партии, Ленин тем самым подчеркивал его боевой, активно-творческий характер; план, в ленинском его понимании,—это комплекс совершенно конкретных мероприятий пролетарской власти, подчиняющих хозяйство плановому началу и непосредственно направленных на перестройку всего хозяйства на социалистический лад. Социалистическое планирование является одним из могущественнейших орудий пролетарской диктатуры. А пролетарская диктатура «призвана к тому, чтобы не просто принаравливаться к существующим условиям, не просто подчиняться объективным законам, существующим в обществе,—пролетарская диктатура затем и призвана, чтобы изменить мир, изменить человеческие отношения, создать новую высшую организацию производства и человеческого труда» (Стецкий). Следовательно, задачей социалистического планирования является отнюдь не академический прогноз стихийного развития народного хозяйства, а установление ряда конкретных директив. Этот боевой, активно творческий и классовый характер и пытается выхолостить из плана кондратьевская теория. В конечном итоге она стремится разоружить социалистическое планирование, и тем самым выбить из рук пролетариата один из наиболее действенных рычагов построения социализма.

ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПЛАНОВ

Социалистические планы являются директивами, выполнение которых безусловно обязательно для всех хозяйственных организаций Советского союза. Этот императивный характер социалистического планирования настолько бесспорен, что его не пытаются отрицать даже наиболее реакционные буржуазные юристы. Однако, признавая на словах принцип обязательности социалистического планирования, они на деле грубо извращают существо этого принципа. С их точки зрения, наши планы обязательны только потому, что они являются распоряжениями вышестоящих организаций

[2] Н. Д. Кондратьев, План и предвидение, «Пути реконструкции сельского хозяйства», № 2 за 1927 г. Эта теория была подхвачена также коекем из буржуазных юристов. Так, например, К. Архиппов утверждает, что в основе выбора и сочетания отдельных элементов плана должен лежать учет «предопределяющих план стихийных моментов», причем «план, построенный на неоправдавшемся определении тенденций, не может и потому не должен быть выполнен» (К. Архиппов, Компетенция СССР в области планирования, «Советское стр-во», № 10 (39), 1929 г., с. 31 и 34).

подчиненным предприятиям. Таким образом, по их мнению, социалистический план является не более как обыкновенным административным приказом, отданным в порядке субординации, и качественно ничем не отличается от таких «актов», как например дисциплинарное взыскание или разрешение на покупку пишущей машинки для канцелярии. Наиболее ярко эта мысль выражена в статье Аскназия «Автономное и регулируемое правоотношение в хозяйственном праве СССР» [3]. Аскназий подчеркивает, что взаимоотношения между «плановыми органами и подчиненными им хозпредприятиями строятся по типу административно-правовых. *Плановый орган выступает как орган власти*, в пределах своей компетенции предписывающий подчиненным ему предприятиям определенное поведение» (курсив мой.—М. Л.). Ошибочность этой теории обусловливается тем, что Аскназий видит и пытается объяснить только внешнюю юридическую форму, совершенно не касаясь социальной сущности изучаемых им отношений. Он констатирует, что наши планы обязательны, потому что они оформлены в виде административных распоряжений; но он ни разу на протяжении всей своей статьи не пытается поставить вопрос, чем же вызвано это административно-правовое оформление плана? А между тем, в этом именно и кроется решение проблемы. Социалистический план обязателен не потому, что он оформлен в виде приказа, а по самой своей природе, потому что он является второй программой партии и выражает волю господствующего класса—пролетариата. А форму административного распоряжения наши планы получают только потому, что социалистические хозяйственные организации являются органами пролетарской диктатуры. И если, в отдельных случаях, социалистические планы не получают надлежащего административного оформления, то они от этого ни в какой мере не теряют своего императивного характера и обязательной силы. Можно привести сколько угодно примеров, когда отдельные хозяйственные организации выполняют плановые задания, спущенные «посторонними» для них органами (и следовательно не получившие надлежащего оформления в порядке соподчинения). Так, например, райснабсбыты (органы НКТП) осуществляют распределение продукции легкой промышленности (в части промпотребления) на основе планов распределения, утверждаемых Наркомлегпромом или его органами.

Незначительная на первый взгляд методологическая ошибка Аскназия приводит, в конце концов, к грубейшим извращениям всего понимания советского хозяйства в целом. Аскназий признает за планом только одно юридическое свойство—свойство административного распоряжения. В качестве административного акта план создает правоотношения только между планирующей и подчиненной ей организацией и обязателен лишь для последней. Для всех других хозорганов, так или иначе связанных с планируемым предприятием, этот план не обязателен и никаких правовых последствий не создает. Таким образом, по мнению Аскназия, каждое планируемое предприя-

[3] С. И. Аскназий и Б. С. Мартынов, Гражданское право и регулируемое хозяйство, Л. 1927 г., с. 7—61.

тие выступает в хозяйственном обороте со *своим* планом (выполнение которого является его «частным» делом) и со *своими* особыми интересами, которые, как правило, не совпадают с интересами других планируемых предприятий. Следовательно, хозяйственные связи планируемых предприятий регулируются не планом, а борьбой между антагонистическими интересами выступающих на рынке хозорганов, или, что одно и то же, законами рыночной стихии. Такова сущность пресловутой теории о «двух регуляторах» в ее юридическом изложении. В конечном итоге она проповедует мысль о качественном равенстве между капиталистическим и социалистическим оборотом с тем однако отличием, что эгоистическое стремление капиталистического предприятия к накоплению прибылей подменяется не менее эгоистическим стремлением социалистического предприятия к выполнению своего «частного» плана.

Очевидная ошибочность этой теории базируется на механистическом отрыве отдельного правоотношения между наркоматом и трестом (или соответственно между трестом и заводом) от всей системы управления советским хозяйством в целом. У Аскназия получается, что каждое отдельное плановое задание обязательно лишь для того отдельного предприятия, к которому оно адресовано. На деле же *директивный характер социалистического планирования выражается в том, что весь народнохозяйственный план в целом и в каждой отдельной его части обязателен для всего народного хозяйства в целом и для каждого социалистического предприятия в отдельности.* Нельзя считать, что выполнение каждого отдельного планового задания является частным делом того предприятия, которому это задание спущено и что всех остальных предприятий оно совершенно не касается. В выполнении каждого отдельного планового задания каждым отдельным предприятием заинтересовано все народное хозяйство, весь Советский союз в целом. Вряд ли можно сегодня утверждать, что завершение Электрозаводом первой пятилетки в три года или прорыв на угольном фронте в 1931 г. являлись «частным» делом Электрозавода и Донугля. Достаточно заглянуть в наши газеты, чтобы убедиться в обратном. *Промфинплан каждого предприятия обязателен не только для этого предприятия, но и для всех других организаций, которые сталкиваются с ним в хозяйственном обороте*[4].

[4] Следует отметить, что и в арбитражных органах долгое время господствовал взгляд, что промфинплан каждого предприятия совершенно не касается контрагентов этого предприятия. Лишь в последнее время арбитражная практика начала склоняться к тому, что промфинплан предприятия при отсутствии коллизий с законом или плановыми заданиями его контрагентов обязателен для последних. Так, например, московский госарбитраж, в решении по делу Химкомбината им. Фрунзе с Мосгазом, указал: «Имея ввиду... д) что цена на газоочистку в размере 75 руб. за тонну предусмотрена промфинпланом ответчика, что изменение этой цены повлечет за собой прорыв в его финансовом плане или вынудит его поставить вопрос о повышении отпускной цены на газ, е) что цены на газоочистку регулирующими органами не установлены и промфинпланом истца вообще не предусмотрены, ж) что при таких условиях цены, установленные в финансовом плане поставщика, должны быть признаны обязательными для заказчика,.. госарбитр находит, что требование Химкомбината им. Фрунзе об изменении договорных цен не подлежит удовлетворению» Дело № 672-Д).

Каждое советское предприятие обязано считаться с плановыми заданиями своих контрагентов и помогать им в осуществлении их планов. Проповедуя отношение к плановому заданию как к частному делу каждого отдельного предприятия, буржуазные юристы типа Асквазия тем самым поощряют наплевательское отношение к «чужим» промфинпланам и, в конечном счете, протаскивают в советское право перерожденческие и антигосударственные тенденции, направленные к противопоставлению интересов отдельных хозорганизаций интересам всего социалистического хозяйства в целом.

Наш тезис об обязательности планов, спущенных отдельным хозяйственным организациям и для их контрагентов, применим не ко всем плановым заданиям. Можно привести ряд примеров, когда надлежаще утвержденные задания, спущенные уполномоченными на то плановыми органами, никак нельзя признать обязательными для всего народного хозяйства в целом, несмотря на то, что с формальной стороны их «легальность» не вызывает никакого сомнения. С другой стороны, можно указать на планы, составленные самими хозорганами для собственного руководства, которые (несмотря на отсутствие надлежащего утверждения их вышестоящим звеном) являются обязательными для всех их контрагентов. Так, например, баланс распределения и фонды технического глицерина устанавливаются объединением «ОМПК», которое само же и осуществляет сбыт глицерина на основе установленных им фондов. При этом баланс распределения глицерина и утвержденные ОМПК фонды являются безусловно обязательными для всех потребителей технического глицерина. В настоящее время наша хозяйственная и арбитражная практика не накопила еще достаточного опыта, дающего возможность установить критерий, на основе которого можно было бы определить «хозяйственную территорию», в пределах которой действительно то или другое плановое задание. Во всяком случае, уже сейчас можно сказать, что этот критерий заключается не в одном лишь внешнем, так сказать, «административном» оформлении плановых заданий (достаточно вспомнить, что планы хлебосдачи, спущенные пресловутым Одесским зернотрестом по своим совхозам, были безупречно оформлены). Повидимому, критерий всеобщей обязательности отдельных плановых заданий надо искать в самом *содержании* этих заданий. *Если данное плановое задание по своему содержанию отвечает интересам социалистического строительства, если это задание непосредственно вытекает из единого всесоюзного народнохозяйственного плана и составляет его неотъемлемую часть* (о едином народнохозяйственном плане см. следующий раздел настоящей главы), *то такое задание безусловно обязательно для всего народного хозяйства в целом и для каждой хозяйственной организации в отдельности.*

С этой точки зрения легко объяснить кажущееся противоречие, которое имеется между приведенным выше тезисом и постановлением СНК, запрещающим одностороннее изменение или расторжение договоров [5]. Действительно, на первый взгляд кажется стран-

[5] Пост. СНК СССР от 3 января 1933 г. «о заключении договоров на 1933 г.» § 12, Изв. ЦИК СССР № 8 от 8 января 1933 г.

ным, что плановый орган, имеющий право устанавливать планы для подчиненных ему хозяйственных организаций, не имеет права изменять или отменять установленные им планы и что такие изменения не обязательны для контрагентов планируемой организации. Казалось бы, что орган, устанавливающий плановые задания, может эти задания менять и отменять и что измененный в таком порядке план так же обязателен для всего народного хозяйства, как и план, утвержденный в первом варианте. Однако на деле это совершенно не так. План, в первом его варианте, был включен в качестве составной части в сводный народнохозяйственный план и в качестве таковой увязан и скоординирован с рядом других плановых актов. Самовольное изменение такого плана каким-либо ведомством неизбежно должно привести к отрыву его от ряда соседних плановых актов и к «выпадению» из всей системы планового единства. Поэтому-то в постановлении СНК СССР от 3 января 1933 г. и установлено, что изменение договоров (а по существу и изменение планов) в части, затрагивающей интересы различных ведомств, может производиться только Советом труда и обороны.

ЕДИНСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

По существу, ошибка Аскназия вытекает из непонимания принципа единства социалистического планирования. В социалистическом планировании Аскназий не видит ничего, кроме ряда совершенно самостоятельных плановых заданий, каждое из которых представляет собой полностью законченное правоотношение. Он не понимает того, что все эти отдельные плановые задания являются только частями *единого народнохозяйственного плана*. Как известно, единый народнохозяйственный план разбит на целый ряд самостоятельных участков, выделенных по отраслевому, предметному (функциональному) и территориальному признаку. В отраслевом разрезе мы имеем планы отдельных отраслей народного хозяйства, охватывающие все стороны производства, труд, финансы, снабжение и т. д. Таковы, например, сводные промфинпланы тяжелой, легкой, лесной и пищевой промышленности, трансфинпланы железнодорожного и водного транспорта, торгфинплан потребкооперации и т. д. Вместе с тем, по отдельным важнейшим для народного хозяйства вопросам составляются самостоятельные предметные планы, охватывающие данную сторону деятельности во всех без исключения хозяйственных отраслях. Сюда в частности относятся кредитные планы, планы завоза, балансы рабсилы и проч. И, наконец, в территориальном разрезе существуют сводные республиканские, краевые, областные и районные планы, охватывающие все стороны деятельности всех отраслей хозяйства, словом всю экономику данного территориального подразделения. Вот эти-то отдельные части единого народнохозяйственного плана Аскназий признал за совершенно самостоятельные, обособленные друг от друга плановые задания. Это, конечно, абсолютно неверно. Все эти планы, будучи самостоятельными, законченными директивами для отдельных хозяйственных участков, в то же время взаимно связаны и переплетены между собой и образуют неразрывное, орга-

ническое единство, именуемое единым народнохозяйственным планом. «Все планы отдельных отраслей производства должны быть строго координированы, связаны и вместе составлять тот единый хозяйственный план, в котором мы так нуждаемся [6]». Это указание Ленина полностью осуществлено в системе социалистического планирования.

Единство социалистической плановости обеспечивается прежде всего *единством предпосылок* социалистического планирования—единством диктатуры пролетариата и социалистической собственности.

Далее, единство социалистической плановости обеспечивается *единством цели* социалистического планирования. Поскольку социалистический план является квинтэссенцией экономической политики партии на данном отрезке времени, поскольку «цель» плана во всех случаях выражает те задачи, которые выдвинуты партией, поскольку экономическая политика партии по существу своему едина,—постольку и содержание социалистических планов проникнуто тем же телеологическим единством.

Единство социалистической плановости обеспечивается и *единством директивы*, даваемой партией и правительством плановым органам. Директива о составлении народнохозяйственного плана на тот или иной отрезок времени, как правило, охватывает все стороны хозяйственной жизни и дает их во взаимной увязке, в свете тех общих задач, которые выдвинуты программой партии. Примером такого рода директивы может служить постановление декабрьского (1930 г.) пленума ЦК ВКП(б) «о народнохозяйственном плане на 1931 г.», или резолюция XVII партконференции «о директивах по составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР», или резолюция январского пленума ЦК и ЦКК 1933 г. об итогах первой пятилетки и народнохозяйственном плане 1933 г.

Единство социалистической плановости обеспечивается также *единством системы плановых органов* и единством руководства всей плановой работой, осуществляемого Госпланом СССР. Система плановых органов Советского союза построена как единая система, включающая в себя не только госпланы всех республик и областей, но и отраслевые плановые органы отдельных ведомств и наркоматов. В «Основных положениях о плановых органах народных комиссариатов Союза ССР» указывается, что «в области методологии плановых работ и сроков их выполнения плановые органы народных комиссариатов Союза ССР руководствуются указаниями соответствующих народных комиссаров и директивами Государственной плановой комиссии Союза ССР» [7]. Еще более категорично эта мысль выражена в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 30 июня 1928 г. «о системе плановых органов РСФСР» [8]; в этом постановлении говорится:

«1. Построить плановые органы РСФСР как единую систему, возложив на Госплан РСФСР руководство всей этой системой на основе единства организации и методологии планирования и учета.

---

[6] Ленин, т. XXVI, с. 43.

[7] Пост. СНК СССР от 14 июня 1928 г. (С. З. СССР 1928 г. № 37, ст. 342).

[8] СУ 1930 г. № 30, ст. 392.

2. Все директивные указания Госплана РСФСР, а равно и сроки, устанавливаемые Госпланом РСФСР для представления материалов в области планирования и учета, являются обязательными для всей системы плановых органов РСФСР, наркоматов и кооперативных организаций.

Равным образом все директивные указания местных плановых органов, а также сроки, устанавливаемые ими для представления материалов в области планирования и учета, являются обязательными для всех соответствующих местных органов».

Помимо того, единство социалистической плановости обеспечивается также *взаимной координацией и увязкой самих плановых актов.* Выше указывалось, что планы по отдельным отраслям и участкам народного хозяйства не изолированы от других таких же хозяйственных планов. Задача обеспечения реальности и жизненности социалистического планирования требует, чтобы план каждого отдельного, хотя бы и мельчайшего участка, базировался не на метафизических предположениях его составителей, а на реальном единстве генеральной линии партии, направленной на построение социализма в условиях ожесточенной классовой борьбы и на реальном единстве экономики Советского союза. А это значит, что план развития данного хозяйственного участка должен быть согласован с развитием всего народного хозяйства в целом. Поэтому планирование отдельных отраслей и участков народного хозяйства производится в строгом взаимном контакте и увязке, на основе единого руководства Госплана.

Наконец, единство социалистической плановости обеспечивается *взаимным контактом и увязкой в деле осуществления хозяйственных планов.* Совершенно ясно, что выполнение хозяйственных планов на каждом отдельном участке народного хозяйства не может быть изолировано от выполнения всего народнохозяйственного плана в целом. И здесь, также как и в составлении планов, требуется взаимный контакт, взаимная увязка, и главное взаимная помощь в деле выполнения социалистических планов. При этом необходимо подчеркнуть ту совершенно исключительную роль, которую играет система хозяйственных договоров в деле увязки выполнения социалистических планов. Как бы не были согласованы между собой плановые задания, получаемые отдельными социалистическими предприятиями, во взаимоотношениях этих предприятий по линии выполнения планов всегда остается целый ряд моментов и вопросов, требующих непосредственного оперативного согласования между самими хозяйственными организациями, выполняющими эти задания. Это согласование осуществляется в первую очередь через систему договоров. Таким образом хозяйственные договоры координируют оперативную деятельность социалистических предприятий в области выполнения преподанных им хозяйственных планов.

Принцип единства социалистического планирования осуществляется не только «наверху», в общесоюзном масштабе, в порядке составления сводного народнохозяйственного плана СССР. Этот принцип проходит через всю систему планирования до самых низов и отражается в любой мельчайшей части сводного народнохозяйственного плана. Любой хозяйственный план любого территориального подраз-

деления является по существу единым хозяйственным планом, ибо он охватывает все стороны экономики этого подразделения. Точно также промфинплан (или соответственно—тор финплан, трансфинплан и т. д.) любой отрасли народного хозяйства или даже любого отдельного предприятия с полным правом может быть назван единым хозяйственным планом, ибо он объединяет, координирует и увязывает все стороны хозяйственной деятельности этого предприятия в целом и по отдельным его частям (цехам, отделам, службам и т. д.). Иными словами, *принцип единства социалистического планирования находит свое практическое выражение в комплексном охвате планом всех сторон хозяйственного развития* каждого данного объекта планирования.

КОНКРЕТИЗАЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПЛАНОВ

Одним из основных принципов, лежащих в основе организации социалистического планирования, является принцип конкретизации народнохозяйственных планов по отдельным исполнителям и участникам исполнения. Выше указывалось, что социалистические планы обязательны для всего народного хозяйства в целом и для каждого отдельного хозяйственного участка. Однако это вовсе не означает, что все планы адресованы сразу ко всему народному хозяйству и ко всем социалистическим предприятиям вместе взятым. Такая постановка вопроса привела бы к полной безответственности в выполнении планов и в конечном счете к смазыванию директивного характера социалистического планирования, ибо если директива адресована сразу всем и за выполнение ее отвечают все вместе, то это значит, что эта директива не будет выполнена никем и никто не будет отвечать в случае ее срыва. На деле все обстоит конечно не так. Социалистический план не только синтетически охватывает народное хозяйство в целом, но и дает указания о конкретных задачах, стоящих перед каждым отдельным хозяйственным участком. Иными словами, единый народнохозяйственный план разассигновывается на ряд отдельных плановых заданий по отдельным предприятиям и хозяйственным участкам, причем последние несут всю полноту ответственности за выполнение спущенных им планов. Такое распределение ответственности за выполнение народнохозяйственных планов между непосредственными исполнителями обеспечивает ликвидацию *обезлички* в социалистическом планировании. Вместе с тем оно облегчает возможность выявления наиболее «узких» мест и препятствий в деле осуществления народнохозяйственного плана. «Последовательное проведение хозрасчета предприятий требует принятия мер к выявлению успехов и недочетов отдельных цехов и отделов предприятия. С этой целью предприятие должно устанавливать плановое задание для отдельных частей его» (Пост. ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г.) Совершенно ясно, что чем глубже будет продвинуто плановое задание, чем больше оно будет конкретизировано по отдельным исполнителям и участкам исполнения, тем реальней будет ответственность за исполнение народнохозяйственного плана и тем крепче будет удар, нанесенный обезличке в деле выполнения социалистических планов. Поэтому постановление ЦК ВКП(б) от 5 де-

кабря 1929 г. и ставит вопрос о разассигновании между отделами и цехами плановых заданий, разверстанных между предприятиями. На данном этапе этот вопрос ставится еще глубже: недостаточно спустить плановые задания в цеха—необходимо довести социалистический план до каждой бригады, до каждого станка, прилавка, паровоза и т. д. Необходимо, чтобы каждый отдельный рабочий знал о той частице народнохозяйственного плана, выполнение которой падает на его долю, и чувствовал себя ответственным за эту частицу. Только при таких условиях возможна полная ликвидация обезлички в деле выполнения социалистических планов. Последние постановления ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР об угольной промышленности и о ж.-д. транспорте также направлены на создание максимально благоприятных условий для четкой индивидуализированной ответственности за выполнение плана. Они требуют конкретизации заданий, строгой дисциплины в их выполнении, последовательного проведения единоначалия, как обязательной предпосылки для индивидуализированной ответственности. Без всего этого невозможно осуществление задач *освоения* новой передовой техники.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТРАЛИЗМ

Ленинский принцип демократического централизма получил свое выражение и в системе управления советским хозяйством и в частности в системе социалистического планирования. Сущность демократического централизма применительно к области управления хозяйством (социалистического или пролетарского централизма) заключается в диалектическом сочетании принципа твердого централизованного руководства с максимальным развитием инициативы и самодеятельности низовых хозяйственных звеньев. «Надо... учесть особенности переходного от капитализма к социализму времени, которые требуют, с одной стороны, чтобы были заложены основы социалистической организации соревнования, а с другой стороны, требуют применения принуждения, так чтобы лозунг диктатуры пролетариата не осквернялся практикой киселеобразного состояния пролетарской власти»[9]. В системе управления советским хозяйством, принцип демократического централизма находит свое практическое

[9] Ленин, Очередные задачи советской власти, т. XXII, с. 455.

Ленин говорит о «демократическом централизме в области хозяйства», заключающемся в «абсолютной стройности и единении в функционировании экономических предприятий», с одной стороны, и в «возможности полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели» (т. XXII, с. 416). Ленин говорит также о социалистическом или демократическом централизме (там же, с. 166). Ср. также т. XXIII, с. 468 и резолюцию IX с'езда РКП(б) о хозяйственном строительстве. Савельев и Поскребышев, Директивы ВКП(б) по хозяйственному строительству, с. 17. Весь 1920 г. был годом упорной борьбы Ленина и Сталина за социалистический или пролетарский централизм в частности и в области хозяйственного управления против наскоков на генеральную линию партии в вопросах партийного, государственного и хозяйственного строительства со стороны Сапроноза, Максимовского, Осинского и др. Надо предостеречь однако от механического перенесения принципа демократического централизма в том виде, как он развит Лениным применительно к партийному и государственному строительству—в область управления хозяйством.

осуществление в строжайшей централизации планирования, при одновременной децентрализации функций оперативного выполнения планов. Предоставление местам оперативной самостоятельности в деле выполнения планов наилучшим образом гарантирует широкое развертывание творческой инициативы мест, повышает ответственность за реализацию плановых заданий и обеспечивает максимальную применяемость планового задания к специфическим особенностям каждого отдельного участка исполнения. В конечном счете, демократический централизм дает наиболее реальную гарантию своевременного и полного выполнения социалистических планов. «Систематическая переделка аппарата должна итти по линии децентрализации оперативных функций при одновременной централизации планирования и руководства в основных вопросах, по линии создания условий, обеспечивающих как разработку твердых и своевременных планов, так и полное их выполнение» (Из резолюции XVI партконференции о борьбе с бюрократизмом)

Принцип оперативной самостоятельности мест в деле выполнения централизованных планов нашел свое конкретное выражение в системе *хозяйственного расчета*. Тов. Гинцбург определяет хозрасчет как «самостоятельность и инициативу предприятия, выполняющего на своем участке хозяйственного фронта единый народнохозяйственный план»[10]. *Хозяйственный расчет является основным методом управления хозяйством, заключающимся в оперативной и имущественной самостоятельности предприятий в деле выполнения социалистических планов*. Такова природа хозрасчета, вызвавшая в свое время столь оживленную дискуссию среди советских юристов. Хозрасчет неразрывно связан с планированием. Этого никогда не мог понять ни один буржуазный теоретик, работавший над вопросами управления советским хозяйством. Все они, начиная с наиболее «либеральных» и кончая самыми махровыми реакционерами, в той или иной форме всегда противопоставляли планирование и хозрасчет как две полярно-противоположных тенденции. Так например, Аскназий в той же статье «Автономное и регулируемое правоотношение в хозяйственном праве СССР», при определении правового положения имущества треста, констатирует наличие «конкурирующих правомочий на использование этого имущества самого треста, в лице его администрации (на основе хозрасчета.—М. Л.), и плановых органов». Другой автор, К. Граве, обнаружил, что в природе существуют две системы хозяйственного права. Одна из них, «построенная на основе начала *децентрализации*, отражает собой хозяйственный строй, в котором все участники торгового оборота вправе сами, по своему свободному усмотрению (т. е. на основе оперативной самостоятельности.—М. Л.), заключать любые, не противоречащие закону сделки и по обоюдному соглашению между собой устанавливать содержание этих сделок»... Другая система, «построенная на начале *централизации*, отражает собой систему централизованного, планового хозяйства». В основе советского хозяйственного

---

[10] Л. Гинцбург, О хозрасчете, изд. «Советское законодательство», М. 1931 г., с. 17.

права конечно лежит централизованное управление хозяйством. «Но принимая во внимание, что мы живем в условиях товарно-денежного хозяйства, что многие хозяйственные предприятия еще не подготовлены к тому, чтобы ими можно было управлять из центра и наконец что при наличии частных крестьянских хозяйств централизованное управление может вредно отразиться на развитии хозяйственной жизни (!)—советское правительство предоставляет достаточно инициативы и отдельным организациям в их хозяйственной деятельности, проводя общую увязку их работы и контролируя ее» [11]. Мысль о противоположности плана и хозрасчета под тем или иным соусом преподносилась и целым рядом других буржуазных юристов; она проникла даже в ряды правовиков-марксистов.

Нечего и говорить, что понимание хозрасчета как антитезиса плана в корне ошибочно. Буржуазные юристы и их последователи усматривают сущность хозрасчета только в хозяйственной автономии и имущественной обособленности хозрасчетных предприятий. Эту хозяйственную автономию они ни в какой мере не увязывают с системой социалистического планирования. Наоборот, плановое руководство и вообще всякое вмешательство планового органа в оперативную деятельность хозрасчетного предприятия они расценивают как подрыв и ущемление хозяйственной автономии последнего. Так например, проф. Шретер утверждает, что «регулирование является наибольшим вторжением в автономию предприятий [12]. Упомянутый выше Асканазий идет еще дальше, прямо выдвигая требование об ограничении пределов вмешательства плановых органов в оперативную деятельность хозпредприятий. «Необходимо, чтобы... вторжению плановых органов в имущественную сферу планируемых ими хозяйственных единиц были поставлены определенные правовые границы». Требование о разграничении сферы планирования и сферы оперативной самостоятельности (т. е., в конечном счете, требование об *ограничении* сферы планирования) является для нас конечно неприемлемым. Выше отмечалось, что хозрасчетное предприятие пользуется оперативной и имущественной самостоятельностью *лишь в пределах и для выполнения порученного им планового* задания. Следовательно объем этой оперативной и имущественной самостоятельности не является незыблемой, раз навсегда установленной величиной; *он определяется объемом и содержанием планового задания*. Советское хозяйство не знает «стандартного», одинакового для всех предприятий хозрасчета; объем хозрасчетности различных звеньев управления хозяйством (объединение, трест, предприятие, цех) количественно—но не качественно—различен. Это различие в объеме хозяйственной самостоятельности отдельных хозяйственных звеньев связан с различием в объеме и содержании плановых заданий, выполняемых этими звеньями. Точно также объем имущественной самостоятельности хозрасчетных предприятий целиком и полностью определяется теми плановыми заданиями, которые им выданы. В качестве примера достаточно указать на действующий ныне порядок выделения оборотных средств хозорганиза-

[11] К. А. Граве, Основы хозяйственного права, изд. Заочторгкурсов, 1929 г., с. 2—4.

[12] Шретер, Советское хозяйственное право. М. 1928, с. 77.

циям. Согласно постановлению СТО от 23 июля 1931 г.[13] оборотные средства государственных объединений, трестов и других хозяйственных организаций должны соответствовать их потребности в денежных средствах «для обеспечения минимального наличия запасов сырья, производственных и вспомогательных материалов, топлива, полуфабрикатов, незавершенного производства, готовых изделий и товаров, а также вложений в расходы будущих лет, *необходимых для выполнения их производственной, торговой и эксплоатационной программы*» (курсив мой—М. Л.), причем соответствующим наркоматам предоставлено право «изменять размеры собственных оборотных средств объединений при утверждении годового промфинплана или при изменении последнего среди года». Это постановление начисто отметает все мечты Аскназия об установлении незыблемых границ между единым фондом социалистической собственности и обособленным имуществом отдельных хозрасчетных предприятий.

Громадную роль в деле осуществления принципа демократического централизма в советском хозяйстве играет система хозяйственных договоров. В этой системе мы видим наиболее яркое проявление начала оперативной самостоятельности хозпредприятий в деле выполнения народнохозяйственных планов. Именно в этом смысле и надо понимать слова т. Молотова о том, что договор является «лучшей формой сочетания плана и хозрасчета». Система договорных отношений прежде всего дает возможность хозпредприятиям, на основе предоставленной им оперативной самостоятельности, развить и уточнить полученное плановое задание в тех случаях, когда «оформленная» договором операция прямо предусмотрена тем или иным актом планирования (планом завоза, балансом использования и т. д.). В тех же случаях, когда такая операция никакими плановыми документами прямо не предусмотрена, но вытекает из поставленных перед предприятием задач (например, сбыт продукции утильцехов), *система договорных отношений так же является важнейшим методом организации хозяйственных связей предприятия, выполняющего свой промфинплан*. При этом, роль договоров сводится не только ко взаимному оперативному согласованию плановых заданий, полученных участвующими в договоре предприятиями, но и конкретизации плана применительно к специфическим особенностям производства обоих участников договора. Таким образом договорная система значительно расширяет «возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели»[14], ибо эта система дает возможность каждой хозяйственной организации организовать выполнение плана не только на основе учета и использования специфики своего собственного производства, но и на основе учета тех особенностей, которыми отличаются другие организации, соприкасающиеся с ней в процессе выполнения плана.

Принцип демократического централизма находит свое осуществление не только в методах выполнения народнохозяйственного плана.

---

[13] СЗ СССР 1931 г., № 46, ст. 316.
[14] Ленин, т. XXII, с. 416.

Равным образом принцип демократического централизма проявляется и в самой структуре планирования и в порядке прохождения планов. В настоящее время у нас действует следующий порядок составления планов. На основе директив по составлению народнохозяйственного плана, полученных от высших партийных и правительственных органов, Госплан СССР дает соответствующие директивы госпланам союзных республик и общесоюзным центрам отдельных отраслей народного хозяйства (хозналкоматам, Центросоюзу, Всекопромсовету и проч.). Госпланы союзных республик в свою очередь спускают соответствующие директивы республиканским хознаркоматам и кооперативным центрам, а также областным и краевым плановым органам. В то же время, союзные хознаркоматы разассигновывают полученные ими директивы по соответствующим республиканским наркоматам (или по уполномоченным союзного наркомата в отдельных республиках), а также—через соответствующие главки—между подчиненными им трестами и предприятиями союзного значения. Все перечисленные выше организации в свою очередь разассигновывают и спускают полученные от госпланов и хознаркоматов директивы по подведомственным им предприятиям, которые спускают их еще ниже до тех пор, пока разбитая по отдельным участкам исполнения директива о составлении единого народнохозяйственного плана не будет доведена до всех без исключения предприятий. Доведенные до предприятия директивы по составлению плана содержат в себе лишь самые общие указания о задачах, которые должны найти отражение в плане, и в конечных результатах выполнения этого плана. Руководствуясь этими директивами и исходя из конкретных возможностей и конкретной обстановки производства, каждое предприятие составляет проект своих контрольных цифр и представляет его той организации, которая спустила ему директивы. Последняя, после проверки и внесения необходимых корректив в представленные ей проекты, сводит их все вместе в единый сводный проект контрольных цифр и в свою очередь представляет вышестоящей инстанции. Таким образом проекты контрольных цифр доходят в обратном порядке до Госплана СССР, где опять-таки, после соответствующей проверки и корректировки, они сводятся воедино и получают утверждение в виде сводных контрольных цифр народного хозяйства СССР. Утвержденные контрольные цифры, точно также как и директивы по составлению народнохозяйственного плана, разассигновываются по отдельным участкам исполнения и доводятся непосредственно до низовых предприятий. По своему содержанию контрольные цифры значительно более конкретны, чем первоначальные директивы, и содержат в себе развернутое по отдельным элементам задание. Контрольные цифры содержат в себе также общие указания о средствах, которые должны быть предоставлены предприятию для выполнения задания (рабсила, оборотные средства и т. д.). На основе полученных контрольных цифр предприятие (или точнее отдельные части предприятия—ибо предприятие разассигновывает контрольные цифры по своим цехам и отделам) прорабатывает проект своего промфинплана (или соответственно—торгфинплана, трансфинплана и т. д.). Промфинплан содержит развернутую картину всей деятельности предприятия за планируемый отрезок времени.

В нем даются не только детально конкретизированные по отдельным элементам и частным срокам результаты деятельности предприятия (количественное и качественное задание и задание по снижению себестоимости), но и подробно разрабатывается весь технологический процесс (технологический план), указываются мероприятия, необходимые для улучшения технологического процесса и методы проведения этих мероприятий (план рационализации), регламентируются все связанные с производством расходы (планы рабсилы, материальный баланс, план ремонта и т. д.), подробно подсчитываются необходимые предприятию денежные средства, определяются источники их получения и устанавливается порядок их расходования (финплан, кредитный план, кассовый план, директивный баланс), устанавливается система мероприятий по материально-бытовому обслуживанию рабочего коллектива предприятия и т. д. Составленный предприятием проект промфинплана направляется вышестоящей организации, где он рассматривается, корректируется и утверждается; при рассмотрении и утверждении проекта промфинплана обязательно должен присутствовать руководитель планируемого предприятия.

Такая система прохождения планов в максимальной степени обеспечивает проведение принципа демократического централизма, ибо, наряду с соблюдением строжайшей централизации в планировании, она способствует привлечению к плановой работе низовых планируемых предприятий. Безусловная обязательность для предприятия преподанных ему директив по составлению плана и контрольных цифр, недопустимость отступления от этих директив и контрольных цифр при проработке проекта промфинплана и, наконец утверждение этого проекта вышестоящей организацией гарантируют централизованное проведение генеральной линии во всех важнейших, узловых вопросах планирования. Наряду с этим разработка конкретных деталей планового задания тем предприятием, которому придется выполнять это задание, обеспечивает конкретизацию плана применительно к специфическим особенностям каждого отдельного участка исполнения и в конечном счете повышает реальность нашего планирования.

В структуре социалистического планирования последовательно проведен советский принцип двойного подчинения: Каждое отдельное хозяйственное звено планируется своим вышестоящим органом (в отраслевом разрезе) и местным сводноплановым органом (в территориальном разрезе). Таким путем обеспечивается, с одной стороны, специализация (а следовательно и конкретизация) планового руководства со стороны отраслевого центра и, с другой стороны, реальная увязка промфинплана предприятия с экономикой и развитием того района, в котором это предприятие расположено. До последнего времени система двойного подчинения в планировании распространялась главным образом на предприятия местной промышленности; предприятия союзного подчинения ощущали плановое руководство местных плановых органов в чрезвычайно незначительной степени и лишь в отдельных вопросах (например, планирование набора рабсилы, выделение фондов снабжения вспомогательными материалами и т. д.). В дальнейшем в связи с усилением районно-комплексного планирования, следует

ожидать дальнейшего укрепления принципа двойного подчинения и в отношении союзных предприятий.

Приведенная выше структура прохождения планов показывает, что *каждое оперативное звено является вместе с тем и плановым органом*, ибо оно не только ведет оперативно-хозяйственную работу, но и планирует деятельность входящих в его состав нижестоящих звеньев. Так например трест планирует деятельность своих предприятий, предприятие планирует деятельность цехов, цеха—деятельность бригад и т. д. Это и понятно: *каждая советская хозяйственная организация, независимо от ее конкретных задач, является прежде всего органом пролетарской диктатуры и осуществляет на своем участке политику партии и пролетарского государства.* В этом качестве советская хозяйственная организация принципиально ничем не отличается от таких специальных «органов власти», как Госплан или наркомат, и утвержденные ею планы качественно ничем не отличаются от планов, апробированных высшими правительственными органами. Этого никак не может понять большинство буржуазных юристов. С их точки зрения советская хозяйственная организация по своим функциям ничем не отличается от капиталистического частного предприятия. Планирование же (тем более планирование, имеющее общеобязательный характер) является функцией административной и, следовательно, может быть присуще только органу власти. Поэтому с точки зрения буржуазных юристов совмещение в одной организации оперативных и плановых функций является недопустимым. Отсюда становится понятной та растерянность, которая охватила лагерь буржуазных цивилистов после издания постановления ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г. «о реорганизации системы управления промышленностью». Это постановление в нарушение всех правовых канонов соединило в производственном объединении наркоматские и синдикатские функции. В течение долгого времени ни один из так называемых специалистов по «советскому промышленному праву» (обычно чрезвычайно плодовитых на комментарии к нашим законам) ни единым словом не обмолвился об этом важнейшем для промышленности постановлении. И лишь в последнее время в устных выступлениях некоторых буржуазных теоретиков была дана попытка объяснить это постановление. По мнению этих теоретиков, создание производственных объединений означало не более, не менее как... перевод планирования на хозрасчет. Иными словами, для сохранения чистоты теории планирование было разжаловано из административной функции в функцию оперативную (то, что хозрасчет означает оперативную самостоятельность, признано даже буржуазными юристами). О полной бессмысленности этой теории много говорить не приходится. Достаточно вспомнить, что хозрасчет означает оперативную и имущественную самостоятельность в *деле выполнения плана*, чтобы понять какая путаница царит в головах авторов этой идеи.

ВСТРЕЧНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

С вопросом о демократическом централизме неразрывно связан вопрос о встречном планировании. Система встречного планирования как бы дополняет и углубляет принцип демократического центра-

лизма, вовлекая в непосредственную плановую работу не только низовые хозрасчетные звенья, но и широчайшие массы трудящихся Советского союза. Развертывание инициативы и самодеятельности трудящихся масс наряду с твердым централизованным руководством (или точнее—на основе твердого централизованного руководства) имеет для дела социалистического планирования величайшее положительное значение. «Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из берегов митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с *беспрекословным повиновением*—воле одного лица, советского руководителя, во время труда»,—писал в свое время Ленин [15]. Проблема встречного планирования является проблемой вовлечения широких масс рабочих в управление государством и социалистическим хозяйством. «Проведение партийных директив о единоначалии на предприятиях в обстановке роста организованных форм участия рабочих в управлении производством должно быть теснейшим образом соединено с дальнейшим развитием творческой активности и инициативы масс в деле организации производства и управления им» [16]. Было бы совершенно неправильно сводить роль встречного планирования исключительно к воспитанию рабочих масс для управления государством, как это делает например Викторский [17]. Встречное планирование имеет не только «педагогическое» значение; оно имеет колоссальное, решающее значение в деле повышения качества социалистического планирования, в деле повышения классовой бдительности в плановой работе и, наконец, в деле обеспечения реальности наших планов. «Центральным вопросом перестройки плановой работы является несомненно проблема включения широких рабочих масс в дело планирования. Участие миллионов рабочих в деле создания плана является важнейшей гарантией от вредительства, важнейшей гарантией от создания плана, несоответствующего генеральной линии партии, важнейшей гарантией создания классового четкого планирования и, что особенно важно, важнейшей гарантией выполнения плана» [18]. Наряду с этим встречное планирование является важнейшей гарантией против заниженных планов, не соответствующих реальным возможностям планируемого предприятия, ибо, как показал опыт последних лет, встречное планирование является наиболее действенным орудием выявления скрытых ресурсов и скрытых возможностей каждого отдельного хозяйственного участка. С этой точки зрения встречное планирование становится «боевой программой развернутой повседневной борьбы рабочих масс на каждом производственном участке за улучшение качественных показателей, за низкую себестоимость, за образцовую продукцию» (из обращения ВЦСПС и

---

[15] Ленин, т. XXII, с. 464.

[16] Пост. ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1929 г. «О мерах по упорядочению управления производством и установлению единоначалия», «Правда» 7/IX 1929 г.

[17] Викторский, План в действии, «Советское строительство» № 7 за 1931 г.

[18] В. Куйбышев, Об организации планирования и учета, «Плановое хозяйство» № 4 за 1931 г.

Госплана СССР о встречном плане 1932 г.). Иными словами, *встречное планирование является одним из проявлений новых социалистических форм труда.*

ПЛАНОВОЕ РУКОВОДСТВО

«Только бюрократы могут думать, что плановая работа заканчивается составлением плана... Настоящее плановое руководство развертывается лишь после составления плана, после проверки на местах, в ходе осуществления, исправления и уточнения плана» [19]. В этих немногих словах, пожалуй, сказано все, что надо сказать о плановом руководстве. Составление плана не завершает, а лишь начинает работу по плановому руководству. Наши планы не являются мертвыми, незыблемыми законами, которые не подлежат ни изменению, ни толкованию. Наоборот, социалистические планы являются прежде всего жизненными оперативными актами, теснейшим образом связанными с действительностью. Поэтому наши планы нуждаются не только в первоначальной их увязке и согласовании с конкретной обстановкой на местах, но и в непрерывной доработке и даже переработке в связи с изменением местных условий и хозяйственного положения на том или ином участке выполнения плана.

Однако плановое руководство не ограничивается одним только уточнением и исправлением на ходу уже однажды утвержденных планов. Наряду с этим плановое руководство осуществляется также путем повседневного, оперативного наблюдения за выполнением плана и путем конкретной помощи планируемому предприятию. Плановое руководство есть прежде всего *конкретное* руководство. Это значит, что плановое руководство не может быть «стандартным», не может быть всеобщим, выполняемым одновременно для всех подведомственных предприятий. Плановое руководство должно быть максимально детальным и реально приспособленным к специфике каждого руководимого предприятия, ибо в качестве «общего руководства» плановое руководство теряет всякий смысл и становится беспредметным... «Для этого требуется, чтобы наши хозяйственные руководители руководили предприятиями не «вообще», не «с воздуха», а конкретно, предметно, чтобы они подходили к каждому вопросу не с точки зрения общей болтовни, а строго деловым образом, чтобы они не ограничивались бумажной отпиской или общими фразами и лозунгами, а входили в технику дела, вникали в детали дела, вникали в «мелочи», ибо из «мелочей» строятся теперь великие дела» [20]. Итак, плановое руководство означает *конкретное руководство хозяйственными предприятиями в деле выполнения ими народнохозяйственного плана, основанное на тщательном, повседневном изучении специфических условий хозяйственной работы каждого отдельного участка исполнения плана, на овладении техникой дела.*

---

[19] Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 9, с. 553.
[20] Сталин, Новая обстановка—новые задачи хозяйственного строительства. ОГИЗ. «Московский рабочий», 1931 г., с. 29.

УЧЕТ И КОНТРОЛЬ ВЫПОЛНЕНИЯ ПЛАНА

«План и учет—две вещи, неразрывно связанные в социалистическом обществе»[21]. «Учет—это... основа, на которую опирается план»[22]. Без учета невозможны «изучение практического опыта, обмен опытом, взаимоконтроль распоряжений центра практикой мест и практики мест руководством центра»[23]. Поэтому постановка на надлежащую высоту учета для организации социалистического планирования имеет исключительное значение. При этом несмотря на многообразие форм учета (оперативный учет, бухгалтерская отчетность, статистика) социалистический учет проникнут тем же принципом единства, как и система социалистического планирования. Соответственно этому и система органов учета построена как единая система, возглавляемая Центральным управлением народнохозяйственного учета при Госплане СССР (ЦУНХУ) и объединяющая не только местные управления народнохозяйственного учета, но и все ведомственные учетные органы. В целях улучшения учета социалистической собственности и повышения ответственности бухгалтерского аппарата за этот учет, бухгалтерская отчетность с 15 октября 1932 г. выделена в самостоятельную систему, находящуюся в ведении ЦУНХУ. Структура учета в основном аналогична структуре актов планирования.

* *

Итак, мы должны констатировать, что организационная система социалистического планирования характеризуется следующими основными элементами:

1) обязательность социалистических планов,
2) единство социалистического планирования,
3) конкретизация планирования по отдельным исполнителям и участкам исполнения,
4) демократический централизм (социалистический централизм),
5) встречное планирование,
6) плановое руководство и
7) учет и контроль выполнения планов.

Этот перечень отнюдь не претендует на исчерпывающую полноту. При известном желании можно найти еще целый ряд моментов, так или иначе влияющих на организационную систему планирования. Однако мы полагаем, что все важнейшие организационные вопросы планирования этим перечнем все-же охвачены. Последующие части нашей статьи мы посвятим изучению тех конкретных форм, в которые отлились эти элементы в условиях планирования советской торговли.

ГЛАВА II. ТОРГФИНПЛАН

ТОРГФИНПЛАН—ОСНОВНАЯ ФОРМА ПЛАНИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ

Планирование советской торговли по существу своему едино; но внутри этого принципиального единства мы имеем многообразие

[21] В. Осинский, Что значит учет, «Народное хозяйство СССР» № 1—2 за 1932 г.
[22] Там же.
[23] Ленин, т. XXVI, с. 368.

форм и методов планового воздействия пролетарского государства на сферу советской торговли. В основном планирование советской торговли осуществляется в следующих разрезах: 1) планирование работы торговой сети (система торгфинпланов), 2) планирование завоза и распределения товаров и 3) планирование цен. Из этих трех форм планирования советской торговли основная и ведущая роль принадлежит, бесспорно, системе торгфинпланов.

Для того чтобы правильно определить соотношение системы торгфинпланов с остальными формами планирования советской торговли, необходимо иметь в виду следующее: и планы завоза-распределения товаров, и советская политика цен проводятся в жизнь советскими торговыми предприятиями. А эти предприятия осуществляют всю свою деятельность на основе торгово-финансовых планов. Из дальнейшего изложения мы увидим, что торгфинплан охватывает все стороны деятельности торгового предприятия; в частности в нем находит свое отражение и работа этого предприятия по проведению в жизнь планов завоза и советской политики цен. В конечном счете, план завоза и распределения товаров, будучи разассигнован между отдельными предприятиями, призванными к его выполнению, претворяется во множество планов реализации (для оптовых баз) или планов товароснабжения (для розмагов), которые являются по существу лишь частями торгфинплана. Точно также и планирование цен находит свое окончательное выражение в финансовом плане торгового предприятия. Таким образом до низового торгового предприятия доходит только один плановый акт, непосредственно регулирующий его оперативную деятельность—это торгфинплан, синтетически охватывающий и планирование работы торговой сети, и планирование завоза, и планирование цен. В оперативной работе предприятия многообразие методов и разрезов планирования не может и не должно ощущаться; оно имеет значение лишь в качестве многообразия директив по составлению торгфинплана этого предприятия [24].

Благодаря синтетическому охвату всех сторон деятельности торгового предприятия и всех разрезов планирования советской торговли, система торгфинпланов должна быть оценена, как *наиболее яркое проявление принципа единства социалистического планирования в области обмена и распределения*. Вместе с тем торгфинплан является наиболее конкретной формой планирования советской торговли, ибо он не только дает определенные плановые задания, но и подробно детализирует их, указывая конкретные пути и способы их выполне-

---

[24] В практике планирования советской торговли до сих пор еще нередко встречаются случаи нездорового разрыва между планированием работы торговой сети и составлением планов завоза товаров. В качестве примера можно сослаться хотя бы на магазин № 30 Москоппосуды (см. «Правду» от 25 апреля 1933 г.), план товарооборота которого во много раз превышает завоз товара, намеченный планами распределения стекольно-фарфоровых изделий. В таких случаях планы завоза и распределения непосредственно регулируют деятельность торговых предприятий в части товароснабжения или реализации товаров: это происходит потому, что планы завоза не были своевременно использованы в качестве директив для составления торгфинплана, или, иными словами, потому, что был нарушен принцип единства планирования советской торговли.

ния. Так например, в торгфинплане, наряду с заданием по снижению издержек обращения, как правило, приводится список рационализаторских мероприятий по борьбе с потерями, проведение которых должно обеспечить выполнение задания по снижению себестоимости в торговле.

В качестве единого плана работы торгового предприятия, торгфинплан является основной базой для внедрения хозрасчета в советскую торговлю. Ясно без особых доказательств, что предоставление предприятию оперативной и имущественной самостоятельности в деле выполнения плана может быть основано только на таком плане, который синтетически охватывает все стороны деятельности этого предприятия. Точно также торгфинплан является единственной основой для развертывания социалистических форм труда в торговле. Как встречное планирование, так и соцсоревнование и перевыполнение качественных показателей работы торговых предприятий могут иметь своей исходной базой исключительно планирование работы этих предприятий, т. е. систему торгфинпланов. Учитывая, что система торгфинпланов является наиболее ярким проявлением принципа единства социалистического планирования в советской торговле, что система торгфинпланов синтетически охватывает все разрезы и формы планирования советской торговли, что система торгфинпланов является наиболее конкретной формой планирования товарообращения и единственной базой для внедрения хозрасчета и социалистических форм труда в советскую торговлю, надо признать, что *система торгфинпланов является основной социалистической формой планирования советской торговли.*

СОДЕРЖАНИЕ ТОРГФИНПЛАНА

Выше мы уже отмечали, что торгфинплан охватывает все без исключения стороны работы торгового предприятия. Для того чтобы убедиться в правильности этого утверждения достаточно будет ознакомиться со списком показателей любого торгфинплана. Центросоюз в своем «Положение о торговом предприятии, работающем на хозрасчете» [25], дает нижеследующий перечень элементов торгфинплана розничного магазина: а) торговый оборот, б) товарные остатки, в) скорость товарооборачиваемости, г) штат продавцев и их нагрузка, д) зависимые и независимые расходы (в рублях и процентах к обороту), е) сбор паев, целевых ссуд и авансов, ж) экономия от рацмероприятий и борьбы с потерями, з) торговые наценки, и) окончательные результаты деятельности магазина; кроме того «в торгфинплан включаются показатели по кооперированию населения, рацмероприятиям и состоянию соцсоревнования и ударничества». Это список элементов торгфинплана ни в коем случае нельзя признать достаточным. В нем отсутствует, например, такой важнейший показатель, как контингенты обслуживаемого и прикрепленного населения. Значение этого показателя определяется тем, что он учитывает потребительский спрос и тем самым дает реальную гарантию увязки всего торгфинплана с запросами и нуждами рынка. Кроме того, в приведенном выше

---

[25] «Информ. бюлл. Центросоюза» № 13, 1931 г.

списке отсутствуют показатели финансовой деятельности торгового предприятия (финплан, кредитный план, потребность в оборотных средствах и т. д.) и развернутый план товароснабжения магазина. Отсутствие всех этих элементов нельзя объяснить одной только случайностью или недосмотром,—оно прямо вытекает из тех урезанных функций, которые были предоставлены советскому розничному магазину авторами «Положения о торговом предприятии». Хотя в «Положении» и указывается, что розничные предприятия потребительской кооперации «переводятся на хозрасчет» (§ 1), но, по существу, эти предприятия лишь выделяются в самостоятельные объекты планирования и учета [26]; никакой оперативной и имущественной самостоятельности «положение» им не предоставляет. Судя по тексту этого «Положения» розничные магазины не могут иметь ни собственных оборотных средств, ни самостоятельного расчетного счета в банке. Не могут они распоряжаться и денежными суммами, поступающими в их кассу. «Выручка предприятий сдается последними в сроки и по указанию правления кооператива» (§ 21). Из системы договорных отношений они также исключены—все снабжение магазинов полностью осуществляется их вышестоящими органами. Даже самозаготовки допускаются «Положением» лишь в самых исключительных случаях и строго ограниченных пределах. «Правление кооператива в исключительных случаях может предоставить завмагу, в пределах лимитированной суммы, право закупки отдельных товаров (свежая зелень, мелкая галантерея) и сдачу в переработку залежавшихся товаров (изготовление галстуков, подвязок и т. д.), под личную ответственность завмага с соблюдением установленных наценок и единообразных цен... со специальной отчетностью перед торговым отделом кооператива» (§ 15) [27]. Совершенно ясно, что если предприятие целиком и полностью снабжается через свое правление и никакого участия в организации своего снабжения не принимает, если предприятие находится на полном финансовом иждивении вышестоящего органа и не может самостоятельно израсходовать ни одной копейки, то показатели финансовой деятельности и товароснабжения в плане работы этого предприятия просто не нужны. И надо сказать, что авторы «Положения о торговом предприятии» действовали вполне последовательно, исключив эти показатели из списка элементов торгфинплана розничного магазина.

Возможно, что в момент своего издания «Положение о торговом предприятии, работающем на хозрасчете», было большим шагом вперед в деле организации управления советской торговлей. Но на сегодня это «Положение» безнадежно устарело. Сегодня советский розничный магазин (в основной своей массе) является действительно хозра-

[26] В другом документе, изданном Центросоюзом приблизительно в тот же период времени, расшифровано, что понимала в то время потребкооперация под термином «перевод на хозрасчет». В этом документе дается директива «перевести с 1 апреля 1931 г. все торговые предприятия на хозрасчет (особый торгфинплан, с выделением наиболее крупных единиц на самостоятельный баланс)»— пост. презид. Центросоюза от 24/III 1931 г. «О хозрасчете и укреплении финансового хозяйства потребкооперации» («Информ. бюллетень Центросоюза» № 11 1931 г.).

[27] «Информ. бюлл. Центросоюза» № 13 1931 г.

счетным предприятием и выполняет функции *основного звена управления советской торговлей*. Поэтому и тот список элементов торгфинплана, который установлен в центросоюзовском «Положении о торговом предприятии» нуждается в значительном дополнении и исправлении. В настоящее время содержание торгфинплана хозрасчетного розничного магазина должно включать в себя следующие показатели: а) контингенты обслуживаемого или прикрепленного населения, б) план товароснабжения (с разбивкой на снабжение планируемыми и непланируемыми товарами и на самозаготовки), в) торговый оборот, г) товарооборачиваемость и товарные остатки, д) штаты и нагрузка, е) задание по мобилизации средств населения (паенакопления, целевые авансы и проч.), ж) издержки обращения (с выделением административно-управленческих расходов), з) план рационализации торговли и борьбы с потерями, и) потребность в оборотных средствах, к) кредитный план, л) кассовый план, м) директивный баланс, н) торговые наценки и о) окончательные результаты деятельности магазина. Соответственно этому должны быть построены сводные торгфинпланы высших звеньев товаропроводящей сети.

ПОРЯДОК СОСТАВЛЕНИЯ ТОРГФИНПЛАНА

Все сказанное в первой главе о порядке прохождения актов планирования полностью относится и к системе торгфинпланов. Планирование советской торговли, также как и планирование всех других отраслей народного хозяйства, построено на принципе демократического централизма. В основе торгфинплана лежит идущая из центра и подлежащая безоговорочному выполнению директива, вокруг которой развертывается творческая активность мест, направленная к максимальной увязке отдельных деталей плана с местными возможностями и особенностями каждого отдельного участка работы. В планировании советской торговли, также как и в других отраслях народного хозяйства, соблюдены три основных этапа прохождения плана—директивы, контрольные цифры, торгфинплан. Первоначально Госплан СССР преподает отдельным торгсистемам основные директивы по составлению плана, на основе которых последние разрабатывают проекты своих контрольных цифр. Эти проекты сводятся Г с-планом воедино и представляются на утверждение правительства. Утвержденные контрольные цифры Госплан снова спускает всесоюзным центрам торговых систем (Центросоюзу, Главторгу, главурсам и т. д.). Последние разассигновывают их по своим промежуточным звеньям, которые, в свою очередь, распределяют их между следующими нижестоящими организациями. Таким образом контрольные цифры доводятся до каждого магазина, отделения, секции, прилавка и т. д. Степень углубления плана зависит главным образом от качества работы торговой сети и ее управленческих органов. Чем тверже руководство, чем крепче товаропроводящая сеть и ее плановые органы, тем ниже спускается торгфинплан. В госторговле, например, сегодня говорят о доведении торгфинплана «до каждого рабочего места магазина» [28]. А в потребкооперации план в некоторых местах еще не

---

[28] Проект «Примерного положения о магазине ГОРТа, переведенном на хозрасчет».

дошел не только до отдельного торгового предприятия, но даже до первичного кооператива. Такое положение мы имеем в частности по Пушкинскому району Московской области. Пушкинский райпотребсоюз объединяет 10 первичных кооперативов, в числе которых имеются такие мощные организации, как многолавочное пушкинское горпо. Однако ни один из этих кооперативов не имеет отдельных планов и не имеет даже работников, которые могли бы заниматься планированием. Когда, в августе 1932 г., Госбанк потребовал от этих кооперативов кассовый план, они все оказались к этому совершенно неподготовленными и в результате кассовый план за каждый отдельный кооператив был составлен райсоюзом. Такое положение является конечно абсолютно нетерпимым. Пренебрежение принципом конкретизации плана по отдельным исполнителям и участкам исполнения (в данном случае—по первичным кооперативам и розничным магазинам) неизбежно приводит к обезличке в выполнении планов и бесспорно снижает реальность и жизненность планирования. Помимо того не следует забывать, что план работы предприятия является основной базой для внедрения хозрасчета и социалистических форм труда. Поэтому отсутствие торгфинплана говорит о полном отсутствии хозяйственного расчета и борьбы широких масс трудящихся за выполнение и перевыполнение плана.

На основе спущенных контрольных цифр низовое торговое звено (магазин, отделение, прилавок и т. д.) развертывает работу по составлению своего торгфинплана. Выше мы уже говорили, что одним из важнейших моментов низового планирования является выдвижение встречных планов общественностью планируемого предприятия. Встречное планирование гарантирует наши планы от вредительства, бюрократизма, «потолочности», просчетов и т. д. и способствует максимальному выявлению внутренних ресурсов и скрытых возможностей предприятия. Наряду с этим встречное планирование играет огромную роль в деле улучшения качества всей работы предприятия и повышения производительности труда. Особенно велико значение встречного планирования в советской торговле. Кажется, ни в одной другой отрасли народного хозяйства нет такого многообразия невыявленных и неиспользованных ресурсов и возможностей. Вместе с тем, ни в одной другой отрасли народного хозяйства выполнение всех элементов плана не зависит в такой степени от личного труда и личной инициативы кадров рабочих и служащих, как в советской торговле. Если, например, в промышленности встречное планирование идет главным образом по линии качественных показателей, то в советской торговле встречным охвачено чуть ли не все содержание торгфинплана. «Основным содержанием планово-оперативных групп по выдвижению встречных планов... должно быть максимальное выполнение и перевыполнение не только количественных, но и качественных показателей, ускорение оборачиваемости товаров (снижение товарных остатков), снижение издержек обращения, повышение производительности труда (нагрузка), и снижение себестоимости [29]. Тем более крепко надо

[29] Циркуляр планово-экономического сектора Центросоюза № П62а от 29/III 1932 г.

ударить по имеющимся у некоторых торгорганизаций тенденциям к бюрократическому отмахиванию от встречного планирования. А что такие тенденции имеются, видно хотя бы из отчета об обследовании плановой работы в системе МОСПО, произведенном прошлым летом работниками Центросоюза. В выводах работавшей в МОСПО бригады совершенно недвусмысленно подчеркивается «совершенное отсутствие на местах встречного планирования, что одинаково относится как к сети ЗРК и горпо (магазины и др.), так и к низовой сети райсоюзов (сельпо и мелкие рабкоопы). Особенно должно быть подчеркнуто отсутствие при этом необходимых мероприятий со стороны МОСПО, которые должны были вызвать поток встречных планов, оформить это движение и дать ему осмысленное направление». Из дальнейшего изложения мы увидим, что недооценка встречного планирования является для МОСПО отнюдь не случайной и сопряжена с целым рядом других извращений в организации планирования работы потребкооперации Московской области.

В отличие от всех других отраслей народного хозяйства встречное планирование в советской торговле осуществляется не только рабочими и служащими самих планируемых предприятий, но и широкими массами трудящихся, обслуживаемых этими предприятиями. Это вполне понятно. Товаропроводящая сеть непосредственно обслуживает широчайшие массы трудящихся. Вся ее работа видна как на ладони и все ее недостатки ударяют прежде всего по материально-бытовому обслуживанию рабочих и колхозников. Отсюда и предпосылки для чрезвычайно разветвленных и многообразных форм контроля трудящихся-потребителей над работой торговой сети. Все эти формы—коопбюро, лавочные комиссии, советы содействия и т. д.—имеют своим содержанием борьбу рабочих и колхозников за улучшение своего материально-бытового обслуживания. Точно такое же значение имеет и участие потребителей во встречном планировании магазина. При этом надо констатировать, что встречное планирование является высшей формой общественного контроля над работой торговой сети, ибо оно ставит на проверку не только выполнение плана торговым предприятием, но и самый план его работы. «Теперь при доведении хозрасчета, плана, учета до каждого предприятия для общественности расширяется, и притом значительно, поле деятельности. Если раньше объектом контроля была борьба с очередями, грубым обращением и т. п., то теперь создается впервые возможность для действительного контроля над рентабельностью (сметы расходов) и над ассортиментом. Теперь мы реально можем ставить вопрос о том, что *план должен быть концентрированной директивой организованного потребителя* (курсив мой—*М. П.*)»[30].

Составленный на основе контрольных цифр и с учетом встречных показателей торгфинплан представляется низовым торговым предприятием своей вышестоящей организации. Рассмотрение и утверждение торгфинплана вышестоящей организацией производится при обяза-

[30] Выступление т. Ларина на дискуссии в Ин-те экономики Комакадемии по докладу т. Гатовского «О природе советской торговли на современном этапе». Снабкоопгиз, М.—Л. 1931 г., с. 138.

тельном участии руководителя планируемого предприятия. Этому обязательному участию руководителя торгового предприятия (например завмага) при утверждении плана его работы многие пытались приписать какой-то особый смысл и видели в этом чуть ли не элементы договорных отношений. Из дальнейшего изложения мы увидим, что это совершенно неверно. Завмаг привлекается к участию в рассмотрении и утверждении торгфинплана магазина для того, чтобы разъяснить и, в случае надобности, защищать отдельные показатели и элементы плана, выдвинутые самим магазином. Вместе с тем, участие завмага в утверждении торгфинплана магазина имеет целью повысить моральную ответственность завмага за выполнение этого торгфинплана. Утвержденные в таком порядке торгфинпланы всех торговых предприятий, подчиненных данному управленческому звену, сводятся последними воедино и представляются для утверждения следующей вышестоящей организации. На основе этих планов, всесоюзные центры торгсистем составляют сводные торгфинпланы системы и представляют их в Госплан, где они включаются в единый народнохозяйственный план СССР.

Наряду с отраслевым планированием в порядке соподчинения работа торговой сети планируется еще и в районном разрезе местными общеплановыми органами. Это отнюдь не означает, что торговая сеть имеет два плана работы (торгфинплана)—один для своего вышестоящего звена, другой для обл- и райплана. Задача состоит в том, чтобы увязать в едином плановом документе и директивы своего вышестоящего центра и интересы обслуживаемого района. Методом этой увязки являются теснейший контакт и согласованность с местным общеплановым органом в деле развертывания директив, полученных от своего отраслевого центра. Правда, на деле контакт и увязка отраслевых планов с районным планированием нередко еще бывают чрезвычайно слабыми [31], что бесспорно отражается на реальности как отраслевого, так и районного плана. Но в связи с переходом на систему районно-комплексного планирования надо ожидать, что в этом вопросе мы будем иметь коренной перелом.

Изложенный в этой главе порядок составления и прохождения торгфинпланов целиком вытекает из основных принципов социалистического планирования и в основном воспринят всеми товаропроводящими системами. Однако в практике планирования советской торговли кое-где еще встречаются отдельные извращения, свидетельствующие, в первую очередь, об оппортунистической недооценке принципа демократического централизма. В массе своей эти извращения сводятся либо к левацкой бюрократизации планирования, либо к правооппортунистическому выхолащиванию из плана всех директивных моментов.

---

[31] Так например, произведенное Центросоюзом обследование состояния плановой работы в Ухтомском райпотребкосоюзе установило: «Связь райсоюза с райпланом выражается в получении от него материалов о количестве населения в соц. разрезе и предоставлении ему годового плана. Никаких других базисных материалов от райплана райсоюз не получает. В свою очередь и райплан никаких иных планов (квартальных, месячных) от райсоюза не требует и отдельными запросами его не беспокоит. Годовой план союза совместно с ним проработке райпланом не подвергался».

Бюрократическая централизация управления хозяйством получила свое законченное выражение в выступлениях Троцкого. С точки зрения Троцкого принцип «сплошной» централизации управления хозяйством, не оставляющий никакого места для инициативы и самодеятельности мест, «по замыслу, если брать его как грубый черновой набросок, есть правильное социалистическое хозяйство, есть плановое хозяйство, оно организуется по основным производствам, оно объединяет сверху донизу, но это предполагает, что центральный аппарат управления промышленностью является идеальным аппаратом учета и распределения в соответствии с соединением хозяйственных планов. Это предполагает, что в распоряжении т. Рыкова и его коллегии имеется идеальная клавиатура, так что, ударив по известному клавишу, можно соответствующее количество угля, дров, рабочей силы перебросить туда, где оно требуется по смыслу» [32]. Сущность троцкистского бюрократического централизма состоит в сосредоточении всех без исключения планово-оперативных функций в руках центральных организаций, в превращении местных органов в простых технических исполнителей воли центра и в лишении их какой бы то ни было доли оперативной самостоятельности и инициативы. Применительно к области планирования советской торговли бюрократический централизм означает полное отстранение планируемого предприятия от участия в составлении своего торгфинплана. Все элементы и показатели торгфинплана, начиная от самых основных и кончая мельчайшими деталями, от начала до конца разрабатываются вышестоящими звеньями и преподносятся планируемым предприятиям в готовом виде, так что последним остается лишь приступить к его выполнению. Такой порядок составления торгфинплана принят в некоторых конторах горта, в ЛСПО и в ряде других торговых организаций. Вот как описывает т. Зайцев порядок заполнения таблиц торгфинплана магазина, установленный в системе ЛСПО: «Плановая группа *правления рабкоопа* заполняет на основании данных бухгалтерского и оперативного учета сведения по всем показателям за прошедший квартал и одновременно проставляет по ним плановые лимиты на следующий квартал, выводя там, где этого требует форма, и процент выполнения. Затем... даются плановые лимиты на следующий квартал с разбивкой по месяцам. Таблица составляется в 2 экземплярах, из которых один вручается завмагу в момент заключения договора на хозрасчет (об этом договоре см. ниже—М. Л.), а второй оставляется в плановом отделе правления. Заполнение таблицы в части фактического выполнения показателей по переводу на хозрасчет возлагается на *завмага*» (курсив Зайцева)[33]. Совершенно ясно, что при такой системе планирования полностью отсутствует какой бы то ни было учет местных особенностей и возможностей каждого отдельного предприятия и в значительной мере страдает реальность самого планирования. В МОСПО, где при составлении плановых заданий низовым кооперативным организациям «проектировки самих организаций как правило

---

[32] Л. Троцкий, Речь на IX съезде РКП(б), Стеногр. отчет. ГИЗ, 1920 г., с. 89—90.

[33] Е. Зайцев, Перевод торговых предприятий на хозрасчет. Соцэкгиз, М.—Л., 1931 г., с. 6.

не учитываются», нередко имеет место выдача нереальных и просто невыполнимых заданий. Так например, МОСПО дало раменскому ЗРК задание по кооперированию населения в 2 200 чел., тогда как вся некооперированная часть взрослого населения по району составляет лишь около 800 человек. Товарковское ЗРК получило задание по паенакоплению в размере 67,5 тыс. руб., тогда как по мнению орготдела самого МОСПО возможности паенакопления в этом ЗРК «оцениваются примерно в 90 тыс. руб.» [34]. Не подлежит сомнению, что привлечение к плановой работе самих планируемых предприятий и развертывание встречного планирования избавили бы плановый сектор МОСПО от этих, мягко выражаясь, «просчетов».

Наряду с бюрократической централизацией плановой работы, в целом ряде торговых организаций наблюдается самое пренебрежительное отношение к получаемым из центра директивам. Эти организации не признают обязательной силы спускаемых им директив по составлению плана и контрольных цифр. Тот же самый МОСПО, который столь пренебрежительно отмахивается от плановых наметок своей низовки, не желает считаться и с директивными указаниями своего руководящего центра—Центросоюза. «Разверстка заданий и лимитов, равно как и составление и утверждение самого плана, из которого они вытекают, производятся в МОСПО, не дожидаясь всех аналогичных заданий и лимитов для области от Центросоюза [35]. Аналогичное явление наблюдается и в низовой сети. Так например, пеловское горпо (Ухтомского района) само составляет себе планы своей работы «для внутреннего пользования», причем эти планы с директивами райсоюза ни в какой мере не связаны и на утверждение союзу ни разу не представлялись.

Оппортунистическая недооценка роли централизованного планового руководства нашла себе теоретическое обоснование в брошюре некоего И. Цитрона. В этой работе, специально посвященной планированию деятельности розничных предприятий, Цитрон доказывает, что контрольные цифры спускаются магазинам лишь потому, что «составление торгфинплана требует ряда материалов, которыми отдельный магазин не обладает» [36]. Таким образом, по мнению Цитрона, контрольные цифры являются не основной директивой, вокруг и на основе которой развертывается плановая работа магазина, а лишь своего рода «справочником» по отдельным общеэкономическим вопросам, которым магазин может пользоваться в качестве вспомогательного материала при разработке своего торгфинплана. Нечего и говорить, что эта теория не имеет ничего общего с марксистско-ленинским пониманием основных принципов организации социалистического планирования.

«ТОРГФИНПЛАН — ЭТО ДОГОВОР»

Неверие в обязательную силу социалистического планирования побудило некоторых «теоретиков» поставить вопрос о необходи-

---

[34] Выводы бригады Центросоюза «О состоянии плановой работы в МОСПО», с. 6—7.

[35] Там же, с. 6.

[36] И. Цитрон, Торгфинплан магазина. Снабкоопгиз, М.—Л., 1931 г., с. 34.

мости «подкрепления» плановых заданий элементами самообязывания Так например, т. Шрайбман, анализируя взаимоотношения между заводоуправлением и цехом, пишет: «Элемент двухсторонности в отношениях завода с цехом или, иначе говоря, хозрасчетный характер этих отношений выражается хотя бы в том, что цех принимает задание не только как приказ, но и в порядке самообязывания. Принимая наряд-заказ от завода, цех в некоторой степени выступает как бы в качестве стороны. «Наряды-заказы разрабатываются заводоуправлением на основе промфинплана при обязательном участии начальника (заведующего) цеха (ст. III постановления президиума ВСНХ от 12/XI 1931 г.)». Диалектика наряда-заказа в том, что представляя собой неотъемлемую стадию в процессе прохождения плана, будучи, значит, актом планирования, он вместе с тем является формой хозрасчетных отношений»[37]. Это, конечно, совершенно неверно. Нет никакой нужды вводить элемент самообязывания там, где имеется *обязанность*, вытекающая из отношений соподчинения. После того как плановое задание утверждено соответствующими инстанциями, оно обязательно для планируемого предприятия во всех своих частях, независимо от того, согласно ли с ним или не согласно это предприятие. Наряд-заказ является только *документом*, *оформляющим плановое задание*, и в качестве такового не может иметь никаких других свойств, кроме тех, которые присущи самому плановому заданию. Тов. Шрайбмана видимо сбила с толку директива ВСНХ об обязательном участии начальника цеха при рассмотрении и утверждении цехового промфинплана. В этом обязательном участии он усмотрел элементы договоренности и самообязывания. Но далеко не всегда присутствие при вынесении того или иного постановления означает наличие элементов самообязывания в отношении этого постановления. Часто привлечение руководителя планируемого предприятия к участию в рассмотрении и утверждении его плана имеет единственной целью дать руководителю возможность объяснить и обосновать те наметки, которые были им внесены в проект этого плана. После же того, как *проект* превращается в *постановление*, никакие разговоры, обсуждения и обоснования уже не могут иметь места. «Митинговый демократизм» при обсуждении постановления и беспрекословная, железная дисциплина (а не «самообязывание») после его принятия—этого требует ленинский принцип демократического централизма.

В советской торговле наряд-заказ в чистом его виде почти совершенно не применяется. Взамен этого в некоторых торговых организациях торгфинплан «подкрепляется» договором о выполнении плана. Такого рода договор принят в частности в системе горта. «Между конторами и отделениями, а равно между отделениями и переведенными на полный хозрасчет подведомственными им магазинами должны быть заключены соглашения, предусматривающие взаимные обязательства сторон. В соглашениях такого рода должны быть предусмотрены следующие основные моменты: а) количество, ассортимент

---

[37] М. Шрайбман, Хозрасчет внутри завода, «Советское государство» № 4 за 1932 г., с. 93.

и сроки поставки товаров, б) размер выделяемых оборотных средств, в) своевременность дачи руководящих установок, контрольных цифр и т. д., г) пополнение переведенного на хозрасчет предприятия кадрами и подготовка таковых, д) размер оборотов предприятия по реализации, е) качественные показатели работы предприятия: товарооборачиваемость, размер расходов (процентах к обороту), рентабельность, максимально сниженный размер естественной убыли товаров, ж) размер отчислений со стороны предприятия на содержание аппарата вышестоящего звена, з) улучшение обслуживания потребителя, выявление спроса потребителя, отзывов его о качестве товаров, и) своевременное представление планов, смет, балансов, заявок и разнарядок на товары, к) содействие в проведении и расширении новых форм и методов труда — соцсоревнование, ударничество и т. д. [38]. Примерно такой же договор принят и в системе ЛСПО [39]. По этому договору магазин также принимает на себя обязательство выполнить все, без исключения, элементы торгфинплана и улучшить обслуживание потребителей. Со своей стороны правление кооператива обязуется обеспечить бесперебойное снабжение магазина и предоставить ему все необходимые условия для выполнения плана. В частности правление кооператива берет на себя обязательство дать завмагу «право самостоятельного проведения в порядке полного единоначалия всех директив правления и мероприятий, направленных на улучшение работы предприятия (§ 29)». Договором предусмотрены также санкции за нарушение принятых на себя обязательств. «Невыполнение настоящего соглашения как в целом, так и в отдельных его частях влечет за собой (в зависимости от степени невыполнения задания) частичное или полное лишение всех работников магазина премии, служебно-административные взыскания (выговор, перемещение, снятие с работы), а в случае значительных прорывов в выполнении плана по вине заведующего, привлечение последнего к ответственности, как за бесхозяйственность (§ 32)». Этот договор как нельзя нагляднее показывает тот вред и ту путаницу, которые вносит принцип «самообязывания» в организацию социалистического планирования. Действительно, что может быть курьезней этого договора, по которому руководящий центр предоставляет заведующему нижестоящим предприятием право *управлять* этим предприятием, а нижестоящее предприятие дает своему руководящему центру право снимать негодных работников и отдавать их под суд. А ведь эти безграмотнейшие ошибки прямо вытекают из того смешения принципа единоначалия с принципом соглашения (договора), которое пропагандирует т. Шрайбман. Совершенно ясно, что и гортовский договор и соглашение ЛСПО для нас совершенно неприемлемы, ибо они в корне противоречат основным принципам управления социалистическим хозяйством.

На необходимости установления договорных отношений между правлением кооператива и магазином настаивает также и И. Цитрон.

---

[38] Циркулярное письмо правления ГОРТа № 118/2905 от 29 мая 1931 г.

[39] Напечатан в брошюре Е. Зайцева. Перевод торговых предприятий на хозрасчет, с. 60—64.

Однако он против заключения самостоятельных договоров между этими звеньями. «Имеются такие кооперативы, которые даже заключают договоры с магазинами на снабжение—это совершенно излишне, так как подписанный магазином и кооперативом торгфинплан и есть договор, обязательство» [40]. Примерно такая же мысль проводится и в цитированном выше «Положении о торговом предприятии, работающем на хозрасчете»: «Утвержденный правлением торгфинплан является соглашением между кооперативом и магазином на снабжение последнего товарами и на выполнение предприятием всех показателей» (§ 10). Итак, торгфинплан—это договор. Мысль достаточно ясная, но совершенно неверная. Торгфинплан, конечно, никакой не договор, а план, плановое задание. Договор же должен быть орудием выполнения плана, ибо он конкретизирует планы, увязывает их и создает ответственность за их выполнение. Стоит только понять это соотношение между планом и договором, чтобы оценить всю бессмысленность цитроновской теории о договоре-плане. По существу своему эта теория основана на полном неверии в обязательную силу социалистических планов—она пытается подменить директивный характер торгфинплана соглашением между планирующей и планируемой организацией. В этом отношении она является последовательным продолжением другой теории того же Цитрона о «вспомогательном» значении контрольных цифр.

Необходимо отметить, что всякие попытки превратить наши планы в договорные обязательства неизбежно должны привести к ограничению сферы и возможностей планового воздействия пролетарского государства на народное хозяйство. Первые шаги в этом направлении мы находим у самого Цитрона: «Поскольку торгфинплан служит договором, всякое его изменение должно производиться обеими сторонами—кооперативом и магазином» [41]. Это значит, что если в процессе выполнения плана выяснится необходимость его изменения, а магазин почему-либо с этим изменением не согласится—торгфинплан должен быть сохранен в своем первоначальном виде, хотя бы реализация этого первого варианта и была абсолютно нецелесообразной. Иными словами, планирование ставится в зависимость от воли планируемого объекта. Ясно, что на это пойти нельзя. Принятие цитроновской теории означало бы полный отказ от принципа планового руководства, от возможности перестройки плана на ходу и в конечном счете привело бы к омертвлению и бюрократизации наших планов.

СТИМУЛИРОВАНИЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ТОРГФИНПЛАНА

Необходимым условием в борьбе за план, за повышение инициативности и маневренности хозяйственных организаций и за внедрение

[40] И. Цитрон, Хозрасчет магазина, «Рабочий потребитель» № 2—3 за 1931 г., с. 16. Эту же мысль Цитрон проводит и в цитированной выше брошюре «Торгфинплан магазина». «Так как магазин переходит на хозяйственный расчет, то требуется установить определенные договорные отношения между магазином и правлением кооператива. Таким договором может служить торгфинплан» (с. 20).

[41] И. Цитрон, Торгфинплан магазина, с. 22.

хозрасчета является «усиление хозяйственной заинтересованности каждого предприятия и каждого хозоргана в выполнении заданных им планов, в рационализации производства, в снижении себестоимости, в накоплении прибылей» [42]. Еще в 1920 г., выступая на VIII съезде советов, Ленин говорил: «Необходимо, чтобы хозяйственные планы выполнялись по определенной программе и чтобы рост выполнения этой программы отмечался и поощрялся» [43]. Этот принцип поощрения выполнения плана нашел свое практическое осуществление в системе закрепления за предприятиями части достигнутой ими сверхплановой экономии.

Порядок установления и использования этой экономии подробно регламентирован в специальной инструкции СТО от 14/VI 1928 г. [44]. В случае перевыполнения предприятием планового задания и снижения издержек производства (обращения), часть достигнутой предприятием экономии, в размере от 25 до 50%, оставляется в распоряжении руководителя предприятия и расходуется им по своему усмотрению на рационализацию производства и улучшение материально-бытового положения рабочих и служащих предприятия. Точный размер закрепляемой за предприятием части экономии устанавливается в каждом отдельном случае вышестоящим звеном, при участии руководителя планируемого предприятия, в зависимости от выполнения предприятием качественных показателей плана [45]; в случае резкого снижения качества продукции предприятие может быть полностью лишено права на получение части достигнутой экономии. Планирующий орган может вмешаться в действия руководителя предприятия по использованию закрепленной за ним экономии лишь в том случае, если экономия расходуется на цели, не предусмотренные инструкцией. Создание в распоряжении руководителя планируемого предприятия такого маневренного фонда, которым он может распоряжаться по своему усмотрению, является значительным стимулом для активизации борьбы за повышение накоплений.

В связи с проведением системы закрепления за предприятием части достигнутой им экономии встает чрезвычайно интересный вопрос о праве предприятия на получение этой премии в случае невыполнения плана по причинам, от предприятия независящим. Упомянутая выше инструкция СТО решает этот вопрос в том смысле, что изменение объективных условий дает право предприятию потребовать пересмотра своей сметной калькуляции, что, в конечном счете, дает ему возможность получить экономию независимо от выполнения

---

[42] Пост. СНК СССР от 20/III 1931 г. «Об изменении в системе кредитования, укреплении кредитной работы и обеспечении хозрасчета во всех хозорганах» (СЗ СССР 1931 г. № 18, ст. 166).

[43] Ленин, т. XXVI, с. 43.

[44] СЗ СССР 1928 г. № 42, ст. 384.

[45] Совместным постановлением президиума Центросоюза и ЦК союза работников кооперации и госторговли установлено, что розничные магазины потребкооперации во всех случаях получают 50% от достигнутой ими экономии. Кроме того тем же постановлением установлено, что половина закрепленной за магазином части экономии используется для персонального премирования работников магазина. Во всем остальном это постановление совпадает с инструкцией СТО от 14 июня 1928 г.

плана. Такую постановку вопроса вряд ли можно признать правильной. Ведь мы премируем не за благие намерения и не за «благие порывы», а за реальное и конкретное перевыполнение плана. Поскольку же предприятие своего плана не выполнило—не за что (и главное, не из чего) его премировать. Нельзя предоставлять ему часть экономии, которой не существует в природе. Еще неправильнее разрешен вопрос в инструкции СТО о праве предприятия на получение сверхплановой экономии в случае его недоснабжения или снабжения некондиционным сырьем (если таковое привело к невыполнению плана). Здесь инструкция также рекомендует вносить «поправки в сметную калькуляцию в случае, если правление треста доставит производственному предприятию сырье, топливо, материалы и полуфабрикаты худшего качества, чем это было предусмотрено при исчислении сметной себестоимости, и если вследствие этого произойдет повышение действительной себестоимости продукции или понижение ее качества». По-существу, в данном случае инструкция признает возможным изменять принятые планы снижения себестоимости и приспосабливать их к плохой работе или головотяпству отдельных сотрудников сектора снабжения треста. Более решительно подошло к этому вопросу правление МОСПО: «Правление (кооператива.—М. Л.) отвечает за убытки, полученные магазином, вследствие невыполнения своих обязательств перед магазином без уважительных причин» [46]. Правление МОСПО совершенно право—прорывы в накоплениях, происшедшие по вине неисправных контрагентов, надо покрывать путем применения договорных санкций, путем взыскания с этих контрагентов причиненных убытков. Но правление МОСПО допускает большую ошибку, считая, что таким контрагентом для магазина может быть его правление. Об этой ошибке мы говорили выше, она проистекает из стремления подменить директивный характер социалистического планирования соглашениями (договорами).

ГЛАВА III. ПЛАНИРОВАНИЕ ТОВАРОСНАБЖЕНИЯ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

На первых этапах строительства нового коммунистического общества, когда еще сохраняются «родимые пятна» капиталистического строя, распределение средств потребления осуществляется через обмен, формой которого в наших условиях является советская торговля. Советская торговля принципиально отлична от торговли капиталистической. В буржуазных условиях распределение средств потребления происходит стихийно. Капиталистические предприятия, осуществляющие функции распределения, меньше всего заинтересованы в удовлетворении потребительского спроса; единственную свою задачу они видят в извлечении прибыли. Советская же торговля непосредственно направлена на удовлетворение потребностей широких масс трудящихся. Это вытекает из самой природы советской

[46] «Положение о магазинах, переводимых на самостоятельный баланс», § 13 (Бюллетень МОСПО № 5—6 от 27/III 1932 г., с. 50).

торговли, из того, что она осуществляется в пролетарском государстве, в условиях построения социализма. «Мы вправе сказать, что наша пятилетка—большевистская программа коренного улучшения материальных и культурных условий жизни рабочего класса и всей массы трудящихся»[47].

Однако сегодня мы еще не можем построить нашу систему производства и распределения таким образом, чтобы каждый трудящийся получил п лное удовлетворение всех своих потребностей. Только безнадежные «леваки» могут думать, что уже настало время для перехода к прямому продуктообмену и распределению материальных благ «по потребностям». «Коммунизм не возникает сразу, он создается в результате напряженных усилий миллионов освобожденных от капиталистической эксплоатации людей. Нельзя поэтому теперь же перейти к прямому продуктообмену, отмене продажи, торговли, отмене рубля и т. д. Для данной стадии социалистического строительства, для периода второй пятилетки подобные лозунги «отмены» являются не чем иным как «левой» фразой, антибольшевистский характер которой несомненен»[48].

Вместе с тем, при удовлетворении потребительского спроса мы не исходим из принципа абсолютно равного удовлетворения потребностей всего населения; мы не пытаемся организовать распределение таким образом, чтобы все получили поровну, независимо от роли и функций каждой отдельной личности в процессе общественного воспроизводства. Такой тезис выдвигал в свое время Троцкий: «В области потребления, т. е. в условиях личного существования трудящихся, необходимо вести линию уравнительности. В области производства—принцип ударности еще надолго останется для нас решающим»[49]. Ленин жестоко раскритиковал эту теорию: «Это совершенная путаница теоретически. Это совершенно неверно. Ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления—ничто... Предпочтение в ударности есть предпочтение и в потреблении»[50]...

В основу распределения средств потребления на данном этапе положен принцип оплаты «*по труду*». Это значит, что снабжение ставится в прямую зависимость от участия в общественном производстве. «Каждый получает, отработав равную с другим долю общественного труда, равную долю общественного производства»[51]. Иными словами, в основе советской системы снабжения лежит принцип стимулирования общественного производства. Перед системой снабжения поставлена непосредственная задача укрепления социалистического производства, повышения производительности труда и трудовой дисциплины. «Задача ликвидации мелкобуржуазной уравниловки, поставленная т. Сталиным в «шести условиях», сохра-

---

[47] В. Молотов, выступление на IX съезде профсоюзов, «Известия» № 112 от 22 апреля 1932 г.

[48] В. Куйбышев, доклад «О второй пятилетке» на XVII партконференции. В. Молотов и В. Куйбышев, «О второй пятилетке». Партиздат, М., 1932 г., стр. 81.

[49] Л. Троцкий, Тезисы о профсоюзах. Сбор. «Партия и союзы», 1921 г., с. 264.

[50] Ленин, т. XXVI, с. 70.

[51] Ленин, т. XXI, стр. 434.

няет полностью свое значение и для второй пятилетки. Задача, которая стоит перед нами во второй пятилетке,—углубление принципа «оплаты по труду», разработка таких норм заработной платы, такой системы и такого развертывания советской торговли, которые бы обеспечили полную реализацию принципа «оплаты по труду» каждого работника создаваемого социалистического общества [52]. «Перед советской системой снабжения, перед советской торговлей стоит задача первоочередного и преимущественного удовлетворения потребностей лучших работников [53] и важнейших участков социалистического строительства. Таково, по существу, содержание принципа *классовости и ударности снабжения.*

Советская торговля должна быть повернута *лицом к производству.* Это значит, что на данном этапе функции снабжения должны быть непосредственно подчинены интересам производства и выполнения производственных планов. Еще декабрьский пленум ЦК ВКП(б) (1930 г.) выдвинул перед советской товаропроводящей сетью требование «перестроить свою работу в сторону безусловного обеспечения в первую очередь важнейших участков социалистического строительства и увязки дела снабжения с выполнением производственных планов, повышением производительности труда, борьбой с текучестью рабсилы и поощрением социалистических форм организации труда (соцсоревнование, ударничество и т. д.)». *По существу поворот снабжения лицом к производству является новой и наиболее действенной формой обратного воздействия сферы обращения на сферу производства.*

Наряду с этим перед советской системой распределения средств потребления стоит другая важнейшая задача—*задача укрепления торговой смычки между городом и деревней.* «Успехи индустриализации и рост колхозного строительства укрепили производственную смычку рабочего класса с колхозным крестьянством и окончательно утвердили ее в качестве основной формы смычки города и деревни. Этого решающего обстоятельства не поняли правооппортунистические элементы в партии. Но только безнадежные «леваки» могут считать, что тем самым уже снимается вопрос об укреплении торговой формы смычки города и деревни, и недооценивать хозяйственного и политического значения дальнейшего расширения производства товаров широкого потребления, всемерного увеличения их рыночных фондов и развертывания товарооборота для усиления снабжения промтоварами рабочих и колхозных масс» [54]. Значение торговой смычки города и деревни определяется тем, что она поворачивает советскую торговлю лицом к сельскохозяйственному производству, ибо советская торговля на селе является, прежде всего, фактором укрепления сельскохозяйственного производства, повышения товарности сельского хозяйства и организационно-хозяйственного укрепления кол-

[52] В. Куйбышев, доклад «О второй пятилетке» на XVII партконференции.

[53] Ср. Ленин, «Кормить *только* хороших работников», т. XXVI, с. 467.

[54] Резолюция январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) по докладам тт. Сталина, Молотова и Куйбышева об итогах первой пятилетке и народнохозяйственном плане 1933 г.—первого года второй пятилетки. Партиздат, 1933 г, с. 9.

хозов. В конечном счете торговая смычка играет важнейшую роль в деле уничтожения противоположности между городом и деревней. Поэтому сентябрьский пленум ЦК ВКП(б) (1932 г.) самым решительным образом подчеркнул необходимость «решительного отпора антипартийной левацкой недооценке значения советской торговли» и указал, «что одержанная партией в борьбе с правым оппортунизмом победа в деле организации социалистической производственной смычки между городом и деревней не только не снимает, но выдвигает с особой силой задачу укрепления на этой базе торговой смычки города с деревней».

СОВЕТСКАЯ ТОРГОВЛЯ—ПЛАНОВАЯ ТОРГОВЛЯ

«Главной причиной, препятствующей развертыванию советской торговли, является непонимание и неумение значительной прослойки работников кооперативно-торгового аппарата перейти с рельсов механического распределения товаров на рельсы развертывания советской торговли» [55]. Октябрьский пленум 1931 г. противопоставил развернутую советскую торговлю механическому распределению товара. Это означает, что октябрьский пленум противопоставил бюрократическое и формальное выполнение плана развернутой борьбе за удовлетворение потребностей трудящихся, за культурное доведение товаров до потребителя.

Противопоставление развернутой советской торговли механическому распределению товаров было воспринято правооппортунистическими элементами, как противопоставление советской торговли *всякому* распределению, как противопоставление советской торговли плановому началу. «Правые оппортунисты из факта отмены нормирования и бронирования делают вывод о восстановлении так называемой «чистой торговли». Для правых оппортунистов нет вопроса о том, чтобы торговля оказывала определенное воздействие на производство. Они исходят из того, что перед потребкооперацией стоит одна задача—продать товар безразлично кому и безразлично как» [56]. «Или «механическое распределение», или «чистая стихийная торговля»—другого пути нет, вот по сути объединяющий и правых, и «левых» оппортунистов антипартийный, оппортунистический тезис» [57]. На практике такое понимание лозунга развертывания советской торговли привело к целому ряду грубейших нарушений плановой дисциплины, к целому ряду фактов неподчинения плановым директивам центра и отдельным случаям прямого противодействия внедрению социалистического планирования в советскую торговлю. Так например, некий т. Темкин (НКЛП УкрССР), выступая на I всесоюзной конференции работников легкой промышленности, открыто требовал от Наркомлегпрома СССР отказа от централизо-

---

[55] Резолюция октябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1931 г. по отчетным докладам тт. Микояна и Зеленского и содокладу т. Землячки. ОГИЗ, 1931 г., с. 11—12.

[56] И. Зеленский, Колхозная торговля и задачи укрепления потребкооперации на селе, «Большевик» № 11/12, 1932 г., с. 18.

[57] Л. Гатовский, Задачи советской торговли на современном этапе, («Советская торговля» № 1, 1932 г., с. 15).

ванного планирования товароснабжения: «Посмотрите планы, спущенные на второй квартал. Найдете ли вы там хоть один товар целиком, которым может распоряжаться база? Такого товара вы не найдете. Все расписано до ниточки. А нам говорят, что мы имеем право торговать. А чем? Нарядами быть может торговать? Так выполнять решения правительства и партии нельзя» [58].

Нечего и говорить, что такая трактовка лозунга развертывания советской торговли является совершенно неверной. «Развертывание советской торговли и в частности развитие торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличников-крестьян не только не означает, как это пытаются толковать правооппортунистические и кулацкие элементы, развязывание рыночной стихии и допущение нэпмана, спекулянта, а наоборот, требует «искоренения частников и перекупщиков-спекулянтов, пытающихся нажиться на колхозной торговле». Пленум ЦК обязывает все партийные, хозяйственные и профессиональные организации дать беспощадный отпор левацкой антиленинской недооценке значения советской торговли, с одной стороны, и либерально-буржуазному толкованию задач развертывания советской торговли со стороны правых оппортунистов—с другой» [59].

Советская торговля развертывается в ожесточенной классовой борьбе со спекулянтами, перекупщиками и всеми элементами, срывающими плановые мероприятия партии и правительства. Закон 22 августа 1933 г. «О борьбе со спекуляцией» предлагает «не допускать открытия магазинов и лавок частными торговцами и всячески искоренять перекупщиков и спекулянтов, пытающихся нажиться за счет рабочих и крестьян». С другой стороны, развернутая советская торговля противопоставляется механическому распределению товаров. Однако, это ни в коем случае не может и не должно означать противопоставления советской торговли *плановому* распределению товаров. Осуществляемая в условиях планового хозяйства и подчиненная задачам классовости и ударности снабжения, советская торговля проникнута социалистическим плановым началом и подчинена единому централизованному руководству пролетарского государства. *Советская торговля—это плановая торговля*, торговля, непосредственно вытекающая из единого народнохозяйственного плана.

О ЦЕНТРАЛИЗОВАННОМ РАСПРЕДЕЛЕНИИ

Выше мы указывали, что планирование завоза и распределения товаров выделено на данном этапе в обособленную систему и осуществляется отдельно от планирования работы торговой сети. Это конечно не значит, что планирование товароснабжения совершенно оторвано от системы торгфинпланов. В предыдущей главе мы показали, как планы завоза претворяются, в конечном счете, в элементы торгфинплана и осуществляются товаропроводящей сетью в порядке выполнения ею плана своей работы. По существу мы имеем единство

[58] Стенографический отчет I всесоюзного совещания работников легкой промышленности. Гизлегпром, М.—Л., 1932 г., с. 62.

[59] Из резолюции сентябрьского пленума ЦК ВКП (б) 1932 г. «О развитии советской торговли». Партиздат, 1932 г., с. 13.

планирования работы торговой сети при наличии двойственности директив по составлению единого торгфинплана. При этом надо иметь в виду, что эта двойственность ни в какой мере не является принципиальной, ибо и контрольные цифры работы торговой сети, и планы завоза вытекают из единых плановых директив партии и правительства и, в конце концов, являются составными частями единого народнохозяйственного плана. Следует также отметить, что далеко не все вопросы организации завоза и распределения товаров регулируются в порядке обособленного централизованного планирования товароснабжения. В целом ряде случаев завоз товаров осуществляется на основе «оперативного регулирования завоза» самими торгсистемами, т. е., в конечном счете, на основе планов работы этих торгсистем.

Объясняя причины введения обособленной системы планирования завоза, вредитель Громан доказывал, что товарооборот планируется у нас вследствие «нашей бедности», вследствие нехватки ряда важнейших потребительских товаров. Эта теория была подхвачена некоторыми экономистами [60]. Нечего и говорить, что такая постановка вопроса абсолютно неверна и является прямой клеветой на систему социалистического планирования. Внедрение планового начала на том или ином участке народного хозяйства обусловливается никак не «бедностью».

Выделение планирования завоза в обособленную плановую систему вытекает из тех задач, которые стоят перед советской системой распределения. Принцип классовости и ударности снабжения не может осуществляться самотеком. Задачи первоочередного и преимущественного удовлетворения потребностей лучших работников и важнейших участков народного хозяйства требуют крепкого, продуманного руководства завозом товаров и строжайшего государственного контроля за выполнением планов распределения материальных благ. «До тех пор, пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления» [61]. Это руководство и этот контроль могут быть обеспечены либо путем сугубой централизации планирования товароснабжения и выделения этой формы планирования в обособленную систему, либо в порядке планирования работы торговой сети, но лишь при наличии *действительного, глубокого внедрения системы торгфинпланов*. Внедрение и укрепление системы торгфинпланов в свою очередь требуют наличия *развернутой и крепкой товаропроводящей сети*, такой сети, которая могла бы обеспечить полную реализацию плановых директив партии и правительства. В решениях XVII партконференции подчеркнуто, что отмена системы централизованного распределения возможна лишь на основе развертывания торговой — в первую очередь розничной, сети и внедрения оперативности и хозрасчета в ее работу. «Для обеспечения большевистских темпов подъема

---

[60] Такую мысль проводит, например, некий т. Д. Радионович в статье «Советская торговля на новом этапе», «Труд» № 110 от 12 мая 1932 г.

[61] Ленин, т. XXI, с. 437.

всего народного хозяйства и лучшего удовлетворения запросов широких масс города и деревни в отношении товаров широкого потребления первостепенное значение имеет развертывание товарооборота. Развертывание товарооборота, прежде всего розницы, и проведение принципа хозрасчета во всей хозяйственной работе является важнейшим стимулом для выявления имеющихся в нашем хозяйстве огромных и далеко еще не использованных внутренних резервов, способствующих ускорению роста социалистического накопления, и тем самым укрепляет материальную базу всего социалистического строительства. Вместе с тем только на основе развертывания товарооборота возможно обеспечить дальнейшее быстрое улучшение снабжения рабочих и трудящихся деревни промышленными товарами и продуктами сельского хозяйства, для чего в свою очередь необходимо всемерное расширение сети магазинов, лавок и всей торговой сети, с проведением необходимой технической ее реконструкции. Только на этой основе возможно подготовить отмену нормированного отпуска товаров и заменить систему централизованного распределения развернутой советской торговлей»[62].

На сегодня необходимые условия для *полной* отмены централизованного распределения еще не назрели. В организации планирования работы торговой сети достигнуты громадные успехи. В настоящее время нет почти что ни одного торгового предприятия, которое не имело бы своего торгфинплана. В громадном большинстве случаев эти торгфинпланы доведены даже до отдельных секций, прилавков и т. д. Сами торгфинпланы, как правило, перестали играть роль документов только «для Госбанка» и для прочего «внешнего мира», а стали действительными планами работы торговых предприятий. Но наряду с этим, мы имеем еще немало случаев нарушения плановой дисциплины, которые, даже при наличии системы централизованного распределения, нередко приводят к срыву планов товароснабжения отдельных участков народного хозяйства. Нередки также случаи грубейших искажений основных принципов хозяйственного расчета. Работу по внедрению хозрасчета в советскую торговлю конечно нельзя еще признать законченной, да и сама торговая сеть развернута пока еще совершенно недостаточно.

В результате развернутого социалистического наступления по всему фронту за последние годы имело место массовое закрытие частных торговых предприятий. Между тем торговая сеть обобществленного сектора, по темпам своего развертывания, значительно отстала от темпов ликвидации частной торговли. В результате этого в торговой сети образовалась ничем не заполненная «пустота», вызвавшая в свою очередь значительное качественное ослабление товаропроводящих систем. «Потребкооперация (в равной степени это относится и к госторговле.—М. Л.) забыла, что вытеснение частника и частной торговли еще не означает уничтожения всякой торговли, что, наоборот, вытеснение частной торговли предполагает всемерное развитие советской торговли и развертывание сети кооперативных и государ-

---

[62] Резолюция XVII партконференции по докладам тт. Молотова и Куйбышева «О второй пятилетке», с. 94.

ственных торговых организаций по всему СССР»[63]. Нижеследующая таблица[64] как нельзя более ярко характеризует темпы свертывания товаропроводящей сети за первую пятилетку:

Число торговых точек на:

	1/IV 1928 г.	1/I 1929 г.	1/I 1930 г.	1/I 1931 г.	1/I 1932 г.	1/VII 1932 г.
Обобществленный сектор	136 017	156 694	163 021	172 150	220 039	278 070
Частный сектор	235 171	1 3 887	47 150	17 700	—	—
Всего:	371 188	320 581	210 171	189 850	220 039	278 070

При недостаточности торговой сети и слабом внедрении планового начала и хозрасчета в ее работу, отмена централизованного распределения является невозможной. Торговая сеть в том виде, в каком она существует сегодня, не смогла бы освоить задачи целесообразного и продуманного завоза товаров исключительно на основе планов своей работы и, в конечном счете, не обеспечила бы проведение ленинского принципа классовости и ударности в снабжении. *Отмена централизованного распределения и полный переход на систему оперативного регулирования завоза (на основе торгфинпланов) возможна только на базе развертывания торговой сети, укрепления, планирования советской торговли и повсеместного внедрения хозрасчета.*

И действительно, мы можем наблюдать, как за последнее время, по мере развертывания торговой сети сокращается сфера централизованного распределения товарных фондов. Так например, постановлением СНК СССР от 23 марта 1932 г. из списка товаров централизованного распределения был изъят целый ряд промышленных и продовольственных товаров, в том числе некоторые виды обуви и готового платья, трикотаж, туалетное мыло, папиросы, консервы, кондитерские изделия, овощи и т. д. В августе того же года Комитет товарных фондов и регулирования торговли при СТО своим постановлением № 99 значительно ограничил объем показателей, устанавливаемых в централизованном порядке в отношении так наз. регулируемых товаров.

Централизованное распределение ни в коем случае нельзя противопоставлять оперативному регулированию завоза. Нельзя ставить вопрос так: или «сплошное» централизованное распределение, или полный отказ от централизованного руководства завозом товаров. Исключение того или иного товара из списка централизованного распределения (так наз. «планируемых» товаров) отнюдь не означает полного отказа от централизованного планирования его завоза. Как

---

[63] Обращение СНК СССР, ЦК ВКП(б) и Центросоюза от 10 мая 1931 г. «О потребительской кооперации». М., 1931 г., с. 6.

[64] Цифровые данные взяты из журнала «Советская торговля», № 2—3, 1932 г., с. 213.

в отношении планируемых товаров, так и в отношении товаров регулируемых, целый ряд важнейших элементов плана устанавливается в централизованном порядке Комитетом товарных фондов. Вместе с тем самой торговой сети предоставлены широчайшие возможности оперативного регулирования завоза не только регулируемых, но и планируемых товаров. По существу, в планировании завоза всех без исключения товаров потребительского снабжения имеется *сочетание элементов централизованного распределения и оперативного регулирования завоза на основе торгфинпланов.* При этом объем централизованного планирования и его соотношение с оперативным регулированием определяются в каждом отдельном случае исходя из политической важности того или иного товара и значения его для всей экономики страны. Чем больше значение товара, чем больше его удельный вес в потребительском снабжении, тем сильнее проявляются элементы централизованного распределения в планировании его завоза.

ПОРЯДОК ПЛАНИРОВАНИЯ ЗАВОЗА И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ТОВАРОВ

Вся номенклатура товаров рыночного фонда разбита на две основных категории планируемых и регулируемых товаров. К категории планируемых товаров относятся все основные средства потребления, организация снабжения которыми имеет общеполитическое значение. В эту категорию в частности входят: по линии продтоваров: мука, крупа, мясо, масло животное, масло растительное, сахар и т. д.; по линии промтоваров: хлопчатобумажные и шерстяные ткани, нитки, готовое платье и обувь массового потребления, галоши, хозяйственное мыло и махорка. По этим товарам Комитет товарных фондов утверждает общий размер рыночного фонда (т. е. фонда потребительского снабжения) и распределяет его между отдельными республиками, краями и областями. Одновременно Комитет товарных фондов определяет удельный вес каждой отдельной торгсистемы или, иными словами, устанавливает долю розничной сети каждой отдельной торгсистемы в реализации каждого отдельного вида товаров. Кроме того, Комитет фондов распределяет фонды, выделенные каждой отдельной области или республике, между городским и сельским сектором и выделяет так наз. «целевые назначения». Под этим термином понимаются специальные фонды, выделяемые для снабжения отдельных, наиболее важных участков народного хозяйства (в этом заключается конкретное проявление принципа ударности в снабжении) и для стимулирования основных сельскохозяйственных кампаний. Таковы например специальные фонды снабжения рабочих цветной металлургии, лесозаготовок, путины и проч., премиальные фонды угольщиков и металлистов, фонд спецснабжения, фонды стимулирования мясозаготовок, хлопкозаготовок и пр.

Распределение выделенных фондов внутри республик, краев и областей по отдельным районам производится местными уполномоченными Комитета товарных фондов при непосредственном участии самих торгсистем. При этом уполномоченный Комитета фондов распределяет районные фонды по торгсистемам между городом и селом, а также выделяет важнейшие целевые назначения. Распределение

районных фондов по отдельным населенным пунктам и торговым точкам производится самими торгсистемами, частично на основе установленных норм снабжения и контингентов прикрепленного населения, а частично в порядке оперативного планирования завоза.

Размещения так называемых «регулируемых» товаров отличается от размещения планируемых товаров в первую очередь тем, что ни Комитет товарных фондов, ни его местные органы (уполномоченные) не принимают никакого участия в планировании завоза этих товаров по отдельным районам внутри республик, краев и областей. В части регулируемых товаров все «местное» планирование товароснабжения осуществляется самими торгсистемами, на основе оперативного регулирования завоза и в частности путем оперативного согласования внутриобластных планов размещения регулируемых товаров между областными центрами заинтересованных торгсистем. «Порайонное размещение регулируемых товаров в части снабжения кооперативных организаций... производится по согласованию между краевой конторой сбытового объединения НКЛП СССР и крайпотребсоюзом на основе спущенных Сбытовым объединением НКЛП СССР, по согласованию с Центросоюзом, планов завоза регулируемых товаров по областям» [65].

В центре всесоюзные планы завоза регулируемых товаров составляются при участии Комитета товарных фондов. Эти товары разбиты на четыре группы, причем каждой из этих групп соответствует определенный объем централизованного воздействия Комитета товарных фондов [66]. К первой группе относятся спички, соль, керосин, трикотаж, туалетное мыло и папиросы. По этим товарам Комитет фондов утверждает рыночный фонд и устанавливает по нему распределение по областям, между городом и селом и по важнейшим целевым назначениям. Определение удельного веса каждой отдельной торгсистемы производится всесоюзными центрами торгсистем, по взаимному согласованию, без участия Комитета фондов. Вторая группа включает в себя льняные и шелковые ткани, валяную обувь, посуду, мебель, весь металлический ширпотреб, шорные изделия, консервы, макароны, кондитерские изделия и т. д. В третью группу включены все товары, «имеющие в подавляющей своей части производственное назначение и лишь в незначительной части идущие на снабжение широкого рынка» [67]. Сюда в частности относятся электропринадлежности, оконное стекло, гвозди, железо, бумага и проч. Вторая и третья группы различаются между собой лишь в отношении порядка распределения внерыночного фонда; размещение же рыночного фонда по обеим группам в основном одинаково. В отличие от регулируемых товаров первой группы планы завоза по второй и третьей группе

---

[65] Инструкция Наркомлегпрома СССР и Центросоюза № 24212 от 4 октября 1932 г. «О взаимоотношениях сбытовых объединений НКЛП СССР и их торговых филиалов с межрайонными базами потребительской кооперации», § 4.

[66] См. пост. Комитета товарных фондов и регулирования торговли при СТО № 99 от 3 августа 1932 г. «О порядке регулирования и завоза товаров, предназначенных для снабжения широкого рынка».

[67] *Там же*, § 3.

«по отдельным республикам, краям и областям Комитетом товарных фондов не составляются. Планы эти составляются соответствующими наркоматами и хозяйственными объединениями по соглашению с торгующими системами» [68]. Во всем остальном порядок размещения этих товаров сходен с тем порядком, который установлен для товаров первой группы. По регулируемым товарами четвертой группы (сюда относятся все товары, не вошедшие в номенклатуру первых трех групп) функции Комитета товарных фондов ограничиваются лишь утверждением общего размера рыночного фонда. «Распределение рыночного фонда по городу, селу и целевым назначениям, а также по областям производится торгующими организациями в соответствии с условиями рынка, и Комитет товарных фондов включает рыночный фонд одной графой, без распределения по городу, селу и целевым назначениям» [69].

При описании порядка размещения регулируемых товаров надо подчеркнуть, что торгсистемам предоставлено право в порядке оперативного регулирования завоза отступать не более чем на 10% от установленного Комитетом фондов распределения регулируемых товаров по областям и целевым назначениям. И кроме того, при распределении рыночного фонда в распоряжении торгсистем должен быть оставлен 10% резерв для оперативного маневрирования как по областям, так и между городом и селом и отдельными целевыми назначениями. Этим еще раз подчеркивается, что централизованное распределение имеет своей задачей дать основное направление и, так сказать, костяк планам завоза и распределения товаров, что ни в какой мере не исключает возможности уточнения, развития и даже корректировки этих планов самой торговой сетью в порядке оперативного регулирования товароснабжения.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ПЛАНИРОВАНИЯ ТОВАРОСНАБЖЕНИЯ

Планирование товароснабжения, также как и планирование всех остальных участков народного хозяйства, построено на основе ленинского принципа демократического (или социалистического) централизма. В планировании товароснабжения проявляется диалектическое сочетание твердого централизованного руководства (централизованного распределения) с инициативой и оперативной самостоятельностью мест. Проявление принципа социалистического централизма в планировании товароснабжения отличается совершенно исключительным многообразием.

Прежде всего надлежит подчеркнуть, что непосредственно в центре распределение фондов осуществляется всесоюзными организациями исключительно в республиканском и областном разрезе. Планирование завоза товаров *внутри* отдельных республик и областей полностью перенесено в республиканские и областные центры. Иными словами *внутриобластное планирование завоза децентрализовано, перенесено на места*. Это планирование осуществляется в отношении товаров

---

[68] Там же, § 2, п. «б».
[69] Там же, § 4.

централизованного распределения местным уполномоченным Комитета фондов (при непосредственном участии областных центров заинтересованных торгсистем), а в отношении регулируемых товаров— самими торгсистемами. Такая структура планирования, обеспечивая централизованное руководство товароснабжением основных территориальных подразделений Советского союза (республик, краев, областей), вместе с тем дает возможность организовать внутриобластной завоз товаров на основе конкретного изучения и конкретного учета экономики и особенностей каждого отдельного района и населенного пункта.

Громадное значение имеет и то обстоятельство, что значительная доля всей плановой работы перенесена в самую товаропроводящую сеть. *Торговое предприятие, выполняющее планы завоза, вместе с тем принимает непосредственное участие в их составлении.* Это положение относится не только к регулируемым, но и к планируемым товарам. В утвержденной Наркомлегпромом СССР «Инструкции о торговых базах (отделениях) сбытовых объединений НКЛП СССР» подробно изложены пределы и порядок участия оптовых баз в планировании завоза проводимой ими продукции: «Торговые базы принимают непосредственное участие в планировании размещения проводимых ими товаров. В отношении планирования размещения товаров рыночного фонда торговые базы и областные, краевые и республиканские конторы сбытовых объединений НКЛП СССР выполняют нижеследующие функции:

а) *По планируемым товарам*: областные, краевые и республиканские конторы сбытовых объединений НКЛП СССР участвуют в распределении товаров рыночного фонда по районам, розничным системам и целевым назначениям, производимом уполномоченным Комитета товарных фондов на основе утвержденных правительством областных фондов, целевых назначений и удельных весов торгсистем. В пределах утвержденного уполкомфондов порайонного плана завоза торговые базы составляют совместно с районными центрами розничных систем по ближайшим районам план внутрирайонного размещения товаров по низовым розничным предприятиям (сельпо, ЗРК, горпо и т. д.) и согласовывают с этими предприятиями ассортимент и уточненные сроки сдачи выделенных им фондов. В отношении более отдаленных районов торговые базы согласовывают с районными центрами розничных систем (райсоюзами, районными конторами горта и торгов) или межрайонными базами ассортимент и уточненные сроки сдачи районного фонда в целом.

б) *По регулируемым товарам 1-й, 2-й и 3-й групп*: на основе спущенных сбытовыми объединениями областных фондов, целевых назначений, областные или республиканские конторы согласовывают с облпотребсоюзами и областными конторами горта и торгов порайонный план завоза товаров по торгсистемам и целевым назначениям. При этом краевым, областным или республиканским конторам предоставляется право по согласованию с областными центрами розничных систем производить перераспределение областного фонда между городом, селом и отдельными целевыми назначениями в пределах 10% фонда. Внутрирайонное размещение регулируемых това-

ров 1-й, 2-й и 3-й групп производится торговыми базами в том же порядке, как и по планируемым товарам.

в) *По регулируемым товарам 4-й группы*: в части, охваченной генеральными соглашениями между сбытовыми объединениями НКЛП СССР и всесоюзными или республиканскими центрами розничных систем, внутриобластное и внутрирайонное размещение регулируемых товаров 4-й группы производится в порядке, установленном этими генсоглашениями. Товары же, реализуемые не на основе генсоглашений, распределяются краевыми, областными или республиканскими конторами между торговыми базами и размещаются последними по согласованию с розничными организациями».

Участие самих торгующих предприятий в составлении планов завоза и распределения товаров является лучшей формой увязки этих планов с экономикой и конкретными потребностями обслуживаемых районов. Товаропроводящая сеть ведет (или по крайней мере должна вести) большую систематическую работу по изучению рынка и потребительского спроса. Поэтому каждое торговое предприятие знает запросы и нужды своего потребителя лучше, чем какая-либо другая организация. Таким образом участие торговой сети в планировании товароснабжения обеспечивает возможность конкретизации составляемых планов применительно к этим запросам и нуждам и главное применительно к специфическим особенностям того хозяйственного участка, который этой сетью обслуживается и который, следовательно, этой сети прекрасно известен. В конечном счете, участие товаропроводящей сети в планировании завоза не только обеспечивает увязку планов завоза с запросами и нуждами широких масс потребителей, но и способствует проведению принципа классовости и ударности снабжения, ибо оплата «по труду» и подчинение дела снабжения интересам производства могут дать реальный эффект лишь в том случае, если это снабжение отвечает потребностям трудящихся масс.

Наряду с этим участие торговых предприятий в планировании завоза и размещения товаров способствует действительной увязке планов завоза с торгфинпланами этих предприятий. Непосредственное участие торговой сети как в составлении торгфинпланов, так и в планировании завоза дает возможность торгсистемам обеспечить совпадение планов завоза с планами товароснабжения предприятий (которые, как известно, являются частями торгфинпланов). Иными словами, участие торговой сети в планировании товароснабжения способствует в конечном итоге претворению планов завоза в элементы торгфинплана и тем самым создает реальную гарантию выполнения торгфинпланов.

В планировании завоза и распределения товаров широко применяется метод составления планов «по согласованию» или, точнее, по «соглашению» между заинтересованными торговым системами. Такой сугубо «демократический» метод планирования может показаться на первый взгляд несколько странным; во всяком случае ни в какой другой отрасли социалистического планирования он не применяется. Однако ничего принципиально нового в этом методе нет. Применение его вытекает из необходимости сочетать централи-

зованное руководство завозом с оперативным развертыванием системы торгфинпланов. По существу *планирование завоза по соглашению между заинтересованными торгсистемами являются формой оперативной увязки торгфинпланов предприятий, совместно выполняющих планы завоза.* В этом качестве планирование завоза по согласованию между заинтересованными торгсистемами, также как и система хозяйственных договоров, выполняет функции оперативной увязки планов взаимно связанных между собой предприятий. При этом план, составленный на основе соглашения между заинтересованными торгсистемами, также как и договор, не только увязывает торгфинпланы участвующих в его составлении организаций, но и конкретизирует спущенные из центра директивы применительно к особенностям и возможностям каждой из этих организаций.

Демократический централизм в планировании товароснабжения проявляется не только в форме участия торговой сети в *составлении* планов завоза. Не меньшее значение имеет и тот факт, что торговые предприятия, на основе предоставленной им оперативной самостоятельности, развивают и детализируют *уже составленные* планы товароснабжения. Благодаря этому достигается максимальная конкретизация *содержания* планов завоза применительно к экономике и особенностям потребительского спроса каждого отдельного района снабжения. Планы завоза независимо от того, установлены ли они в порядке централизованного распределения или приняты на основе оперативного регулирования завоза, содержат в себе лишь самые общие указания об объеме товарной массы, подлежащей засылке в тот или иной район снабжения. Как правило, планами завоза устанавливается лишь общая стоимость (в рублях) завозимых товаров. Лишь в отношении некоторых отдельных товаров планирование ведется в количественном выражении. Но и в отношении этих товаров планы завоза устанавливают лишь общее количество (метраж, тоннаж, количество вагонов и т. д.), по всему наименованию в целом, без подразделения на отдельные виды, группы, сорта и т. д. Совершенно ясно, что планирование завоза в столь общей форме если и является достаточным для того, чтобы обеспечить первоочередное снабжение важнейших хозяйственных участков и лучших работников, то во всяком случае не может служить единственным отправным пунктом для практической организации завоза. В силу экономических, географических и национальных особенностей каждая отдельная область или республика, входящая в Советский союз, имеет свои специфические потребности и свой особый потребительский спрос. То, что является предметом первой необходимости на крайнем севере, иногда совершенно не нужно для Средней Азии или закавказских республик; и наоборот, то, без чего в Средней Азии совершенно нельзя обойтись, не имеет абсолютно никакого спроса в Московской или Ленинградской области. Централизованные планы завоза всех этих различий и особенностей не могут учесть. Точно так же не находит себе отражения в планировании завоза и принцип комплектности снабжения. Каждый отдельный район снабжения должен быть обеспечен не только определенным количеством товаров и даже не определенным количеством товаров каждого наименования,

а полным ассортиментом товаров, необходимых для удовлетворения всех потребностей этого района. Известны например случаи, когда некоторые районы Украины в течение целого квартала снабжались исключительно дамскими пальто и дамскими шелковыми платьями, не получая абсолютно никаких других видов одежды, причем план снабжения этих районов готовым платьем считался выполненным в этом квартале вполне удовлетворительно. Известен также случай, когда Сбытостеклофарфор и Росфарфор, отнюдь не нарушая планов завоза с точки зрения денежного выражения, распределили между собой районы снабжения таким образом, что Москва была полностью обеспечена стаканами, но зато не имела блюдечек к ним, а Урал затоварился блюдечками, но зато совершенно не получил стаканов. Подобного рода явления могли иметь место лишь потому, что товаропроводящая сеть бюрократически восприняла спущенные ей планы без всякой детализации и конкретизации их содержания. Количественное и суммовое выполнение плановых заданий не было сопряжено с *качественным* их выполнением, не было сопряжено с продуманным и инициативным подходом товаропроводящей сети к делу выполнения спущенных ей планов завоза. Между тем, действительно эффективная организация снабжения требует широкого развертывания оперативности и творческой инициативы мест в деле расшифровки ассортимента завозимых товаров, применительно к особенностям экономики и потребительского спроса каждого отдельного района снабжения. Товаропроводящая сеть должна сама, на основе конкретного изучения экономики и потребностей обслуживаемого района, установить детальный ассортимент товаров, выделенных по плану для этих районов. Только при этом условии может быть обеспечена увязка планового завоза с потребностями широких масс трудящихся.

Как правило ассортимент завозимых в тот или иной район товаров устанавливается товаропроводящими системами по взаимному согласованию на основе системы хозяйственных договоров. При этом обычно соблюдается следующий порядок: в генеральных соглашениях, заключаемых между всесоюзными и республиканскими центрами товаропроводящих систем, устанавливается видовой или групповой ассортимент товаров, подлежащих поставке той или иной торгсистеме в целом или в некоторых случаях в областном разрезе Установленный в генсоглашениях ассортимент (так же, как и все генсоглашения в целом) имеет для низовой торговой сети силу обязательной для выполнения директивы. На его основе и в его развитие, низовые звенья включают в заключаемые между собой локальные договоры уточненный ассортимент поставляемых товаров и разбивку этого ассортимента по частным срокам исполнения и отдельным розничным точкам (разнарядка). Таким путем достигается реальное сочетание централизованного руководства важнейшими моментами ассортиментной работы (на основе генсоглашений) с конкретным приспособлением завозимого ассортимента к запросам и потребностям каждого отдельного участка снабжения [70].

---

[70] Мы отнюдь не претендуем на то, чтобы дать в настоящей статье исчерпывающее освещение всех вопросов организации ассортиментной работы. Це-

Из всего вышеизложенного ясно, что принцип демократического централизма, принцип диалектического сочетания твердого централизованного руководства с оперативной самостоятельностью и творческой инициативой мест получил широчайшее применение в планировании завоза и распределения товаров. «При огромном многообразии условий работы в нашей стране было бы величайшей утопией пытаться сверху регламентировать все детали организации торговли на селе»[71]. Активное участие самих оперативных торговых организаций в планировании товароснабжения является необходимым условием для построения конкретной и эффективной плановой системы и для обеспечения реальности устанавливаемых сверху планов.

ПЛАНОВОЕ РУКОВОДСТВО ЗАВОЗОМ ТОВАРОВ

Вопрос о роли и значении планового руководства в деле организации социалистического планирования был освещен нами еще в первой главе настоящей статьи. Не считая нужным повторяться, мы отметим только, что принцип планового руководства в применении его к советской торговле означает возможность конкретного руководства завозом применительно к тому положению и к той конъюнктуре, которая складывается на каждом отдельном хозяйственном участке на каждый отдельный момент выполнения плана. Совершенно ясно, что установленные в начале года или начале квартала планы завоза фактически не могут учесть всех без исключения изменений в экономике потребительского спроса, происходящих в течение планируемого периода. Сплошь да рядом в зависимости от хода сельскохозяйственных кампаний или выполнения производственных планов возникает необходимость ускорить завоз товаров в тот или иной район или населенный пункт, или даже пересмотреть и увеличить выделенные этому району фонды. На основе одних только годовых и квартальных планов завоза обеспечить такую перестройку невозможно. «Одним из крупнейших недостатков существующей системы планирования товароснабжения является то, что раз установленные квартальные планы снабжения остаются неизменными и не корректируются на протяжении всего квартала. Одним из последствий такого негибкого планирования является то, что ни изменения в контингентах снабжения, ни прорывы в выполнении производственных планов тех или иных отраслей легкой индустрии не находят должного отражения в планах. Последствия этого усугубляются особенно тем, что планы по существу остаются без товарных маневренных резервов, что лишает эти органы возможности находу исправить допущенные просчеты и ликвидировать происшедшие прорывы»[72]. В этой цитате описано положение, имевшее место

лый ряд важнейших моментов планирования и организации ассортиментной работы (в том числе и такие, как вопрос о системе предварительных заказов) за недостатком места оставлен за пределами этой статьи.

[71] И. Зеленский, Колхозная торговля и задачи укрепления потребкооперации на селе, «Большевик» № 11/12, 1932 г., с. 18.

[72] Я. Лейбман, За дальнейшее развертывание советской торговли, «Большевик» № 21, 1931 г.).

в первой половине 1931 года. С тех пор многое существенно изменилось. На основе директив октябрьского пленума ЦК была введена система месячных планов завоза, устанавливаемых в развитие утвержденных квартальных планов. По некоторым объединениям и отдельным видам товаров эти месячные планы были конкретизированы еще дальше и разбиты на полумесячные, декадные и т. д. Наряду с этим самое широкое распространение получила система так называемого оперативного регулирования отгрузок. Эта система дала возможность всем планово-регулирующим органам оперативно руководить очередностью отгрузок товара в пределах частных сроков планирования завоза. Таким путем обеспечивается первоочередное удовлетворение потребностей важнейших участков снабжения, причем эти участки оказываются полностью гарантированными от могущих быть прорывов в выполнении производственных планов легкой и пищевой промышленности. Вместе с тем оперативное регулирование отгрузок обеспечивает возможность быстрейшей перестройки на ходу всего дела выполнения планов завоза в соответствии с текущими потребностями народного хозяйства. Наконец совершенно исключительное значение в деле обеспечения действительного планового руководства товароснабжением и повышения маневренности снабжения имеет создание Комитета резервов при СТО и выделение в его распоряжение специального резервного фонда. Наличие этого фонда делает возможным быстрое и безболезненное исправление на ходу всех допущенных просчетов в планировании завоза без изменения и ломки установленных планов в целом. Наличие такого маневренного резерва обеспечивает для централизованного руководства реальную возможность исправления и уточнения планов завоза в ходе их осуществления и проверки на местах. Только на этой основе, только на основе конкретного, планового руководства, оперативного регулирования отгрузок и повышения маневренности снабжения можно добиться полного и первоочередного обеспечения всех важнейших хозяйственных участков, действительного развертывания советской торговли, ускорения товарообращения и в частности полной отмены системы бронирования товарных фондов.

ГЛАВА IV. НОРМИРОВАННОЕ СНАБЖЕНИЕ

Система нормированного снабжения является прямым органическим продолжением системы централизованного распределения. Система централизованного распределения призвана к тому, чтобы гарантировать эффективное выполнение планов товароснабжения и проведение принципа классовости и ударности в *оптовом* завозе. Аналогичные задачи стоят и перед системой нормированного снабжения, но применительно к сфере *розничной* торговли.

Система нормированного снабжения имеет своей задачей реализавать в данных конкретных условиях принцип *классовости и ударности* в распределении. «Система снабжения предметами личного потребления строится в настоящее время так, что отпуск товаров в весьма значительной степени ставится в зависимость не только от предъявления определенного количества денег, но и от того положения,

которое потребитель занимает в выполнении планов социалистической индустриализации, в коллективизации сельского хозяйства, в выполнении контрактации и т. д. Снабжение ставится в зависимость от классового положения потребителя, от его профессии, от предприятия, в котором он работает, от темпов самой работы, от выполнения взятых на себя обязательств и т. д.»[73]. Конкретные проявления принципа классовости и ударности снабжения весьма многообразны. Здесь прежде всего надлежит подчеркнуть тот факт, что система нормированного снабжения—т. е. планового снабжения по твердым ценам—охватывает исключительно трудящихся и членов их семей. Нетрудовые элементы из системы нормированного снабжения полностью исключены. Таким образом в основе системы нормированного снабжения лежит классовый принцип «кто не работает, тот не ест». Но и внутри системы нормированного снабжения трудящихся мы имеем диференциацию применительно к народнохозяйственному значению отдельных хозяйственных участков и отдельных профессий. Индустриальные рабочие снабжаются на сегодня иначе, чем служащие, а высококвалифицированные специалисты иначе, чем младший обслуживающий персонал. Наконец, рабочие ведущих предприятий гигантов индустриализации получают лучшее снабжение, чем работники мелких, полукустарных мастерских. Практически эта диференциация в снабжении отдельных хозяйственных участков и отдельных профессий обеспечивается системой так называемых списков и серийностью карточной системы. Система списков устанавливает диференцированные нормы снабжения по отдельным хозяйственным участкам (городам, предприятиям, строительствам и т. д.) применительно к роли и значению последних во всей хозяйственной жизни страны. Карточная система диференцирует снабжение внутри этих хозяйственных участков применительно к хозяйственному значению отдельных предприятий и отдельных профессий. В сущности говоря, продовольственная карточка является внешним оформлением фонда нормированных товаров, выделенных трудящемуся в соответствии с его долей участия в общественном труде. Помимо того, система снабжения диференцируется применительно к качеству работы каждого отдельного трудящегося и применительно к степени выполнения им своих обязательств. Конкретно эта диференциация выражается в различных формах поощрительного снабжения и, прежде всего, в преимущественном снабжении ударников.

Поощрительное снабжение ударников осуществляется самыми разнообразными методами; в их числе мы имеем и систематическое дополнительное снабжение лучших рабочих по специальным «карточкам ударника» (по существу—увеличение планового фонда снабжения) и отдельные разовые выдачи промтоваров в порядке премирования, и выделение ударникам дополнительных лимитов снабжения, и пр. Интересно отметить, что преимущественное снабжение ударников не только предоставлено инициативе мест, но обеспечивается также

---

[73] Л. Гатовский, О природе советской торговли на современном этапе. Снабкоопгиз, М.—Л., 1931 г., с. 19—20.

в порядке централизованного распределения. В частности Комитет товарных фондов утверждает в числе прочих целевых назначений и премиальные фонды рабочих угольной и металлургической промышленности. Вместе с тем необходимо отметить, что система поощрительного снабжения ударников предполагает не только увеличение выделяемых им фондов, но и всемерное улучшение техники обслуживания ударников. «Предъявителю карточки ударника отпускаются из закрытого распределителя, буфета и ларька продукты и промтовары вне очереди или в специально установленное для ударников время... Промтовары и продукты, получаемые в ограниченном количестве в закрытых распределителях, столовых и буфетах, выдаются в первую очередь по карточке ударника. Организовать в закрытых распределителях систему предварительных заказов на продукты для ударников с доставкой их на дом, где это возможно» [74]. Система поощрительного снабжения применяется у нас не только в отношении городского пролетариата, но и в отношении колхозников и трудящихся единоличников. При этом на селе основным критерием для организации преимущественного снабжения служит степень выполнения различных сельскохозяйственных кампаний и в частности степень выполнения заготовительных планов. «Завоз промтоваров по сельскому сектору будет производиться с учетом не находящегося на централизованном снабжении в данном районе населения, а удельного веса заготовок, причем для районов, аккуратно выполняющих свои заготовительные планы и перевыполняющих их, завоз промтоваров будет производиться в лучшем ассортименте и в большем количестве, причем отгрузка товаров для стимулирования заготовок в течение кварталов будет регулироваться в зависимости от хода выполнения районами планов заготовок. Такая же мера должна применяться внутри района при распределении товаров между отдельными селениями» [75]. Проблема организации отоваривания сельскохозяйственных заготовок является одним из наиболее сложных вопросов в области организации советской торговли. «Левые» оппортунисты свели в некоторых местах отоваривание заготовок к прямому товарообмену. («Сдай в кооператив десяток яиц получишь две катушки ниток»—такой метод «отоваривания» яйцезаготовок был широко распространен в некоторых сельпо Северного Кавказа). В других местах отоваривание осуществлялось методами голого распределенчества—путем механического распределения промтоваров по спискам сельсовета или колхоза. Наконец, неправильное понимание всей системы товарного стимулирования сельскохозяйственных кампаний привело к чрезмерному распространению бронирования товарных фондов и как следствие—к массовому омертвлению товарооборота. Поднятая борьба против чрезмерных бронировок

---

[74] Инструкция ВЦСПС, Наркомснаба СССР и Центросоюза «О преимущественном снабжении ударников», «Бюллетень Мособлснаботдела и МОСПО № 22, 1931 г., с. 5—6.).

[75] Циркуляр Мособлснаботдела и МОСПО № 160 от 23/V 1931 г. «О мероприятиях по ускорению товарооборота, быстрейшему продвижению товаров к потребителю и ликвидации залежей» («Бюллетень Мосснаботдела и МОСПО» № 28—29, 1931 г.).

товара вызвала к жизни другую крайность — правые оппортунисты поняли ограничение бронирования как полный отказ от всякого стимулирования сельскохозяйственного производства и сельскохозяйственных заготовок. Это конечно абсолютно неверно. Развертывание советской торговли и отказ от системы бюрократического распределенчества предполагает не отмену а, наоборот, всяческое усиление торговой смычки между городом и деревней. А отоваривание заготовок является наиболее действенным элементом этой смычки. Вся задача состоит в том, чтобы построить это отоваривание не на базе голого административного распределения, а на основе развернутой, инициативной советской торговли, применяясь в каждом отдельном случае к специфическим особенностям и задачам, стоящим перед каждым отдельным заготовительным районом.[76]. «Задача заключается в том, чтобы в каждом районе, в каждом селе работники советской торговли правильно усвоили существо задач, стоящих перед ними, и в соответствии с ходом производства разрешили вопрос: кому сколько товаров продать, какому селу какое преимущество отдать, чтобы учли, каким колхозникам дать больше товаров и лучшего качества»[77].

Борьба за реализацию принципа классовости и ударности снабжения означает в первую очередь, борьбу за «стимулирование общественного труда», борьбу за повышение производительности труда и укрепление трудовой дисциплины. Однако такая борьба может быть эффективной лишь в случае действительной тесной увязки дела снабжения с управлением производством. Полная обособленность дела снабжения и снабженческих органов от органов управления производством бесспорно тормозила превращение советской системы распределения в гибкий инструмент повышения производительности труда и укрепления трудовой дисциплины. Снабжение, не будучи связано с управлением производством, сплошь да рядом оказывалось оторванным от текущих нужд предприятия и направляло «стимулирующий» поток промтоваров совсем не туда, куда это было в данный момент необходимо. В частности, этим отрывом снабженческих органов от заводоуправлений следует объяснить провал такого мероприятия, каким являлась система «социалистических договоров» между ЗРК и отдельными цехами. В основном эта система сводилась к тому, что цеховая общественность и цеховая администрация обязывались добиться определенных количественных и качественных показателей в своей производственной работе, повысить производственную дисциплину и охватить весь цеховой коллектив марксоленинской технической учебой: в свою очередь, правление ЗРК принимало на себя обязательство «при выполнении коллективом своих

[76] Вот как формулирует эту задачу президиум Центросоюза в своем постановлении № 287 от 11/V 1931 г. «Об отмене бронирования товарных фондов» («СКТ» № 91 от 15/V 1931 г.): «Завезенные для стимулирования заготовок промтовары не бронировать. Продажу их производить в первую очередь и в лучшем ассортименте аккуратным сдатчикам (с обеспечением для колхозников и контрактантов) сельхозпродуктов, но никаких процентов продажи товаров и стоимости данной продукции не устанавливать».

[77] И. Зеленский, Колхозная торговля и задачи укрепления потребкооперации на селе, «Большевик» № 11/12, 1932 г., с. 18.

обязательств выдать рабочим коллектива промтоваров сверх нормы» на определенную сумму денег, предоставить рабочим цеха право «пользоваться внеочередным получением товаров из магазинов, минуя очередь в кассе» и «охватить системой предварительных заказов и доставкой товаров на дом весь коллектив отдела» [78]. Договор подписывался со стороны ЗРК правлением последнего, а со стороны цеха—цеховым треугольником и несколькими представителями от рабочих; заводоуправление никакого участия в этом договоре не принимало. Совершенно ясно, что выделение отдельной группы рабочих и представление этой группе ряда преимуществ по сравнению со всей массой рабочих того же предприятия без ведома и без санкции директора завода вряд ли можно признать желательным. Такое «самостийное» стимулирование ни в какой мере не гарантирует того, что премиальные фонды будут израсходованы именно там, где они особенно необходимы и, главное, не обеспечивает увязки системы зарплаты с товароснабжением, т. е. иными словами создает опасность нарушения внутреннего единства советской системы распределения.

Наряду с «излишним рвением» отдельных руководителей ЗРК, отрыв снабжения от управления производством характеризовался в ряде случаев полным невниманием снабженческих органов к тому, что делалось на обслуживаемых ими предприятиях. Закрытые распределители и закрытые кооперативы систематически кормили целые толпы летунов и выгнанных с завода нарушителей трудовой дисциплины, а то и просто лиц, не имевших абсолютно никакого отношения к заводу, разбазаривая тем самым фонды снабжения основных рабочих предприятия. А в снабжении производственных рабочих эти кооперативы и распределители проводили линию всеобщей уравниловки, обслуживая в равной мере и лучших и худших работников завода. Все эти недостатки выдвинули на первый план вопрос об усилении «прав, ответственности и практического участия заводоуправлений предприятий в организации снабжения рабочих и распределении основных товаров» [79]. Целый ряд мероприятий в этом направлении был проведен еще в течение 1931 и 1932 гг. Так например, в сентябре 1931 г. ВСНХ издал приказ, устанавливающий, что «порядок отпуска дефицитных товаров» из универмагов промобъединения определяется «директором предприятия и утверждается правлением объединения, исходя из того, что товар отпускается только лицам, работающим на данном предприятии»[80]. Несколько позднее была подтверждена решающая роль директора завода в деле распределения премиального фонда металлистов и рабочих угольной промышленности. И наконец, 4 декабря 1932 г. было издано совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О расширении прав заводоуправлений в деле снабжения рабочих и улучшении карточной системы», дающее логическое завершение всей

[78] Социалистический производственный договор ЗРК ГПЗ им. Кагановича с отделом калибров инструментального цеха ГПЗ.

[79] Пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 4/XII 1932 г. «О расширении прав заводоуправлений в деле снабжения рабочих и улучшении карточной системы», «Известия» № 335 от 5/XII 1932 г.

[80] Приказ ВСНХ СССР № 637 от 16 сентября 1931 г

системе диференцированного снабжения и полностью подчиняющее дело снабжения интересам производства. Согласно этому постановлению, на всех крупнейших предприятиях, перечисленных в особом списке, созданы отделы рабочего снабжения (орсы), непосредственно подчиненные заводоуправлению и принявшие на себя все без исключения функции материально-бытового обслуживания рабочих. На всех остальных предприятиях, не вошедших в упомянутый выше список, были сохранены ЗРК; однако деятельность последних была непосредственно подчинена, помимо вышестоящего кооперативного центра, также и заводоуправлению, которому в частности было предоставлено право назначения председателя ЗРК. По существу это постановление полностью подчинило рабочее снабжение органам управления производством, обеспечив тем самым максимально-целесообразное использование системы распределения в качестве орудия повышения производительности труда. Вместе с тем этим же постановлением в руки заводоуправлений было передано все дело распределения и выдачи карточек и заборных книжек, причем карточная система была перестроена таким образом, чтобы увязать пользование нормированным снабжением с работой на предприятии. Каждый трудящийся может пользоваться выданной ему карточкой лишь потому, что он работает в том или ином учреждении или предприятии и лишь до тех пор, пока он работает в этом учреждении и предприятии. При увольнении или уходе с работы трудящийся обязан вернуть выданную ему карточку. Без этого он лишается возможности быть зачисленным на снабжение по новому месту работы. Таким образом, *система нормированного снабжения стала мощным орудием борьбы за повышение производительности труда, борьбы против летунства и текучести рабсилы.*

Вместе с тем система нормированного снабжения приобрела громадное значение как метод контроля над рабсилой и штатами предприятий. Каждое предприятие получает для раздачи рабочим количество карточек, равное числу рабочих, установленных для этого предприятия в его промфинплане. Поэтому директор завода, прежде чем набрать рабочих сверх установленного для него штата, вынужден будет крепко подумать, за счет каких фондов он сможет прокормить этих рабочих, ибо на нормированное снабжение они не попадут. Точно также не включаются в нормированное снабжение и рабочие внеплановых («стихийных») строительств, не включенных в титульные списки [81]. В конечном итоге можно без всякого преувеличения сказать, что карточная система, после ее перестройки на основе постановления от 4 декабря 1932 г., стала играть роль *эффективного метода укрепления плановой и бюджетной дисциплины.*

ПЕРСПЕКТИВЫ ОТМЕНЫ НОРМИРОВАННОГО СНАБЖЕНИЯ

Выполняя большие и нужные функции в области укрепления производства и повышения производительности труда, система нормированого снабжения обладает рядом крупнейших недостатков, имеющих

[81] См., например, пост. Мосгорисполкома о порядке выдачи заборных книжек на 1933 г., «Известия МОИК» № 149 от 13/XII 1932 г.

в некоторых случаях серьезное принципиальное значение. Прежде всего, система нормированного снабжения ведет к значительной задержке товарооборота, к замедлению темпов продвижения товара к потребителю и, следовательно, к сокращению фондов потребительского снабжения. Наряду с этим система нормированного снабжения затрудняет возможность максимального удовлетворения потребителя в части ассортимента, ибо отпуск каждого отдельного наименования товара по карточкам и в определенной норме лишает потребителя возможности выбрать те товары, которые для него более желательны или интересны. И, наконец, что самое главное, система нормированного снабжения не гарантирует полного проведения принципа оплаты «по труду». «Осуществление принципа оплаты по количеству и качеству затраченного труда требует полной увязки денежной и натуральной форм распределения. Эта полная увязка предполагает отмену прямого нормирования в форме распределения по карточкам, которое даже при четком регулировании неизбежно порождает известный разрыв между денежным и материальным распределением. Прямое нормирование создает известное уравнение в потреблении ряда продуктов среди различно оплачиваемых групп рабочего класса»[82]. То же самое, но в несколько более решительной форме, подчеркивает и т. В. Игнатов: «Заработная плата есть такая форма распределения, которая *непосредственно* связана со сферой производства и, следовательно, может *непосредственно* отразить в себе требования социалистической организации производства. Система распределения через нормирование отпуска продуктов рабочим не имеет такой непосредственной связи со сферой производства, поэтому не может быстро и гибко приспособиться к его интересам. Эта *различная* возможность этих двух форм регулирования отразить потребности производства ярко сказывается теперь, когда нормирование снабжения в известной мере уравнивает рабочих, занимающих разное положение в производстве, хотя заработная плата и отражает это их разное положение. Система нормированного отпуска продуктов мешает полному преодолению уравниловки, без чего невозможна борьба за социалистическую организацию труда»[83].

Перечисленные выше недостатки (а также целый ряд других, о которых за недостатком места мы не упоминали) учтены XVII партконференцией, поставившей вопрос об отмене системы нормированного снабжения в перспективе второй пятилетки. Однако отказ от нормированного снабжения отнюдь не означает отказа от принципа классовости и ударности в снабжении и от возможности использовать систему снабжения в качестве орудия укрепления производства и повышения производительности труда. Проведение этих принципов может быть обеспечено и помимо системы нормированного снабжения. После отмены нормированного снабжения принцип классовости и ударности в снабжении будет прежде всего опираться на диференци-

---

[82] М. Кузьмин, Проблема распределения средств потребления во второй пятилетке, «Экономическая жизнь» № 55 от 6/III 1932 г.

[83] В. Игнатов, О формах распределения во второй пятилетке, «Экономическая жизнь» № 49 от 28/II 1932 г.

рованную систему заработной платы, являющуюся наиболее ярким выражением принципа оплаты «по труду». Вместе с тем отмена нормированного снабжения отнюдь не предполагает одновременной отмены системы закрытых распределителей и закрытых кооперативов. А эта система является не только методом борьбы с очередями. Закрытая сеть является прежде всего формой предпочтения в снабжении и вместе с тем она играет громадную роль как фактор борьбы за укрепление трудовой дисциплины, борьбы с текучестью рабсилы и с летунством. Это особенно ясно после постановления ЦК и СНК от 4-го декабря 1932 г. Таким образом после отмены нормированного снабжения *принцип классовости и ударности снабжения и поворот снабжения «лицом к производству» будут обеспечены сочетанием диференцированной системы зарплаты с системой закрытых распределителей и закрытых кооперативов.* Только на этой базе и возможно подготовить отмену системы нормированного снабжения.

На сегодня необходимые предпосылки для полной отмены системы нормированного снабжения еще не созрели. Прежде всего не следует забывать, что на сегодняшний день еще полностью не ликвидированы последние остатки нетрудовых доходов (например от спекуляции) и нетрудовых накоплений. «Сейчас распределение денег... между населением еще не может само по себе (в конкретных условиях нынешнего этапа с его трудностями роста, классовой борьбой и т. п.) соответствовать полностью распределению предметов потребления, которое желательно с точки зрения планов пролетарской диктатуры»[84]. «Если бы наша розница сейчас отпускала все товары в любом количестве на основе единственного критерия—предъявления денег,—разумеется делу социалистической индустриализации был бы нанесен тяжелый удар»[85]. Вместе с тем, и сама розничная сеть, а в частности и закрытая сеть, еще недостаточно окрепла и развилась, чтобы принять на свои плечи всю тяжесть проведения принципа классовости и ударности в снабжении. Об этом мы подробно говорили в предыдущей главе. Отмена нормированного снабжения и полное развертывание плановой советской торговли осуществятся в ходе победоносного выполнения второй пятилетки на базе ликвидации последних остатков капиталистических элементов в стране и на основе глубокого внедрения планового начала и хозрасчета во все звенья народного хозяйства, в том числе и в товаропроводящую сеть[86].

---

[84] Л. Гатовский, О природе советской торговли на современном этапе, с. 22.

[85] Там же, с. 21.

[86] Настоящая статья является первым опытом марксистского анализа организационных форм социалистического планирования и в качестве первого опыта неизбежно должна страдать рядом серьезнейших дефектов и пробелов Задавшись целью вскрыть основные принципы социалистического планирования на конкретном примере одной из отраслей народного хозяйства, в данном случае советской торговли, автор отнюдь не стремился к тому, чтобы дать в одной статье исчерпывающий анализ всех вопросов планирования советской торговли. В частности в настоящей статье сознательно опущены такие проблемы как организация планирования колхозной торговли и планирования цен. Эти вопросы стоят несколько особняком и заслуживают самостоятельного изучения. Автор предполагает посвятить этим вопросам самостоятельную работу.

СОБСТВЕННОСТЬ СОВЕТСКОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ

А. КОСТЕЛЬЦЕВ

I

Характер и классовое содержание кооперативной собственности всегда обусловливаются данной конкретно-исторической системой хозяйства. В зависимости от того, какой класс является господствующим, т. е. в зависимости от того, какие производственные отношения доминируют и, следовательно, определяют все развитие экономики данного общества,—в зависимости от этого должен решаться вопрос о классовом содержании и характере кооперативной собственности.

В капиталистическом обществе кооперация целиком и полностью подчинена законам развития, имманентным капитализму. Оторваться от пуповины капитализма в рамках самого же капитализма кооперация бессильна. В той самой мере, в какой кооперация является порождением процесса развития капитализма, в той же самой мере производственные отношения, присущие капиталистическому хозяйству, характерны и для кооперации, как неотъемлемой и составной части капиталистического хозяйства.

Однако буржуазные и мелкобуржуазные теоретики считают, что даже при капитализме кооперация—это рассадник социализма, что кооперация—это фактор, составляющий прямую и непосредственную угрозу экономическому могуществу капитализма. При этом одни *буржуазные* теоретики противопоставляют кооперацию как социалистическую форму хозяйства капитализму в порыве инстинктивного испуга за неприкосновенность и незыблемость буржуазной частной собственности. Другие *мелкобуржуазные* теоретики тоже противопоставляют кооперацию как социалистическую форму капитализму, но утверждают, будто кооперация обеспечивает построение социализма и притом мирным путем без насильственного свержения пролетариатом политического и экономического господства капиталистов, без пролетарской революции, без диктатуры пролетариата.

С точки зрения апологета современного империализма В. Зомбарта «хозяйственные кооперативы с одной стороны,... являются как бы вспомогательными приспособлениями, поддерживающими существование докапиталистических и внекапиталистических хозяйственных форм—ремесла, крестьянского хозяйства и частного потребительского хозяйства, а с другой же стороны, особенно когда

они принимают форму законченных потребительских кооперативов и начинают организовывать собственное производство, *они преобразовывают существующие хозяйственные организации, создавая на этой базе сверхкапиталистическую хозяйственную структуру*»[1].

Отрицая капиталистический характер кооперации при капитализме, В. Зомбарт в то же время избегает называть собственным именем строй хозяйственных (производственных) отношений, якобы порождаемых капиталистической кооперацией, и туманно квалифицирует его «*сверхкапиталистической* хозяйственной структурой». Весьма характерно, что В. Зомбарт в унисон с социал-фашистами констатирует факт возникновения этой «сверхкапиталистической хозяйственной структуры» на базе существующих, т. е. капиталистических хозяйственных организаций, на базе самого капитализма.

Социал-фашистская концепция кооперации наиболее ярко изложена одним из виднейших вождей II Интернационала К. Реннером. Потребительские товарищества по Реннеру как «организованная сила потребителей» являются важнейшей формой пресловутой «хозяйственной демократии». Демократически организованные в национальном масштабе и противостоящие монопольным объединениям капиталистов, потребительские товарищества представляют в совокупности «машину идущего впереди социализирования капитала»; этот процесс социализирования осуществляется мирным путем, «на почве самого капиталистического мира, совсем без классовой борьбы, просто средствами самого буржуазного хозяйства». Уже на данной ступени капитализма кооперация есть «кусок социализма в настоящем». По Реннеру кооперация является социалистической формой, способной на базе самого капитализма и в сотрудничестве с ним обеспечить построение социализма [2].

Пропагандой социал-фашистской теории социализации в России и в СССР занимался в свое время небезызвестный вождь так называемого этического социализма М. Туган-Барановский. В «Социальных основах кооперации» Туган декларирует credo, лишь незначительными нюансами отличающееся от социал-фашистской концепции кооперативного «социализма» К. Реннера. Меньшевистское руководство Центросоюза в эпоху военного коммунизма (1918—1920 гг.) усиленно пропагандировало систему взглядов Тугана, издав дважды его книгу, построив на ее основе программы по теории, истории и практике кооперации для своей широко разветвленной в то время учебной сети, выпустив массу популярных брошюр с ее изложением и т. д. Вплоть до конца 1920 г. теория Тугана являлась платформой единого фронта меньшевиствующих, эсерствующих и буржуазных кооператоров в их борьбе против

---

[1] См. В. Зомбарт „Современный капитализм", т. III, полутом II, с. 494.

[2] Подробно о концепции социализирования К. Реннера см. в статье Т. Е. Ниринской в журн. «ПЗМ» № 9—10 за 1931 г. См. также К. Реннер, Теория капиталистического хозяйства, «Марксизм и проблема социализирования». М. 1926 г.

советской власти 2а. В этой работе Туган заявляет, что «кооперацию, как она реально существует в обществе нашего времени, почти нельзя себе представить вне капитализма и частной собственности. В основе современной кооперации несомненно лежит частная собственность, и не только частная собственность, но и капиталистическая эксплоатация труда. Паи, проценты на капитал, наемный труд—что это такое, как не элементы капитализма»[3]. Эта не плохо сформулированная оценка действительной сущности кооперации при капитализме является, по сути дела, лишь ловким прикрытием с помощью марксистской фразеологии теории, не имеющей ничего общего с марксизмом.

Признавая тот факт, что «кооперация выросла на капиталистической почве и имеет капиталистическую форму», Туган вместе с тем утверждает, что «в этой капиталистической форме живет совершенно иной, некапиталистический дух, влекущий человечество на новые пути, создающий новые общественные формы, настолько противоположные формам жизни капиталистического общества, насколько *солидарность* и *взаимопомощь* противоположны эксплоатации и насилию» [4]. Где же источник столь чудодейственных свойств и качеств этой формы хозяйства? Таким источником является «солидарность и взаимопомощь», характерные только для кооперации, так как «классовый состав кооперативов в общем более определен, чем классовый состав политических партий»[5]. Естественно, при большей классовой однородности кооперативов принципы «солидарности и взаимопомощи» особенно ярко и резко выражены именно в них, в кооперативах. Отсюда и другие качества кооперативов: организуемые ими новые предприятия конкурируют с капиталистическими предприятиями и уничтожают последние», становясь «еще опаснее для капиталистического предприятия, чем рабочий союз». Рабочий союз «стремится изменить соотношение сил внутри капиталистического предприятия в ущерб интересам капитала», но «не желает разрушения самого предприятия, а наоборот, не менее капиталиста заинтересован в сохранении его», так как «самой действительной угрозой рабочим является закрытие предприятия: нет работодателя—нет и работы»[6]. Стремление же кооператива, напротив, добиться закрытия, прекращения, уничтожения капиталистического предприятия. «Рабочий союз... борется с капиталистом, *но не с капитализмом*»,—констатирует Туган, тогда как *только* кооператив борется

2а Контрреволюционная роль теории кооперации Тугана-Барановского, изложенная им в его «Социальных основах...», игнорируется не только буржуазными и мелкобуржуазными теоретиками и историками кооперации (Хейсиным, Чаяновым, Балабановым и др.), но иногда даже марксистами. Например, т. М. Кантор в своей книжке «Очерки теории и истории кооперации», изданной в 1931 г., пишет, что теория Тугана владела «в течение ряда лет умами» «старого русского мелкобуржуазного кооперативного актива» (стр. 50). А о том, что эта теория была единой платформой всех контрреволюционных сил кооперации в эпоху гражданской войны в Советской России,—об этом т. М. Кантор умалчивает.

[3] Туган-Барановский, Социальные основы кооперации, 1919 г.

[4] Там же, с. 53. Выделение мое—А. К.

[5] Там же, с. 466.

[6] Там же, с. 63.

именно с капиталистическими предприятиями, т. е. с капитализмом в целом, как системой[7]. Кооперативы ведут более решительную борьбу с капитализмом, чем другие организации рабочего класса; поэтому кооперация не «социальный мир», а «социальная борьба, столь же принципиальная и идущая до конца, как и политическая борьба рабочего класса»; «кооперация борется *не* насилием, *не* оружием и *не* баррикадами, а *мирным* строительством нового общественного строя». Кооперация, конечно, борьба́, «но борьба *мирными* средствами», заканчивает Туган свои рассуждения[8].

Иными словами, в недрах самого капиталистического общества пролетариат находит необходимые средства для мирного построения «нового общественного строя» без насилия, без оружия, без баррикад, т. е. без пролетарской революции, без экспроприации экспроприаторов, без диктатуры пролетариата. Туган-барановщина—классический пример вульгарного и примитивного реформизма, отрицающего необходимость политической борьбы пролетариата, ставящего кооператив выше партии рабочего класса, культивирующего мирное «построение» социализма при сохранении частной собственности и капиталистической эксплоатации. Действительно, к чему пролетарская революция, если «кооперации удается побеждать капитализм», если «каждый год возникают новые и новые тысячи кооперативов, примыкают новые и новые миллионы работников великой кооперативной армии мира»[9], если даже в рамках капитализма кооператив—предприятие «*некапиталистического типа*»[10], ибо «доход кооперативного предприятия принципиально глубоко отличен от капиталистической прибыли»[11].

И у К. Реннера, и у Тугана одни и те же предпосылки, один и тот же финал, одни и те же факторы «построения» социализма.

В наиболее откровенно реакционном виде теория «социализации» представлена в трудах буржуазного юриста Я. Канторовича.

Развитие монополистического капитализма Я. Канторович рассматривает как коллективизацию частной собственности, которая «все более и более проявляется в росте широко распространяющихся в современной экономической жизни разнообразных форм хозяйственных соединений—акционерных кампаний, товариществ, кооперативов, торгово-промышленных коллективов, трестов, картелей и т. п., также все более и более расширяющейся муниципальной собственности и монополизированной государственной собственности»[12]. Отсюда собственность при капитализме, если можно так выра-

---

[7] Там же, с. 63. Выделение мое.—А. К.

[8] Своим единомышленникам-кооператорам Туган поет дифирамбы, одобряя и воодушевляя их к мирной борьбе против капитализма. Отмечая любовь кооператоров к сравнениям кооперативного движения с движением первого христианства и считая, что «кое-что общее тут есть», Туган пишет: «Как и первые христиане, кооператоры надеются возродить мир н е м е ч о м и н а с и л и е м, а общей дружной работой на пользу всех...» (указ. соч., с. 491). Выделение мое.—А. К.

[9] Там же, с. 487.

[10] Там же, с. 29.

[11] Там же, с. 53.

[12] Я. К а н т о р о в и ч, Основные идеи гражданского права, Харьков 1928 г., с. 19.

зиться, социализируется, умозаключает Я. Канторович. Апологет капитализма Я. Канторович всерьез ставит знак равенства между монополиями крупного промышленного и финансового капитала (тресты, картели, акционерные общества и т. п.) и кооперативными организациями масс потребителей города и деревни (товарищества, кооперативы). В сравнении с Я. Канторовичем Реннер выглядит скромнее. У Канторовича не только кооперация, но и капиталистические монополии составляют, так сказать, магистраль социализма.

Абсурдность всех этих конструкций «уничтожения» капитализма и мирного построения социализма элементарно очевидна. Контрреволюционный характер их бесспорен. Общие моменты во всех буржуазных и мелкобуржуазных теориях кооперации заключаются в том, что все они признают, вернее выдумывают, наличие антагонистических отношений между кооперацией и капитализмом. Различие же заключается в том, что в то время как буржуазные теоретики рассматривают кооперацию, так сказать, *с отрицательной стороны*, поскольку она, кооперация, будто бы влечет за собой *уничтожение* частной собственности *в борьбе* с капитализмом, мелкобуржуазные, социал-фашиствующие теоретики, напротив, рассматривают кооперацию, так сказать, со стороны *положительной*, коль скоро она, кооперация, *без борьбы*, мирным, эволюционным путем обеспечивает социалистическое преобразование не только трудовой, но даже и *капиталистической* частной собственности. В этом пункте буржуазные теоретики расходятся с теоретиками мелкой буржуазии. Первые считают неизбежной борьбу капитализма с кооперацией, вторые, наоборот, исторически непреходящее значение кооперации видят в том, что она исключает классовую борьбу и дает возможность предотвратить революционное уничтожение капиталистической частной собственности.

Для социал-фашиствующих теоретиков характерна при этом явно антимарксистская постановка вопроса о значении сферы обмена—обращения для построения социализма. Именно иллюзорно-мистическое представление о возможности завоевания кооперацией сферы обмена дает им основание рассматривать кооперацию как путь к социализму в рамках и на почве самого капитализма. Неслучайно поэтому Реннер и Туган относят потребительскую кооперацию к высшей форме кооперации. У них, как и у вульгарных буржуазных экономистов, в свое время разоблаченных Марксом, «все внимание поглощается практическими операциями», порождающими воззрение, будто «не характер способа производства служит основой соответствующего ему способа обмена, а наоборот»[13].

Примат обмена над производством, являющийся принципиальным тезисом австрийской школы политической экономии, и лежит в основе социал-фашистской теории социализации и кооперативного социализма. Мирная социализация—этот краеугольный камень современного социал-фашизма, декоративного марксизма II Интернационала,—не раз являлась предметом злых насмешек и иронии классиков марксизма-ленинизма. Как бы предвидя возможные извращения

---

[13] К. Маркс, Капитал, т. II, изд. 1923 г., с. 69.

и опошления основных положений марксизма со стороны современных мелкобуржуазных «социалистов», Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» по другому поводу писали: «Следуя этому методу, господин Грюн мог бы перебрать все буржуазные институты и найти повсюду кусочек коммунизма, так что, взятые вместе, они должны были бы дать законченный коммунизм. Он может Кодекс Наполеона окрестить кодексом общности и открыть в публичных домах, казармах и тюрьмах коммунистические колонии» [14].

Проповедники теории мирной социализации—Реннер, Туган и другие фальсификаторы марксизма, идиллически восхваляющие и превозносящие кооперативы, потребительские в особенности, как ростки социализма,—ничем не отличаются от господина Грюна.

Не менее сокрушительной критике была подвергнута контрреволюционная теория мирной социализации и со стороны Ленина. По поводу ее Ленин высказался в 1910 г. на Копенгагенском международном социалистическом конгрессе в связи с обсуждением вопроса о роли кооперации в современном революционном рабочем движении. «Что такое «социализация»?—спрашивал Ленин.—Под этим можно понимать превращение в собственность всего общества,—отвечал он,—но можно также понимать и какие угодно частичные меры, какие угодно реформы в рамках капитализма, начиная от крестьянских товариществ и кончая муниципальными банями и писсуарами»[15]. Расплывчатость, неопределенность понятия социализации в конкретно-исторических условиях классовой борьбы пролетариата с империалистической буржуазией становятся ширмой, позволяющей обманывать широкие массы рабочего класса, предавать его кровные интересы интересам капиталистов.

Для мелкобуржуазных теорий кооперации характерно также полное игнорирование факта принципиального различия между двумя родами собственности при капитализме: между собственностью, основанной на присвоении и эксплоатации чужого труда, и между трудовой частной собственностью. Социал-фашиствующий мелкий буржуа не видит разницы, не признает того, что «капиталистический способ производства и накопления, а, следовательно, и *капиталистическая* частная собственность *обусловливают уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде*, т. е. обусловливают экспроприацию рабочего»[16], что капиталистическая собственность «*со-*

---

[14] Маркс и Энгельс, т. IV, с. 524.

[15] Ленин, т. XIV, с. 361. Ср. «Путь этот прекрасен и очарователен, как весна в цветущем саду или же как цветущий сад весною. Она приходит тихо и нежно, теплой рукою взращивает почки и почки становятся цветами, она кличет жаворонка и соловья и пробуждает кузнечика в траве. Пусть так же, как весна, придет и новый мир...

Наш пророк рисует в поистине идиллических красках переход от нынешней социальной изолированности к коллективной жизни. Реальное социальное движение, уже вырастающее во всех цивилизованных странах в предвестие грозного общественного переворота, он превращает в идиллическое мирное обращение, в тихую уютную жизнь, при которой все имущие и властвующие могут преспокойно спать» (Маркс и Энгельс, т. IV, с. 539).

[16] Маркс, Капитал, т. I, 1931 г., с. 612.

ставляет прямую противоположность» трудовой собственности производителя, что первая «развивается лишь на... могиле» последней [17].

Отрицая антагонистический характер отношений между собственностью эксплоататорской и собственностью, основанной на собственном труде производителя, теоретики мелкой буржуазии выступают в роли защитников капитализма, в роли его истинно преданных апологетов.

То, что лакействующий перед капитализмом мелкий буржуа принципиально смешивает два различных рода частной собственности при капитализме, повторяется и возрождается *в самых причудливых вариациях* при диктатуре пролетариата. Именно *отсюда* вытекает отрицание необходимости экспроприации эксплоататорской (кулацкой) собственности; отсюда вытекает нечеткая постановка вопросов о переделке трудовой частной собственности многомиллионных масс производителей в социалистическую общественную собственность, что составляет кардинальную задачу диктатуры пролетариата.

Диаметрально противоположную позицию в вопросе о роли и месте кооперации при капитализме занимает марксизм—ленинизм. Маркс и Ленин не признавали кооперации «вообще». Анализ *классового* состава *конкретного* вида кооперативной организации и конкретной обстановки, в которой она осуществляет свои хозяйственные функции,—вот исходный пункт марксизма-ленинизма при определении места и роли кооперации в системе капиталистического хозяйства.

Так например, в т. III «Капитала» в гл. 27 «О роли кредита в капиталистическом производстве» Маркс говорит не о кооперации вообще, а только и исключительно о кооперативных фабриках рабочих. Рассматривая кооперативные фабрики рабочих «как переходящие формы от капиталистического способа производства к ассоциированному»[18], в пределах которых уничтожается противоположность между капиталом и трудом, Маркс тем не менее констатирует факт воспроизводства ими всех недостатков существующей, т. е. капиталистической, системы. При этом они, кооперативные фабрики, не только воспроизводят, но, что особенно важно подчеркнуть в данном случае, «*должны* воспроизводить» недостатки капитализма. Выходит, что даже при отсутствии капиталистов на кооперативных фабриках рабочих эти фабрики неизбежно должны и действительно воспроизводят капиталистические производственные отношения, но, конечно, не непосредственно, как это имеет место в капиталистических предприятиях, а косвенно, в силу капиталистического окружения, необходимости учитывать конъюнктуру цен на рынке, пользоваться кредитом, приобретать сырье у капиталистов, платить налоги, сбывать продукцию и т. д.

Выходит, далее, что даже кооперативные фабрики рабочих в условиях капитализма не могут выпрыгнуть за его пределы, не могут нейтрализовать, предотвратить непосредственного на них воздействия окружающей капиталистической атмосферы, не могут, наконец, стать независимыми, автономными во всей своей производственной

---

[17] **Маркс**, Капитал, т. I, 1931 г., с. 613.
[18] **Маркс**, Капитал, т. III, 1932 г., с. 313.

деятельности предприятиями. Кооперативная фабрика рабочих есть коллективная форма частной собственности на средства производства, противостоящая, в силу закона капиталистической конкуренции, другим многочисленным частным собственникам и фаталистически вовлекаемая этой конкуренцией в борьбу за прибыль, за определенный—стихийно устанавливаемый—масштаб прибавочной стоимости.

Короче, и кооперативные фабрики рабочих так или иначе воспроизводят *специфически капиталистические* производственные отношения, живут и развиваются на основе и по законам капитализма.

Кооперативные фабрики рабочих, в сущности говоря, есть лишь теоретическая *гипотеза* Маркса, допущенная и использованная им в целях иллюстрирования основных положений, связанных с уяснением роли кредита в капиталистическом хозяйстве. Действительная история экономики современного капитализма не знает подобного рода фабрик, а единичные случаи их появления есть не что иное,как мертвый выкидыш.

Конкретно-классовый метод в анализе природы кооперации при капитализме был блестяще использован Лениным. В статье, посвященной резолюции Международного социалистического конгресса в Копенгагене о кооперации (сентябрь 1910 г.), Ленин, резюмируя оппортунистическое содержание проекта большинства французской социалистической партии, возглавлявшегося Жоресом, констатирует, что в нем (в проекте) «*смешиваются пролетарские кооперативы с кооперативами мелких хозяйчиков* (в земледелии)»[19]. Ленин считал необходимым самым тщательным образом различать между рабочей кооперацией и кооперацией сельскохозяйственной. В ответ на программу-минимум эсеров по земельному вопросу, в которой социализация земли была поставлена рядом с кооперацией, Ленин заявил, что «это—обман, будто «всевозможные кооперации» играют революционную роль в современном обществе и подготовляют коллективизм, а не укрепление сельской буржуазии»[20]. Такую же мысль Ленин высказал в 1905 г. в статье «От народничества к марксизму», указав на то, что «буржуазно-собственническое» и в то же время трудовое крестьянство использовало уже в своих интересах социалистическую фразеологию народнической демократической интеллигенции, которая своими артелями, кооперациями... мнила поддержать «трудовые традиции и формы жизни», благодаря чему мы имели «на деле развитие капитализма внутри общины»[21]. Сельскохозяйственная кооперация (а также кредитная и промысловая в деревне) в условиях капитализма есть по Ленину кооперация «хозяев и хозяйчиков», форсирующая темпы развития капитализма в деревне, сравнительно с обычной единоличной формой крестьянского хозяйства. Значит, сельскохозяйственные кооперативные товарищества способствуют прогрессивному внедрению капитализма в сельское хозяйство, способствуют укреплению сельской буржуазии и являются капиталистическими предприятиями.

---

[19] Ленин, т. XIV, с. 357. Выделение мое.—А. К.
[20] Ленин, т. V, с. 159.
[21] Ленин, т. VII, с. 73.

При таких условиях сельскохозяйственная кооперация—это коллективная форма капиталистического пути развития дореволюционной деревни, ничего общего с социализмом не имеющая. Поэтому «пролетарский социализм в отличие от мелкобуржуазного *предоставляет графам Де-Рекиньи, помещикам-землевладельцам и т. п. заботу о кооперациях хозяев и хозяйчиков*, а сам заботится *всецело и исключительно* о кооперации *наемных рабочих* в целях *борьбы с хозяевами*»[23].

Но несмотря на то, что пролетарские потребительские товарищества улучшают положение рабочего класса, суживая размеры эксплоатации со стороны всякого рода торговых посредников, тем не менее эти улучшения весьма незначительны, коль скоро средства производства находятся в руках капиталистов. Поэтому даже рабочая кооперация есть только *подсобное средство* классовой борьбы пролетариата, при условии ее тесного сотрудничества с партией и профсоюзами, при условии руководства ею со стороны действительно революционных социал-демократов.

И даже руководимые пролетарской партией и революционными профсоюзами кооперативы, поскольку они являются «небольшим привеском к механизму буржуазного строя», «маленьким островком в капиталистическом обществе», «есть лавочка»[24].

Таким образом, находясь в море капиталистического окружения, впитывая в себя все, органически порождаемое капитализмом, неизбежно подпадая под законы его движения, кооператив есть капиталистическое предприятие, имеющее лишь, в отличие от частного капиталиста, коллективную форму организации.

Тот факт, что развитие капитализма эпохи свободной конкуренции сопровождалось известными успехами в развитии кооперации, главным образом потребительской, отнюдь не означает, что эти успехи в равной мере продолжали иметь место и в условиях монополистического капитализма. В эпоху свободной конкуренции промышленный капитал не только не противодействовал развитию кооперации, а наоборот, пользовался ее услугами для сбыта товаров. Такое положение могло существовать до тех пор, пока против кооперации выступали многочисленные распыленные и разрозненные купцы, лавочники, частные торговцы.

Монополистический капитализм решительно изменил условия развития кооперации. Против кооперации выступают уже мощные торговые и сбытовые монополии, с огромной торговой сетью, разбросанной по всей стране. Отсюда успехи кооперации в предыдущий период сменяются резко замедленными темпами развития, а сплошь и рядом—застоем. Современный мировой экономический кризис, потрясая всю систему капитализма, разоряет и кооперацию, разрушает мощные и старейшие кооперативные объединения потребителей.

В резолюции «О кооперации» XIII съезд ВКП (б) констатировал тот факт, что «во всех капиталистических странах монополия крупного капитала в торговле и промышленности неизбежно душит и разо-

---

[23] Ленин, т. VIII, с. 259—260. Выделение кроме слов «наемных рабочих» и «борьба с хозяевами» мое.—А. К.

[24] Ленин, т. XXII, с. 423.

ряет кооперацию». Ныне западноевропейская кооперативная пресса полна тревоги за судьбы кооперации.

Даже некоторые буржуазные кооператоры признают, что кооперация в настоящее время зашла в тупик, что она гибнет под ударами кризиса, потрясающего всю систему монополистического капитализма. Монополистические объединения капиталистов поглощают крупные и средние кооперативные организции. Кооорганизации испытывают резкое снижение торговых оборотов, приводящее к массовому банкротству. Конкуренция между кооперативными организациями приобретает огромные масштабы, вынуждая кооперативы и их объединения отказываться от «кооперативной солидарности», от кооперативных принципов и разрозненно, собственными силами и средствами вести борьбу за существование. Каждая кооорганизация воюет не только с монополиями и частными торговцами, но и с другими кооперативными организациями. Усилившаяся под воздействием всеобщего мирового экономического кризиса капитализма язва конкуренции проникла в сферу межкооперативных отношений, уничтожила их мнимую экономическую экстерриториальность и еще крепче, ярче, нагляднее выявила органическую связанность судьбы кооперации с судьбами капитализма [25].

Вывод, к которому мы пришли, состоит в том, что в условиях капитализма кооперации полностью присущи закономерности последнего, что господствующие в капиталистическом обществе производственные отношения свойственны и кооперации, что нет, да и не может быть особого типа кооперативных производственных отношений, отличных от капиталистических, их исключающих и им противоположных, что, таким образом, «кооперация в обстановке капиталистического государства является коллективным капиталистическим учреждением» [26]. Этот результат неизбежен раз сохраняется частная собственность на крупные средства производства, раз сохраняется господство класса капиталистов, раз продолжают господствовать отношения эксплоатации, т. е. система капиталистических производственных отношений.

Поэтому *при капитализме и кооперативная собственность есть собственность капиталистическая*, *имеющая лишь коллективную форму*. Такой вывод полностью вытекает из марксистско-ленинской концепции собственности.

В классовом обществе собственность есть определенное общественное отношение, понять которое можно лишь при условии тщательного выяснения сущности данных господствующих общественных (производственных) отношений.

В полемике против Прудона Маркс подчеркивал, что: «Определить буржуазную собственность—значит сделать не что иное, как описа-

[25] Интересный материал фактического порядка, характеризующий влияние всеобщего мирового экономического кризиса капитализма на кооперацию в различных буржуазных государствах, см. в брошюре Б. С. Махлина, Зарубежная кооперация и подготовка войны против СССР. Партиздат, 1931 г. Более свежие данные опубликованы им в газете «Снабжение, кооперация и торговля», за март 1933 г. см. также статью т. В. Воблого в журн. „Советская торговля“ № 3, за 1933 г.

[26] Ленин, т. XXVII, с. 395.

ние всех общественных отношений буржуазного производства. Стремиться определить собственность как независимое отношение, как особую категорию, как абстрактную и вечную идею—значит впадать в метафизическую или юридическую иллюзию» [28]. Кооперативная собственность при капитализме входит в систему «общественных отношений буржуазного производства» и в силу этого является буржуазной, т. е. капиталистической собственностью, отличающейся от собственности отдельного капиталиста только коллективной формой. Благодаря своей капиталистической сущности кооперативная собственность при господстве буржуазии носит на себе все черты, свойственные частной собственности. Антагонистический характер отношений капиталистической собственности присущ и собственности кооперации, сквозь которую так же, как сквозь обычную индивидуальную частную собственность, мы «слишим биение *человеческого сердца*» [29]. Как разновидность частной собственности кооперативная собственность есть проявление «зависимости человека от человека», [30] хотя ее коллективная форма и порождает иллюзии о якобы большей человечности по сравнению с грубостью и бессмысленностью индивидуальной частной собственности. Иллюзии эти, впрочем, непрестанно разрушаются в силу замкнутости и обособленности каждого отдельного кооператива, каждого кооперативного объединения или союза. Другими словами: господство индивидуальной частной собственности непредотвратимо изолирует и обособляет один кооператив от другого, одно кооперативное объединение от другого, противопоставляя их друг другу как враждебные силы. Конкуренция, эта «главная категория экономистов, их любимая дочь, которую они не перестают ласкать и голубить» [31], эта неизбежная спутница частной собственности, ее, так сказать, аттрибут, исключает какие бы то ни было предпосылки единства кооперативной собственности при капитализме, устраняет даже внешние признаки элементарного единства кооперации. Ибо действительный интерес данного кооператива—его эгоистический интерес и только *кажущийся* интерес всей кооперативной системы требует, чтобы каждый кооператив владел и действовал по правилу—«живи и жить давай другим». Кооперативной собственности как единой системы реально при капитализме не существует. Есть собственность каждого отдельного коллектива, товарищества, как организации группы потребителей, мелких кустарей, зажиточных слоев крестьянства и т. п. «Кто вовлечен в борьбу конкуренции, пишет Энгельс,—не может ее выдержать без крайнего напряжения своих сил, *не отказавшись* от всех истинно человеческих целей» [32]. Вовлеченные в конкурентную борьбу кооперативы, кооперативные товарищества, чтобы выдержать ее с «честью», не могут не отказаться от «истинно кооперативных принципов», декларированных в многочисленных фолиантах буржуазных и мелкобуржуазных идеологов кооперации. «Истинно кооперативные» принципы солидарности и

---

[28] Маркс, т. V, с. 399—400.
[29] «Архив, Маркса и Энгельса», т. III, стр. 225.
[30] Там же.
[31] Маркс и Энгельс, т. II, с. 307.
[32] Маркс и Энгельс, т. II, с. 311. Выделение мое.—А. К.

социализации в «ученых» трактатах и монографиях и истинно капиталистическая звериная и бешеная конкуренция в реальной экономической жизни—таковы отнюдь не диалектического свойства противоречия между теорией и практикой кооперации в капиталистическом обществе.

II

Конечная цель мирового пролетариата, классически сформулированная Марксом-Энгельсом в «Коммунистическом манифесте», сводится к уничтожению эксплоатации человека человеком, к уничтожению классов, к построению коммунистического бесклассового общества. Шестнадцатилетний опыт практического осуществления этой стратегической задачи в пределах одной шестой части земного шара вплотную подвел партию и рабочий класс к ее окончательному претворению в жизнь. XVII парткнференция поставила задачей второй пятилетки окончательную ликвидацию «капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплоатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества». Этим тезисом XVII партконференция открыла новую страницу не только в истории Октябрьской революции, но и в истории современного общества вообще.

Прежде чем поставить задачу уничтожения классов в плоскость практического осуществления, пролетариат должен провести целый ряд мероприятий политико-экономического и организационного порядка, целый ряд маневров величайшей трудности и сложности. В статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» (1919 г.) Ленин писал:

«Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и притом *не самая трудная*. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать *всех—работниками*. Этого нельзя сделать сразу. Это—задача *несравненно более трудная и*, в силу необходимости, *длительная*. Это—задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса. *Ее можно рашить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству.* Такой переход по необходимости *чрезвычайно* длителен. Такой переход можно только замедлить и затруднить торопливыми и неосторожными административными законодательными мерами. *Ускорить этот переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне*»[33].

Чтобы превратить всех трудящихся в «активных строителей бесклассового социалистического общества», необходимо следовательно

[33] Ленин, т. XXIV, с. 511. Выделение кроме слов, «не» и «всех работниками» мое.—А. К.

уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, нужна, следовательно, организационная перестройка всего народного хозяйства, превращение мелкого, обособленного, индивидуального товарного хозяйства в хозяйство крупное, общественное, основанное на преобразованной в корне земледельческой технике. В соответствии с этим Лениным был разработан генеральный план социалистического строительства в условиях государства пролетарской диктатуры. Три составные части, органически между собою связанные, характеризуют конкретное содержание ленинского генерального плана уничтожения классов.

Это, *во-первых*, организация и вовлечение многомиллионных масс пролетариата, трудового крестьянства и всех вообще трудящихся в активную творческую работу по социалистическому строительству. Ленин указывал, что нам «нужна долгая, трудная, тяжелая организационная работа, не организаторов, не агитаторов, а самих масс»[34]. Ленин неоднократно подчеркивал, что мы, большевики, одними только собственными силами, силами одной только партии социализма не построим. Социализм—это творчество многомиллионных масс эксплоатировавшихся при капитализме, это живая, повседневная, неустанная, созидательная деятельность *всех* трудящихся, руководимых авангардом пролетариата—коммунистической партией. «Созидателями этого (т. е. социалстического.—А. К.) общества,—говорил Ленин на II съезде профсоюзов,—могут быть только многомиллионные массы» [35].

Вторая неотъемлемая часть ленинского плана построения социализма—это мощное развертывание электрификации, крупной промышленности (металлургии, машиностроения, угля, химии), одним словом, превращение СССР из страны аграрной в страну индустриальную, страну крупной передовой по технике машинной индустрии. Развитие нашей крупной машинной индустрии, электрификации, гидроторфа—«в этом и только в этом будет наша надежда» [36]—писал Ленин.

И, *в-третьих*, наконец, ленинский план построения социализма включает проблему кооперирования «мелких товаропроизводителей», а также сферы субъективного личного потребления всего населения страны.

Не случайно Ленин при выборе путей к социализму остановил свое внимание на кооперации.

Кооперация, даже в форме торговли, *облегчает объединение, организацию миллионов населения*, затем *всего* населения поголовно»—констатирует Ленин [37]. Она, далее, облегчает разрешение *главной* экономической задачи всех органов пролетарской диктатуры—наладить «повсеместный, всеобщий, универсальный», «массовый», «всенародный», «*деловой*», «*практический*», «*вполне доступный*», вполне посильный всякому честному, толковому расцорядительному рабочему

---

[34] Ленин, т. XXIII, с. 85.
[35] Ленин, т. XXIII, с. 491—492.
[36] Ленин, т. XXVII, с. 417.
[37] Ленин, т. XXVI, с. 336. Выделение мое—А. К.

и крестьянину», «миллионами и миллионами рабочих и крестьян добровольно, энергично, с революционным энтузиазмом поддерживаемый учет и контроль». [38]. На том основании, что «кооперация есть аппарат буржуазного общества, выросший в атмосфере «лавочничества»,— Ленин ее не отбрасывал.

Ленин брал кооперацию не абстрактно, не «вообще», а конкретно-исторически, в связи с обстановкой, сложившейся после Октябрьской революции в России, в связи с *диктатурой пролетариата*.

Ленин подчеркивал принципиально новую роль кооперации в условиях, когда мы имеем: «власть государства на все крупные средства призводства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.» [39].

После Октябрьской революции кооперация так же, как и другие массовые организации рабочего класса, испытывает «*величайший* перелом во всей своей деятельности» [40]. Этот «величайший перелом» создан фактом перехода политической власти в руки пролетариата, самим фактом пролетарской диктатуры. «Положение кооперативов,—писал Ленин в 1918 г.,—*в корне принципиальньно меняется со времени завоевания государственной власти пролетариатом*, с момента приступа пролетарской государственной власти к систематическому созданию социалистических порядков. Тут количество переходит в качество. Кооператив как маленький островок в капиталистическом обществе, есть лавочка. Кооператив, если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть *социализм*. Задача советской власти... распространить кооперативные органиации на все общество, чтобы превратить всех граждан данной страны поголовно в членов одного общенационального или, вернее, общегосударственного кооператива» [41].

Ленинский кооперативный план и является развернутой программой массового поголовного кооперирования *всего* трудящегося населения СССР, как города, так и деревни, построение «одного общенационального или, вернее, общегосударственного кооператива».

Иногда содержание ленинского кооперативного плана суживают и сводят к задаче кооперирования одного только трудового сельскохозяйственного производства [42].

Это—неправильное понимание ленинского кооперативного плана. То, что кооперация есть единственный путь к обобществлению трудового крестьянского хозяйства, столбовая дорога последнего к социа-

---

[38] См. т. XXII, с. 162, 163 и след.
[39] Ленин, т. XXVII, с. 392.
[40] Ленин, т. XXIII, с. 491.
[41] Ленин, т. XXII, с. 423. Выделение мое.—А. К.
[42] См., например, учебник «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства» под ред. А. Никулихина, М. 1931 г., с. 70, а также статью В. Ноделя «По Марксу» в газете «Снабжение, кооперация, торговля» за 14 марта 1933 г., статью А. Аболина в сборнике «Теоретические проблемы современной советской кооперации», изд. Комакадемии, М. 1930 г., с. 40. и статью Н. Попова в журн. «Советская торговля» за 1933 г., № 1, с. 32.

лизму,—это, конечно, совершенно верно. Также верно и то, что кооперирование мелкотоварного сельскохозяйственного производства составляет важнейшую и существеннейшую часть ленинского кооперативного плана. Но отсюда отнюдь не следует, будто содержание ленинского кооперативного плана только к этому и сводится. Действительное содержание кооперативного плана Ленина значительно шире. Оно заключается в кооперировании, обобществлении, во-первых, мелкотоварного крестьянского сельско-хозяйственного и кустарного производства, во-вторых, всей сферы обращения (обмена) в городе и деревне и между городом и деревней, в-третьих, мелкого кустарно-ремесленного производства города и, в-четвертых, сферы субъективного, личного (индвидуального) потребления всего населения советского государства в целях полного уничтожения всякой частной торговли и посредничества.

Короче, ленинский кооперативный план есть конкретный план социалистического обобществления мелкотоварного сельскохозяйственного и кустарно-ремесленного производства (города и деревни), а также всей сферы обращения и распределения вплоть до индивидуального, личного потребления населения страны.

Советская кооперация является социалистической хозяйственной формой. Однако практика социалистического строительства за 16 лет существования советской власти знает многочисленные факты того, как кооперация, попадая в руки заклятых классовых врагов пролетариата—бывших помещиков, белогвардейцев, кулаков, превращается в орудие борьбы против социалистического строительства, становится средством активной борьбы против диктатуры пролетариата.

Использование кооперации против советской власти меньшевиками, эсерами и буржуазией в эпоху военного коммунизма, когда многие кооперативы не только провинции, но и столицы являлись контрреволюционными гнездами; борьба против большевистских темпов в социалистической реконструкции народного хозяйства со стороны буржуазных кооператоров-вредителей, проникших в центральный аппарат потребкооперации и пытавшихся при помощи политики распределения товаров на основе покупательных фондов населения сорвать классовый принцип снабжения и путем замораживания товарооборота ударить по финансовому плану и по всему социалистическому строительству в целом; попытки элементов экспроприированного кулачества, оказавшегося в некоторых наших колхозно-кооперативных организациях, противопоставить колхозы и кооперативы пролетарскому государству, превратить их в плацдарм борьбы против социалистического преобразования деревни,—все это исторические факты, свидетельствующие о возможности использования кооперации даже в условиях пролетарского государства против социализма, против пролетариата, против революции.

«Дело не только в самих колхозах как социалистической форме организации, но прежде всего в том, какое содержание вливается в эту форму,.. *кто* стоит во главе колхозов и *кто* руководит ими»,—говорил Сталин на январском пленуме ЦК и ЦКК. «Все дело в том, в чьих руках находится это оружие и против кого оно будет направ-

лено». [44]. Это относится, собственно, ко всем видам кооперации, к кооперативной форме вообще. Руководящая роль партии и рабочего класса во всех видах кооперации—коренное, решающее условие превращения кооперации социалистической по своей форме в социалистическую по *содержанию*. Превращение это протекает в ожесточенной классовой борьбе, принимающей самые сложные и многообразные формы. Вот почему Ленин придавал огромнейшее решающее значение наряду с пролетарской диктатурой, государственной собственностью на все крупные средства производства и союзом пролетариата с мелким и мельчайшим крестьянством также и тому, чтобы «рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами» [45]. Пролетарское руководство кооперацией—один из центральных пунктов ленинского кооперативного плана.

Как известно, ленинский кооперативный план подвергался ожесточенному обстрелу как со стороны правых, так и со стороны «левых». Правые оппортунисты утверждали, что деревня придет к социализму через сферу обращения. Они сужали сферу действия ленинского плана а тем самым искажали его действительный смысл. Их план—«ужиться с мужиком, не затрагивая его мелкособственнической, индивидуалистической ипостаси». «По мере того, как через процесс обращения крестьянское хозяйство будет все более и более втягиваться в социалистическую орбиту, будут стираться классовые грани, которые потонут в бесклассовом обществе»,—писал Бухарин [46]. Противоположность между городом и деревней исчезнет самостийно, стихийно, самотеком. Нам некуда спешить... «Мы *медленной* дорогой пойдем себе *помаленечку* вперед—таща за собой крестьянскую калымагу» [47]. Правые культивировали теорию мирного, медленного и постепенного врастания кулацкого и единоличного мелкотоварного хозяйства в социализм, а тем самым отрицали необходимость обобществления *средств производства мелкотоварного* хозяйства. Они отрицали как необходимость экспроприации кулачества, так и необходимость производственной смычки и уничтожения частной собственности мелких товаропроизводителей посредством их социалистической переделки. Следуя Бухарину, М. Кантор в статье, относящейся к первой половине 1925 г., писал, что «проникновение социализма в нашу деревню может произойти *не* в результате того, что городские организации помогут деревне навешать электрические провода (эта помощь носит исключительно подсобный характер), и применить к мелкому произ-

---

[44] Сталин, О работе в деревне, 1933 г., с. 12.

[45] Ленин, т. XXVII, с. 41. Грубо оппортунистическую ошибку допускает В. Нодель, противопоставляющий задачу классовой борьбы с кулачеством задаче пролетарского руководства кооперированным крестьянством. «Ленинский кооперативный план,—пишет он,—это не план ожесточенной классовой борьбы, войны против кулака, богатея, это—план пролетарского руководства трудовыми массами крестьянства в процессе их переделки». См. В. Нодель, «По Марксу,» в газете «Снабжение, кооперация, торговля» от 14 марта 1933 г.

[46] Н. Бухарин. «Новые откровения о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок». Сбор. статей «За ленинизм» ГИЗ. 1925. с. 299.

[47] Там же, с. 287.

водству последнее слово техники, а *в результате постепенного приспособления к рынку отдельных отраслей крестьянского хозяйства»* [48]. Иронизируя над ленинским планом электрификации и индустриализации всей экономики СССР (носящим по его мнению исключительно подсобный характер), М. Кантор по существу целиком и полностью отрицал ленинский план построения социализма, скатываясь на позиции вульгарной австрийской школы буржуазной политической экономии, солидаризируясь, короче говоря, с теорией махрового социал-фашиста К. Реннера [49].

«Левые» оппортунисты, на словах признавая кооперативный план Ленина, *на деле* нарушали его важнейшие основные принципы: принцип добровольности заменили принуждением, администрированием, командованием, принцип учета разнообразия экономических, национальных и других условий отдельных районов, заменили их нивеллировкой, принцип недопустимости перескакивания через незавершенную форму движения отбросили и заменили лозунгом непосредственного перехода к высшим формам, минуя промежуточные. Фактически ленинский кооперативный план в центральной и наиболее существенной его части—в части переделки мелкотоварного производства—срывался «левыми» оппортунистами, что объективно означало борьбу против всего плана социалистического строительства в целом.

В этой связи любопытно вспомнить об отношении троцкизма к кооперативному плану Ленина. В докладе Троцкого «О наших новых задачах», сделанном им 1 сентября 1925 г. в г. Запорожье, мы читаем: «Пока мы не можем дать деревне высокой техники, у нас есть *две* возможности: *либо* применить в деревне методы военного коммунизма и задержать там развитие производительных сил, что привело бы к сужению рынка и тем самым к задержке производительных сил в промышленности; *либо* до тех пор, пока мы не можем средствами нашей промышленности коллективизировать сельское хозяйство, мы должны допустить там развитие производительных сил, хотя бы и при помощи капиталистических методов. В этом сущность нынешнего периода нашей политики» [50]. Перед Троцким схоластическая дилемма: *либо* военный коммунизм, *либо* капитализм. Ничего третьего не дано. Больше того, даже такие формы кооперации, как сельскохозяйственная и потребительская—и те выпали из поля зрения Троцкого. Троцкий начисто отрицает ленинский кооперативный план, предлагая чудовищную нелепость—допустить развитие капитализма в деревне *до того* как мы сможем средствами нашей промышленности коллективизировать сельское хозяйство. Для кооперации, хотя бы в ее низших формах, Троцкий места в советской деревне не нашел.

Неверие в силы пролетарской диктатуры, отрицание возможности построения социализма в одной стране, капитуляция перед капита-

---

[48] См. в «Большевике» № 5—6 за 1925 г. статью «Строительство социализма в деревне и аппарат с.-х. кооперации», с. 28.

[49] В работе «Очерки теории и истории кооперации», выпущенной в 1931 г. и не лишенной существенных теоретических ошибок, М. Кантор громит правооппортунистическую концепцию т. Бухарина, но тщательно умалчивает о своей борьбе против ленинизма в прошлом.

[50] ГИЗ, 1926 г., с. 19.

листическими элементами советской экономики, отрицание социалистического характера низших форм кооперации и ее огромного значения в подготовке перехода к более высшим производственным формам—такова политико-экономическая сущность кооперативной теории ставшего ныне контрреволюционным троцкизма.

Идеи Троцкого развивал в «Новой экономике» Е. Преображенский. Интерпретируя статьи Ленина о кооперации, Е. Преображенский писал: «Когда Ленин... говорил о том, что кооперативные предприятия при нашей системе не отличаются от предприятий социалистических, он имел в виду не кооперацию в *обмене*, опирающуюся *на мелкое товарное* хозяйство в *производстве*, а *производительную*, являющуюся *продолжением* государственно-планового хозяйства»[51]. Весь тезис—издевка над ленинской теорией кооперации. Всякому мало-мальски политически грамотному человеку известно, что Ленин говорил *о всей системе советской кооперации*: и о производственной, и о снабженческо-сбытовой, т. е. и о кооперации в сфере производства и о кооперации в сфере обмена [52], отнюдь не противопоставляя одну другой. Кооперацию Ленин рассматривал в ее единстве и связи со всем строем пролетарской диктатуры. Отсюда у него и отождествление простого роста кооперации с социализмом. Пролетарская диктатура, командные экономические высоты, находящиеся в собственности рабочего класса,—вот что составляет опору советской кооперации как социалистической формы хозяйства. Однако исключительно ясные, не допускающие двух мнений, ленинские статьи о кооперации злостно извращены и исковерканы Е. Преображенским. Он противопоставляет кооперацию производительную кооперации в обмене с точки зрения классовой характеристики той и другой. *Производительная* кооперация, «являющаяся *продолжением* государственно-планового хозяйства»,—это хозяйство социалистическое. «Кооперация в *обмене*, опирающаяся на мелкое товарное хозяйство в *производстве*»,—это не социалистическая форма хозяйства. Какая же? Очевидно, частная, ибо возможно лишь одно из двух: *или* частное, *или* социалистическое,—так именно стоит вопрос в наших условиях. Вместо того, чтобы начать с анализа производственных отношений в советской кооперации, Преображенский подменил эту задачу проблемой об опоре кооперации, совершенно извратив и в этом коренном пункте весь действительный смысл ленинской концепции. Он надвое разорвал единый массив советской кооперации, прикрепив каждую из его частей к соответствующим—противостоящим друг другу в классовой, непримиримой борьбе, секторам народного хозяйства СССР восстановительного периода. Производственную кооперацию он «прикрепил» к социалистическому сектору, а кооперацию в сфере обмена, а в том числе и потребительскую—к сектору частному. Два сектора, *две опоры*. При этом «за исключением рабочей кооперации, которая в сущности лишь *рационализирует* (и только.—А. К.) систему распределения *внутри государственного круга* и потому представляет

[51] Е. Преображенский, Новая экономика, изд. 2, 1926 г., с. 208.

[52] Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 9, 1932 г., 454: «Ленин в своей брошюре о кооперации имел в виду все виды кооперации и низшие ее формы (снабженческо-сбытовые), и высшие (колхозная форма)».

иное отношение распределения, вся остальная кооперация опирается на мелкое товарное производство» [53]. Смысл теории Преображенского в том, что, поскольку «вся остальная (кроме рабочей— А. К.) кооперация опирается на мелкое товарное производство», она не является социалистическим хозяйством и не включается в обобществленный сектор. Вывод: в СССР кооперация не является частью социалистического сектора народного хозяйства.

Всем этим установкам противостоит ленинская точка зрения, согласно которой при диктатуре пролетариата «кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом» [54]. Решающими для определения существа советской кооперации, как типа хозяйства и характера общественных отношений, складывающихся в кооперации, являются такие моменты, как власть в руках рабочего класса (диктатура пролетариата), национализация основных экономических командных высот, союз пролетариата с крестьянством, пролетарское руководство крестьянством, пролетарское руководство кооперацией и т. д. В этих условиях «предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу» [55].

Советская кооперация является, таким образом, социалистической формой хозяйства наряду с государственным хозяйством. И государственное хозяйство, и кооперация суть система производственных отношений социалистического порядка, коль скоро и там, и здесь отсутствует частная собственность на средства производства, т. е. отсутствует эксплоатация и частное присвоение результатов чужого труда. Однотипность их производственных отношений как отношений социалистических по содержанию не уничтожает существенных *различий* между ними. Производственные отношения в государственном хозяйстве—это более высокий тип отношений—*последовательно*—социалистический, тогда как в кооперативном хозяйстве они *только* социалистического типа. Государственное хозяйство выступает по отношению к кооперации в качестве *ведущего* начала. Однако социалистический по типу характер отношений в советской кооперации бесспорен—он обусловлен всем строем пролетарской диктатуры, одним из орудий и рычагов которой является советская кооперация.

Сказанное о советской кооперации вообще относится в частности к советской потребительской кооперации.

Советская потребительская кооперация есть *социалистическая форма организации самодеятельности широких трудящихся масс на основе обобществления сферы субъективного, личного потребления в условиях переходной от капитализма к коммунизму экономики, т. е. в условиях диктатуры пролетариата. В политическом* отношении потребительская кооперация занимает одно из важнейших мест в системе рычагов пролетарского государства. Объединяя и организуя

[53] Там же, с. 206. Выделение, кроме слов «внутригосударственного круга», мое—А. К.

[54] Ленин, т. XXVII, с. 396.

[55] Ленин, т. XXVII, с. 396.

многомиллионные массы трудящихся, потребительская кооперация подымает их на борьбу за социализм и вовлекает их в процесс социалистического строительства. Потребительская кооперация при диктатуре пролетариата выступает, как и профсоюзы, школой коммунизма, школой воспитания масс в духе коммунизма, школой, обучающей и подготавливающей все новые слои активных строителей социализма, школой, на опыте, на практике, а «не из книжек, не из митингов, не из речей» выращивающей кадры для хозяйствования и управления различными сторонами деятельности пролетарского государства.

Политическая роль кооперации обусловливается также и ее значением и ролью в экономике СССР. Потребительская кооперация служит приводным ремнем от социалистического обобществленного—государственного и колхозно-кооперативного хозяйства—к непосредственно личному хозяйству—потреблению трудящихся масс города и деревни. В сфере обращения она представляет собою важнейшее средство борьбы с частнокапиталистическими элементами, со всякого рода спекулянтами и перекупщиками в советской, в том числе и колхозной, торговле. Она представляет собою один из *каналов* плановой советской торговли «без капиталистов—малых и больших.., без спекулянтов—малых и больших» [56], укрепляющей и дополняющей *производственную* смычку между городом и деревней на данном этапе социалистического строителства [57]. Она является одним из важнейших проводников финансовой и кредитной политики пролетарской диктатуры, одним из ответственных и емких участков социалистического накопления. Она одновременно способствует повышению реального уровня заработной платы рабочих и служащих, трудовых доходов колхозников и других групп трудящихся, способствует установлению определенной пропорции в бюджете различных слоев трудящегося населения Советского союза. Она обеспечивает проведение принципов классовости и ударности в снабжении, обеспечивает, следовательно, реальное осуществление социалистического принципа оплаты по труду. Она, далее, влияет существенным образом на процесс *распределения в стране народнохозяйственного дохода* между различными классами, а также и между отдельными группами каждого данного класса. Одним словом, советская потребительская кооперация является одним из существенных факторов расширенного воспроизводства социалистических отношений на конкретном участке народного хозяйства, т. е. в сфере субъективного потребления, в сфере обмена и распределения, а через это—и фактором воспроизводства отношений последовательно-социалистического типа.

Раньше, в годы нэпа до первой пятилетки потребительская кооперация всего лишь подготовляла бедняцко-середняцкие слои деревни к

---

[56] Сталин, Итоги первой пятилетки, 1932 г., с. 39.

[57] Ср. «Производственная смычка между городом и деревней есть основная форма смычки. Но одной лишь производственной смычки недостаточно. Ее надо дополнить смычкой товарной для того, чтобы связь между городом и деревней стала прочной и неразрывной. Этого можно добиться лишь через развертывание советской торговли». Сталин, Итоги первой пятилетки 1932 г., с. 38. Выделение мое—А. К.

производственному кооперированию, т. е. подводила их к коллективизации своего сельскохозяйственного производства. Теперь, когда «в итоге осуществления пятилетки в области промышленности, сельского хозяйства и торговли *мы утвердили во всех сферах народного хозяйства принцип социализма*, изгнав оттуда капиталистические элементы»[58], когда «последние остатки умирающих классов» «оказались вышибленными из колеи» [59], когда СССР, окончательно закрепившись на социалистическом пути, приступил к реализации политических задач второй пятилетки,—роль потребительской кооперации коренным образом меняется.

Во-первых, масштабы работы потребительской кооперации стали совершенно иные. Колоссально выросли товарные массы, которыми она располагает. Размах работы потребкооперации в настоящее время определяется охватом 73 млн. пайщиков, кооперативным оборотом в несколько миллиардов рублей, широко разветвленной торговой сетью кооперативных организаций (магазинов, ЗРК, лавок), мощным развертыванием кооперативного производства основных предметов питания для трудящихся промышленных предприятий (хлебопечение, пригородные хозяйства, молочные фермы, огороды и т. п.), интенсивным капитальным строительством крупнейшего складского хозяйства и продуктохранилищ, исчисляемым в несколько сот миллионов рублей, собственным кооперативным капиталом, по приближенным подсчетам в полутора-миллиарда рублей, широчайшим разворотом различных мероприятий по улучшению материально-бытового положения рабочих и колхозников и т. д. *Во-вторых*, закончившаяся в основном коллективизация возлагает на нее новые заботы. Раньше ее заботы проявлялись в отношении *индивидуального* крестьянского хозяйства; ее главная задача заключалась в вытеснении частного посредника между соцпромышленностью и раздробленным сельским хозяйством. Теперь основные заботы ее концентрируются на вопросах организационно-хозяйственного укрепления и развертывания колхозного *социалистического* производства, на обеспечении советского товарооборота между городом и, ставшей в основном колхозной, деревней, на том, чтобы содействовать разрешению задачи—сделать всех колхозников зажиточными. *В-третьих*, неизмеримо возросло влияние социалистического *планирования* на потребительскую кооперацию. Раньше степень проникновения социалистического плана в потребкооперативное хозяйство была довольно незначительной. Теперь социалистический план охватил всю потребкооперативную систему; потребительская кооперация входит составной частью в единый народнохозяйственный план СССР. *В-четвертых*, в отличие от условий работы потребкооперации в восстановительный период теперь характер задач потребкооперации органически вытекает, прежде всего, из ее *непосредственной* подчиненности интересам самого *социалистического производства*, из задач «*освоения* новых заводов и новой техники» [60].

---

[58] **И. Сталин, Итоги первой пятилетки, 1932 г., с. 41. Выделение мое— А. К.**

[59] **Сталин, там же.**

[60] **Сталин, Итоги первой пятилетки, 1933 г., с. 25.**

Все гигантские успехи в развитии хозяйства потребительской кооперации, ее место, роль и политико-экономическое значение в народном хозяйстве СССР целиком обусловливаются условиями диктатуры пролетариата. Основные закономерности потребительской кооперации—это закономерности, порождаемые развитием крупной государственной социалистической промышленности и всеми конкретными политико-экономическими условиями ее существования в системе пролетарской диктатуры на каждом данном этапе развития.

Характер отношений внутри потребкооперации на отдельных этапах социалистического строительства *неодинаков*, и социалистическое качество приобретается потребкооперацией в процессе классовой борьбы не только во вне кооперации (в борьбе с частно капиталистическими элементами в сфере товарооборота), но и *внутри* ее (в борьбе с частнособственническими тенденциями различных классовых групп пайщиков, объединяемых потребкооперацией).

Элементы классовой борьбы *внутри* потребкооперации при всей их прямой, непосредственной связи и зависимости от общей классовой борьбы в СССР отличаются, однако, от классовой борьбы вне потребкооперации. Классовая борьба вне потребкооперации—это борьба с частным торговцем, пытающимся овладеть рынком, т. е. борьба против эксплоатации, против закабаления потребителей, миллионных масс трудящихся частным капиталистом в сфере субъективного потребления.

Сейчас, в условиях второй пятилетки, когда частник как легальная фигура изгнан с рынка, классовая борьба вовне потребкооперации не снимается, но по формам своим и задачам изменяется. Теперь потребкооперация ведет борьбу с перекупщиками и спекулянтами за развертывание советской торговли, за советскую политику цен на рынке, на котором *подавляющая* масса товаров принадлежит хозяйственным организациям социалистического сектора.

Классовая борьба вне потребкооперации направлена теперь на полное уничтожение бешено сопротивляющихся, но уже крайне малочисленных остатков капиталистических элементов в товарообороте, при мобилизации на борьбу с ними всего аппарата пролетарского государства, что не имело, да и не могло иметь места на предыдущих этапах соцстроительства.

Изменилась классовая физиономия и самой потребкооперации. Изменился в положительную сторону и *классовый и* качественный состав пайщиков: значительно увеличился удельный вес рабочих в общей массе членов кооперации, вовсе изгнано кулачество, вырос процент *колхозников*, возросла, наконец, *коммунистическая прослойка* среди пайщиков и города и деревни. Расширились пределы и степень обобществления бюджета трудящихся, в особенности в колхозной деревне, увеличились объем и масса *собственных капиталов и имущества* в потребкооперации, упрочились *связи* межу городской и сельской сетью потребкооперативных организаций в связи с развертыванием советской (в том числе и колхозной) торговли, окончательно укрепилась на основе шести исторических условий т. Сталина теснейшая, непосредственная *связь потребкооперации с социалистическим производством* госпромышленности и колхозного сельского хозяйства,

внедряется во все поры потребкооперативной работы принцип *хозяйственного расчета*. Все эти сдвиги *по-новому* ставят вопрос об элементах классовой борьбы внутри потребкооперации. Противопоставление интересов одной части пайщиков другой ее части—интересов единоличного крестьянства—интересам сельпо, интересов части трудящихся города—интересам потребкооперативной организации—является уже в *решающей* мере фактом вчерашнего дня, пройденной ступенью в истории потребкооперации. В отдельных местах и в отдельных моментах деятельности кооперации пережитки прошлого в том или ином виде обнаруживаются еще и сейчас. Однако, это не порождение принципиальных классовых различий, которые были характерны для состава пайщиков на предыдущих этапах жизни кооперации. Корнями своими они упираются в различия между колхозником, как единоличником—мелким частным собственником в прошлом—и колхозником как участником социалистического обобществленного колхозного производства *в настоящем*. Они упираются, далее, в различия между отдельными слоями рабочего класса, с язанными с неодинаковым уровнем их классового самосознания. Сюда же необходимо причислить иногда довольно ясно выраженный бюрократизм в отдельных звеньях потребкооперативной системы, а также и нэпманский душок и вредительство. Все эти разнообразные формы противоречий—не что иное, как отражение реальных противоречий величайшей эпохи построения социализма в условиях существования еще классов внутри страны и внешнего капиталистического окружения. Говорить о полном исчезновении противоречий в потребительской кооперации на данном этапе—значит приукрашивать, искажать, извращать действительность. Отрицать эти противоречия—значит забывать тот бесспорный факт, что «наше продвижение протекает в порядке борьбы, в порядке развития противоречий, в порядке преодоления этих противоречий, в порядке выявления и ликвидации этих противоречий. Никогда, не будем мы в силах, *пока есть классы*, иметь такое состояние, когда можно будет сказать: ну, слава богу, теперь все хорошо» [61]. Надо крепко помнить, что «*переходный период*, в котором мы живем, *богат острыми противоречиями*. В этих противоречиях немало *новых* элементов, но все еще *сохраняются и* многие черты противоречий *начального* периода так называемого «мирного» хозяйственного строительства».

Не надо забывать лишь, что «... противоречия теперешней полосы нашего строительства, при всем их разнообразии и остроте на отдельных и даже на многих участках, имеют *второстепенное* значение по сравнению с основным фактом, с фактом окончательной победы социализма в СССР» [62].

В потребкооперации так же, как и во всех других областях социалистического строительства, «борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся» [63] протекает в форме конкрет-

---

[61] Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 6, 1929 г., с. 474.

[62] Молотов, Задачи первого года второй пятилетки, 1933 г., с. 33—34. Выделение мое—А. К.

[63] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 6, 1929 г., с. 474.

ных противоречий, преодоление и ликвидация которых составляет ее важнейшую задачу в условиях «пока есть классы».

По мере дальнейшего роста и укрепления советской потребкооперации и наряду и одновременно с реализацией задач, стоящих перед всем народным хозяйством Советского союза, социалистическое качество отношений внутри организаций потребкооперации будет все более и более возрастать, все более и более будет укрепляться и упрочиваться.

Поскольку советская кооперация—социалистическая форма хозяйства, постольку собственность советской кооперации общественная (социалистическая) собственность. Кооперативную собственность в СССР следует рассматривать в связи с национализированной пролетариатом землей и государственной социалистической промышленностью, при руководящей роли последней, при руководящей роли государственного плана социалистического строительства. Пролетарская диктатура и народнохозяйственный план как конкретное выражение политики пролетарской диктатуры на каждом данном этапе ее развития составляют основу единства кооперативной собственности с собственностью государственной. Поэтому рост и укрепление кооперативной собственности способствуют воспроизводству не только социалистических отношений, ее характеризующих, но одновременно *способствуют* и расширенному воспроизводству общественных отношений *последовательно* социалистического типа, т. е. типа более высокого, чем отношения самой кооперативной собственности. Решающая роль в этом процессе *расширенного* воспроизводства единой социалистической собственности принадлежит собственности государственной, собственности последовательно социалистического типа.

В практике социалистического строительства единство социалистической собственности находит свое реальное выражение в единстве народнохозяйственного плана. Наряду с показателями по государственному хозяйству в народнохозяйственном плане (контрольных цифрах) проектируются показатели и по кооперативному хозяйству. Тоже и в едином финансовом плане. Одновременно с показателями социалистического накопления, проектируемыми по линии государственного хозяйства, в финплане проектируются показатели социалистического накопления и по линии хозяйства кооперативного. Правительство устанавливает ставки диференцированного пая по потребкооперации, вступительные и паевые взносы в промкооперации, определяет порядок хранения кооморганизациями запасных капиталов, утверждает планы использования фондов на капитальное строительство и т. д.

Социалистический характер кооперативной собственности находит свое дальнейшее проявление в том, что ряд организационных принципов, свойственных последовательно социалистической государственной собственности, находит свое применение и в сфере кооперативной собственности. Государственная социалистическая собственность представляет собой единый фонд. В применении к кооперации нельзя говорить о единстве фонда каждой кооперативной системы в смысле допустимости безвозмездного изъятия и переброски имущества от одной кооперативной организации к другой, нельзя говорить также о единстве фонда кооперативной собственности в смысле своеобразного

режима единства и одновременно «расщепленности» имущества между отдельными хозрасчетными организациями [64]. В связи с этим здесь нет ни солидарной, ни субсидиарной ответственности вышестоящих звеньев за нижестоящие и т. д. Однако все имущество каждой кооперативной системы представляют собой некое единое целое. В каком смысле? В том, что, несмотря на хозрасчетный характер каждой кооперативной организации, их обособленность друг от друга имеет условный характер. Все они выполняют свой план товарооборота, производства, жилстроительства и т. д. как часть *плана системы*, все они не конкурируют друг с другом, а соревнуются как звенья единой социалистической системы хозяйства и т. д. Каждая кооперативная ячейка (артель, товарищество и т. п.) состоит на хозрасчете, т. е. ее собственность обособлена от собственности другой такой же кооперативной ячейки, а следовательно, обособлена от всей массы собственности *данного вида* кооперации. Казалось бы, раздробленность фонда собственности данного вида кооперации должна неизбежно противопоставить одну кооперативную ячейку другой кооперативной ячейке, один союз другому союзу и т. д. Но в условиях советской плановой торговли, государственного регулирования сети кооперативных организаций в соответствии с административными, политическими и национальными особенностями района, государственного планирования и регулирования цен на подавляющую массу товаров, планового размещения основных товарных фондов,—в этих условиях нет места конкуренции, нет места антагонистическому противопоставлению кооперативных организаций и их систем друг другу.

Перед всей многотысячной массой кооперативных организаций поставлена одна и та же конкретная политико-экономическая задача— социалистического строительства, зафиксированная в народнохозяйственном плане. Единый народнохозяйственный *план* пролетарского государства исключает какую бы то ни было возможность противопоставления одних кооперативных ячеек другим, а на место конкуренции создает соревнование между ними в деле осуществления единого плана строительства социализма.

В сфере кооперативной собственности так же, как и государственной социалистической собственности, находит применение ленинский принцип социалистического централизма—*демократического централизма* [65]. Демократический централизм обеспечивает подчинение

---

[64] См. об этом Л. Гинцбург, Проект закона об управлении государственной промышленностью, «Сов. гос. и револ. права», № 10—12, 1931 г.

[65] Хозяйственно-политическое значение принципа демократического централизма в кооперации чрезвычайно велико. XV съезд советов РСФСР констатировал по докладу Центросоюза, что Центросоюз перестал быть «действительным руководителем системы, потребкооперации», оказался неспособным возглавить «борьбу за перестройку системы в соответствии с новыми задачами» благодаря тому (помимо других причин), «что во взаимоотношениях внутри системы потребительской кооперации большевистский **принцип демократического централизма был подменен безвластным бюрократическим централизмом**» (см. резолюцию XV съезда советов РСФСР по докладу Центросоюза о состоянии и задачах потребительской кооперации. Выделение мое—А. К.). Такая подмена демократического централизма бюрократическим централизмом явилась результатом ошибочного отказа кооперации от задач организаций советского товарооборота,

интересов каждой организационно «обособленной» кооперативной ячейки интересам не только вышестоящего кооперативного звена (союза) данной системы кооперации, но и интересам всего социалистического строительства в целом, интересам диктатуры пролетариата. Решающую роль в деле повседневного осуществления начал демократического централизма в кооперации играют треугольники, руководящая роль в которых принадлежит *партийным коммунистическим ячейкам* [66]. Этому же способствует *плановая* директива, даваемая вышестоящим звеном — нижестоящему. Действительное осуществление принципа демократического централизма в кооперации обеспечивается системой «двустороннего» контроля за деятельностью каждой кооперативной организации. С одной стороны, деятельность каждого кооперативного звена находится под повседневным текущим контролем и наблюдением всей массы ее членов в лице ревизионных комиссий, кооперативного актива, партийной ячейки и месткома, а также вышестоящих звеньев кооперативных, партийных и профсоюзных организаций. С другой стороны, работа каждого кооперативного звена контролируется и проверяется органом государственной власти—рабоче-крестьянской инспекцией. Этот «двусторонний» контроль: со стороны партийной, кооперативной и профсоюзной общественности, и со стороны органов пролетарского государства составляет важнейший элемент демократического централизма как одного из проявлений социалистического характера кооперативной собственности в СССР.

результатом перехода к механическому распределению готовых товарных масс и методам прямого продуктообмена, а также следствием ослабления «принципа выборности низовых звеньев потребкооперации и отрыва кооперации от своей массовой базы», приведшего к усилению бесконтрольности и бюрократизма кооперативного аппарата.

[66] Против партийного, большевистского руководства советской кооперацией и демократического централизма, как решающих и основных пунктов ленинского учения об организационном построении кооперативного хозяйства и управления им, не раз выступали и вели борьбу всякого рода буржуазные, меньшевистско-эсеровского толка кооператоры. Например, В. Хижняков — один из наиболее активных врагов ленинского кооперативного плана в 1925 г. — на страницах журнала «Право и жизнь» поместил программную статью «О природе кооперации» (См. № 7—8 за 1925 г., стр. 38 и след.), в которой писал: «Самодеятельность и самоопределение» являются «необходимыми условиями для кооперативного дела и его сущности», а поэтому «кооперация требует со стороны ее участников известных жертв». Но,—пишет он дальше, жертвы «могут приносить только при условии веры в дело, веры в возможность достигнуть поставленных целей, а это м. б. только тогда, когда сам участник, своими и своих товарищей силами, создает дело и когда он вправе решать то, что хочет, и отвергать то, чего не хочет». Или: «Только выбирая органы управления по своему желанию, а не по указке, участник кооперативного дела может питать доверие к ним. И наоборот, начальствование в кооперации, проведение в нем извне того, что участники не сознали или еще больше—чего они определенно не хотят, всегда вредны в кооперации потому, что, уничтожая самодеятельность, они уничтожают кооперацию. Опека, даже самая благожелательная, всегда вредна в кооперации уже потому, что она усыпляет волю, парализует интерес к своему делу, порождая наибольшее зло всякого кооперативного дела, индиферентизм его участников—эту его тяжкую болезнь, часто неизлечимую и смертельную». Он рекомендует к оценке финансов кооперации «подходит с той же меркой, с какой мы подходим и к другим частно-

Особенностью применения принципа демократического централизма к кооперативному хозяйству в отличие от государственного является принцип выборности в конструировании органов управления кооперативной собственностью, отсутствующей в государственных хозяйственных организациях [66а].

Управление кооперативной собственностью также как и государственной строится на основах *хозрасчета* [67]. Особенность хозрасчета в организации и управлении кооперативной собственностью заключается в том, что взаимоотношения вышестоящих кооперативных звеньев с нижестоящими по линии выполнения планов сбыта и снабжения строятся в договорной форме, в форме взаимных обязательств, сопровождаемых материальной ответственностью. Противовесом или противодействием проявлению «эгоистического» интереса отдельных звеньев кооперативного хозяйства служат органы арбитража, нейтрализующие *отдельные* нарушения интересов пролетарского государства со стороны *отдельных* участников обобществленного оборота [68].

Теоретики буржуазии, авторы многочисленных курсов и монографий по теории кооперации и по так называемому «кооперативному праву», как правило, прямо не высказываются о характере коопе-

---

хозяйственным, некооперативным организациям» (с. 38), причем «кооперативная организация должна стоять непременно на своих ногах, а не на подпорках, поставленных под нее извне». (Выделение всюду мое — А. К.).

Эту свою контреволюционную вылазку против ленинского кооперативного плана (а партруководство кооперацией и финансовая помощь кооперации со стороны пролетарского государства являются центральными пунктами его) В. Хижняков пытался прикрыть—обычным в таких случаях приемом буржуазных писак—ссылками на резолюции съездов и конференций нашей партии. (См. стр. 39 упом. журнала).

[66а] Почти ни в одной из работ, оказавшихся нам доступными и просмотренными нами (по организационно-правовым вопросам кооперации), мы не встретили даже упоминания о принципе демократического централизма. Этот «пробел» в равной мере относится и к теоретическим работам и к популярной, массовой литературе.

Буржуазные юристы—Е. Штандель, Озерецковский, А. Терехов, Л. Нолоцкий и др., изучая кооперацию вне связи с диктатурой пролетариата, выдумали специфически «кооперативный метод», свойственный якобы кооперации вообще (и при капитализме и при советском государстве—в равной мере), который «есть прежде всего метод сотрудничества, взаимопомощи и товарищества в работе» (Е. Штандель, Курс сов. кооперативного права, 1926 г., с. 36.). Чем же в таком случае советская кооперация, в интерпретации представителей буржуазной юриспруденции, отличается от любого благотворительного учреждения?

[67] В марте 1931 г. Центросоюзом отмечены факты игнорирования хозрасчета кооперативными организациями и полного отсутствия хозрасчета в торговых предприятиях, во взаимоотношениях кооперации с託 госпромышленностью, а также в отношениях между отдельными звеньями системы.

Постановление президиума правления Центросоюза от 24 марта 1932 г. № 80 «О хозрасчете и укреплении финансового хозяйства потребсистемы «отмечает»: «...4. Твердое осуществление хозрасчета как важнейшего рычага управления хозяйством должно быть использовано системой для поднятия на высшую степень всего хозяйства потребительской кооперации, усиления заинтересованности каждой кооперативной организации в выполнении планов» («Информ. бюллетень Центросоюза», № 11, 1931 г., с. 167.).

[68] Кстати надо отметить одну примечательную особенность литературы по теории кооперации и по кооперативному праву, выпущенной за десять лет нэпа.

ративной собственности в СССР. Но при внимательном ознакомлении с их конструкциями можно обнаружить полное отрицание ими социалистического характера собственности советской кооперации. Они собственность советской кооперации относят по сути дела к собственности частной. Так например, П. Маслов в своей вульгарной книжке «Основы кооперации и условия накопления кооперативного капитала» констатирует, что «в настоящее время кооперация уже носит *частноправовой* характер»[69]. П. Маслов договаривается до того, что утверждает, будто положение кооперации в Советском Союзе «*менее благоприятно*», чем в буржуазных странах[70]. Н. Озерецковский откровенно и без выкрутас, свойственным другим его единомышленникам, сконструировал следующую теорему: «Там, где в основу коллективной организации не заложен *частно хозяйственный собственный интерес* ее участников,—там нет кооперации[71]». Отсюда частнохозяйственная природа кооперации, которая «прежде всего есть метод или форма деятельности частно-хозяйственного порядка»[72]. Аналогичные взгляды высказывает Ф. В. Дьяков[73], а также А. И. Поволоцкий, по которому кооперация есть организация, наиболее благоприятствуемая «из всех частноправовых организаций, допущенных к деятельности в гражданском обороте»[74].

В ином виде, а по существу ту же концепцию развивает марксиствующий Асктазий. В своих «Очерках хозяйственного права СССР»

Эта особенность состоит в единодушном игнорировании принципа хозрасчета в кооперативном хозяйстве. Ни юристы, ни экономисты, ни вообще кооперативные работники не считали необходимым изучать или хотя бы просто упоминать о значении и практической роли хозрасчета в кооперации.

Достаточно просмотреть важнейшие, наиболее «солидные» труды «теоретиков» по кооперативному праву и по организационно-финансовым вопросам кооперации (Е. Штанделя, Курс сов. кооперативного права, изд. 3, 1926 г., Л. Поволоцкого, Кооперативное законодательство, изд. 1927 г., А. Терехова, Советское кооперативное право, Харьков, 1925 г., Озерецковского, Правовая организация сов. кооперации, М., 1927 г.: В. М. Конко, Организация и практика сельских потребительских обществ», М., 1927 г., а также работы меньшевистско-эсерствующих «теоретиков» кооперации—В. М. Хижнякова, Хейсина, или вредителей в кооперации—Фишгендлера, Петунина, Некрасова и др.), чтобы убедиться в правильности нашего вывода. Игнорирование хозрасчета в кооперативной литературе продолжалось вплоть до майского 1931 г. обращения СНК, ЦК ВКП(б) и Центросоюза «О потребительской кооперации».

[69] П. Маслов, Основы кооперации и условия накопления кооперативного капитала. М. 1925, с. 158. Выделение мое—А. К.

[70] Там же, с. 87.

[71] Н. Озерецковский, Правовая организация советской кооперации, 1927, с. 6.

[72] Там же, с. 6, 11, 12, 13, 55 и след. С другой стороны, Озерецковский утверждает, что нет разницы между государственным синдикатом и кооперативом. «Все различие между ними переносится в плоскость количества и юридической природы первичной ячейки (выделение мое—А. К.). Синдикат—это кооперация крупных государственных предприятий, кооперация—это синдикат мелких частных трудовых хозяйств» (с. 11). Повидимому сияние юридических абстракций ослепило Н. Озерецковского.

[73] См. его «Кооперативные основы кооперативного контроля», 1926 г., с. 10.

[74] См. его «Основные начала кооперативного права СССР», Л. 1925, с. 22. Те же мысли он повторяет на с. 80, 81, 84 и др.

он признает публично-правовой характер за кооперативными организациями, вытекающий из факта получения ими от плановых органов обязательных предписаний. При этом «обязательные государственные предписания плановых органов получают распространение почти *исключительно* (курсив наш.—А. К.) на *объединения* кооперативных организаций—губернские, областные и в *особенности* (курсив наш А. К.) центральные» [75]. А «в первичных кооперативных организациях публично-правовые элементы сказываются гораздо более слабо,—они остаются весьма близкими к организациям частно-правовым» [76].

Асказий производит формально-догматическую операцию с государственными предписаниями плановых органов, превращающими якобы только союзные кооперативные организации из частно правовых в организации публичноправового порядка. Этим явно извращается роль плановых директив в кооперативном хозяйстве, спускаемых пролетарским государством во все *без исключения* звенья кооперативной системы сверху донизу, и в равной мере для всех обязательных. Аскназий противопоставляет верхние губернские (областные) и особенно центральные звенья кооперации низшим первичным ее организацям. Единства кооперативной системы Аскназий не признает. И это логически последовательно, коль скоро по Аскназию плановая директива не доходит до первичного низового звена кооперации, застревая, повидимому, в сетях бюрократического центрального аппарата кооперации. Признать правильной конструкцию Аскназия значило бы вместе с тем признать, что у нас, в СССР, низовые звенья кооперации оторваны от вышестоящих руководящих организаций и находятся вне планового воздействия со стороны пролетарского государства, что в советской кооперации отсутствует демократический централизм, что нет единства кооперативного хозяйства и государственного, как социалистического, что советская кооперация не является одним из рычагов диктатуры пролетариата [77].

В ряду буржуазных теорий советской кооперативной собственности своеобразное и «оригинальное» место занимает теория Юр. Яворского. В отличие от многих своих соратников в борьбе с марксизмом, Юр. Яворский довольно «искусно» прикрывается цитатами из работ

---

[75] Аскназий, Очерки хозяйственного права СССР, 1926 г., с. 154. Выделение кроме слов «в особенности» мое—А. К.

[76] Там же.

[77] В статье «Гражданское право и формы имущественного оборота РСФСР« (см. «Еженед. сов. юстиции» № 22—25, 1923 г.). Аскназий различает следующие четыре формы имущественного оборота: 1) государственно-плановый оборот, 2) государственно-товарный оборот, 3) частный товаропотребительский оборот и 4) частный капиталистический оборот. Формально-юридический характер этой конструкции совершенно очевиден. Аскназий механически расщепляет единый государственный оборот на плановый и товарный и, в результате искусственно выдуманного им различия между тем и другим, противопоставляет один другому. Советскую кооперацию Аскназий недвусмысленно относит к частному сектору. По Аскназию имущественные отношения в советской кооперации суть частнособственнические отношения, т. е. собственность советской кооперации есть частная собственность. Как видим, в 1926 г. он лишь в ином варианте пытался обосновать теорию, сформулированную им еще в 1923 г.

Маркса и Ленина. Этот псевдо-марксист развивает следующую систему взглядов [78].

У нас госкапитализм,—рассуждает Юр. Яворский,—значит налицо наемный труд (рабочая сила—товар), а, следовательно, и прибавочная стоимость, хотя объем и содержание последней иные, чем при капитализме. Прибавочная стоимость капиталистического периода, которою целиком и полностью владел капитал, в условиях диктатуры пролетариата *распадается* на прибавочный *продукт* и прибавочную *стоимость*; одна часть поступает в распоряжение рабочего класса (общества) и поэтому становится прибавочным продуктом, а другая часть—в руки частного капитала и поэтому сохраняет свое качество прибавочной стоимости. В переводе на юридический язык это означает наличие *двух* видов собственности: общественной и частной.

Какое же место между ними отводит Яворский кооперативной собственности? Если бы мы сказали, мудрствует наш «Колумб», что «кооперативная собственность должна опираться или на прибавочный продукт, или на прибавочную стоимость», то мы просто погрешили бы «против диалектики». Яворский предлагает «диалектическое» решение проблемы. «Своеобразие советской кооперации состоит в том,—пишет он,—что таковая представляет *переходную* стадию, и в кооперативной собственности одновременно заключены *оба* элемента, т. е. и прибавочная стоимость и прибавочный продукт». [79]. Такое мол промежуточное положение кооперации определяется самой сущностью нэпа.

Все, что «вправо» от государственной собственности «составляет сферу неорганизованной мелкособственнической стихии». В этой сфере сталкиваются частный капитал и кооперативная собственность; последней присущи элементы частной собственности—они «здесь налицо и легко могут быть вскрыты». В самом деле—аргументирует автор—нанимая рабочую силу (а она является в СССР товаром по Яворскому,—А. К.), кооперация уплачивает ее рыночную стоимость, присваивает весь труд рабочих, т. е. отчуждает неоплаченную часть такового в пользу кооперации, т. е. «в пользу определенной группы *частных собственников, совокупного капитала*». «Присвоение результатов труда,—утверждает Яворский,—не носит здесь общественного характера, но вместе с тем, в известной своей части прибавочный эффект производительного труда поступает и в общественную собственность, т. е. превращается в прибавочный продукт»[80]. При этом автор ссылается на брошюру Ленина «О продналоге» и из нее пытается почерпнуть агрументы в пользу своего конечного вывода.

Итак, по Яворскому, с одной стороны, в кооперации имеется прибавочная стоимость, но, с другой стороны там имеется и прибавочный продукт. С одной стороны, кооперативная собственность—групповая, «общая», *частная* собственность, но с другой стороны, в кооперативной собственности есть и элементы общественной собственности. Т. е., «в советских условиях кооперативная собственность есть пере-

---

[78] См. его статью «Собственность» в № 4 (38) «Вестника советской юстиции» за 1925 г., а также статью этого же года «Кооперативная собственность» в № 8. (42), с. 326 и след.

[79] «Вестник советской юстиции» № 8, 1925 г., с. 326 и след.

[80] Там же.

ходный процесс от частной собственности к социалистической организации хозяйства». Оговорка, что это «процесс, своим острием направленный... против частного капитала и всех форм эксплоатации рабочей силы» (это—заметим кстати—при одновременном утверждении, что в кооперации присваивается неоплаченная часть рабочей силы, являющейся товаром, т. е., что в кооперации есть прибавочная стоимость и эксплоатация.—А. К.),—не спасает положения. Кооперативная собственность по Яворскому групповая частная собственность и в силу своего группового характера стоит между государственной собственностью и собственностью индивидуальной, частной. В конечном счете Яворский отрицает социалистическую природу кооперативной собственности в СССР, борется с ленинской оценкой собственности советской кооперации как собственности социалистического типа, атакует ленинский кооперативный план в центральном решающем его пункте, принципиально исключает кооперацию из основных факторов социалистического переустройства трудового мелкотоварного сельскохозяйственного производства и обобществления сферы обращения советской экономики. Антиленинская сущность концепции Юр. Яворского вырисовывается перед нами в полном своем блеске, в самом неприкрашенном виде.

В борьбе с ленинским кооперативным планом активно проявили себя и вредители, работавшие в Центросоюзе. Кадет Некрасов один из руководителей вредительства, засевших в центральном аппарате потребкооперации, противопоставлял советскую кооперацию пролетарскому государству. В его теоретическом введении к пятилетнему плану потребкооперации (составленному группой вредителей) мы читаем: «Кооперация даже в условиях капиталистического строя имеет ряд особенностей, выделяющих ее из общей характеристики капиталистических предприятий». Особенности эти состоят в том, что кооперация как общественная организация имеет «свои определенные, отличные от *узкохозяйственных*, задачи и перспективы. В несколько измененном виде эти характерные черты должны быть особо подчеркнуты для советской кооперации». Перед нами типично буржуазная, лишь слегка прикрытая эзоповским стилем концепция, противопоставляющая задачи и перспективы советской кооперации «узкохозяйственным» задачам пролетарского государства. Здесь обычное для всех буржуазных теорий отрицание сколько-нибудь существенных, не говоря уже о принципиальных, различий между капиталистической кооперацией и кооперацией советской; те же, «отличные от узкохозяйственных, задачи и перспективы», которые свойственны кооперации при капитализме, свойственны и советской кооперации и т. д.

Общее у всех буржуазных теорий собственности советской кооперации заключается в том, что все они исходят из старого, дореволюционного представления о кооперации. Они берут советскую кооперацию как некую внеисторическую данность, как нечто самодовлеющее, как «вещь в себе»—метафизически, а не исторически, вне системы пролетарской диктатуры, вне системы советского хозяйства в целом. Они подгоняют советскую кооперацию под буржуазную кооперацию, хотя подобная операция столь же недопустима, как, скажем, недо-

пустима аналогия между советами, как органами пролетарской диктатуры, и буржуазным парламентом. Они, и экономисты и юристы, исходят, наконец, из формально-логических и догматико-юридических посылок, тогда как необходимо исходить из реальных фактов, из конкретного анализа содержания производственных отношений, действительно имманентных советской кооперации. В этой теоретической сфере мы обнаруживаем проявление классовой борьбы, борьбы буржуазного мировоззрения (в самых различных его методологических формах) против марксизма-ленинизма, против диктатуры пролетариата, против социалистического строительства.

Необходимо также остановиться на теории так называемой «групповой» собственности. Свою родословную эта теория ведет от *ларинской* концепции[81], получившей беспощадный отпор в выступлении т. Сталина[82] на конференции аграрников-марксистов и квалифицированной им как «грубейшая ошибка против ленинизма»[83].

В наиболее последовательной форме эта теория изложена в популярном учебнике под ред. Я. Никулихина[84]. Там колхозная собственность (являющаяся одним из видов кооперативной собственности) отнесена к собственности *групповой*, в отличие от *общественной* собственности. «Включение хозяйства колхозников в общегосударственное, *превращение собственности групповой в общественную*» будет происходить, по твердому убеждению авторов учебника, не только через коммуны, но и через МТС, агро-индустриальные и индустриально-аграрные комбинаты[85].

Наряду с правильным утверждением, что «колхозы не есть предприятия последовательно-социалистического типа», в учебнике налицо совершенно недопустимая грубейшая ошибка. Авторы различают два вида колхозной собственности: собственность *артельную* или по их терминологии—*групповую* и собственность коммун. Групповая собственность артелей только *должна будет стать*, но она еще не стала общественной собственностью. Причем процесс становления должен пройти через более высокие формы организации сельскохозяйственного производства, т. е. через *коммуны*, МТС и пресловутые, разоблаченные и осужденные нашей партийной печатью агро-индустриальные и индустриально-аграрные комбинаты.

В плане поставленной проблемы нас не интересует вся концепция в целом, почему критику ее в экономической части мы опускаем. Нас интересуют взгляды авторов учебника на колхозную собственность. Как видим, они в этом вопросе пытаются быть «оригинальными». Однако политическая и теоретическая несостоятельность их «оригинальности» элементарно очевидна. И *артельная* собственность, а не только собственность коммун, является собственностью *социали-*

---

[81] См. выступление Ларина на 1 конференции аграрников-марксистов. Стеногр. отчет. 1930 г., с. 63—65.

[82] И. Сталин. «Вопросы ленинизма», изд. 9, 1932 г., с. 450—454.

[83] Там же, с. 455.

[84] См. «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», под ред. Я. Никулихина, М. 1931 г.

[85] Там же, с. 87. Выделение мое.—А. К.

стического типа. Ибо и в артели, а не только в коммуне отсутствуют частная собственность на основные средства производства и орудия труда, отсутствует, значит, и база для эксплоатации человека человеком. А в этом и заключается принципиальная, решающая особенность социалистического типа производственных отношений вообще, в отличие от производственных отношений, основанных на частной, в том числе и групповой собственности. Авторы этой теории забыли азбуку ленинизма и скатились к ларинщине.

Недооценку социалистического качества кооперативной собственности в СССР допустил и П. И. Стучка. В третьем томе своего «Курса» П. И. Стучка пишет: «кооперативная собственность» есть уже *особый вид* собственности, который, с одной стороны, *в общем пользуется всеми правами частного собственника, но сверх того,* имеет целый ряд льгот и преимуществ как в отношении круга объектов собственности, так и в смысле всякого рода преимуществ, скидок и т. д. в *торговом* обороте. Пока паевой капитал кооперативов играет в обороте большую роль, но эта роль паев *по мере роста мощи* (количественной и имущественной) *кооперативов быстро уменьшается*, и, естественно кооперативная собственность *все более сближается в силу* этого с государственной социалистической собственностью» (т. III, с. 47).

П. И. Стучка искажает ленинскую концепцию кооперативной собственности в СССР. По чисто юридическим признакам он считает, будто кооперативная собственность «в общем пользуется всеми правами частного собственника». Это явная ошибка. Все законодательство Советского союза и союзных республик об имущественном положении кооперации тщательно подчеркивает особый, специфический характер и оригинальное положение кооперации, абсолютно не допускающее каких бы то ни было аналогий с правовыми положениями частной собственности.

П. И. Стучка относит кооперативную собственность к собственности особого типа на одном только том основании, что кооперация *сверх того*, чем пользуется частный собственник, имеет целый ряд и притом все расширяющийся ряд льгот и преимуществ и по кругу объектов собственности и по льготам в торговом обороте и т. п. Однако, совершенно бесспорно, что социалистическая сущность кооперативной собственности обусловливается не тем, какими лишними льготами и преимуществами пользуется кооперация по нашему законодательству, а наоборот, она пользуется ими потому, что является собственностью социалистического типа. Социалистическая природа кооперативной собственности поставлена П. И. Стучка в зависимость от предоставленных ей законодателем привилегий, тогда как, напротив, льготы и преимущества вытекают из ее фактически социалистической сущности.

Также неприемлемо утверждение П. И. Стучка и о том, что сближение кооперативной собственности с государственной социалистической собственностью *обратно* пропорционально *уменьшению значения паевого* капитала в общей массе средств кооперации и *прямо* пропорционально увеличению имущественной массы, не

являющейся непосредственной собственностью членов кооперации, а составляющей кооперативную собственность, как таковую. Выходит, что пай (паевой капитал) является источником частнособственнических элементов в советской кооперации. Поэтому, чем меньшая доля общего кооперативного капитала относится к капиталу паевому, тем более социалистична кооперативная собственность. Окончательное растворение паевого капитала в общекооперативном имуществе, — по мысли П. И. Стучка, — будет актом превращения кооперативной собственности в собственность подлинно социалистическую.

Аналогичную ошибку П. И. Стучка повторяет и при изучении природы колхозной собственности. Характерно, что П. И. Стучка нигде не говорит о социалистической природе колхозной собственности, но в прямо утвердительном смысле он ее и не отрицает. Нас. 49 того же тома мы читаем, что переход колхозов на путь ликвидации кулачества как класса, «это уже невиданный в мире революционный скачек: замена индивидуалистического пользования землею... социалистическим землепользованием, причем основную часть средств производства колхозов составляют *либо социалистический* (трактор, машины, МТС), *либо паевой* (еще принадлежащий членам кооператива), *либо неделимый фонд кооперации* (не подлежащий дележу и возврату) (всюду подчеркнуто нами—А. К.). Фонд колхозной собственности П. И. Стучка разбивает на три части, причем только одну часть—тракторы, машины, МТС [85а]—он относит к социалистического типа собственности, выделяя даже неделимые фонды кооперации в какую-то особую группу собственности, во всяком случае, не в социалистическую. И в заключение—та же мысль о паевых суммах: «Надо только подумать, *как быстро возьмут верх над паевыми суммами разные капиталы*, вернее фонды, чтобы ясно видеть дальнейшую тенденцию развития колхозов» (с. 49).

Ясно, что такое представление П. И. Стучка о природе кооперативной собственности не соответствует учению Ленина о кооперации, простой рост которой он (Ленин) отождествлял с ростом социализма. К этой эклектической теории кооперативной собственности П. И. Стучка пришел благодаря формально-юридическому и механистическому подходу к вопросу.

III

Каково же правовое положение кооперативной собственности по советскому хозяйственному праву?

В устаревшем Гражданском кодексе 1922 г. различаются *три* вида собственности: государственная, кооперативная и частная.

Государственная собственность рассматривается как собственность национализированная (ст. 52 ГК). Национализация характерна

[85а] Отнесение МТС к колхозному фонду сделано П. И. Стучка по явному недоразумению. МТС—предприятия последовательно-социалистического типа и, следовательно, составляют часть единого фонда государственной социалистической собственности.

и присуща исключительно государственной собственности. Она закреплена в виде монопольного права пролетарского государства на командные высоты в ст.ст. 21, 22, пп. «д» и «е», отчасти в ст. 53 ГК. Отнесенное к этой категории имущество изъято из всякого оборота и не может быть объектом сделок по ГК. Право собственности на национализированное имущество, как правило, не может перейти ни к частным лицам, ни к кооперативным организациям [86]. Внутри же государственного хозяйства это имущество находится *вне* договорных отношений и передается одним хозорганом другому на основе административных распоряжений.

Помимо монополизации ряда объектов в исключительной собственности государства советское право устанавливает еще ряд специальных оснований, по которым то или иное имущество включается в фонд именно государственной собственности. Так, всякое имущество, потерявшее собственника, или собственник которого неизвестен, относится к собственности государства и включается в фонд последней. Наш ГК прямо утверждает это в отношении выморочного имущества, т. е. имущества, после смерти частного лица оказавшегося без правопреемника; в отношении бесхозяйного и бесхозяйственного имущества (ст. 68 ГК, приложение) и имущества найденного (ст. 68-а). При оспаривании права собственности частными лицами бремя доказывания в таких случаях всегда лежит на частном лице (*презумпция* государственной собственности). Государство имеет право *принудительно* отчудить имущество в свою пользу *возмездно* в порядке реквизиции (ст. 69 ГК и приложение 8) и *безвозмедно*— в порядке налогового обложения или конфискации, применяемой в виде наказания по суду (ст. 70 ГК и приложение 8), или в порядке национализации. Имущество поступает в собственность государства на основе наследственного права (ст.ст. 418, 429, 430 и примечание к ст. 422 ГК), в соответствии с правом застройки—по истечении срока договора или в порядке ст.ст. 80—82 ГК,—и вследствие неосновательного обогащения одной из сторон при недействительности сделки (ст.ст. 30, 32, 33, 147, 149, 150, 402 ГК). Все эти способы возникновения и источники расширения фонда государственной собственности не известны собственности кооперативной. Всякая утрата права собственности частными лицами или принудительное отчуждение имущества в фонд государства принципиально означает прирост, увеличение государственной социалистической собственности, полярно противоположной праву частной собственности. Разнообразные способы аккумуляции собственности пролетарским государством есть не что иное как конкретные формы проявления принципа господства производственных отношений последовательно-социалистического типа в условиях пролетарской диктатуры.

Право собственности советской кооперации по способам возникновения в свою очередь имеет ряд особенностей.

Прежде всего советская кооперация унаследовала определенный комплекс имущества и капиталов от дореволюционной кооперации. Такова *историческая* сторона возникновения собственности потреб-

[86] Исключение—имущество, пришедшее в ветхость и негодность.

кооперации в СССР. Но и повседневное воспроизводство и пополнение фонда собственности советской кооперации имеет ряд особенностей. Потребкооперативная собственность помимо реализации товаров, заготовительной, производственной деятельности и т. д. имеет своеобразный, одной только ей свойственный и ее одну только характеризующий источник пополнения фонда собственности—*личный* бюджет кооперированных *трудящихся масс* населения. Потребительская кооперация черпает огромные средства из личного бюджета кооперированного населения в форме *пая.*

При капитализме паевая система является коллективной формой организации частной собственности, так или иначе способствующей воспроизводству капиталистических отношений. При диктатуре пролетариата *паевая* система принципиально меняет свое классовое содержание. Пай становится категорией особого свойства. Особое свойство *пая* вытекает из коренных изменений, которые претерпели содержание и форма общественных отношений с переходом власти в руки пролетариата. «Содержание и форма здесь изменились в силу того, что при изменившихся обстоятельствах *никто не может ничего дать, кроме своего труда*, а с другой стороны—*в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления*»[87].

Пай—это не больше и не меньше, как овеществленный в денежной форме труд, причем *личный* труд вступившего в кооперацию трудящегося. «Кроме своего труда никто не может ничего дать»—это и означает, что уничтожена база для присвоения чужого труда. Этим самым устранена какая бы то ни была возможность перехода в собственность отдельного лица «чего-либо, кроме индивидуальных предметов потребления». При таких условиях паевая система становится новым принципом организации населения, становится одним из могущественнейших рычагов построения социализма. Она способствует непосредственному участию масс трудящихся в борьбе за новый социалистический строй. Она обеспечивает *мобилизацию материальных средств самих строителей социализма*. Кооперация в этом смысле представляет собою мощный канал, по которому пролетарская диктатура получает материальные средства на социалистическое строительство. Таким образом паевая система выступает как метод организованного обобществления личного бюджета трудящихся и как важнейший источник дополнительных ресурсов на построение бесклассового общества. Поэтому Ленин и считал, что мы должны поддерживать такой кооперативный оборот, «в котором *действительно участвуют действительные массы населения*»[88].

Особое положение, в которое советский законодатель поставил кооперативную собственность как основу кооперативного строя, нашло свое яркое выражение в законодательстве о *денационализации* потребкооперативного имущества [89]. Это мероприятие, осуществлен-

---

[87] Маркс, Критика Готской программы, 1932 г., с. 26. (Выделение мое—А.К.)
[88] Ленин, т. XXVII, с. 393.
[89] СУ 1921 г. № 72. Пост. СНК от 26/X 1921 г. «О порядке привлечения потребкооперации органами государства к выполнению товарообменных и заготовительных операций», ст. 14.

ное в первые же месяцы нэпа, имело исключительное значение для подведения прочного материального фундамента под всю работу потребкооперации. Потребкооперации были возвращены не только предприятия и промыслы, принадлежавшие ей на праве собственности до революции, но и предприятия, которые находились до революции у нее в арендном пользовании[90]. Таким образом советское государство не только восстановило полностью собственность потребкооперации, но и значительно увеличило ее общий фонд за счет передачи ей арендованного до революции имущества.

Законодательство о денационализации явилось лишь началом целой полосы в развитии разветвленного законодательства о потребкооперации последующих лет.

Советское законодательство о кооперации на всех этапах соцстроительства никогда не ставило знака равенства между кооперативной и частной собственностью. На данном этапе характерно явное преобладание норм, которые ставят знак равенства между положением кооперации и государственного хозяйства в противовес и в отличие от положения частного хозяйства. Достаточно напомнить об огромном законодательстве, касающемся различных сторон хозяйственной деятельности обобществленного сектора в целом, т. е. относящегося в равной мере и к государственному и к кооперативному хозяйству. Сюда относятся такие вопросы, как вопрос о защите (охране) кооперативной собственности (закон от 7 августа 1932 г. приравнивает в этом отношении кооперативную собственность к государственной), о режиме экономии (сокращении административно-хозяйственных и других расходов), о регулировании накопления прибылей, об отношениях с финансовыми и кредитно-банковскими органами (налоги, наценки, долгосрочное и краткосрочное кредитование и т. п.), о госнормировании зарплаты работников по найму, о планировании капитального строительства, об отчуждении строений, возведенных на земельных участках, предоставленных в бессрочное пользование и т. д. Однако, приравнивая советскую кооперацию по ряду вопросов к государственным хозяйственным организациям и противопоставляя принципиально кооперативную собственность частной, советское законодательство не забывает и о существенных различиях между двумя видами социалистической собственности: между государственной собственностью и кооперативной.

Четкая грань между государственной и кооперативной собственностью проведена в законодательстве о перераспределении имущества в пределах фонда всей общественной (социалистической) собственности. По законам от 26 августа 1931 г. и от 7 июля 1932 г. «О порядке расчетов между госорганами и кооперативными организациями за передаваемое им имущество» имущественные ценности (предприятия, склады, оборудование, живой и мертвый инвентарь и т. п.), передаваемые госорганами коопорганизациям, как правило, *оплачиваются* последними *полностью* в сроки, устанавливаемые *по*

[90] См. разъяснение III отдела НКЮ от 3 августа 1925 г., помещенное в «Гражданском кодексе» под ред. Александровского. Изд. 1928, г., с. 158—159.

соглашению данного ведомства с коопцентром. Передача может быть *безвозмездной только* с разрешения соответствующего ведомства. Принцип возмездности установлен и для передачи имущественных ценностей кооперацией государственным хозорганам, причем оплата производится лишь в той части, которая была создана или приобретена кооперативными организациями за счет *собственных* средств. Имущество, принадлежавшее кооперации до революции, которое было национализировано, но затем возвращено ей, оплачивается наравне с имуществом, приобретенным кооперацией за счет собственных средств. Не подлежит оплате национализированное, но переданное кооперации имущество или имущество, приобретенное кооперацией за счет госбюджетных ассигнований. Передача же имущественных ценностей госорганами друг другу осуществляется *безвозмездно*, путем балансового перечисления. Таким образом законом от 26 августа 1931 г. установлен принцип *возмездности* при переходе имущества от государственных органов к кооперации и обратно. Это вполне последовательно с точки зрения внедрения хозрасчета в обобществленное хозяйство. Массовая передача кооперативного имущества госорганам, проводившаяся в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О расширении прав заводоуправлений в деле снабжения рабочих» от 4 декабря 1932 г.[91], сопровождалась применением этого же принципа, но без лимитирования сроков оплаты; имущество б. ЗРК передано орсам на условиях долгосрочной ссуды.

Взаимоотношения по передаваемому имуществу с отступлением от принципа возмездности устанавливаются лишь в порядке исключения. Так например, передача совхозов Наркомсовхозов и Наркомземом специализированным рабочим кооперативам и военным кооперативам по имущественным ценностям оформляется безвозмездно, а по ценностям оборотным—с оплатой принимающими организациями в течение двух лет равными долями поквартально [92]. Или же действующие культпросветучреждения и культмероприятия, обслуживающие пайщиков, были переданы кооперацией органам Наркомпроса *безвозмездно* [93]. Оба случая—исключения, обусловленные конкретной целевой установкой проведенных мероприятий. Общим же правилом является возмездный порядок перераспределения имущества между фондом государственной и фондом кооперативной собственности.

Основным универсальным принципом управления кооперативным хозяйством является *хозяйственный расчет*. Он внедрен во все поры потребкооперации сверху донизу и определяет структуру ее организации и методы управления кооперативной собственности. Каждая кооперативная организация в хозяйственно-оперативном и имущественном отношениях является самостоятельной. За нею закреплены имущество и капиталы, распоряжение и пользование которыми осуществляется в соответствии с торгово-финансовым планом, утвержденным на текущий год вышестоящим звеном кооперации. Все имущество значится на балансе коопорганизации (ЗРК, сельпо,

---

[91] СЗ 1932. № 80, ст. 489.

[92] См. пост. СТО от 14 декабря 1932 г. № 1567—СЗ 1932, № 82, ст. 511.

[93] См. пост. превид. Центросоюза от 25/VIII 1932 г. № 829, опубл. в «Бюл. Центросоюза» № 25, за 1931 г., с. 470.

райпо, райпотребсоюза и т. д.), обособлено от имущества других звеньев кооперации и может быть изъято только постановлением руководящих организаций потребкооперативной системы [94].

В этой связи следует особо подчеркнуть практику внутрикооперативной ответственности по вертикали потребительской кооперации.

В промышленности имущество и капиталы заводов составляют *единый* капитал треста и значатся на балансе *собственностью* последнего. Поэтому трест несет субсидиарную ответственность по обязательствам заводов. Так например, ст. 14 Положения о взыскании налогов и неналоговых платежей [95] предусматривает возможность обращения взыскания по недоимкам объединений и трестов (государственных) на расчетные счета, товары и имущество предприятий, входящих в данные объединения или трест по указанию последних или, если такого указания не последовало, по усмотрению финоргана. К кооперативным организациям правила ст. 14 не применяются. Постановление ЦИК и СНК СССР от 12 октября 1930 г. «Об ответственности потребительской и промысловой кооперации по вкладам» [96] вопрос об ответственности вышестоящего кооперативного союза по вкладным операциям кооператива решает так: «Если кооператив ликвидируется и у него недостаточно денежных средств для немедленной выплаты вкладов, то вышестоящий кооперативный союз обязан немедленно удовлетворить вкладчиков из своих средств», *но с последующим обратным получением выданных сумм от ликвидируемого кооператива*. Таким образом здесь внутри потребкооперативной системы нет субсидиарной ответственности вышестоящего звена по обязательствам нижестоящих звеньев. Объясняется это тем, что вышестоящие кооперативные союзы не имеют хозяйственно-оперативных функций в их прямом содержании, а являются лишь руководящими, планово-регулирующими органами по отношению к нижестоящим звеньям. В баланс каждого кооперативного союза капиталы и имущество кооперативов (ЗРК, райпо, сельпо и т. д.), в него входящих, включаются лишь *статистически*, для учета. Имущество входящих в трест заводов значится имуществом этого треста, его уставным капиталом, но распределенным между предприятиями. Имущество кооперативов, объединяемых данным союзом, на балансе последнего не значится, а учитывается лишь в *статистическом* порядке. Ни юридически, ни фактически союз собственником имущества объединяемых им кооперативов не является. В публику-

---

[94] Из своего анализа мы исключаем изучение капиталоуправления в отраслевых специализированных производственных, снабженческо-заготовительных и торговых объединениях, организованных на основе майского (1931 г.) обращения ЦК, СНК и Центросоюза. Уставные капиталы им выделяются потребсоюзами (не ниже областного или краевого). Порядок образования капиталов объединений подобного рода ничем не отличается в сущности от того, что имеет место вroспромышленности. Таким образом под кооперативной организацией мы разумеем только исключительно низовку, объединяющую непосредственно членов-пайщиков, и потребсоюзы (тоже автономные секции), но не хозорганы, подчиненные им и имеющие уставные капиталы.

[95] Пост. ЦИК и СНК СССР от 17 сентября 1932 г.—СЗ 1932 г. № 69, ст. 410-б.

[96] СЗ 1930 г. № 51, ст. 530, п. 1.

емые союзами балансы имущество периферии не включается [97]. Потребкооперативная низовка (ЗРК, сельпо, райпо) самостоятельно публикует собственные балансы. То же—и в отношении рассмотрения балансов. Балансы первичных (низовых) кооперативов поступают непосредственно в местные финансовые отделы и рассматриваются отдельно от баланса районного союза [98]. Эта фактическая и юридическая имущественная обособленность первичных кооперативов от союзов обусловливается тем, что имущество первичного кооператива есть собственность (коллективная, общественная) *данного коллектива пайщиков*-трудящихся, недопускающая обезличения.

Принцип имущественной самостоятельности отдельных кооперорганизаций в потребкооперации проводится строго и последовательно. Отсюда—неуклонное проведение принципа возмездности при перераспределении имущества не только между госорганами и кооперацией, но и внутри системы потребкооперации. Так например, по постановлению президиума Центросоюза от 25 апреля 1932 г. «О порядке расчетов за имущество, переданное потреборганизациями трестам Союзпромхлебопечения» [99], основное имущество, приобретенное за счет *собственных* средств потреборганизации, оплачивается трестами Союзпромхлебопечения на протяжении пяти лет равными частями поквартально, начиная с 1933 г. Оплата оборотных ценностей, переданных трестам хлебопечения низовыми коопорганизациями—ЦРК, ЗРК, сельпо, должна быть произведена в два года равными частями поквартально.

Такая децентрализация в организации собственности первичных кооперативов, вытекающая из специфических особенностей имущественных отношений между кооперативами и их пайщиками, имеет место и в организации собственности союзных звеньев потребительской кооперации. Эта децентрализация не умаляет планово-регулирующей роли Центросоюза как центра всей системы потребкооперации, не умаляет его прав по централизованному руководству и управлению кооперативными капиталами, не ослабляет внутренней кооперативной дисциплины.

Дисциплинированность кооперативных организаций в сфере регулирования накопления или имущественных взаимоотношений внутри системы достигается самыми различными методами организационного и финансово-экономического воздействия и со стороны вышестоящих кооперативных звеньев вплоть до Центросоюза, и со стороны соответствующих государственных органов. Достаточно отчетливо методы воздействия, применяемые к недисциплинированным организациям, постулированы в инструкции Центросоюза и Госбанка от 5/III 1932 г. [100] по применению постановления СНК СССР от 15/II 1932 г. «О фонде регулирования оборотных средств потребкооперации» [101].

[97] См. балансы потребсоюзов, публикуемые в газете «Снабжение, кооперация, торговля», например, в № 93 за 22 апреля 1933 г.

[98] См. пост. СНК СССР от 9 февраля 1931 г. № 111—СЗ 1931 № 8, ст. 97, и циркуляр НКФ РСФСР от 8 апреля 1931 г. № 105—«П и Р НКФ РСФСР» № 19 1931 г.).

[99] «Информ. бюлл. Центросоюза» № 14—13, 1932 г., с. 332.

[100] «Информ. бюлл. Центросоюза»» № 8—9, 1932 г., с. 177.

[101] СЗ 1932 г., № 19, ст. 109.

Инструкцией предоставлено право вышестоящим союзным организациям потребительской кооперации применять принудительные платежные распоряжения к нижестоящим коопорганизациям—или неплательщикам, или своевременно не спустившим план-задания по взносам в фонд регулирования, или не представившим необходимые материалы районному (областному, республиканскому) органу Госбанка. Во всех этих случаях органы Госбанка (филиалы, конторы) при отсутствии распоряжения о платеже в установленные сроки самостоятельно списывает суммы с расчетного или текущего счета данной недисциплинированной организации.

Более жесткие санкции применяются к кооперативным организациям, не поместившим 40% своих запасных капиталов в облигации 3-го и 4-го государственных 8-процентных займов. Невнесенные суммы, подлежащие помещению в бумаги госзаймов, взыскиваются с коопорганизаций соответствующими финансовыми органами в бесспорном порядке применительно к правилам, установленным положением о взыскании налогов и неналоговых платежей, с последующей передачей их филиалам Всекобанка[102].

Подобного рода принудительные санкции к недисциплинированным организациям не только кооперативным, но и государственным, стали особенно широко практиковаться с введением кредитной реформы, главным образом с середины 1931 г., в связи с законом об оборотных средствах государственных хозяйственных организаций[103]. Принудительные санкции названы нами принудительными потому, что они применяются аппаратом государственной власти к недисциплинированным организациям, срывающим планы социалистического накопления или финансирования товарооборота кооперации. С точки зрения отдельной недисциплинированной организации—здесь явное принуждение, тогда как с точки зрения народно-хозяйственного плана это всего лишь метод обеспечения его выполнения. К санкциям приходится прибегать всякий раз тогда, там и постольку, когда, где и поскольку обнаруживаются попытки отдельных коопорганизаций «собственные» интересы поставить выше интересов единого плана социалистического хозяйства, свои интересы противопоставить интересам всей кооперативной системы в целом.

Все это имеет огромное значение для воспитания наших многочисленных кооперативных организаций в духе социалистической дисциплины, высшим принципом которой являются интересы диктатуры пролетариата и социалистического строительства.

*

Общесоюзный закон о потребительской кооперации от 20 мая 1924 г.[104], действующий и поныне, лишь в самой общей форме затрагивает вопрос об организации и положении отдельных частей кооперативного имущества (капиталах). Подробно вопрос о различных капиталах потребкооперации регламентируется уставами коопорга-

---

[102] См. п. 4 циркуляра НКФ СССР от 8 декабря 1932 г. № 464 «О порядке образования, хранения и расходования запасных капиталов в кооперации»—БФХЗ № 59—60, 1932 г., с. 30.

[103] Пост. СТО от 23 июля 1931 г.—СЗ 1931 г. № 46, ст. 316.

[104] Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР 1924 г. № 5, ст. 172.

низаций. Уставы предусматривают подразделение средств на капиталы, а также источники, порядок пополнения и целевое назначение их. В полном своем объеме капиталоуправление в кооперации составляет компетенцию правительства СССР и республик, а также Центросоюза непосредственно. Нормальные уставы кооперативных организаций предусматривают образование капиталов: основного (неделимого), паевого и специальных.

Одной из важнейших частей имущества каждой кооперативной организации является так называемый основной (неделимый) капитал. В случае выхода из состава кооперативной организации или полной ее ликвидации основной капитал не подлежит ни возврату, ни распределению среди членов.

Размер основного капитала определяет устойчивость имущественного положения коопорганизации и системы в целом: чем выше основной капитал, тем устойчивее финансовое состояние кооператива, союза, системы. Он является материальной базой процесса обобществления сферы потребления и обращения и занимает ведущую, решающую позицию в системе капиталов потребкооперации. В основной капитал зачисляются вступительные взносы пайщиков и часть прибылей потребсистемы. Из полученной в 1931 г. прибыли в основной фонд по всем звеньям сверху донизу было отчислено 35%; при распределении прибыли за 1932 г. в основной фонд отчисляется: по союзной периферии (кроме райсоюзов) и автономным секциям—45%, по райсоюзам—40%, по ЗРК—55% и по сельпо—50% [105]. Основной капитал пополняется также за счет ассигнований по госбюджету. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 10/VIII 1928 г. предусмотрена выдача долгосрочных ссуд «кооперативным организациям на капитальные затраты, на увеличение оборотных средств и на образование или увеличение основных и специальных капиталов» (ст. I)[106].

Основной (неделимый) капитал служит целям расширенного воспроизводства социалистических отношений.

В плане социалистического накопления роль основного капитала потребкооперации исключительно велика. По-большевистски правильно организовать хозяйственное использование основного капитала и управление им как *единым* капиталом *единой* системы, наладить абсолютное и относительное его увеличение в сочетании с нормальным притоком и экономически целесообразным функционированием *паевого* капитала, при необходимой финансовой и организационно-политической помощи со стороны пролетарской диктатуры (партии, советов, профсоюзов, комсомола и т. д.)—значит обеспечить форсированное укрепление потребкооперативной системы в целом, ее подлинно социалистических качеств.

По нормальным уставам потребительских обществ и союзов основной капитал предназначается на приобретение инвентаря, строений и на покрытие убытков, выявленных по утвержденным

---

[105] См. пост. Центросоюза «О нормах распределения прибылей потребсистемы за 1932 г.» «Информ. бюлл. Центросоюза» № 1—3, 1933 г., с. 29.

[106] СЗ 1928 г. № 52, ст. 451.

балансам[107]. С образованием в 1928 г. запасных капиталов[108] убытки покрываются из запасных капиталов, а не из основного капитала. С другой стороны, назначение основного капитала значительно расширилось. В превратившихся в архаику уставах потребобщества и облпотребсоюза сказано, что основной капитал «предназначается по преимуществу на приобретение строений». Ныне основной капитал расходуется не только на приобретение строений, но и на многочисленные мероприятия по расширению собственных продовольственных источников: огородов, молочных ферм, крольчатников, рыбных угодий и т. п., нуждающихся в огромных и усовершенствованных средствах производства (тракторах, складах, автомобилях и т. п.).

Правовое положение запасного и специальных капиталов ничем не отличается от основного капитала, поскольку при выходе из кооператива или его ликвидации средства из них возврату или распределению между членами не подлежат.

Запасный капитал в потребительской кооперации создан на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 23 мая 1928 г. «О порядке образования, хранения и расходования запасных капиталов кооперации»[109]. До 1928 г. запасного капитала потребкооперация не знала. Назначение запасного капитала—покрытие убытков по балансу. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 августа 1932 г.[110] закон от 23 мая 1928 г. был отменен, а Положение о потребительской кооперации 20 мая 1924 г. было дополнено особой статьей 15, в которой сказано: «В уставе каждой потребительской кооперативной организации должно быть предусмотрено образование запасного капитала». Образуется запасный капитал путем 10-процентного отчисления от чистой прибыли при утверждении годового баланса. Допускается прекращение этих отчислений при условии, если запасный капитал достигнет 20% всех собственных капиталов организации, за исключением паевого. Характер целевого назначения запасного капитала требует, чтобы имеющиеся в нем средства могли быть в случае действительной необходимости быстро и безболезненно для текущей хозяйственной деятельности организации реализованы. Этими соображениями и объясняется строгая регламентация порядка хранения и использования сумм запасного капитала, предусмотренная Наркомфином[111]. Еще законом от 23 мая 1928 г. был установлен такой порядок хранения запасного капитала, при котором 40% сумм капиталов должны помещаться в облигации соответствующих государственных займов. Такой порядок сохранен до сих пор. Циркуляром № 464 Наркомфин Союза установил предельные сроки внесения

---

[107] См. п. 21 норм устава ПО, управляемого общим собранием (СУ 1925 г., № 37, ст. 263), и п. 22 устава обл(край)союза потреб. обществ. (СУ 1925 г. № 15, ст. 97).

[108] См. пост. ЦИК и СНК СССР от 23 мая 1928 г. «О порядке образования, хранения и расходования запасных капиталов кооперации» (СЗ 1928 г. № 34, ст. 299, № 60, ст. 544, 1929 г., № 61, ст. 562, 1930 г. № 57, ст. 599).

[109] СЗ 1928 г. № 34, ст. 299.

[110] СЗ 1932 г. № 65, ст. 379.

[111] См. циркуляр НКФ СССР от 8 декабря 1932 г. № 464 в БФХЗ, № 59—60, 1932 г., с. 30.

запасных капиталов в учреждения Всекобанка коопорганизациями. Невнесение этих сумм к установленному сроку влечет за собою их взыскание финорганами в бесспорном порядке применительно к правилам, установленным Положением о взыскании налогов и налоговых платежей. Причем принудительное взыскание распространяется только на те 40% суммы запасного капитала, которые должны обязательно помещаться в облигации госзаймов.

К специальным капиталам относятся фонды долгосрочного кредитования, улучшения быта рабочих, премирования и культурных и социальных нужд кооперации.

Фонд долгосрочного кредитования занимает особое положение среди капиталов потребительской кооперации; он присущ только советской кооперации и наиболее наглядно демонстрирует единство собственности кооперативной с собственностью пролетарского государства. Впервые этот фонд создан постановлением ЦИК И СНК СССР от 10 августа 1928 г. «Об основаниях долгосрочного кредитования кооперации»[112]. Цель образования фонда—удовлетворить потребности кооперации в долгосрочном кредите: на капитальное строительство, на увеличение оборотных средств и на образование или увеличение основных и специальных капиталов. Этот фонд организован на строго централизованных началах: средства его концентрируются исключительно в кооперативно-банковской системе. Весь фонд делится на общий фонд и фонд специальный. *Общий* фонд составляется в каждой союзной республике для кредитования всех кооперативных систем кроме колхозной из ассигнований по единому госбюджету СССР. Конечный срок возврата в казну государственных средств по РСФСР установлен в 15 лет [113]. Специальный фонд долгосрочного кредитования потребительской кооперации [114] составляется из: а) 35% обязательных ежегодных отчислений от чистой прибыли коопорганизаций; б) 50% амортизационных отчислений; в) капиталов, передаваемых потребкооперацией в коопбанки с целевым назначением на долгосрочное кредитование; г) отчислений от чистой прибыли кооперативных банков по постановлению общих собраний пайщиков; д) ежегодных процентов на капиталы фонда и е) других поступлений. К этому же фонду по своему правовому статусу примыкают специальные вклады потребкооперации для кредитования капитального строительства. Фонд долгосрочного кредита и спецвклады на капитальное строительство «составляют *всесоюзный внутрисистемный фонд* и собираются на основе утвержденных планов Центросоюза»[115]. Еще большая Централизация фонда и мобилизация средств в *плановом* порядке введены с января 1932 г. в связи с образованием фонда регулирования оборотных средств потребкооперации.

Госбанком, Всекобанком и Центросоюзом принята система ежеквартальных платежных распоряжений вышестоящих организаций потребкооперации на нижестоящие и безотзывных платежей прика-

---

[112] СЗ 1928 г. № 52, ст. 451.
[113] СУ 1928 г., № 48, ст. 369, п. 4.
[114] См. пост. ЦИК и СНК от 6 февраля 1930 г.—СЗ 1930 г., № 10, ст. 121.
[115] См. инструкцию Госбанка, Всекобанка и Центросоюза от 9 апреля 1932 г. в БФХЗ № 34, 1932 г., ст. 4. Выделение мое—А. К.

зов [116]. Таким образом достигается исключительная дисциплинированность и обеспечивается равномерное, планом предусмотренное поступление средств в один из решающих в деле усиления и расширения основного капитала кооперации фондов. Система платежных распоряжений и безотзывных приказов знаменует более высокую ступень, достигнутую потребкооперацией в области капиталообразования. Она могла быть введена лишь в определенных политико-экономических условиях развития самой потребкооперации в результате мощного и глубокого внедрения социалистического планирования в управление потребкооперативным хозяйством и его капиталами. Собственность потребкооперации становится более монолитной, а планово-централизованный порядок использования внутри потребкооперативных накоплений становится неизмеримо более эфективным.

Основной капитал потребкооперации в широком смысле слова (со включением ФДК и запасного капитала) поглощает таким образом абсолютно преобладающую массу прибылей, получаемую системой как единым хозяйством. При распределении прибыли за 1931 год в основной фонд отчислено 35%, в ФДК—35%, а всего—70%. За 1932 г. этот размер отчислений в среднем сохранен с весьма незначительными колебаниями: в сторону уменьшения (на 5%) для республиканских, областных и районных потребсоюзов и отраслевых объединений и в сторону увеличения (на 5%) для организаций общественного питания и сельпо. Если прибавить к этому 10-процентные отчисления в запасный капитал, то мы получим 80% всех прибылей, идущих на социалистическое накопление в основные капиталы потребительской кооперации. Этот факт весьма характерен для современного уровня обобществления в потребкооперации.

■

XI сессия совета Центросоюза (май 1929 г.) постановила, что «в основе оборотного капитала потребительского общества должен лежать *паевой* капитал».

В капиталистической кооперации *пай* является методом коллективной организации частной собственности. Экономическое неравенство не устраняется в капиталистическом кооперативе, ибо каждый пайщик, член кооператива, привносит с собой все характерное и свойственное ему как представителю определенного класса или классовой группы капиталистического общества. Это особенно рельефно выявляется в кооперативах, допускающих распределение прибылей в процентном отношении к абсолютной сумме забора товаров, сделанного за определенный календарно-установленный отрезок времени каждым пайщиком [117]. Такой принцип распределения

---

[116] Там же, п. 1 циркуляра № 808/30025-ф-23.

[117] В русской дореволюционной кооперации такой принцип распределения прибылей был санкционирован II всероссийским кооперативным съездом, состоявшимся в Москве в 1908 г.

В резолюции по вопросу «О распределении прибылей» мы читаем: 1. Потребительные общества в избытке доходов над расходами имеют н е п р и б ы л ь, а с б е р е ж е н и я с в о и х ч л е н о в. 2. Часть доходов, получен-

прибыли естественно ориентирован на наиболее зажиточные и обеспеченные слои городского населения, на долю которых падает преобладающая часть получаемых капиталистическими кооперативами прибылей. Вытекающее из эксплоататорской природы производственных отношений капитализма экономическое неравенство дополняется и неравенством в сфере обращения.

Принципиально иное качество присуще паю в советской потребительской кооперации. Здесь пай выполняет диаметрально-противоположную капиталистическому паю роль. В условиях пролетарской диктатуры он становится своеобразной «зацепкой» в деле социалистического обобществления сферы личного субъективного потребления широчайших трудящихся масс города и деревни. Пай становится одним из массовых и важнейших методов мобилизации средств многомиллионных кооперированных масс трудящихся для организации распределения и непосредственного личного потребления.

В 1924 г. XI сессия совета Центросоюза подчеркнула, что пай «должен служить *средством материальной связи членов с организацией*»[118]. В то время эта формулировка неплохо отражала суть и назначение пая. Значение паевого капитала для того периода удачно было сформулировано М. Коротковым. В его брошюре сказано: «Паевой капитал ценен тем, что он является организованным капиталом самого населения»[119]. Ясно, что теперь, когда потребительская кооперация охватывает 73 миллиона трудящихся, хозяйственно-политическая роль ее паевого капитала колоссально возросла. Но остается правильным положение, что «в основе оборотного капитала потребительских обществ должен лежать паевой капитал». До сих пор это положение является руководящим принципом политики накопления капиталов и управления ими в потребительской кооперации.

С 1924 г. методы образования паевого капитала претерпели *принципиальные* изменения. Вплоть до начала 1929 года обязательный паевой взнос устанавливался в одинаковом, точно фиксированном размере для всех членов кооперации безотносительно к номинальному уровню их заработной платы.

ная от операций общества не с членами, никоим образом не должна итти в распределение между членами. 3. Члены имеют право на получение только той доли доходов, которая составляет их собственные переплаты (сбережения). 4. Пай (членский взнос) не имеет никакого права на участие в прибылях и оплачивается тем же процентом, как и другие оборотные средства, привлекаемые обществом в виде вкладов. Общество покупает деньги как товар по их рыночной цене. Необходимо, чтобы некоторая часть прибыли выдавалась членам в виде дивиденда на забор на руки (см. «Сборник практических указаний для учредителей и руководителей потреб. обществ», 1917 г., с. 418). Выделение везде мое—А. К.

Документ примечательный в том отношении, что он является практическим средоточием и выражением пошлой, вульгарной теории «кооперативного солидариата» Тугана-Барановского в самом ее обнаженном виде.

[118] См. п. 15 резолюции XI сессии совета Центросоюза от 7 мая 1924 г. по докладу «Об очередных задачах потребительской кооперации», опублик. в газете «Кооперативное дело» № 20, за 1924 г.

[119] М. Коротков, Организационные вопросы современной кооперации, 1926 г., с. 50.

По закону о потребительской кооперации от 20 мая 1924 г. пай был установлен в сумме *пяти* рублей (см. ст. 7 закона). В 1926 г. для городской и рабочей сети пай был увеличен до 15 руб., для сельской сети—до 10 руб.[120]. Различным группам пайщиков предоставлялась различная рассрочка платежа. Никакой диференциации пай не имел. С переходом к реконструктивному периоду вопрос о паевых взносах был поставлен в иную плоскость. VIII съезд профсоюзов (декабрь 1928 г.) вынес решение о переходе рабочей кооперации на систему *диференцированного пая*. Практиковавшаяся до того паевая уравниловка была уничтожена. Система дифпая построена на основе персонального учета суммы доходов и прогрессивного установления, в соответствии с нею (суммой дохода) определенной ставки паевого взноса для каждого пайщика. Для низкооплачиваемых групп рабочих и служащих, колхозников или единоличников, имеющих незначительные годовые доходы, пай устанавливается в минимальном размере, тогда как для высокооплачиваемых рабочих и служащих или единоличников, имеющих годовую доходность выше средней, ставки пая установлены в максимальном размере, при относительном сокращении сроков уплаты. Переход на дифпай мотивировался необходимостью улучшить качество обслуживания рабочего потребителя, расширить сеть потребкооперации, усилить работу с.-х. продуктами, высвободить государственные средства из потребкооперативного оборота для успешного осуществления индустриализации страны, обеспечить строительство столовых, хлебозаводов и т. п. недопустить повышения издержек обращения. Проведение этих мероприятий тормозилось крайне недостаточным темпом роста капиталов потребкооперации. Этими обстоятельствами и было продиктовано постановление VIII съезда профсоюзов о дифпае, в силу которого значительно усиливалось материальное участие кооперированного населения в финансировании не только кооперативного оборота, но что исключительно важно—и капитального строительства потребительской кооперации. Прежний размер пая ни в какой мере не обеспечивал осуществления этих огромных задач, вытекавших из новой политико-экономической обстановки в стране и из плана первой пятилетки.

Дифпай был введен постановлением ЦИК и СНК СССР от 6 февраля 1929 г.[121], где было установлено что «размер паевых взносов в потребительские общества устанавливается общим собранием членов (собранием уполномоченных), причем для различных групп пайщиков, *в зависимости от их имущественного положения*, могут быть установлены различные размеры паевых взносов (диференцированные паевые взносы)».

Одновременно был принят минимум-максимум дифпая: для города от 15 до 50 руб., для села от 10 до 40 руб.

ВЦСПС и Церабсекция в своем обращении к членам профсоюзов переход на дифпай объясняли необходимостью «усилить приток паевых капиталов, создать более справедливое соотношение в паевом

---

[120] См. «Информ. бюлл. Центросоюза» № 23, 1926 г., с. 13.
[121] «Известия ЦИК» № 33 от 9/II 1929 г.

участии в кооперации и вместе с тем не столь обременительное для низкооплачиваемых групп рабочих и служащих»[122].

Система дифпая целиком оправдала возлагавшиеся на нее надежды. Темпы капиталонакоплений в потребкооперации отчетливо иллюстрируют огромный положительный результат внедрения дифпая как *социалистического* принципа материального участия кооперированного населения в обобществлении сферы товарооборота. С октября 1929 г. по январь 1932 г. паевой капитал увеличился с 510 до 1432 млн. руб., т. е. почти в 3 раза. За один только 1931 г. собрано 555 млн. руб. паевого капитала. Значительно возросла *средняя* величина паевого капитала, приходящаяся на каждого пайщика: с 6 р. 68 к. по селу и 9 р. 47 коп. по городу в 1928 г. она поднялась соответственно до 17 р. 02 к. и 22 р. 20 к. в 1931 г. Паевые взносы членов кооперации составляют главный и основной источник ее оборотных капиталов. Огромный рост последних позволил союзному правительству поставить перед советской потребительской кооперацией новую кардинальнейшей важности задачу—высвободить задолженность кооперации государству к 1 января 1934 г.[123] и полностью перейти на собственные оборотные средства с тем, чтобы обеспечить финансирование весьма бурно развертывающегося товарооборота в дальнейшем.

Для советской кооперации правовая основа пая дана ленинским принципом кооперирования. Один из важнейших постулатов, тщательно подчеркнутый Лениным в статьях «О кооперации», а именно: соединение «частного интереса» каждого трудящегося с интересом кооперативной организации и «подчинение» этого «частного интереса» «общим интересам», т. е. интересам социалистического строительства,—этот постулат *практически* осуществляется в форме пая. Сочетая конкретные права пайщиков с правами кооператива, паевая форма является подлинно социалистической «зацепкой» за частный интерес; она обеспечивает реальное преобладание, приоритет, руководящее положение за интересом «общим», т. е. интересом кооператива, осуществляющего социалистическую политику в своей хозяйственно-оперативной работе. Правовая конструкция пая определяется совокупностью хозяйственно-политических задач советской кооперации, вытекающих из конкретно-исторических условий ее существования и развития при диктатуре пролетариата.

Будучи своеобразной массовой формой и средством социалистического кооперирования многомиллионного населения трудящихся города и деревни переходного от капитализма к коммунизму периода—пай является выражением коллективно-социалистического типа собственности. Коллективно-социалистическая кооперативная собственность в форме пая двойственна. С одной стороны, пай—собственность каждого данного пайщика, со всеми вытекающими из этого факта юридическими последствиями. С другой стороны, пай находится в непосредственном распоряжении коллектива, кооперативной организации. Эта «двойственность» и «противоречивость» снимается

---

[122] См. циркулярное письмо ВЦСПС и Церабсекции от 20 февраля 1929 г. № 45 в «Информ. бюлл. Центросоюза» № 8, 1929 г., с. 210.

[123] См. пост. СТО от 15 марта 1932 г. «О порядке погашения потребкооперацией старой задолженности Госбанку».

формой паевого капитала, являющегося собственностью кооператива, т. е. коллектива пайщиков.

По закону «О потребительской кооперации» от 20 мая 1924 г. член кооператива лишен права по собственному желанию и усмотрению передавать пай другим лицам (ст. 8). Член потребительского общества не может также (не имеет права) отчуждать и передавать пай или закладывать его. Он может, конечно, потребовать от кооператива возвращения ему пая и оперировать полученной суммой по своему усмотрению. Но сумма, возвращенная данному лицу при выходе его из членов кооператива, уже *теряет* природу пая. Данная сумма является паем лишь постольку, поскольку она связана с фактическим и непременно личным членством конкретного гражданина-трудящегося, поскольку она опосредствует определенного содержания взаимоотношения между членом и потребительским обществом. Как только прекращаются отношения членства, с данной суммы одновременно сбрасывается паевая форма. Значит, как только потребительское общество *перестает распоряжаться* данной суммой средств, последняя лишается и юридических качеств и признаков пая. Отсюда следует, что *пай* как специфически кооперативная категория составляет собственность кооператива. Из этого принципа и исходит наше законодательство о кооперации. К тому, что уже сказано об ограничении прав собственности пайщика на внесенную им в кооператив сумму, следует добавить, что пай забронирован от взысканий со стороны третьих лиц —кредиторов пайщика. Ст. 10 Положения о потребительской кооперации гласит: «Никакие взыскания, предъявляемые к членам потребительского общества, не могут быть обращаемы на их паевые взносы, поступившие в распоряжение потребительского общества». Аналогичное правило формулировано в п. «в» ст. 271 ГПК РСФСР, а также в «Положении о взыскании налогов и неналоговых платежей» в редакции 17 сентября 1932 г.[124].

Конституционная неприкосновенность пая для третьих лиц не распространяется однако на кооперативную организацию, членом которой состоит пайщик. В своем протокольном постановлении от 4 февраля 1929 г. по п. «в» ст. 271 ГПК Верховный суд РСФСР разъяснил: «Взыскание не может быть обращено на паевые взносы должника в кооперативные организации лишь только до тех пор, пока должник остается членом этой организации. При подаче заявления о выходе из кооперативной организации паевой взнос, согласно нормального устава, подлежит возвращению «не ранее учинения расчетов с обществом». И на вопрос о том, имеет ли право кооперативная организация «на бесспорное погашение задолженности выбывающего члена кооператива путем удержания из подлежащих возвращению паевых взносов», Верхсуд РСФСР ответил утвердительно, указав, что взыскание может иметь место и вне зависимости от того, «переходит ли выбывающий член кооператива в другую кооперативную организацию или совсем выбывает из кооперации»[125]. Такое же разъяснение было дано ранее Центросоюзом в директиве местам

---

[124] СЗ 1932 г. № 69, ст. 410-б, п. 19, абз. «л».

[125] См. протоколы Верхсуда РСФСР за 1929 г. № 4 от 4 февраля, п. 2.

«Об облегчении перехода пайщиков из одного потребительского общества в другое» [126]. Центросоюз исходил при этом из точного смысла § 18 нормального устава потребобщества, где сказано о возвращении паевых взносов выбывающим членам лишь по учинении ими расчетов с обществом.

В приведенных разъяснениях Верхсуда РСФСР и Центросоюза о праве потребительского общества удерживать задолженность пайщика из подлежащих ему возврату паевых взносов при выбытии из такового, приобретет права собственности потребительского общества на паевые взносы выражен в достаточно категорической форме.

Неприкосновенность пая прекращается как только член общества подал заявление о выбытии из последнего. С подачей такого заявления механически отменяются запрещения, предусмотренные ст. 10 декрета от 20 мая 1924 г. и п. «в» ст. 271 ГПК, даже если паевые суммы не были еще возвращены кооперативом выбывающему члену. На практике возможно такое положение, когда по иску третьих лиц будет обращено взыскание на сумму паевого взноса, находящуюся в обороте кооператива и подлежащую возвращению выбывшему из него члену, но по тем или иным причинам еще фактически ему не врученную. Ошибочно распространение этого правила на паи лиц, переводящихся из одного потребительского общества в другое, как это неосторожно в свое время было сделано Центросоюзом. Последний считал, что так как пай переводящегося в другое потребительское общество члена подлежит также переводу, то право распоряжения им со стороны данного общества прекращается, а потому запрещение, санкционированное п. «в» ст. 271 ГПК, на такие суммы уже не должно распространяться. Подобный вывод совершенно ни на чем не основан и даже, напротив, в корне извращает принципы потребительской кооперации как единой системы хозяйства. Он игнорирует тот факт, что данное лицо, хотя и переводящееся в другую организацию, состоит членом единой кооперации. Кооперативная практика в этом вопросе за последний год встала на иной путь, подтверждающий реальное *единство* кооперации. Проведенная унификация части паевых накоплений, в связи с образованием фондов долгосрочного кредитования и регулирования оборотных средств в потребительской кооперации, послужила мотивом к отмене перевода паев. В постановлении от 5 марта 1932 г. президиум Центросоюза, «учитывая, что значительная часть паевого капитала поступает в централизованные фонды (ФДК, фонд регулирования)», отменил перевод паев пайщиков [127]. Позднее были отменены переводы специальных взносов на капитальное строительство, пригородное и лавочное строительство[128].

Вопрос об имущественной ответственности пайщиков по обязательствам кооператива в первоначальной редакции нормального устава потребительского общества решался в смысле дополнительной, кратной к паю материальной ответственности пайщиков по обяза-

---

[126] См. «Информ. бюлл. Центросоюза» № 44, с. 5.
[127] См. «Информ. бюлл. Центросоюза» № 7, 1932 г., с. 147.
[128] «Информ. бюлл. Центросоюза» № 10—11, 1932 г., с. 232.

тельствам общества. В ст. 5 нормального устава потребительского общества, управляемого собранием уполномоченных, было сказано: «По своим обязательствам общество отвечает всем своим имуществом и сверх того в пределах дополнительной ответственности своих членов». А ст. 13 прямо указывала на эту дополнительную ответственность в кратном размере обязательного паевого взноса[129]. Пределы кратности определялись общим собранием уполномоченных данного потребобщества. С переходом на дифпай, расширением практики целевых авансов и вкладов, а также дополнительных специальных взносов на капитальное строительство и т. д. дополнительная ответственность пайщиков по делам кооператива постановлениями союзного правительства [130] и правительства РСФСР [131] была совершенно упразднена. Нормальная ответственность лимитирована полным, причитающимся с члена, паевым взносом (а не суммой, фактически им внесенной). Если член потребительского общества имеет задолженность по паевым взносам, то привлечение его к покрытию долгов по обязательствам общества будет иметь место в размере пая, установленного для него, безотносительно к тому, полностью он внесен им или только частично. Момент материальной ответственности пайщиков по обязательствам кооператива обусловливается коллективной природой имущественных отношений и характером взаимоотношений, построенных *на паевой* системе образования капиталов. Один из важнейших признаков пая заключается в установлении имущественной ответственности пайщиков по делам кооператива. Запрещение взысканий на паи членов кооператива по искам третьих лиц продиктовано тем, чтобы обеспечить не только нормальную хозяйственно-оперативную деятельность кооператива, но и участие пайщиков в имущественной ответственности по его операциям. Эти же соображения были учтены при установлении порядка возвращения паев выходящим или исключаемым из членов кооператива лицам; а именно: пай возвращается «в течение трех месяцев по утверждении отчета за тот операционный год, в котором они выбыли» (§ 19 норм. устава потребительского общества, управляемого собранием уполномоченных).

Участие пайщиков в распределении прибылей общества, практиковавшееся до 1928 г., в настоящее время отменено.

Таковы имущественные отношения между потребительским обществом и его членами, опосредствуемые паем.

Буржуазные юристы выдвигают другие конструкции пая и паевого капитала.

На страницах «Право и жизнь» В. Малченко констатировал, что «паевой капитал в качестве капитала *оборотного* принадлежит... в целом кооперативному коллективу, *юридическому* лицу. Паевой капитал даже забронирован за последним против взысканий по долгам членов... Но самый факт законодательного забронирования его показывает, что тут имеется, так сказать, *временное состояние*

[129] СУ 1925 г. № 37, ст. 262.
[130] Пост. ЦИК и СНК СССР от 6 февраля 1929 г., § 2.
[131] СУ 1929 г. № 28, ст. 298.

принадлежности паев коллективу, а не полное право собственности»[132]. Проф. Л. И. Поволоцкий на том основании, что паевой капитал подлежит возврату пайщикам, считает его капиталом *заемным* [133]. Малченко и Поволоцкий сходятся на том, что кооператив не имеет полного права собственности на паевой капитал. Н. Озерецковский, отрицая отнесение паевого капитала к заемному, пишет: «Кооперативная организация *не вправе* считать суммы паевых взносов таким капиталом организации, который находится в ее неотъемлемом, так сказать, вечном распоряжении»[134]. Этот свой вывод он обосновывает правом члена потребовать обратно паевой взнос при выходе из кооператива.

Момент возвращения пая члену кооператива составляет *решающий* довод буржуазных юристов в пользу отрицания «неотъемлемого» права собственности кооперативной организации на паевой взнос. Столь преувеличенное значение, которое буржуазные юристы придают праву члена кооператива на обратное получение паевого взноса, обусловливается их взглядом на кооператив, как на «товарищество с переменным составом членов и с переменным капиталом» [135]. Но разве эта десятистепенного значения особенность кооперации подрывает в какой-нибудь мере право собственности кооперативных организаций на паевой капитал? Забывают, что выход из членов кооператива—в высшей степени редкое явление в практике советской кооперации. Паевой капитал приобрел у нас твердо-стабильный и устойчивый характер. Забывают, далее, строгое ограничение права обратного востребования паевых взносов определенными, точно фиксируемыми в уставах сроками, благодаря чему обеспечивается максимальное постоянство и прочность размера паевого капитала. Забывают и то, что кооператив *полностью* распоряжается всем паевым капиталом в соответствии с текущими нуждами и потребностям своего хозяйства.

Камнем преткновения для всех буржуазных юристов является проблема отношения между общим и частным. Для буржуазного мышления, изучающего все сквозь очки частной собственности и от нее отправляющегося, вопрос о собственности кооператива и собственности его члена на пай также неразрешим, как например, и вопрос о собственности государства на имущество треста или о собственности на командные высоты пролетарского государства и каждого данного рабочего. Коренной методологический порок буржуазной конструкции права собственности на пай кооператива и пайщика заключается в *метафизическом* подходе к проблеме. Собственником пая является *или* пайщик *или* кооператив. Такая недооценка различий при полном забвении единства и общности есть в конечном счете результат игнорирования социалистического характера отно-

---

[132] Статья В. Р. Малченко, Текущие вопросы кооперативного права, «Право и жизнь» № 7—8, 1923 г., с. 60.

[133] Л. И. Поволоцкий, Основные начала кооперативного права СССР, 1925 г., с. 79.

[134] Н. Озерецковский, Правовая организация советской кооперации, 1927 г., с. 145.

[135] Е. Штандель, Курс сов. кооперативного права, Харьков 1926 г. с. 34 и Л. И. Поволоцкий, цит. соч., с. 70.

шений в советской кооперации и социалистического характера кооперативной собственности, результат отождествления советской кооперации с коллективной по форме, но частно-собственнической по существу, капиталистической кооперацией.

Вместо того, чтобы теоретически осмыслить *конкретные*, в действительной жизни сложившиеся отношения между кооперативом и его членами, вскрыть реальное содержание производственных отношений в ней, исходя из факта существования пролетарской диктатуры, вместо всего этого буржуазные теоретики свой научный анализ сосредоточивают на чисто формальных юридических признаках. Отрыв формы от содержания и подмена содержания формой— вот методологическая база теоретических построений буржуазной юриспруденции.

*

Для правового анализа капиталоуправления в потребительской кооперации имеют большой интерес мероприятия, осуществленные в 1931 и 1932 гг. в связи с коренной реорганизацией системы, методов и форм кредитования и накопления в потребкооперации. Одна из задач финансовой политики пролетарской диктатуры на данном этапе состоит в том, чтобы обеспечить формирование оборотных капиталов кооперации и капиталов на капитальное строительство исключительно за счет собственных внутренних ее накоплений.

При этих условиях капиталоуправление необходимо построить на принципах, обеспечивающих хозяйственно-целесообразное, гибкое, максимально-эффективное и конкретное маневрирование кооперативными капиталами. Мощное развертывание социалистического строительства в СССР, сооружение новых городов, фабрик, заводов, рост городского населения вообще, интенсивное развитие совхозного и колхозного строительства требуют создания широкой сети магазинов, столовых, хлебозаводов, товарно-складского хозяйства. В этих условиях и учитывая общий недостаток собственных средств у потребкооперации, задача капиталоуправления приобретает первостепенное значение, особенно в связи с необычайно неравномерным распределением имеющихся капиталов между отдельными звеньями системы потребкооперации.

Система капиталоуправления, существовавшая до майского, 1931 г., обращения ЦК, СНК и Центросоюза, страдала весьма существенными недостатками. Она не стимулировала накопления в кооперативных организациях, особенно в низших звеньях. Твердые лимиты для изъятия накопления у низовых организаций отсутствовали; отсюда—неустойчивость и обезличка в финансовой работе низовки и массовые перегибы в части изъятия средств вышестоящими органами; отсюда—крайне несвоевременное поступление платежей в централизованные фонды от периферии и т. д.

В 1931 и 1932 гг. правительством и Центросоюзом были проведены мероприятия, коренным образом реорганизовавшие практику управления капиталами в потребительской кооперации.

Организация капиталоуправления в потребкооперации в настоящее время осуществляется посредством двух внутрисистемных фон-

дов: фонда регулирования и фонда долгосрочного кредитования. О ФДК мы уже говорили выше, к сказанному добавим, что ФДК складывается из отчислений не только от прибылей, но и от прироста *паевого* капитала периферии.

Фонд регулирования был сформирован по постановлению Президиума Центросоюза в ноябре 1931 г. [136]. Его целевое назначение: пополнение оборотных капиталов существующих коопорганизаций и формирование оборотных средств вновь возникающих организаций.

СНК СССР постановлением от 15 февраля 1932 г. внес ряд существенных изменений в принципы построения и образования фонда регулирования [137].

Важнейшие эти изменения сводятся к следующим трем моментам:

1. Управление фондом строго централизовано в Центросоюзе, чем достигается возможность осуществить действительно гибкое маневрирование капиталами внутри кооперативного хозяйства. Введена система *автоматических* перечислений банком с расчетных счетов периферийных звеньев в фонд регулирования по приказам вышестоящих организаций, а также бесспорных взысканий в отношении ссуд, выдаваемых из фонда. Метод платежных распоряжений и бесспорных взысканий гарантируют аккуратное поступление взносов и своевременное возвращение средств.

2. Общая сумма изъятий во все централизованные фонды лимитирована максимумом в 80%, чем создается заинтересованность в накоплении прибылей и паевых взносов. Для усиления стимулов к накоплению Центросоюз ввел дополнительные льготы для коопорганизаций, перевыполняющих планы паенакопления; в фонды может быть отчислено не свыше 30% суммы перевыполнения контрольных цифр плана по паевым взносам, а 70% остается в распоряжении организаций.

3. Отчисления в фонд регулирования производятся в определенном проценте от плана прибылей и прироста паевого капитала, с последующими перерасчетами дважды в год при переплатах или недовзносах. Этим новый принцип косвенно контролирует выполнение планов и одновременно сигнализирует коопорганизации о прорывах в ее финансовом хозяйстве.

Особенно большое значение имеет то, что Центросоюз диференцирует процент отчислений в фонд регулирования по отдельным звеньям, но в пределах 80% доходов по совокупности для всей системы.

Диференциация эта исходит из необходимости увеличить оборотные капиталы отдельных звеньев периферии, в соответствии с их хозяйственно-политическими задачами на каждом данном отрезке текущего года. Например, крайняя слабость и исключительная неустой-

---

[136] «Информ. бюлл. Центросоюза» № 30 1931 г., с. 606.

[137] Пост. СНК СССР от 15/II 1932 г. «О фонде регулирования оборотных средств потребительской кооперации»—СЗ 1932 г. № 19, ст. 109.

«С февраля 1933 г. порядок отчислений в фонд регулирования изменен: отчисления производятся не с суммы, запроектированной планом паенакопления, а с фактического размера паевых взносов, полученных за истекший квартал данной кооперативной организацией». См. «Информ. бюлл. Центросоюза» за 1933 г. № 4—6, с. 15.

чивость оборотных средств в сельпо побудила Центросоюз в 4 квартале 1932 г. 60% паевых накоплений оставить в сельпо [138].

В целях поднятия производительности труда на основе социалистического соревнования и ударничества работников прилавка торговой сети потребительской кооперации, а также стимулирования среди них технических усовершенствований и рационализаторской инициативы, во всех звеньях системы организуются фонды премирования. Общий фонд премирования разделен на два самостоятельных фонда: а) премирования за выполнение и перевыполнение промфинплана и б) премирования за изобретения, технические усовершенствования и рационализаторские предложения. Фонд премирования за выполнение и перевыполнение промфинплана организуется:

а) в производственных предприятиях потребкооперации с количеством работающих в 25 чел. и выше (хлебозаводы, столовые, плодоовощные и животноводческие совхозы, чаеразвесочные фабрики и т. п.)—из ½% отчислений с плановой суммы фонда зарплаты за счет фактической экономии, полученной в результате соцсоревнования, ударничества и перевыполнения плана;

б) при всех производственных объединениях, автономных секциях республик, краев, областей, трестах (хлебопечения, нарпита и т. п.), райсоюзах и горпотребсоюзах (МСПО, ЛСПО, Баксоюз)—из шестипроцентных отчислений из фондов премирования производпредприятий, входящих в состав данного объединения или треста для премирования руководящего состава производственных предприятий;

в) при Всекоопите, Союзпромхлебопечении и Чаеразвесобъединении Центросоюза для премирования лучших предприятий—из 10% отчислений от средств, направляемых на жилищное и культурнобытовое строительство в этих организациях, и

г) при всех звеньях аппаратов системы (от Центросоюза до ЗРК, горпо или рабкоопа) для премирования работников управленческих аппаратов.

Фонды премирования за изобретения, техусовершенствования и рацпредложения образовываются при всех производственных предприятиях, причем фонд при Центросоюзе составляется: а) из остатков всесоюзного фонда содействия изобретательству, б) за счет спецассигнований по сметам Центросоюза и в) из 10% отчислений от соответствующих фондов всесоюзных автономных секций, республиканских, краевых и областных потребсоюзов.

В основу организации фондов премирования и использования их положено постановление ЦИК и СНК СССР от 13 августа 1931 г. «О введении в действие положения о фондах премирования за достижения...»[139].

После майского обращения 1931 г. Центросоюз и все без исключения потребкооперативные организации культурное обслуживание (кино, радио, библиотеки) своих членов и детские учреждения пере-

---

[138] См. пост. президиума Центросоюза от 25 сентября 1932 г. № 952—«Информ. бюлл. Центросоюза» 1932 г., с. 689.

[139] СЗ 1931 г. № 52, ст. 337.

дали соответствующим государственным органам, с сохранением определенных отчислений кооперации на культобслуживание пайщиков.

Отчисления на культнужды переводятся потребительской кооперацией НКЗдраву и НКПросу через Наркомфин в централизованном порядке, по квартальным или годовым планам-заданиям, даваемым Центросоюзом своей периферии. Таким образом потребкооперация участвует в финансировании государственных мероприятий по реализации ленинского плана культурной революции.

Наконец, в системе потребкооперации имеется «фонд по улучшению быта рабочих и служащих», конструируемый в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1928 г. [140].

---

[140] СЗ 1928 г. № 43, ст. 387.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ДОГОВОРНОЙ КАМПАНИИ 1933 г.[1]

Г. АМФИТЕАТРОВ

I

Договорная кампания 1933 г. опирается на грандиозные по своим размерам и своему значению итоги первой пятилетки. Она непосредственно связана с задачами, стоящими перед второй пятилеткой. Одержанные героические победы на фронте борьбы за выполнение первой пятилетки в 4 года превратили Советский союз из страны аграрной и отсталой в страну индустриальную и передовую, заложили прочный фундамент социалистической экономики, колоссально усилили мощь пролетарского государства и несомненно войдут в железный фонд истории как образец того, чего может добиться непреклонная большевистская воля, организующая в единый коллектив миллионы трудящихся масс.

Победы, каких добилась Страна советов под руководством ленинской партии и ее вождя т. Сталина, обеспечили абсолютный перевес социалистических элементов во всей системе народного хозяйства, сделали их преобладающими в стране. Этот факт является исходным для определения и уяснения задач второй пятилетки. «Поскольку и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в товарообороте между городом и деревней социалистические элементы уже прочно заняли господствующее положение, постольку,— говорит т. Молотов,— в вопросе о дальнейшем продвижении социалистических форм мы, продвигаясь и дальше вперед, не ставим каких-либо новых крупных задач количественного порядка»[2].

Какие же задачи стоят теперь перед нами?

«В период первой пятилетки мы сумели организовать энтузиазм, пафос *нового строительства* и добились решающих успехов,— говорит т. Сталин.— Это очень хорошо. Но теперь этого недостаточно. Теперь это дело должны мы дополнить энтузиазмом, пафосом *освоения* новых заводов и новой техники, серьезным поднятием производительности труда, серьезным сокращением себестоимости.

---

[1] В основу статьи положена стенограмма докладов на бригаде хоз. права ИССП Комакадемии 26/I 1933 г. и на Бюро юрисконсультов при Мособлпрокуратуре 2/II 1933 г.

[2] Молотов, Задачи первого года второй пятилетки, 1933 г., с. 4.

В этом теперь главное»[3]. Вторая пятилетка, в отличие от первой пятилетки, будет по преимуществу «пятилеткой *освоения* новых предприятий в промышленности, пятилеткой *организационного укрепления* новых предприятий в сельском хозяйстве — колхозов и совхозов, что, конечно, не исключает, а предполагает дальнейшее развитие нового строительства»[4]. Эти новые задачи, будучи гораздо сложнее и труднее задач, стоявших перед первой пятилеткой, упираются в проблему *коренного улучшения качества работы* не только в области технической, не только в области производства, но буквально на всех участках нашей работы. Всестороннее улучшение качества работы во всех областях народно-хозяйственного и социально-культурного строительства получает, таким образом, значение общей директивы, под знаком которой должна строиться и протекать теперь вся наша работа. Тов. Молотов особенно подчеркнул эту мысль, когда сказал: «Поднятие производительности труда в промышленности и улучшение качества промышленной продукции в соответствии с установленным хозяйственным планом потому должны быть поставлены в центре внимания нашей хозяйственной работы в этом году, что осуществление этих задач требует решительного улучшения всей нашей работы — партийной, советской, хозяйственной и профсоюзной»?[5].

Эти выводы из исторических решений ЦК и ЦКК имеют прямое, непосредственное отношение к договорной кампании 1933 г. Они являются отправными для определения задач этой кампании. В соответствии с ними первейшим и важнейшим требованием к договорной кампании надо считать требование решительно *повысить качество заключаемых договоров*. Если в минувшие два года мы вели борьбу по преимуществу за наиболее полный охват договорами всей системы хозяйственных связей, то в текущём году задача действительного внедрения договорного начала в работу наших хозорганов стоит, прежде всего, как *задача улучшить качество договоров*. В этом в сейчас *центр тяжести вопроса*.

Улучшение качества договоров имеет в условиях советского хозяйства глубоко принципиальное значение и неразрывно связано с самою ролью советского хозяйственного договора. Эта роль станет особенно ясной, если хотя бы кратко взглянуть на те коренные отличия, которые разделяют советский хозяйственный и буржуазный гражданский договор по содержанию. Договор буржуазного права — плоть от плоти и кость от кости всей капиталистической системы хозяйства. Он призван укреплять ту почву, на которой сам вырос: *анархию капиталистического производства и обмена он утверждает как норму*. Превращенные в стандарт договорные отношения становятся законом, в котором начала свободной конкуренции объявляются ultima ratio всего капиталистического оборота. Поскольку же «основной организующей силой анархически построенного капиталистического общества является стихийно растущий вширь и вглубь рынок,

---

[3] Сталин, Итоги первой пятилетки, 1931 г., с. 25.
[4] Резолюция объед. пл. ЦК и ЦКК ВКП(б), янв. 1933 г., с. 13.
[5] Молотов, Задачи первого года второй пятилетки, 1930 т., с. 18.

национальный и интернациональный» [6], постольку договор не может быть здесь ничем иным, как той юридической формой, в которой проявляет и утверждает себя стихийный закон стоимости. *Договор буржуазного права это стало-быть организованная форма выражения анархии капиталистического хозяйства.* Но этот договор не только анархичен, он и антагонистичен по самой природе своей. Правда, он выступает по форме как соглашение, как «согласное изъявление воль». Но *это соглашение есть в действительности антагонистическая форма связи, выражение и продукт классовой борьбы.* Даже так называемые переговоры, которые предшествуют заключению договора и совершаются по всем правилам искусства буржуазной цивилистики (оферт, акцепт, перфекция), являются не более, как одной из перипетий этой борьбы. Она завершается в виде юридически «свободного» соглашения сторон, например, в акте купли-продажи рабочей силы. А в чем заключается классовый смысл этого юридически свободного соглашения, показал еще Маркс в незабываемой по своей выразительности картине: «Бывший владелец денег,—говорит он,—шествует впереди как капиталист, владелец рабочей силы следует за ним как его рабочий; один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу; другой бредет понуро, упирается как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить» [7]. Картина останется тою же, если мы возьмем договор, в котором действующими лицами будут на одной стороне землевладелец, банкир, а на другой—земледелец, мелкий ремесленник и т. д. [8]. В основе договора буржуазного права лежит следовательно отношение эксплоатации, антагонистическая связь непримиримых классовых противоречий.

Диаметрально противоположными чертами характеризуется советский хозяйственный договор. Он прежде всего лишен черт классового антагонизма, ибо отношения между двумя основными в переходный период классами—пролетариатом и трудящимся крестьянством—опираются на прочный союз, направленный против капиталистических элементов, против закабаления человека человеком. Пролетарская революция, свергнув помещиков и капиталистов, практически решает историческую задачу уничтожения всех классов и построения такого общества, где не может быть места отношениям эксплоатации. Поэтому советский хозяйственный договор, будучи правовой формой хозяйственных связей в процессе социалистического строительства, органически несовместим с отношениями эксплоатации и активно противостоит им.

Особенно ясным становится это теперь, когда социалистические отношения стали абсолютно преобладающими в стране, когда идут ко дну и гибнут, оказывая бешеное сопротивление, последние остатки капиталистических классов, когда на основе законченного постройкой фундамента социалистической экономики уже начинают вырисовываться контуры грандиозного здания социализма. Наш

---

[6] Ленин, т. XXII, с. 440.
[7] Маркс, Капитал, т. I, 1931 г., с. 118.
[8] Стучка, Курс советского гражданского права, т. I, с. 216—217.

хозяйственный договор выступает сейчас как форма связи между социалистической промышленностью и коллективизированным сельским хозяйством, он организует советскую торговлю. А советская торговля, как подчеркнул т. Сталин, «есть торговля без капиталистов—малых и больших, торговля без спекулянтов—малых и больших. Это особого рода торговля, которой не знала до сих пор история и которую практикуем только мы, большевики, в условиях советского развития»[9]. Советский хозяйственный договор является, стало-быть, в основном формой социалистических хозяйственных связей.

Если договор буржуазного права анархичен по самой природе своей, то советский хозяйственный договор, наоборот, выступает как *организующее начало в системе производственных отношений* переходного к коммунизму общества. Эта особая роль советского договора вытекает из плановой природы советского хозяйства, в котором все развитие общественных отношений, весь ход социалистической переделки этих отношений подчинен единой, мощной и организованной воле рабочего класса. Испытывая на себе прямо или косвенно плановое воздействие пролетарского государства, советский договор несовместим с рыночной стихией, становится носителем и проводником плановых мероприятий советского государства, получает значение крупнейшего организующего начала во всем народном хозяйстве. В условиях планового хозяйства, где работа всех его звеньев построена на началах хозрасчета—этого важнейшего метода осуществления народно-хозяйственного плана,—договор неразрывно переплетается также с хозрасчетом и является тем мощным рычагом, который приводит в движение весь хозрасчетный механизм того или другого хозоргана, заставляет вращаться все его колесики и части. Только через форму договорных отношений может быть реализована наиболее полно вся сумма мероприятий, выявляющих лицо данного хозоргана, как хозрасчетной единицы. Только при помощи договора хозрасчет выявляет себя во вне и становится важнейшим принципом, организующим систему снабжения и сбыта[10].

Иными словами, в договоре перекрещиваются, как в фокусе, увязываются в единое целое и начала социалистического планирования и начала хозрасчета. Вот почему т. Молотов определяет наш хозяйственный договор как лучшее средство сочетания плана и хозрасчета. Вот почему, ведя борьбу за улучшение качества договоров, мы тем самым обеспечиваем необходимые условия для укрепления и

---

[9] Сталин, Итоги первой пятилетки, 1933, с. 38—39.

[10] В нашей статье «О системе плановых договоров по внутрипромышленному сбыту» («Сов. государство» 1932 г. № 7—8) мы пришли к мысли, что основание для типизации хозяйственно-договорных отношений нужно искать в методах плановой организации хозяйства, выбор и использование которых обусловлены в частности особенностями государственной и колхозно-кооперативной собственности.

Следуя этой мысли и конкретизируя ее, мы установили два типа договорных отношений: 1) договоры, основанные на актах централизированного планирования,—их мы называли плановыми договорами, и 2) договоры, планируемые в порядке экономического регулирования,—их мы условно назвали гражданско-правовыми договорами. Эта классификация недостаточна,

улучшения работы всего социалистического хозяйства. Проблема улучшения качества договоров есть, таким образом, та проблема, в которой завязан узел важнейших мероприятий, необходимых для выполнения народно-хозяйственного плана.

Проблема улучшения качества договоров должна быть раскрыта по двум линиям. С одной стороны, мы сталкиваемся здесь с большой суммой вопросов, характеризующих самое содержание договоров, их основные, существенные элементы. С другой стороны, проблема качества договоров встает перед нами как проблема правильной организации (структуры) договорных связей.

Какие требования должны быть предъявлены к содержанию заключаемых договоров?

Первое и важнейшее требование, вытекающее из плановой природы советского хозяйства и организующей роли договора, заключается в том, чтобы *договор был теснейшим образом увязан с народно-хозяйственным планом*, чтобы налицо было полное соответствие договора плану. Договор должен отразить все важнейшие показатели плана, заостряя внимание не только на том, *что* производится и поставляется, но и на том, *как* производится и поставляется, *в каком виде*, на каких условиях. Это требование отнюдь не означает, что при наличии обязательных для сторон плановых заданий хозяйственнику остается лишь пассивно отразить их в договоре. Качество договора должно измеряться его организующей ролью, его значением орудия борьбы за народнохозяйственный план. Эта организующая роль договора заключается в том, во-первых, чтобы обеспечить высокие качественные и количественные показатели выполнения плана при помощи заключаемых хозяйственных договоров. Эта организующая роль договора должна заключаться в том, во-вторых, чтобы увязать плановые задания с хозрасчетными возможностями для их выполнения. Она заключается в том, наконец, чтобы детализировать каждое условие договора в

т. к. далеко не перекрывает всего действительного многообразия договорных отношений.

Нужно признать, что и терминология, избранная нами для обозначения договорных отношений второго типа, является по меньшей мере неудачной, ибо она давала и дает повод думать, что мы воскрешаем в системе договоров уже устаревшее деление хозяйственного права на гражданское и хозяйственно-административное.

В этой статье нами допущена однако и более серьезная ошибка. Заключается она в том, что первый вид договорных отношений мы признали типичным, преобладающим для государственно-кооперативного оборота, а второй вид договора—типичным для колхозной торговли. Такая привязка отдельных видов договоров к определенным видам собственности теоретически искусственна и политически неверна. Порочность такой конструкции заключается в том, что она сводит в основном формы воздействия пролетарской диктатуры на колхозно-кооперативные отношения в системе оборота только к колхозной торговле. Как правильно отметила бригада хозяйственного права, это «означает недооценку отрицательных сторон колхозной торговли». Особенно ясным становится это теперь, после решений январского пленума ЦК и ЦКК и предельно четких указаний т. Сталина в его историческом выступлении о работе в деревне. Хотя мы и оговорили в своей статье, что колхоз может выступать на рынке лишь после того, как им выполнены свои обязательства перед государством, тем не менее эта оговорка недостаточна и самой конструкции понятно не спасает. Она, повторяем, ошибочна и теоретически и политически.

такой мере, в какой этого требуют укрепление социалистического производства и развитие советского товарооборота. Таким образом, *договор не есть простая фиксация плановых заданий, а является активной формой освоения плана*, боевой программой действия в деле выполнения народно-хозяйственного плана.

Второе требование, которое мы должны предъявить к содержанию договоров, заключается в том, чтобы строго и последовательно провести *начало твердости договорных отношений*. Это требование предполагает, что все существенные элементы договора должны быть определены исчерпывающе ясно, полно и безоговорочно твердо. Всякого рода ориентировочные определения, содержащиеся в договорах, особенно в отношении существенных элементов, несомненно колеблют принцип твердости договорных отношений, ослабляют значение договорного начала во взаимоотношениях между хозорганами и в конечном счете ослабляют устойчивость и обязательность самого плана. Договор, в котором нет твердых количеств, нет твердых цен, нет твердых сроков и т. д.,—это не договор, это анекдот, это игра в договор, это худший вид бюрократизма на практике. Поэтому только твердый договор действительно будет обязывать, а вытекающая из него ответственность будет действительно увязана с последствиями хозяйственной деятельности данного хозоргана. Твердость договора предполагает вместе с тем принцип нерасторжимости договора, который реализуется практически в двух требованиях: во-первых, в недопустимости одностороннего отказа от договора и, во вторых, в соблюдении установленного законом обязательного порядка для изменения, а тем более, для расторжения договоров. Как известно, этот принцип твердости договора особо подчеркнут в постановлении СНК СССР от 3 января 1933 г.

В среде практических работников приходилось сталкиваться с той точкой зрения, что твердость договора неизбежно сообщает ему некоторые черты неподвижности, замкнутости, застойности. Это совершенно неверно. Твердость договора не только не исключает, а наоборот предполагает *гибкость договорных отношений*. Эти принципы должны быть сопряженными. Почему это так? Если договорные отношения устанавливаются на длительный срок, если в течение года условия договора не могут быть изменяемы сторонами и подлежат безусловному выполнению, то, чтобы сохранить свою устойчивость, договор должен опираться на учет конкретных особенностей данного вида отношений, на учет особенностей работы хозорганов, участвующих в договоре. Иными словами, *гибкость договора предполагает диференцированный подход* к определению существенных его элементов, необходимую в пределах плана *индивидуализацию условий договора*. Мы должны в связи с этим резко подчеркнуть, что не механическое штампование условий договора, а только деловая их разработка хозяйственниками может обеспечить договору значение того хозяйственно-оперативного документа, который станет действительно основой длительных взаимоотношений между хозорганами.

Наконец в плане общей характеристики требований, предъявляемых к качеству заключаемых договоров, пора указать на *необходи-*

мость улучшить правовую их сторону. Наряду с увеличением удельного веса договорных отношений и возрастающими значением и ролью договора в системе нашего хозяйства, мы не можем пока отметить пропорционального роста внимания к вопросам правовым. Наоборот, среди отдельных хозяйственников и даже некоторых работников Госарбитража до сего времени считается как бы «хорошим тоном» говорить о праве и связанных с ним вопросах как о чем-то второстепенном или даже формальном и ненужном. Правовые де «тонкости» только мешают здоровому хозяйственно-жизненному подходу к разрешению вопроса. Эта категория работников некритически переносит на наше советское право свои представления о буржуазном праве, забывая о том или не разумея того, что советское *право есть одна из форм политики пролетарского государства*. Поэтому оно не имеет и иметь не может ничего общего с бездушными формальными нормами буржуазного права, с его методами и принципами разрешения хозяйственных вопросов, с его эксплоататорской природой. Советское право, а стало-быть и советское хозяйственное право, будучи диаметрально противоположно по своему содержанию буржуазному праву, является проводником мероприятий партии и правительства в деле роста и укрепления социалистического строительства, т. е. выступает как крупнейший фактор, организующий все наше хозяйство. Достаточно так поставить вопрос, чтобы ясен стал весь тот вред, какой может принести «левацкое» пренебрежение правом и свободное либеральное отношение к обязательной силе советских законов. Не отмахиваться нужно от правовых вопросов, а разрабатывать их, находить *свои* формы и методы регулирования общественных отношений, используя наряду с этим буржуазно-правовые формы. Есть в этом деле и наша вина. В области хозяйственного права мы далеко не все еще сделали для того, чтобы итти в ногу с предъявляемыми практикой требованиями и запросами, мы не всегда поспеваем за ними, занимаемся иногда мало актуальными вопросами и отстаем. Много ли, в частности, сделано нами для разработки вопросов договорного права? Пересмотрены ли критически, на основе революционного опыта, формально неотмененные еще здесь законы? Достаточно ли помогла наша теоретическая мысль хозяйственнику справиться с целым рядом возникающих в его практике трудностей хозяйственного и юридического порядка? Нужно признать, что в этом направлении нами сделано еще мало. В области теоретической мы должны равняться на темпы социалистического строительства, на те его требования, какие уже предъявляются к нам сегодня. Мы должны учесть эти требования, отразить их в нашей работе, подытожить и осмыслить наш опыт в этой области, чтобы помочь партии и правительству в разрешении актуальных хозяйственно-правовых вопросов.

Таковы те требования, какие необходимо предъявить к содержанию хозяйственных договоров в целях решительного повышения их качества.

II

Если мы попытаемся раскрыть эти общие требования, предъявляемые к хозяйственным договорам, на существенных элементах договора,

и посмотреть, что происходит в практике заключения договоров 1933 г., то мы увидим, что борьба за улучшение качества заключаемых договоров является проблемой чрезвычайно важной и должна быть максимально развернута и углублена.

Возьмем *вопрос о количествах*. Для всякого хозяйственника и юриста, казалось бы, должно быть ясным, что нет договора без количественно-качественной характеристики устанавливаемых договором обязательств. Совнарком Союза специально подтвердил это своим постановлением от 3 января 1933 г., указав, что договоры, заключенные с нарушением твердых количеств подлежащей сдаче продукции, должны быть признаны недействительными.

Как же обстоит дело в нашей договорной практике с этим вопросом? Соблюдаются ли хозяйственниками безусловно обязательные для них требования названного постановления Совнаркома? Надо признать, что еще не все хозяйственные организации осознали значение твердости договора и допускают в этом вопросе существенные нарушения. Здесь прежде всего нужно отметить, что и в текущем году ряд договоров был заключен без твердых квартальных и даже (как исключение) годовых количеств. Такого рода факты имели место по линии отдельных организаций—заготовителей с.-х. продукции, встречались также во взаимоотношениях с тяжелой промышленностью (например, по линии Союзсельмаша), в договорах по продснабжению (например, по линии Союзмясосбыта) и т. д. Особенно плохо обстоит дело с месячными количествами, отсутствие которых в отдельных отраслях хозяйства является *правилом*. Вследствие этого, например, по линии Совхоззапчасти снабжение деталями и запчастями к тракторам и с.-х. машинам протекало неравномерно и вместе с тем вело на отдельных базах к затовариванию.

Однако и в тех договорах, где количества определены твердой цифрой и где, казалось бы, дело обстоит благополучно, в действительности выяснялось нередко другое: установленные договором количества оказывались заниженными против плана, т. е. были твердыми лишь по форме, т. е. вели в действительности к срыву, а не к реализации плана. Возьмем такой хотя бы случай. СТО своим постановлением от 17/XII 1932 г. установил твердые количества подлежащих поставке для бумажной промышленности глинозема, сульфита, сульфата, серы и т. д. Главхимпром значительно снизил размеры поставки химической продукции для бумажной промышленности при отсутствии соответствующего постановления СТО. Вследствие этого поставщики химической продукции вместо того, чтобы мобилизовать свои силы на выполнение плана, пытались в преддоговорных спорах с потребителем оперировать цифрами, сниженными Главхимпромом.

Другой пример. Заводу им. Январского восстания был утвержден план производства в 1 000 цистерн. В своих взаимоотношениях с потребителями завод самовольно снизил эту цифру до 704 цистерн и настаивал на заключении договоров в пределах этого сниженного количества, т. е. явно скатился на рельсы правого оппортунизма. Уменьшив установленное планом количество цистерн, поставщик упорно не принимал справедливых требований потребителя и подписал договор на все обусловленное планом количество лишь после

соответствующего решения Госарбитража. Таким образом *вопрос о твердых количествах*, как показывают эти примеры, есть не только и даже не столько вопрос о том, чтобы «цифирью» определить эти количества, *а это есть прежде всего большой хозяйственно-политический вопрос о том, чтобы эта «цифирь» была «цифирью», увязанной с народно-хозяйственным планом*, чтобы она соответствовала его количественным показателям. *Твердые количества являются методом освоения, а не «исправления» плана.*

С проблемой определения количеств в договорах ближайшим образом связан вопрос о поквартальном процентаже поставляемой продукции. Особую остроту этот вопрос приобретает в тех случаях, когда налицо сезонная поставка продукции, потребление которой происходит в обычных условиях круглый год. В этих случаях поставщик особо подчеркивает сезонный характер производства и не всегда желает считаться с интересами потребителя, а потребитель проявляет не менее «похвальную» стойкость и требует того, чтобы обеспечить целиком и полностью обычные условия поставки, т. е. игнорирует особенности производства сезонной продукции. В качестве примера укажем на преддоговорный спор между Главспиртом и Союзхимпластмасс. Последний требует, чтобы продукция поставлялась ему равными частями поквартально. Главспирт, соглашаясь с этим требованием в отношении первого и второго квартала, предлагает снизить размер поставки в третьем квартале до 10% с тем, чтобы увеличить поставку в 4-м квартале до 40%. Иными словами, ни та, ни другая сторона не сумела подняться в этом вопросе до уровня народно-хозяйственной точки зрения. Между тем правильное решение вопроса несомненно требует учесть реальные производственные возможности Главспирта и вместе с тем в наибольшей мере обеспечить бесперебойную работу Химпластмасс. Таким образом отдельные хозяйственные организации в одних случаях произвольно отступают от количественных показателей плана, в других случаях определяют эти количества ориентировочно, не проявляют необходимой гибкости в вопросе о поквартальном процентаже поставляемой продукции и, наконец, не устанавливают внутриквартальных количеств.

Возьмем далее *вопрос о качестве.* В условиях второй пятилетки вопросы качества поставляемой продукции должны получить особо важное значение, ибо *качество продукции является овеществленным, материализированным показателем работы каждого хозоргана.* В зависимости от того, какова будет поставляемая продукция, можно судить о том, как организовал свое производство поставщик, насколько удовлетворительно он справляется с задачей овладения техникой, овладения производством. Мы не говорим уже о том, что борьба за качество имеет существенное значение с точки зрения интересов производства и потребления.

Известный сдвиг в вопросе о качестве имеется налицо. В этом году хозорганы уделяют вопросам качества значительно большее внимание, чем они делали это в прошлом году. Однако, положительные сдвиги в этой области недостаточны. Не перевелись еще и в этом году такие хозяйственники, которые считают возможным итти в арбитраж и драться не за устранение, а за сохранение брака, не за повы-

шение, а за понижение качественных показателей даже тогда, когда эти показатели нормальны и вполне выполнимы. В виде примера укажем хотя бы на Союзсбытпушнину. Она настаивала в Госарбитраже на том, чтобы маркировка воротниковой продукции производилась кипами, и уклонялась от того, чтобы маркировать каждый воротник в отдельности. Швейная промышленность, возражая против этих требований, настаивала на том, чтобы на каждом воротнике было указано название меха, его размер и сорт. Она обращала при этом внимание на то, что швейная промышленность заинтересована в маркировке воротников не только с точки зрения проверки качества данной продукции, но и со стороны технологии самого производственного процесса, ибо маркировка воротников и шкурок сильно облегчает подборку меха.

Этот пример не единичен. Так, Союзакупторг предъявил Союзмебели требование указать в договоре, что мебель должна изготовляться и поставляться из предварительно просушенного материала. Союзмебель решительно отклонила это требование, руководствуясь видимо правилом: «лопай, что дают». Между тем, ясно для каждого, что мебель, изготовленная из непросушенной древесины, долго не выдержит, трескается и превращается в груды отдельных кусков, вместо того, чтобы служить прямому назначению.

В целом ряде договоров мы сталкиваемся с отсутствием условий комплектности поставки, твердого порядка предъявления рекламаций и определенных санкций за отсутствие условленного качества. Наряду с этим самые требования по качеству не всегда диференцированы, ограничиваются порою отсылкою к стандартам или техническим условиям, которых нет или которые к договору не приложены. Все это ослабляет борьбу за качество либо делает ее невозможной. О чем говорят эти факты? Они говорят о том, что отдельные хозорганы вместо того, чтобы повернуться лицом к выполнению директивы партии и правительства о повышении качества производимой продукции и осознать важнейшее значение этой задачи, становятся на путь ложно, обывательски-понятых интересов, пытаясь их противопоставить справедливым требованиям потребителя.

Необходимо со всей серьезностью учесть уроки прошлого года, установив в договоре всю сумму вопросов качества настолько полно и точно, чтобы в дальнейшем иметь необходимую правовую базу для борьбы за качество. Закон дает для этого широкие возможности, и тот, кто не использует их, должен нести ответственность наряду с хозорганом, поставившим продукцию ненадлежащего качества. Нужно усвоить со всею ясностью, что с народно-хозяйственной точки зрения одиозным является здесь, следовательно, *не только невыполнение своего обязательства, но и неиспользование своего права.*

Вопрос о ценах. Директивы партии и правительства по этому вопросу не только ясны, но и категоричны: не допускать повышения цен по сравнению с ценами 1932 г. (см. постановление СТО от 5 марта с. г.) и развернуть систематическую и упорную борьбу за дальнейшее их снижение, которое должно быть проведено, например, в капитальном строительстве не менее, чем на 15%.

Осуществление этой директивы имеет исключительно важное значение для всего народного хозяйства, обеспечивая борьбу с непроизводительными расходами в производстве, снижение себестоимости, дальнейшее улучшение материального положения трудящихся масс и необходимые темпы социалистического накопления. Этим объясняется, что согласно постановлению СНК Союза от 3 января 1933 г. договоры, заключенные с нарушением твердых цен, недействительны, а лица, их подписавшие, подлежат ответственности в уголовном порядке. Казалось бы, что при наличии столь ясных указаний мы не будем иметь случаев отступления от них. Действительность показывает в ряде случаев иное. Особенно неблагополучно обстоит здесь дело с договорами на строительные работы. Неподготовленность технических проектов строительства и технических проектов организации работ по ряду объектов нового строительства, промедление со стороны край(обл)исполкомов с установлением цен на местные стройматериалы и транспорт и т. д. создают условия, при которых нельзя определить точно стоимость строительства, разработать обоснованную производственную смету и тем самым определить твердую цену в договорах строительного порядка. Поэтому стороны либо устанавливают эти цены лишь *ориентировочно*, т. е. с нарушением закона от 3 января, либо *вовсе не заключают договоров*. Отсюда—наблюдающаяся в практике тенденция строящих организаций перейти к строительству хозяйственным способом, что открывает путь к повышению стоимости строительных работ.

Отсутствие твердых цен в договоре является нередко результатом неподготовленности отдельных наркоматов и самих хозорганов к заключению договоров. Возьмем, например, преддоговорный спор Ацетометила с ОМПК и Союзхимпластмасс по вопросу о ценах на ректификат. Ацетометил мог предложить к моменту заключения договора лишь запроектированные им цены на 1933 г., так как цены на эту продукцию еще не были утверждены в установленном порядке. ОМПК и Союзхимпластмасс возражали против запроектированных цен и предлагали сохранить цены 1932 г. Чем вызвано здесь отсутствие цен на 1933 г.? Объясняется оно тем, что Наркомлес, в систему которого входит Ацетометил, запоздал с утверждением промфинпланов по своей системе и не выявил себестоимости производимой продукции, без чего, понятно, не может быть установлена окончательно и сама цена. Этот пример характерен и в том еще смысле, что предложения Ацетометила шли по пути резкого *повышения цен*.

Эта правооппортунистическая тенденция к ослаблению борьбы за повышение производительности труда и снижение себестоимости не составляет, к сожалению, исключения. Так, например, Вováт, пользуясь тем, что цены на запасные части не регулировались, значительно повысил их по сравнению с прошлым годом. Вместо того, чтобы пересмотреть свои позиции, как противоречащие директивам партии и правительства, Вováт настаивал на повышенных ценах в споре с НКПС, пока в это дело не вмешался Госарбитраж.

Еще хуже обстоит дело с ценами на запасные части по децентрализованным заказам, где повышение цен против прейскуранта доходило по отдельным заводам до 500%. Так, например, деталь № 107 стоит

по прейскуранту 5 р. 19 к., а поставка этой детали производится Оргметаллом по 8 р., заводом «Спартак»—по 9 р. 13 к. и заводом Ильича—по 28 р. 50 к. Деталь № 214 стоит по прейскуранту 5 р. 28 к., а берут за нее: завод «Динамо»—7 р. 90 к. и завод КПГ—14 р. 08 к. Поршневое кольцо стоит по прейскуранту 23 к., поставляется же оно заводом Арменз по 1 р. 50 к. и заводом им. Фрунзе—по 5 р., причем последний сперва запросил за него 10 руб. за штуку и лишь затем «уступил» половину.

В ряде договоров Союзмясосбыта с потребителями цены на все без исключения мясопродукты установлены франко-склад поставщика. В связи с этим доставка этих продуктов на станцию отправления и погрузка в вагоны должны быть оплачены покупателем особо. Этот порядок оплаты сохранен Союзмясосбытом и на мясные консервы, хотя цены на них установлены Комитетом товарных фондов франко-станция назначения. Налицо—скрытое повышение цен.

Все эти случаи (а их можно во много раз увеличить) свидетельствуют о том, что ряд наших хозорганов не умеет подняться до понимания интересов народного хозяйства в целом, противопоставляет им заботы о «своем» кошельке, т. е. становится на путь анти-государственных тенденций и преступно срывает советскую политику цен.

Для борьбы с этим злом должны быть использованы все меры репрессивного воздействия вплоть до предания суду. Но только одними этими мерами делу не поможешь. Наряду с ними необходимо провести в жизнь развернутую цепь мероприятий превентивного порядка. К ним относится, в частности, *контроль за соблюдением цен* и обеспечение условий его для проведения.

С этой стороны имеет немалое значение вопрос о том, *как* определены в договоре условия о ценах. Здесь требуется предельная точность и ясность, чтобы не было почвы для обхода и нарушения цен. Нужно констатировать однако, что и в этом смысле ряд договоров оставляет желать много лучшего. Так, например, Союзсельхозснаб не установил в большинстве договоров с потребителем твердо фиксированных цен, а отослал к существующим ценам промышленности. То же он сделал в договорах на поставку импортного оборудования со ссылкой на цены себестоимости. Такой метод определения цен может стимулировать что угодно, но только не борьбу за снижение цен и контроль за их соблюдением. К тому же ведет заключение договоров без приложения к ним прейскурантов. По ряду товаров этого и сделать нельзя, так как либо прейскуранта не существует, либо он устарел, либо, наконец, не отпечатан и потому недоступен для широкого пользования. Между тем именно развернутые прейскуранты являются серьезным условием правильной постановки контроля за соблюдением цен.

Нужно добиться здесь *публичности цен*, фактической осведомленности о них потребителя. Необходимо продумать наряду с этим и другие мероприятия, которые обеспечивали бы строгое проведение в жизнь твердых цен. Многое здесь уже предусмотрено нашими законами и должно быть лишь доведено до всех наших хозяйственных звеньев (например, обязательность указывать в счетах отдельно

13*

оптовую цену, бюджетную наценку и торговую накидку). В этой связи большое практическое значение могла бы иметь кодификация нашего законодательства о ценах с указанием, какие существуют категории цен (расчетные, отпускные, оптовые, розничные и т. д.), какой орган (СТО, КТФ, наркомат и т. д.) и на какие товары устанавливает их. На эту сторону дела нашим юристам-хозяйственникам пора обратить серьезное внимание.

Санкции. К ним относятся, как известно, штраф, пени и неустойки, назначение которых заключается в том, чтобы стимулировать рублем своевременное и полное выполнение договоров.

В этой области мы сталкиваемся прежде всего с тенденцией многих хозорганов устанавливать *стандартный размер* пени и неустойки на все случаи жизни, вместо того, чтобы диференцировать его применительно к отдельным видам обязательств. Такого рода явление наблюдается, в частности, в большинстве договоров, заключенных Совхоззапчастью с промышленностью: из 25 прямых договоров в 14 договорах на сумму 3 252 808 руб. ответственность за нарушение всех обязательств по договору установлена в едином размере. Аналогичное положение наблюдается и по линии других видов продукции, чем снижается эффективность устанавливаемых договором санкций. Наряду с этим имеет место обратная тенденция—чрезвычайно диференцировать и дробить размер пени и неустойки в зависимости от процента недопоставленной части продукции (например, по линии легкой промышленности), что приводит на практике к полной безнаказанности поставщика при сравнительно небольшом проценте недогруза, хотя именно эти случаи являются преобладающими. Таким образом эта шкала превращается на деле из штрафной в льготную шкалу, в своеобразную форму амнистирования неисправного контрагента.

Другой заметный недостаток в этой области заключается в том, что размер пени и неустойки зачастую настолько незначителен, что не может быть действительным побудителем надлежащего выполнения договоров. Так, в большинстве договоров Союзмясосбыта с потребителем пеня и неустойка установлены всего лишь в размере (соответственно) 0,05% и 0,5%, т. е. даже ниже установленного Наркомснабом минимума в 1%. Работники Союзмясосбыта объясняют это значительно более высокой стоимостью мяса по сравнению с ценою на живой скот. Однако этот довод едва ли серьезен, поскольку платежи по пеням и неустойкам, производимые потребителем, отнюдь не обязательно перекрывать за счет платежей по пеням и неустойкам, следуемых с неисправного контрагента, т. к. в противном случае санкции теряют всякий свой смысл. Любопытно, что и здесь мы сталкиваемся с другой крайностью—попытками установить чрезмерно высокий процент штрафа. Так, Союзмука в договоре с ОРС Днепростроя добилась установления штрафа в размере... 1000% (?) за использование продтоваров не по назначению. Не может быть спора, что нужно бороться самым решительным образом с использованием нормированных продтоваров не по назначению, но зачем же, выражаясь фигурально, стулья ломать? То обстоятельство, что в целом ряде договоров нет при этом твердой привязки пени и неустойки

к срокам поставки (квартал, месяц, декада), приводит к тому, что обязательство поставщика не подкреплено твердыми санкциями, а эти последние носят неопределенный характер. В силу этого назначение пени и неустойки, как средство стимулировать исполнение договоров, сведено почти на-нет. Все это говорит о том, что к определению санкций за нарушение обязательств стороны зачастую подходят формально—в одних случаях, со стремлением свести ответственность к минимуму, т. е., по существу, уклониться от нее—в других случаях и, наконец, с намерением использовать санкцию, как возможную статью дебиторской задолженности вместо того, чтобы драться за реальность исполнения. Так вскрывается здесь кончик большого вопроса общей недооценки роли нашего договора, в котором все обязательства должны служить единой цели—выполнению плана.

Вопрос *об освобождении от ответственности по договору*. И хозяйственники и юрисконсульты нередко недооценивают принципиальной новизны этого вопроса в наших условиях и скатываются на обычную буржуазно-правовую его трактовку. Этим объясняется, что многие хозорганы расширяют условия, освобождающие от ответственности до обычных буржуазно-правовых рамок *невозможности исполнения*. Так например, в договоре НКПС с Углесбытом предусмотрено освобождение поставщика от ответственности за недогруз угля в случае затопления шахт в течение 2 дней, пожаров в рудниках и надрудничных зданиях, в случае метели или распутицы, если она длится больше 3 дней и т. д. В других договорах мы встречаем в качестве условий, освобождающих от ответственности, указание на стихийные бедствия и даже «природные явления», поломку оборудования, неисправность контрагента, неподачу ж.-д. вагонов и т. д. Иными словами, стороны озабочены здесь не столько тем, чтобы выполнить план, сколько тем, чтобы из ежать ответственности за его срыв, за его невыполнение. Что же остается здесь от договора, как средства мобилизации наших хозорганов на борьбу за выполнение народно-хозяйственного плана? Ничего, кроме формально-бюрократической бумажки.

Нужно серьезно и до конца уяснить себе то положение, что в условиях советского хозяйства вопрос об ответственности за выполнение договора стоит и не может не стоять *принципиально иначе*, чем в капиталистическом хозяйстве. *В силу того, что рабочий класс—самая значительная производительная сила—организован у нас в государство, т. е. является одновременно безраздельным носителем всей полноты политической власти и хозяином всех основных средств производства,— в силу этого развитие всей системы общественных отношений подчинено у нас не слепым и анархическим законам движения, а сознательной и планомерной деятельности пролетарского государства*.

«Именно здесь, *в пролетарской диктатуре*, которая действует по плану, которая руководит общественным развитием, которая ведет общество к социализму, именно здесь лежит отличие нашей экономики от предшествующей эпохи, от эпохи капитализма и от всех последующих эпох» [11]. А отсюда следует, что решает дело у нас не

[11] А. Стецкий, Пролетарская диктатура и экономическая теория, «Правда» № 87 от 29/III 1933 г.

тот или другой объективный закон движения, а организованная воля рабочего класса и широких трудящихся масс, что этой воле подчинен весь ход развития производительных сил переходного к коммунизму периода. С каждым годом возрастает эта активно-творческая роль пролетарского государства, с каждым годом усиливается и крепнет его плановое воздействие на всю систему общественных отношений. Одержанные Советским союзом грандиозные победы в борьбе за пятилетку в 4 года показали всему миру, что осуществляемый рабочим классом переход из царства необходимо ти в царство свободы есть не отвлеченная утопическая мечта, а сама действительность, воплощенная в гигантах-заводах, мощных промышленных комбинатах и сотнях тысяч колхозов, покрывших густою сетью всю карту Советского союза.

Как можно в этих условиях серьезно ставить вопрос о «непреодолимой силе» в деле выполнения народно-хозяйственного плана? Как можно ссылаться при невыполнении наших плановых договоров на «объективные» причины? Как можно ослаблять начала ответственности по договору всякого рода ссылками на неисправность контрагента, неподачу ж.-д. вагонов и т. д.? Ведь все эти препятствия устранимы, была бы лишь воля к их преодолению и уменье хозяйничать, серьезно драться не на словах, а на деле за выполнение народно-хозяйственного плана. Вот почему мы должны со всей твердостью сказать, что *каждый хозяйственный договор должен быть в наших условиях выполнен полностью*. Возможные здесь отдельные исключения нет никаких оснований превращать в правило и подводить под них принципиальную базу. *Максимально сузить круг тех условий, при которых контрагент может быть освобожден от ответственности, максимально усилить ответственность каждого хозоргана за результат своей работы—таков тот вывод, какой нужно сделать из этой общей постановки вопроса.*

III

На V Всесоюзном съезде ИТР т. Молотов подчеркнул «особое значение в данных условиях организационно-практических задач» и указал в связи с этим, что на основе правильной политической линии «мы... должны со всей настойчивостью и учетом конкретных обстоятельств сосредоточить свои силы на практической работе, на организационной стороне дела» [12].

Эти указания получили особо важное значение для договорной кампании текущего года. Произведенное разукрупнение системы управления промышленностью и происходящее развертывание товаропроводящей сети сделали хозяйственные связи чрезвычайно разветвленными и подвижными и выдвинули поэтому на первый план большой важности организационно-практический вопрос о самом построении (структуре) договорных отношений. Вопрос этот представляет несомненно большую сложность. Он исключает, во-первых, какие-либо однообразные для всех случаев схемы договорных отношений и предполагает их *индивидуализацию* в соответствии с конкрет-

---

[12] «Правда» № 330 от 30 ноября 1932 г.

ными особенностями организации снабжения и сбыта. Во-вторых, он требует такого решения, которое обеспечивало бы наиболее экономные формы связи при сохранении всей гибкости и подвижности хозяйственных отношений в системе оборота. Он сложен, наконец, потому, что мы еще не накопили здесь достаточного опыта и, во всяком случае, теоретически обобщили этот опыт лишь в слабой мере. Несмотря на это не только можно, но и прямо необходимо выдвинуть уже сейчас ряд обязательных принципов построения договорных отношений, ибо именно здесь мы встречаем особо много недостатков, отрицательно сказывающихся на самом ходе выполнения договоров.

Первое и основное требование, которое должно быть выдвинуто здесь, заключается в том, чтобы, *как правило, все, и в первую очередь низовые хозрасчетные звенья, непосредственно участвовали в договорных отношениях.* Хозяйственная организация, выключенная из системы договорных связей, не может серьезно бороться за укрепление хозрасчета, ускользает, по крайней мере юридически, от контроля рублем и лишается тех правовых рычагов, при помощи которых она может воздействовать на своего неисправного контрагента. Нельзя более мириться с тем, что большинство низовых звеньев, а иногда и вся низовка в системе поставщика или потребителя, юридически не является участником договора, а фактически именно она выполняет договор и несет все связанные с ним последствия. При таком положении вещей подрываются начала хозрасчета, дискредитируется договор, вносится обезличка и путаница в вопрос об ответственности за выполнение обязательств, т. е. договор теряет свое организующее значение и становится голым формальным обязательством.

В текущем году мы имеем здесь некоторые положительные сдвиги. Об этом говорит хотя бы то, что такой слабо оформленный со стороны договоров участок, каким было до последнего времени сельское хозяйство, теперь заметно перестраивается. Приказ Наркомзема Союза от 23 января 1933 г. обязал все хозорганы организовать свои договорные отношения по сдаче сельскохозяйственной продукции на таких началах, при которых локальными договорами были бы охвачены все низовые звенья. Это уже несомненно серьезный шаг вперед по пути нормализации договорных связей. О том же говорит и тот факт, что в текущем году как хозорганы, так и система госарбитража уделяют структуре договорных связей несравнимо большее внимание, чем раньше. Однако надо прямо сказать, что и в 1933 г. этот важнейший принцип далеко еще не освоен в практике ряда хозорганов. Так, в споре между Заготзерно и Промсовхозобъединением выяснилось, что и та и другая система построили свои договорные отношения, выключив из них, с одной стороны, районные конторы, а с другой— всю сеть совхозов. Такая же картина имела место во взаимоотношениях между Главспиртом и Центросоюзом, Союзмясосбытом и Союзнарпитом и т. д., где локальными договорами были охвачены только краевые и областные звенья обеих систем. В обоих случаях генеральными договорами соединены центры систем поставщика и покупателя, а локальными договорами—их областные (краевые), а не районные звенья. Обычные аргументы в защиту такого построения договорных отношений идут, как и в данном случае, либо по линии рассуждений

о слабости хозрасчета низовки, либо подкрепляются ссылками на технические трудности заключения договоров с большим количеством предприятий. Эти аргументы стоят очень дешево. Они свидетельствуют не столько о трудностях необходимой здесь перестройки договорных отношений, сколько о недооценке договора и его действенной роли в перестройке работы на началах последовательно проведенного хозрасчета. Именно потому, что низовые звенья той или другой системы еще не внедрили хозрасчета в свою работу, *именно поэтому* нужно добиваться включения этих звеньев в договорные отношения, чтобы при помощи договора, при помощи контроля рублем научить наши хозорганы правильно хозяйничать, уметь считать копейку, аккуратно выполнять свои обязательства.

Объяснение ненормальной структуры договорных связей нужно искать в приведенных случаях наряду с недооценкой договора, во-первых, *в нездоровой тенденции* отдельных центров *сосредоточить в своих руках все нити* хозяйственно-оперативной работы и, во-вторых, в неуменьи правильно размежевать между соответствующими звеньями хозяйственно-оперативные и планово-регулирующие функции, что ведет к нечеткости и снижению качества работы всех звеньев данной системы.

Благодаря борьбе за включение низовки в систему договорных отношений удалось опрокинуть практику прошлых лет, согласно которой гендоговор заключался *только центрами* соответствующих систем и не являлся основой во взаимоотношениях между край(обл.) звеньями. Произведенная по инициативе Госарбитража перестройка в текущем году договорных отношений по линии Промсовхозобъединения, Союзмуки, Главспирта, Центросоюза и т. д. доказала не только возможность, но и *необходимость в целом ряде случаев заключать гендоговоры в областном масштабе, а локальные договоры— в районах*. При этих условиях соответствующие центры хозяйственных систем дают совместную директиву, областные и краевые звенья реализуют ее в своих гендоговорах, а низовые звенья становятся участниками локальных договоров и тем самым получают возможность бороться за выполнение плана на твердой юридической основе. Известные трудности могут здесь встретиться по линии тех систем, структура которых имеет *четыре ступени* (наприме в потребкооперации). В этих случаях заключение гендоговоров краевыми (обл)центрами, а локальных договоров—районными звеньями вопроса не разрешает и попрежнему не обеспечивает низовому звену (например, сельпо и горкоопам) возможности непосредственно участвовать в договорах. Однако эти трудности преодолимы. Так, в частности, выход может быть найден в том, чтобы при продвижении товара от третьего звена (райпотребсоюза) к четвертому звену (сельпо) отношения строились *на базе самостоятельных договоров*, т. е. чтобы райпотребсоюз *сам* расплачивался за полученные им по локальным договорам товары, а затем уже *от себя*, от своего имени продавал их низовке. Нам скажут, что для этого нужны известные оборотные и заемные средства. Да, нужны конечно. Но ведь без них и нельзя говорить серьезно о хозрасчете районных звеньев кооперации, особенно сейчас, когда мы укрепляем нашу систему товарооборота.

Второе требование, которое должно быть предъявлено структуре договорных отношений, заключается в том, чтобы *договор был увязан с грузопотоком, документооборотом и системой платежей*, ибо только в этом случае он действительно будет организующим фактором в системе хозяйственных связей. Иными словами, необходимо решительно устранить возможный здесь и часто встречающийся в практике *разрыв между юридическими обязательствами, вытекающими из договора, и фактическим их выполнением, между юридическими участниками договора и фактическими его выполнителями.*

Для пояснения нашей мысли возьмем из практики один-два таких случая (понятно, в действительности их значительно больше). Совхоззапчасть—общесоюзный трест по снабжению запасными частями при Наркомсовхозе—заключает гендоговоры на поставку всякого рода деталей к с.-х. машинам и тракторам с трестами и объединениями промышленности и в развитие этих договоров *сам* заключает локальные договоры с заводами, изготовляющими запасные части и детали. Фактическое же выполнение локальных договоров протекает между заводами-изготовителями и отделениями Совхоззапчасти, которые производят приемку деталей, сами расплачиваются за них, сами предъявляют иски и рекламации и т. д., но в договорах, ими выполняемых, сами не участвуют. Ненормальность положения усугубляется здесь тем, что все оборотные средства полностью распределены в системе покупателя между отделениями, трест же Совхоззапчасть, на котором юридически лежит ответственность за выполнение договоров, никакими оборотными средствами не располагает. Попробуй в этом случае разобраться, кто за что, чем и перед кем отвечает. Руководящие работники Совхоззапчасти объясняют установленную структуру договорных отношений тем, что заказы на запчасти распылены между 180 заводами, из которых каждый производит разнообразное количество деталей и запчастей. В силу этого организационно прикрепить ограниченное количество заводов к тому или другому отделению нет возможности. Заключение же каждым из отделений локальных договоров со 180 заводами—задача, технически невыполнимая. Указанные Совхоззапчастью трудности заключения локальных договоров непосредственно с отделениями явно преувеличены. Так, по данным московского отделения, ему придется иметь дело максимум с 20—25 заводами, оформление договоров с которыми, понятно, не представляет большого труда, но зато дает все необходимые преимущества, вытекающие из факта участия самих отделений в договорных отношениях.

Более радикальное в связи с этим решение вопроса несомненно нужно искать по линии резкого сокращения количества заводов, изготовляющих запчасти. Независимо от структуры договорных отношений самый факт участия 180 заводов в производстве запчастей является ненормальным, крайне осложняет систему планирования, затрудняет маневренные способности Ватозапчасти, и поскольку в состав Ватозапчасти большинство этих заводов не входит, ставит под сомнение реальность воздействия Ватозапчасти на работу этих заводов. Существующее построение договорных отношений приводит на практике одновременно к тому, что отделения, не участвуя в до-

говорах и действуя только по нарядам, *заранее не знают*, сколько запчастей, от кого и когда они получат, и потому в свою очередь не могут знать, сколько, когда и кому из своих контрагентов (трестам и совхозам-потребителям) дадут деталей и запчастей. Вследствие этого в распределение запчастей вносится элемент случайности и несогласованности. При таких условиях, во-первых, весьма иллюзорны инициатива и хозяйственная самостоятельность отделений. Они превращаются в передаточные пункты, на которых запчасти нередко оседают мертвым грузом. Во-вторых, договоры на поставку не связывают их фактических выполнителей и повисают в воздухе. В-третьих, в силу разрыва договорных связей по поставке и сбыту теряют устойчивость и те договоры, которыми характеризуются взаимоотношения отделений и трестов-потребителей, что в конечном счете приводит к затовариванию одних отделений и недоснабжению других.

Другой пример. Отношения по снабжению железных дорог углем построены на базе централизованного (единого) договора между ЦУСом НКПС и Углесбытом, тогда как фактически этот договор выполняют на стороне НКПС сами железные дороги, которые являются грузополучателями и производят все расчеты с поставщиком.

Доказывать с правовой точки зрения несостоятельность такого положения значит ломиться в открытую дверь, ибо юридически нельзя представить себе, чтобы договор заключали одни хозорганы, а выполняли его другие хозорганы. Но дело здесь конечно не в чистоте правовых норм, а в том, что при таком построении договорных отношений *ничего не остается от самого договора*, ибо он существует лишь на бумаге и реальной формой связи не является ни между его юридическими участниками, ни между его фактическими выполнителями. Последствия ясны: у договора нет хозяина, ответственность обезличивается и нужное исполнение обязательства не обеспечено.

Серьезным препятствием на пути к урегулированию структуры договорных отношений является существующее положение в ряде сбыто-снабженческих организаций. Не располагая необходимыми собственными оборотными средствами и развернутой сетью своих складов и баз, целый ряд снабов и сбытов зачастую осуществляет посредничество между производителем и потребителем в формах, явно нарушающих принцип твердости договора и начала хозрасчета. Вместо того, чтобы закупать у производителя продукцию за твердый счет и затем в соответствии с запросами системы потребителя маневрировать товарными массами от собственного имени, сбытовые органы никакой хозяйственно-оперативной работы сами не ведут, ограничивая свою роль только маневрированием непринадлежащими им фондами. В результате договоры постоянно меняются на ходу, потребитель не знает, сколько и в каком ассортименте он получит продукции в текущем квартале, а поставщик вынужден нести ответственность за последствия такого маневрирования. В качестве примера укажем хотя бы на Союзхимсбыт. При дефицитном характере химической продукции и разветвленной сети ее потребителей Союзхимсбыт вынужден постоянно маневрировать этой продукцией,

перераспределяя ее по степени очередности снабжения между отдельными группами потребителей. В этих условиях твердость договорных отношений может быть сохранена лишь в том случае, если бы Союзхимсбыт сам организовал приемку этой продукции, сам оплачивал ее и сам, затем, от своего имени, продавал эту продукцию своим потребителям.

В этих условиях была бы обеспечена увязка договорных отношений с системой грузопотока, документооборота и платежей не формально, а по существу, ибо Союзхимсбыт маневрировал бы тогда *своей продукцией*, которую он отправлял бы на свои базы, либо транзитом, но после предварительной приемки на заводе.

Для этого нужны оборотные средства, а их нет. Для этого нужен разветвленный аппарат по приемке, а его нет. Для этого нужна собственная товаропроводящая сеть, а она ограничивается всего лишь 4 отделениями. Но даже и тогда, когда сбытовая организация имеет свою разветвленную сеть, она далеко не всегда удовлетворительно справляется с задачами маневрирования, подсортировкой товара, организацией поставки продукции в нужном ассортименте и т. д. Взять хотя бы Союзбумсбыт. В преддоговорном споре Союзбумсбыта с Союзоргучетом последний решительно отказался заключать локальные договоры с отделениями Союзбумсбыта. Он указывал на то, что отделения Союзбумсбыта маневрируют на базе ограниченного количества фабрик, не научились быстро перекрывать прорывы на одной фабрике за счет другой, наладить обмен бумажной продукции с другими отделениями и поставлять бумагу в нужном ассортименте. Поэтому Союзоргучет шел на значительные организационные расходы с тем, чтоб хотя такой ценой сохранить за собою право связываться локальными договорами непосредственно с бумажными фабриками через голову отделений. Иными словами, Союзоргучет брал на себя функции самого Союзбумсбыта и, понятно, шел на это не от «хорошей жизни», а только потому, что другого выхода не видел. Эти примеры говорят о том, что проблема снабов и сбытов должна быть выделена и особо поставлена. До тех пор, пока сбыты и снабы не будут реорганизованы в хозрасчетные организации (по примеру Лесоснабсбыта и Стальсбыта), их роль посредника будет оставаться чрезвычайно условной, а сами сбыто-снабженческие органы будут не столько облегчать процесс товаропродвижения, сколько являться помехой и организационным средостением во взаимоотношениях между поставщиком и потребителем.

Необходимо далее внедрить в практику договорных отношений *принцип наиболее экономного построения хозяйственных связей* между производящими организациями и потребителем. Значение этого принципа едва ли необходимо доказывать особо, поскольку он является выражением борьбы с многозвенностью товаропроводящей сети и обеспечивает ускорение товарооборота, сокращение накладных расходов и удешевление стоимости товаров. В практике мы встречаемся с такого рода случаями организационной абракадабры, из которой выбраться со свежей головой невозможно. Нужно поэтому добиться выбора наиболее экономного варианта в построении организационных связей, исходя из тех принципов товаропродвижения,

на которые со всей серьезностью обратил внимание еще сентябрьский пленум ЦК и ЦКК. Наиболее экономное или рациональное построение договорных отношений отнюдь не означает, однако, что структура этих отношений должна быть во всех этих случаях и наиболее простой структурой. Достаточно указать в качестве примера хотя бы на те же снабы и сбыты (понятно, если они построены нормально), чтобы убедиться, что в целом ряде случаев они не усложняют, а наоборот, облегчают и рационализируют систему товаропродвижения. Особенно значительна здесь роль выходных и торговых баз промышленности, поскольку они приближают товар к потребителю, облегчают его отбор в нужном ассортименте и при правильно организованных отношениях могут содействовать упрощению расчетов.

Наконец, непосредственное отношение к вопросу о построении договорных отношений имеет самый *выбор формы договора* или, точнее, типа договорных связей. В этом вопросе целый ряд организаций занимал нечеткую позицию, пока не появилось постановление Совнаркома Союза от 3 января 1933 г. Оно не указывает на ту или другую форму договора, как *преимущественную вообще, ибо о преимущественности данного типа договорных связей можно и должно говорить лишь применительно к конкретным отношениям данной системы*. Но остается бесспорным, что в условиях развертывающейся советской торговли и возрастающей разветвленности хозяйственных отношений несомненно *возрастает роль генерального договора* и сопутствующих ему локальных договоров, которыми охватывается обычно сложная система поставщика и потребителя. Равным образом эта форма договорных отношений организационно сочетается наиболее удобно с поставкой продукции, планируемой в централизованном порядке, и неизбежна при значительной территориальной разобщенности предприятий поставщика и потребителя. Гендоговор, в силу своей организующей роли, вносит ту необходимую ясность во взаимоотношения поставщика и потребителя, которую в ряде случаев не могут вовсе обеспечить прямые договоры. Нужно иметь в виду при этом, что при правильном размежевании содержания генеральных и локальных договоров хозяйственно-оперативная самостоятельность участников локальных договоров отнюдь не должна быть меньшей, чем при наличии прямых договоров. Таким образом задача надлежаще организованного товарооборота зачастую немыслима вне системы генеральных и локальных договоров. Практика преддоговорных споров выявила здесь наличие двух нездоровых тенденций. Первая из них заключается в том, что поставщики стремятся зачастую уклониться от заключения генеральных и локальных договоров, навязывая покупателю форму прямого договора. Так, Союзсбытпушнина упорно не шла на заключение гендоговоров со швейной промышленностью, доказывая, что прямые договоры с ее областными конторами обеспечат в лучшей мере задачи снабжения швейной промышленности. За всем этим стоит, помимо прямого нарушения закона от 3 января 1933 г., *стремление сложить с себя ответственность* за результаты снабжения и переложить ее на свои конторы. Второй нездоровой тенденцией является здесь *попытка превратить гендоговор из хозяйственно-регулирующего документа в доку-*

мент хозяйственно-оперативного значения, т. е. подменить содержание локальных договоров генеральным договором. В спорах с Главспиртом, Промсовхозобъединением, Союзсбытпушниной, Союзмукой и т. д. стороны аргументировали это стремление, как уже отмечалось выше, либо тем, что налицо продукция, имеющая особо важное значение для народного хозяйства, либо что методы расчетов должны быть обязательно указаны из центра, либо что условия приемки должны быть единообразны и т. д. Спрашивается, что остается при этих условиях от локального договора, как хозяйственно-оперативного документа?

В текущем году прямые договоры должны получить и найдут применение при поставке индивидуального оборудования, при наличии постоянной производственной связи между поставщиком и потребителем, а также в случаях, предусмотренных специальными законами. К ним может быть отнесен, в частности, закон от 23 июля 1932 г., по которому промкооперация организует сбыт продукции, изготовленной из собственного сырья, по преимуществу через систему прямых договоров. По букве закона от 3/I 1933 г. эти случаи составляют numerus clausus и *не могут быть толкуемы распространительно*. Мы не склонны однако подходить к вопросу о рамках применения прямых договоров строго формально. Так, мы думаем, что прямые договоры будут не только целесообразны, но и единственно возможны также при мелких партиях поставок. Однако принцип ограниченного применения прямых договоров остается принципом, колебать который никому не дано. Нельзя поэтому признать соответствующим закону 3/I 1933 г. когда, например, НКСнаб допускает в приказе от 7/I 1933 г. за № 10 заключение прямых договоров, помимо случаев, указанных в законе, также при снабжении нефондированными материалами, при внутриотраслевых отношениях и т. п.

К выбору и установлению той или другой структуры договорных отношений нужно подходить чрезвычайно осмотрительно, рассматривая данный вопрос как один из существенных моментов договорной кампании, от которого не в малой степени будет зависеть эффективность договора и его роль в деле укрепления социалистического производства и оживления товарооборота.

Мы далеко не исчерпали всей суммы основных вопросов договорной кампании текущего года, не затронув, в частности, таких моментов, как сроки поставки, форма расчетов, порядок разграничения ответственности между хозрасчетными звеньями данной системы и т. д.

Мы думаем, однако, что и тот относительно скромный материал, который привлечен был здесь нами, более чем достаточен для того, чтобы убедиться в крупнейшем хозяйственно-политическом значении договорной кампании текущего года и вместе с тем подчеркнуть всю ту актуальность, какую получает в свете этой кампании борьба за правильное построение договорных отношений, решительное улучшение качества договоров и большевистское их выполнение. И лучшим напутствием в этой борьбе должны стать для наших хозяйственников и юристов следующие слова, сказанные тов. Молотовым на III сессии ЦИК:

«Мы ставим перед собою задачу — заключение договоров и практику хоздоговоров сделать орудием борьбы за полное выполнение народно-хозяйственного плана. Что касается той практики, которую мы имеем здесь сейчас, то тут масса бумажного, масса канцелярского, масса бюрократического. Мы с этим будем вести борьбу и, мне кажется, чем больше мы сделаем для действительного улучшения практики дела договоров, тем лучше мы обеспечим внедрение хозрасчета, без которого не может развиваться промышленность и все наше хозяйство» [13].

[13] Молотов, Итоги пятилетки и план 1933 г., 1933, с. 52.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ДОГОВОРУ

Г. АМФИТЕАТРОВ

I

В вопросе об ответственности за невыполнение и ненадлежащее выполнение договорных обязательств буржуазное гражданское законодательство исходит, как известно, *из теории вины*, допуская отступления от нее лишь в относительно немногих случаях. Принцип вины, лежащий в основе этой теории, определяется буржуазной юриспруденцией как «внутреннее отношение дееспособного субъекта к совершаемому им деянию» [1], т. е. переносится в сферу чисто субъективную и предполагает «*свободную* и полную *сознательность* деликвента (правонарушителя.—Г. А.), волю его к совершению вредоносного деяния или к достижению вредоносного результата» [2].

Без вины нет ответственности, только виновное действие должника может быть основанием для ответственности,—таково общепринятое положение в этом вопросе буржуазного права, вытекающее из атомистического воззрения на буржуазное общество как на совокупность автономных, равноценных и свободных единиц. Иными словами, теория вины является идеологизацией в буржуазном праве разобщенных капиталистическим способом производства отдельных товаропроизводителей, которые противостоят один другому в конкурентной борьбе и только в этой антагонистической форме осуществляют через гражданский договор свое участие в «общественном обмене веществ». Но *виновное* действие есть *сознательное* действие, предполагающее известную *направленность воли*. Поэтому принцип вины в его чистом виде, стирая грань между уголовной и гражданской виной, не мог бы соответствовать интересам развитого буржуазного оборота и реальным пределам ответственности в нем. Более того, он представлял бы и прямую угрозу личной безопасности буржуа в его погоне за прибылью. Оставаясь на почве римского права, где принцип вины был проведен наиболее последовательно, пришлось бы признать, что в гражданской ответственности неизбежно заключается и элемент наказания (poena privata). Поэтому буржуазная юриспруденция спешит элиминировать буржуа из сферы уголовного права, размежевать в этих целях уголовную и гражданскую вину, подчеркнуть различие

---

[1] В. Нечаев, Вина, Новый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. X, с. 619.

[2] Я. А. Канторович, Основные идеи гражданского права, 1928 г., с. 99.

между действием, запрещенным законом (преступление), и действием уголовно безразличным, но составляющим гражданское правонарушение.

Эта цель достигается практически конституированием понятий *«недостаточной заботливости»* и *«упущения»* как той степени вменения, которая выходит за рамки обычного деликта и уже составляет *гражданскую вину* в собственном смысле. Нить рассуждений наглядно иллюстрирует здесь социальный заказ буржуазии и сводится к следующему: «Так как должник обязан внимательно относиться к своей деятельности, то одно непредвидение им того, что он мог предвидеть, составляет само по себе упущение с его стороны и, следовательно, для вменения ему в вину обстоятельств, о коих идет речь, нечего останавливаться на том, *в самом ли деле он сознавал причинную связь этих обстоятельств с совершаемым им действием или упущением*, т. е. предвидел их наступление; достаточно, если он мог сознавать эту связь, имел возможность предвидеть наступление означенных обстоятельств» [3]. Отсюда декларируемый буржуазной юриспруденцией руководящий тезис в этом вопросе: «То, что согласно установленной мерке *может* быть предвидено, *должно* быть предвидено» [4].

Дернбург лишь резюмирует эти общепринятые в буржуазном праве положения, когда пишет: «Всякий, кто отвечает за виновные действия—culpa, должен отвечать и за недостаток заботливости, свойственной хорошему хозяину — diligentia, а следовательно, и за убытки, причиненные простым упущением» [5]. Меркою же, *масштабом необходимой здесь заботливости является сам буржуа, каждый средний «добропорядочный хозяин»—олицетворение необходимой в капиталистическом обороте степени заботливости.* Нетрудно видеть, что эта «заботливость» есть лишь *возведенная в закон забота* о прибылях капиталиста, нарушение которой действительно составляет упущение или, точнее, «упущенную выгоду». Вот почему почтенная в римском праве фигура добропорядочного отца семейства (bonus pater familias) уступает свое место в буржуазном праве «деловому человеку» (швейцарский обязательственный закон), «добропорядочному купцу» (герм. торг. улож.) и т. д. От них требуется, по сравнению с простым товаровладельцем, не просто заботливость (Т-Д-Т), а *повышенная заботливость* (Д-Т-Д-д).

Так складывается *абстрактная вина* (culpa in abstracto). Под нею понимается стало быть всякое нарушение необходимой в обороте заботливости, нормированной поведением «добропорядочного» буржуа, в отличие от конкретной вины (culpa in concreto), т. е. нарушения заботливости, проявляемой данным лицом в своих личных делах.

Чем же является в действительности абстрактная вина?

Мы знаем, что воля простого товаровладельца была направлена в обороте на удовлетворение своих потребительских нужд (Т-Д-Т). Ей соответствовал *конкретный договор* как акт сознательного в этих целях участия в обмене, а потому и *вина была* там *конкретной виной*,

---

[3] Проект Гражд. улож. Обязательства, кн. 5, т. I, объяснение к ст. 112, с. 238.

[4] Там же, с. 239.

[5] Р. Дернбург, Пандекты, т. II, с. 98.

она индивидуализирована, связана с конкретным субъектом права и конкретными видами договоров. Вина имеет там, так сказать, и свое имя и свое отчество. Именно на этой почве сложилось «римское право, с его тончайшей разработкой всех существующих отношений простых товаровладельцев: купли и продажи, ссуды, долга, договора и прочих обязательств» [6]. Конкретной постановке вопроса о вине соответствует и введенная римским правом известная пятичленная классификация ответственности, различавшая злой умысел (dolus malus), грубую небрежность (culpa lata), неосторожность (culpa levis и даже levissima), а также случай (casus) и непреодолимую силу (vis major).

Не то мы видим в буржуазном обществе. Здесь потребительная стоимость перестает быть непосредственной целью, ибо для капиталиста этой целью становится, по выражению Маркса, «неустанное движение к прибыли». Конкретное многообразие продуктов человеческого труда растворяется в абстрактном понятии товара. «Все, на что люди привыкли смотреть, как на неотчуждаемое, делается предметом обмена и торга, становится отчуждаемым» [7], может быть переведено и переводится на язык всеобщего эквивалента—денег. Буржуазия «не оставила между людьми никакой связи, кроме голого бессердечного чистогана» [8]. Под влиянием этого процесса всеобщей товаризации отношений в капиталистическом обществе «способность быть субъектом прав окончательно *отрывается от живой конкретной личности*, перестает быть функцией ее действенной сознательной воли и становится чисто социальным свойством» [9]. Появляется абстрактный субъект права. Самый договор одновременно превращается в абстрактный договор, который поглощает себе конкретные особенности той или другой сделки, ибо капиталист видит в ней прежде всего *долговое обязательство* (Schuldrecht). Он интересуется предметом договора постольку, поскольку на нам обозначена *цена*. Иными словами, для капиталиста договор становится лишь формальным опосредствованием процесса реализации прибавочной стоимости и интересует буржуа главным образом в этом своем качестве. Но при такой степени абстракции договора для буржуа играет второстепенную роль вопрос о том, получит ли он прибыль *как прибыль в результате исполнения договора*, или ту же прибыль *как упущенную выгоду вследствие нарушения договора*. И в том и в другом случае налицо прибыль как основная цель его участия в обороте. Иными словами, проблема воспроизводства, а стало-быть и реальности исполнения не имеет для буржуа самостоятельного значения, а рассматривается через призму той же прибыли. И только потому, что процесс воспроизводства есть conditio sine qua non воспроизводства прибавочной стоимости, реальность исполнения интересует буржуа, который борется за нее постольку, поскольку это ему выгодно. Таким образом абстрактная вина есть лишь вина абстрактного субъекта права в абстрактном обязательстве и уже не яв-

---

[6] Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах, с. 73.
[7] К. Маркс, Нищета философии, 1931 г., с. 37—38.
[8] К. Маркс и Ф. Энгельс, т. V, с. 485.
[9] Е. Пашуканис, Общая теория права и марксизм, изд. 1, 1924 г., с. 74.

ляется теперь методом индивидуальной оценки поведения неисправного контрагента. В мире всеобщих абстракций *она становится не более как нарушением принятого в обороте стандарта и служит лишь формально-правовым титулом возмещения капиталисту упущенной им выгоды. Основанная на абстрактной вине ответственность вытекает здесь, следовательно, целиком и полностью из капиталистической прибыли*, которая в свою очередь является категорией буржуазных условий производства, опирающихся на капиталистическую частную собственность.

Так, теория вины римского права, вновь рожденная к жизни на базе капиталистического производства, становится в действительности лишь идеологизированной формой нормированного в интересах оборота поведения буржуа.

Буржуазная теория гражданского права не могла, однако, остановиться в данном вопросе на этой ступени своего развития. Уже абстрактная вина означала на деле *отказ от принципа вины* и, как мы видели, приводила к тому, что ни о какой «необходимой заботливости» самого буржуа, а стало быть и ее нарушении нет собственно и речи. Образование и рост крупномонополистических *анонимных* объединений, когда «из разрозненных капиталистов складывается один коллективный капиталист»[10], еще более наглядно подчеркнуто эту мысль и открыло прямой путь другой буржуазной теории, так называемой *теории причинения*. Сущность ее заключается, как известно, в том, что *для ответственности по тому или другому обязательству достаточно самого факта причинной связи между действием данного лица и причинением вреда (убытков)*, вследствие чего ответственность расширяется здесь до пределов непреодолимой силы. Выдвигаемый этой теорией принцип ответственности есть лишь обоснование и возведение в догму того положения, к которому привело в действительности применение начал абстрактной вины. В самом деле, если абстрактная вина—это лишь формально-юридический титул, необходимый капиталисту для возмещения ему упущенной выгоды, а само исполнение и нарушение договора объединяются в понятии долгового обязательства, то что остается здесь из условий ответственности, кроме самого факта нарушения обязательства? Особенно наглядно это иллюстрирует *вексель*, который даже формально абстрагируется от своего собственного основания (causa). Ответственность по нему определяется голым фактом просрочки платежа, мотивы же для оборота безразличны.

В этих условиях индивидуальное поведение контрагента в коммерческом обороте превращается в значительной мере в фикцию, а соблюдение мер необходимой предусмотрительности сводится в основном к принятому в обороте *условному стандарту*, при котором сама ответственность приобретает черты резко выраженного автоматизма: нарушил договор—плати! Иными словами, *самый факт нарушения обязательства* все более становится здесь отправным и решающим моментом.

Вызванная к жизни деятельностью крупных капиталистических

---

[10] Ленин, т. XIX, с. 97.

объединений теория причинения получила, однако, признание *лишь в сфере внедоговорных обязательств*. Она обосновывается здесь одним из ее защитников, проф. Гедеманом, следующим образом: «Кто обладает такими мощными и притом опасными орудиями оборота, как *железные дороги, фабрики, автомобили*, тот должен принять на себя ответственность *за всякий, а не только по вине причиненный вред*; иной вывод был бы антисоциальным»[11]. Гораздо откровеннее другой буржуазный проф., К. Адлер. Он пишет: «В весьма многочисленных случаях право постановляет: «Ты вправе вредить и грозить опасностью своим согражданам». Если бы право этого не говорило,—продолжает Адлер,—то *не могли бы существовать* железные дороги, и... автомобили. Из боязни потравы никто бы не держал животных, а из боязни дурных последствий от дыма, шума и опасности взрыва ни одна фабрика не могла бы существовать»[12]. Дело здесь стало-быть не в началах «социальной справедливости», а, по признанию самого же Адлера, в обеспечении интересов крупных капиталистических предприятий, существование и деятельность которых как «источника повышенной опасности» для окружающих социально оправдывается этим путем и юридически обосновывается. Крупное монополистическое предприятие использует свое монопольное положение в бешеной конкурентной борьбе для получения сверхприбылей, для получения тех дополнительных выгод, которые извлекает оно на основе консолидации капитала, путем дальнейшего наступления на жизненные интересы рабочего класса и усиления его эксплоатации. Но с ростом сверхприбылей предприятия на его «балансе» растут одновременно сотни и тысячи искалеченных пролетариев, приносятся в жертву капиталу человеческие жизни. Для капиталиста они являются только неизбежным следствием «профессионального риска» предприятия, составляют лишь «издержки производства», на оплату которых по сходной цене он идет тем охотнее, чем большее «сальдо» остается в его пользу. Устанавливаемая здесь по принципу причинения *ответственность за риск*, связанный с эксплоатацией предприятия, есть, следовательно, ответственность, вытекающая из капиталистической прибыли и в интересах этой прибыли. А чтобы *гарантировать* эту прибыль капиталист заранее страхует себя на случай возможных последствий «профессионального риска», т. е. страхует себя в интересах прибыли от расплаты за последствия своей же собственной предпринимательской деятельности. *Капиталисту нельзя оставаться здесь в позе «доброго хозяина», каким он выступает в сфере договорных отношений, ибо его деятельность слишком уж наглядно близка к убийству, а зачастую неотделима от него*. И буржуазное право стремится поэтому *«освободить имущего* от *иной, кроме имущественной, ответственности»*[13], а *самый принцип вины заменяет в этих целях принципом простого причинения, при котором оценка поведения капиталиста заранее исключена*. Вот, следовательно, чем объясняется, что теория причинения получила признание в сфере внедоговорных обязательств.

---

[11] Hedemann, Schuldrecht des BGB, S. 245.

[12] К. Адлер, Ответственность без вины в гражданском и уголовном праве, 1913 г., с. 13.

[13] П. Стучка, Курс советского гражданского права, т. III, 1931 г. с. 145.

Спрашивается, завоевала ли эта теория такое же для себя признание в сфере договорных отношений? Казалось бы, что, будучи логическим завершением начал абстрактной вины, теория причинения должна была стать основой и для ответственности по договору. И тем не менее на этот вопрос приходится ответить *отрицательно*, ибо как буржуазное гражданское законодательство, так и практика капиталистического оборота продолжают оставаться на позициях теории вины. Ее принципы попрежнему царствуют в сфере договорных отношений, в соответствии с ними попрежнему определяется ответственность неисправного контрагента как ответственность за виновные действия. Доказывать это положение в отношении буржуазного законодательства нет надобности. Достаточно сослаться хотя бы на § 276 BGB или ст. 97 швейцарского обязательственного закона. Но и практика капиталистического оборота говорит о том же. Вот несколько примеров. В образцовой генеральной чартепартии (редакция 1922 г.) мы читаем: «Судовладельцы ответственны за потери, повреждения или задержку в доставке грузов только в том случае, если таковые произошли от несоответственного и небрежного размещения груза (за исключением случая, если укладка произведена отправителями или их стивидорами или служащими), либо *от отсутствия личного надлежащего старания со стороны судовладельцев или их управляющего* приготовить пароход во всех отношениях пригодным для плавания и обеспечить, чтобы он был надлежаще пополнен командой, оборудованием и снабжен припасами, либо *от личного поступка или от вины судовладельцев или из-за управляющего*. Судовладельцы не ответственны за потери или задержку, происходящие по каким-либо другим причинам, *даже от нерадивости или ошибки капитана* или команды или другого лица, нанятого судовладельцами на пароходе или на берегу, и за действия каковых они без этой оговорки были бы ответственны, либо от негодности парохода к плаванию, оказавшейся при погрузке, или в начале рейса или после этого». Принцип вины кричит здесь о себе. И это в такой огромной области как морские перевозки!

Даже условия закупок и заказов Торгпредства СССР в Германии не свободны от влияния этого принципа. Так, в § 4 этих условий мы находим следующие указания: «Непредвиденные события, которые *не лежат на ответственности поставщика*, соответственно удлиняют срок поставки лишь настолько, насколько эти события существенно влияют на выполнение в назначенный срок заказов». Эта ответственность толкуется здесь, конечно, в смысле § 276 BGB: должник отвечает за умысел и небрежность. Налицо—тот же принцип вины.

О нем же говорят правила Гамбургского договора для масличных семян и растений,—правила, типичные и для других договоров.

Чем же объяснить, что теория вины не только не потеряла кредита в буржуазном обороте, но и продолжает широко пользоваться им?

Объясняется это тем, во-первых, что в сфере договорных отношений деятельность капиталиста не так наглядно связана с ее эксплоататорской природой, как в сфере внедоговорных обязательств. Здесь «демократия рынка» прикрывает господствующую «деспотию производства». Отказываться же от теории вины без прямой к тому необходимости капиталисту нет смысла, ибо теория вины, выродившаяся в свое соб-

ственное отрицание, не только не мешает обороту, но со своим *одинаковым масштабом* абстрактной вины прямо соответствует его требованиям. Подобно тому как лозунги свободы и равенства, выражая интересы буржуазии, потребовались ей, чтобы утвердить свободу эксплоатации и фактическое неравенство, подобно этому и принцип вины, соответствуя формальным требованиям оборота, тем лучше удовлетворяет им, чем больше отрицает себя, заменяя индивидуальное и конкретное стандартным и абстрактным.

Во-вторых, начала конкуренции, лежащие в основе капиталистического оборота, неотделимы от *формальной свободы* участников этого оборота. Поэтому отказаться от теории вины и сдать ее в музей истории буржуазное гражданское законодательство не может. Поступая так, оно лишило бы себя той базы, на которой покоятся понятия договора как *свободного волеизъявления сторон*, да и самые условия ответственности, как ответственности за формально-виновные действия.

Решающую однако роль играет здесь то обстоятельство, что буржуазное законодательство, отражая на себе влияние стихийного закона стоимости, *вынуждено рассматривать в обороте случай и непреодолимую силу как условия, освобождающие от ответственности.* Ведь проблема ответственности неразрывно связана с возможностью исполнения, является ее *оборотной стороной.* В буржуазном обществе эта возможность исполнения лимитирована непреодолимыми в рамках капитализма и органически свойственными ему противоречиями. Стихийным законом стоимости продиктована здесь «невозможность исполнения». Нередко становится она объективным фактом и в силу закономерностей капитализма возводится в абсолют. Оставаясь поэтому на позициях теории вины, буржуазное право как бы говорит здесь должнику: «Ты не виновен. Здесь действует хозяин буржуазного общества—возведенная в закон анархия капиталистического производства».

II

Буржуазные теории вины и причинения, как это показано выше, рождены стихией капиталистической наживы и эксплоатации, неотделимы от материальных условий капиталистического способа производства, созданы по его образу и подобию. Эти теории вместе со всей системой буржуазной юриспруденции переживают сейчас старческую дряхлость и под ударами всеобщего кризиса капитализма все ниже склоняют свою когда-то гордо поднятую голову. Близится время, когда не только эти теории, но и вся буржуазная юриспруденция вместе с породившим ее капитализмом будет выброшена пролетарской революцией на свалку истории, что уже сделал у нас рабочий класс в Октябрьские дни. Но влияние буржуазной юридической мысли может оказывать и оказывает свое действие еще долго после того, как уже исчезли обусловившие ее материальные предпосылки. Этим объясняется, что потребовались годы, прежде чем наше советское хозяйственное право, опираясь на богатейший опыт революционного строительства, окончательно сломило сопротивление буржуазных теорий вины и причинения и расчистило почву для разработки этих вопросов в свете марксистской теории права. Насколько силен был

налет буржуазно-юридических наслоений в вопросе об ответственности по обязательствам, показывает хотя бы наш Гражданский кодекс 1923 г. Он еще остается здесь (по крайней мере, формально) на позициях буржуазных теорий вины и причинения. Так, по ст. ст. 121 и 122 ГК просрочка со стороны должника возлагает на него, помимо возмещения убытков, *ответственность за случайно наступившую после просрочки невозможность исполнения*. Просрочка со стороны кредитора дает должнику право, помимо требования возместить причиненные просрочкой убытки, освободиться от ответственности за последующую невозможность исполнения *во всех случаях, кроме умысла или грубой неосторожности*. Что это, как не теория вины, воспроизведенная expressis vaerbis? Или взять статью 404 ГК. Там мы читаем, что лица и предприятия, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, отвечают за вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие *непреодолимой силы, либо умысла или грубой небрежности самого потерпевшего*. Они отвечают стало быть и за *невиновные действия*. Автор проекта ГК проф. Гойхбарг прямо заявляет в связи с этим, что наш кодекс «считает достаточным основанием для возникновения обязательства *простое причинение вреда одним лицом* (физическим или юридически) *другому*»[14].

Марксистской теории права и судебной практике пришлось поломать немало копий вокруг этого вопроса, прежде чем им удалось, разоблачив буржуазную сущность этих теорий, преодолеть их сопротивление. Первым шагом по этому пути было то, что Верхсуд РСФСР решительно отверг абсолютный характер отдельных условий освобождения от ответственности. Так была, например, развенчана так называемая невозможность исполнения. В докладе о работе ГКК Верхсуда за 1925 г. мы читаем:

«Непреодолимая сила есть понятие относительное. *Препятствие, мешающее исполнению договора или обязательства, становится непреодолимой силой не в силу внутренних, присущих ему свойств, а в зависимости от соотношения ряда условий и конкретных обстоятельств*. То, что в одном месте является легко преодолимым, в другом — может стать непреодолимым; то, что один контрагент может устранить, преодолеть, для другого невозможно»[15].

Здесь уже правильно нащупана принципиальная разница в самой постановке вопроса о возможности исполнения у них и у нас. В буржуазном праве непреодолимая сила — это обусловленная объективными противоречиями капитализма невозможность исполнения, которая стала *нормой*.

В советском праве невозможность исполнения это лишь *частный случай* в борьбе за реальность обязательства, отнюдь не имеющий общего применения.

Второй шаг сделан здесь несомненно проектом «Основных начал

---

[14] Проф. А. Г. Гойхбарг, Хозяйственное право РСФСР, т. I, изд. 3, ст. 170—171.

[15] ГКК Верхсуда имеет здесь ввиду, понятно, невозможность исполнения не только в субъективном, но и в объективном смысле. Сборн. разъяснений Верхсуда РСФСР, изд. 2, 1931 г., с. 108. Выделение мое. — Г. А.

гражданского законодательства Союза», который составлен был при нашем участии покойным П. И. Стучка. Проект попытался перенести в сферу хозяйственно-правовых отношений и использовать в нем уже накопленный в этом вопросе опыт уголовного права. Он предложил, как известно, понятие *социально-опасных* и *социально-вредных действий* в качестве объективного критерия для суждения об ответственности [16]. Это уже был не только формальный разрыв с теориями вины и причинения, но и открытое объявление войны им[17]. Тем самым решена была первая задача—задача негативного порядка. На очереди стояла вторая задача, вытекающая из того, что советское право является не только правовой *формой отрицания* капиталистических отношений, но выступает вместе с тем и как *форма утверждения* принципиально новых общественных отношений, которые стали возможными лишь после перехода политической власти и основных средств производства в руки рабочего класса. Задача заключалась стало-быть в том, чтобы найти свои, отличные от буржуазного права методы и формы решения проблемы ответственности по договору. Проект «Основных начал» сделал попытку дать такое решение вопроса; однако хозяйственное право не может остановиться на этом решении, во-первых, потому, что самая формула ответственности, предложенная проектом, это скорее алгебраическая формула гражданского права, чем конкретная норма хозяйственного права. Во-вторых, и это главное, установленные проектом условия ответственности имеют в виду прежде всего если не исключительно *частно-имущественные отношения*, т. е. обращены лицом к той полосе социалистического строительства, когда мелко-товарные отношения еще были преобладающими в стране, а само гражданское право являлось основным каналом, через который реализовались важнейшие хозяйственные связи между городом и деревней.

Теперь это уже перевернутая страница истории. Острейшая в свое время проблема «кто-кого» сейчас решена окончательно и бесповоротно в пользу социализма. Идут ко дну и гибнут, бешено сопротивляясь, последние остатки капиталистических классов. Абсолютно преобладающее место принадлежит отныне социалистическому хозяйству и в городе, и в деревне. Социализм победил по всему фронту. Резко изменилась соответственно с этим физиономия самого хозяйственного права: от гражданского права остались лишь отдельные элементы, а само деление хозяйственного права на гражданское и хозяйственно-административное представляет собою уже *вчерашний день*. Для единой и монополитной системы советского хозяйственного права давно уже стали узловыми вопросами—вопросы организации и управления социалистическим хозяйством. Это теперь самые жгучие вопросы нашей революционной практики.

В условиях абсолютного преобладания социалистических форм хозяйства и их дальнейшего роста и укрепления вопрос о материаль-

---

[16] См. ст. 144 проекта Основных начал Гражданского Законодательства Союза, ССР. М. 1931 г.

[17] «Коммунистическая революция есть самый радикальный разрыв с существующими имущественными отношениями, неудивительно, что она самым радикальным образом разрывает с традиционными идеями»,—писали Маркс и Энгельс (т. V, с. 501).

ной ответственности по договору должен следовательно ставиться и решаться по-иному. Этот вопрос есть сейчас прежде всего *вопрос об ответственности государственного и кооперативного предприятия за результат своей работы, т. е. он стоит и должен быть решен как неразрывная часть общей проблемы управления социалистическим хозяйством.* Только в этой связи могут быть раскрыты и уяснены 1) вопрос о пределах или объеме ответственности по договору и 2) вопрос о том, что является критерием или масштабом этой ответственности.

Остановимся на первом из этих вопросов. Как известно, буржуазная юриспруденция учит, что «действие как предмет обязательство должно быть объективно возможным»[18]. Но она одновременно оговаривает, что не всякое объективно выполнимое обязательства может быть выполнено. В своем юридическом словаре она помещает эти два тезиса рядом. Тем самым невольно подчеркиваются *ограниченные рамки реальности исполнения при капиталистическом способе производства*, где так называемая рыночная конъюнктура, складываясь под непосредственным влиянием закона стоимости, становится действительным хозяином оборота. Объективные закономерности капитализма нередко произносят свое «veto» там и тогда, где и когда при других условиях обязательство было бы выполнено. Эта обусловленность права материальными отношениями производства в конечном счете вскрывает *крайне ограниченные при капитализме возможности обратного воздействия политической надстройки на экономику*, безнадежность попыток организованного вмешательства буржуазии в общественный процесс развития для устранения неустранимых противоречий капитализма. Вот где корни так называемой невозможности исполнения.

Принципиально иначе обстоит дело в обществе переходного к коммунизму периода. Решающим фактором, определяющим весь строй общественных отношений при диктатуре пролетариата, является не тот или другой объективный закон развития, а *сама пролетарская диктатура.* Это прямо вытекает из основной задачи пролетарской революции, которая «сводится к тому, чтобы, захватив власть, построить новую социалистическую экономику»[19]. Здесь «власть используется как рычаг для перестройки старой экономики и организации новой»[20]. Все необходимые возможности для выполнения этой грандиозной созидательной задачи заключены в самой пролетарской диктатуре, даны вместе с ней. Это подтверждено прямыми указаниями Ленина и Сталина, это подтверждено всем победоносным ходом пролетарской революции. «В самом деле,—говорит Ленин,—власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,— разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной

[18] Проф. А. М. Гуляев, Русское гражданское право, изд. 4, с. 319.
[19] Сталин, «Вопросы ленинизма», 1932 г., с. 196.
[20] Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 9, 1932 г., с. 9.

только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую и которую, с известной стороны, имеем право третировать теперь при нэпе так же, *разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества?* Это еще не построение социалистического общества, но это *все необходимое и достаточное для этого построения*»[21].

Не менее определенны указания т. Сталина по этому вопросу. «При диктатуре пролетариата у нас имеются,—говорит он,—все данные, необходимые для того, чтобы построить полное социалистическое общество, преодолевая все и всякие внутренние затруднения, ибо мы можем и мы должны преодолеть их своими собственными силами»[22].

При диктатуре пролетариата и именно в силу диктатуры пролетариата устанавливается *таким образом совершенно иное соотношение между производительными силами и производственными отношениями*, устанавливается такое соотношение между ними, при котором *рабочий класс является одновременно и важнейшей производительной силой и держателем всей полноты политической власти* и *хозяином основных средств производства*. В силу такого соотношения производительных сил и производственных отношений пролетариат располагает для целей социалистического строительства поистине неизмеримыми возможностями непосредственного и активно-творческого воздействия на всю экономику, на всю систему общественных отношений переходного к коммунизму периода. «Политика есть концентрированная экономика... Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе—значит забывать азбуку марксизма»,[23] говорил и не раз повторял Ленин. Глубокий смысл этих указаний, подтверждающих сказанное, становится особенно ясным теперь, когда в результате выполнения первой пятилетки уже построен фундамент социалистической экономики, созданы гиганты социалистической индустрии и в промышленности и в сельском хозяйстве, изменено само лицо нашей страны, которая превращена из страны отсталой и аграрной в страну передовую и индустриальную.

При диктатуре пролетариата решает стало-быть дело организованная воля рабочего класса, которая воплощена в генеральной линии партии и объединяет и сплачивает вокруг себя многомиллионные массы трудового крестьянства[24].

Можно ли в этих условиях говорить о «невозможности исполнения», как некоем объективном начале, подлежащем учету при определении материальной ответственности по обязательствам? Понятно, нельзя. *Проклamировать в наших условиях «невозможность исполнения» значит юридически обосновывать оппортунистическое неверие в построение социализма, значит отрицать активную, революцион-*

---

[21] Ленин, т. XXVII, с. 192.
[22] Сталин, «Вопросы ленинизма», 1929 г., с. 208.
[23] Ленин, т. XVI, с. 355.
[24] См. передовую в «Правде» № 173 от 1/VII 1933 г. «На борьбу за народно-хозяйственный план».

но-творческую роль пролетарской диктатуры, значит становиться на путь самотека, скатываться на позиции буржуазного права. Этот общий тезис не есть некий отвлеченный догмат или некая абстрактная норма, оторванная от жизни. Наоборот, он прямо и непосредственно связан со всей практикой социалистического строительства, со всей системой управления нашим хозяйством.

В самом деле, то особое соотношение между производительными силами и производственными отношениями, какое существует при диктатуре пролетариата, раскрывает себя в системе управления социалистическим хозяйством в том, во-первых, что это хозяйство есть плановое хозяйство, т. е. *хозяйство, руководимое и направляемое сознательной и организованной волей рабочего класса*, а не слепыми законами развития, независимыми от этой воли. Этого нет и быть не может при капитализме, где попытки планирования наталкиваются на частокол юридических норм, охраняющих неприкосновенную частную собственность буржуа и отделяющих имущего от неимущих, чтобы властвовать над ними.

Это возможно и только при диктатуре пролетариата, которая уничтожила межи частнособственнической ограниченности и замкнутости, превратив все основные средства производства в общественную социалистическую собственность. Еще в решениях XII съезда партии мы находим прямые о том указания. Там говорится: «В советской России, где главные средства производства промышленности и транспорта принадлежат одному владельцу—государству, активное вмешательство последнего в хозяйственную жизнь должно по необходимости получить плановый характер и ввиду господствующей роли государства как собственника и хозяина приобретает тем самым уже на первых порах исключительное значение». Вот как обстоит дело с первым выводом, какой вытекает с необходимостью из пролетарской диктатуры и характеризует систему управления нашим хозяйством.

Во-вторых, особое при советском строе соотношение производительных сил и производственных отношений раскрывает себя здесь в том, что самый *план социалистического строительства так же реален, как реальна организованная воля рабочего класса*, что план выполним и должен быть выполнен.

Достаточно вспомнить известные всем указания т. Сталина, которые дал он по этому вопросу на конференции работников социалистической промышленности в 1931 г. Разве не им сказано там, что все так называемые объективные возможности для выполнения плана у нас есть налицо? Разве не им указано в качестве этих «*объективных» возможностей* наряду с природными богатствами страны «*наличие такой власти, которая имела бы желание и силу двинуть использование этих природных богатств на пользу народа?*»[25]. Разве не им указано, что у нас есть партия, достаточно сплоченная и единая для того, чтобы направить усилия всех лучших людей рабочего класса и достаточно опытная для того, чтобы не сдрейфить перед трудностями и систематически проводить в жизнь правильную революционную большевистскую политику? Так стоит вопрос.

---

[25] **Сталин, «Вопросы ленинизма», 1932 г., с. 580.**

Раз план выполним, то выполнимы и плановые задания, из которых складывается он. Раз план реален, то реальны и плановые задания, которыми характеризуется он. Где же здесь место пресловутой невозможности исполнения, на которую в бессилии своем наталкивается буржуазное право? Она теряет всякую почву для себя в условиях советского планового хозяйства, является тем анахронизмом, пережитком, который если и сохранился, то отнюдь не в реальной хозяйственной обстановке, а лишь в отсталом сознании тех, кто еще не верит в построение социализма и занимается болтовней о нереальности плана. Из этого вытекает, что каждое хозяйственное предприятие, действующее в условиях планового хозяйства, *может и должно выполнить* адресованные к нему *плановые задания*, и потому оно *должно отвечать* за результат своей деятельности по выполнению плана. Не ясно ли, что в этих условиях рамки, *пределы ответственности хозоргана предопределены* адресованным ему плановым заданием. Не из абстрактных юридических положений должны мы дедуцировать пределы ответственности по договору, а из конкретной обстановки социалистического строительства, руководимого пролетарской диктатурой.

Как мы сказали, пределы ответственности того или другого предприятия в конечном счете предопределены планом, ибо оно (предприятие) действует в рамках этого плана и в соответствии с ним. Означает ли это, что сама ответственность хозоргана вытекает из плана, наступает, так сказать, автоматически, всякий раз, когда плановые задания в той или другой части невыполнены? Нет, такая постановка вопроса была бы неверна. Она снимала бы проблему *борьбы* за выполнение плана, провозглашала бы самотек там, где требуется величайшие организованность и напряжение сил; наконец она отрывала бы план от тех методов, какими он претворяется в жизнь. Что нужно для выполнения плана?—ставит вопрос т. Сталин. И отвечает: «Для этого требуется два основных условия. Во-первых, чтобы были реальные или, как у нас выражаются, «объективные» возможности для этого. Во-вторых, *чтобы было желанье и уменье руководить нашими предприятиями таким образом, чтобы эти возможности были претворены в жизнь*»[26]. Значит, план хотя бы и реальный, построенный с учетом «объективных» возможностей, выполняется не сам по себе, не автоматически, *а его выполняют, за его выполнение борются, его выполнение организуют.*

Этим методом организации, этим методом активной борьбы за выполнение плана является, как известно, *хозрасчет*. В нем нужно видеть прежде всего *орудие пролетарской диктатуры в борьбе за расширенное социалистическое воспроизводство*. В нем нужно видеть проявление того мощного активно-творческого начала, которое заложено в пролетарской диктатуре и которое обеспечивает коренную переделку экономики и самого сознания людей в переходный к коммунизму период. Особое при советском строе соотношение производительных сил и производственных отношений проявляет себя в системе управления социалистическим хозяйством не только в том,

---

[26] Там же, с. 584.

что наше хозяйство руководится планом, не только в том, что план выполним, но также в том, что самые методы выполнения плана—это *активные методы большевистской мобилизации. и организованного использования заключенных в пролетарской диктатуре возможностей для выполнения плана.* Вот почему хозрасчет приобретает крупнейшее хозяйственно-политическое значение и неотделим от плана неразрывно связан с ним. Опираясь на учет и сопоставление издержек и результатов производства, он является важнейшим принципом управления социалистическим хозяйством, лежит в основе оперативной деятельности всех государственных и кооперативных предприятий. Хозрасчетная организация производства и отношений обмена обеспечивает предприятию оперативную самостоятельность, закрепляет, за ним определенное имущество и необходимые оборотные средства, дает возможность распорядиться в соответствии с планом всеми материальными ресурсами и т. д. Таким образом хозрасчет есть *форма мобилизации и организованного использования возможностей для выполнения плана.* Именно из этого вытекает материальная ответственность предприятия за результат своей работы. Она, эта ответственность, является необходимым и обязательным следствием хозрасчета, является тем стимулом, без которого хозрасчет не достигал бы своей цели, терял бы свое качество. «*Тресты и предприятия,*—говорит Ленин,—*основаны именно для того, чтобы они сами отвечали, и причем всецело отвечали за убыточность своих предприятий*»[27]. Значит центр тяжести проблемы об ответственности заключается не в том, чтобы искать условия, освобождающие от ответственности, а, наоборот, *как раз в том, чтобы создать условия такой ответственности.* А эти условия ответственности даны хозрасчетными возможностями для выполнения плана, заключены implicite в реальном содержании хозрасчета как активном методе выполнения плана. Юридически эта ответственность опирается на *договор*, который является формой организации хозрасчетных связей. Не ясно ли, что именно здесь в хозрасчетном построении всей оперативной работы социалистического хозяйства заключается ответ на то, что должно служить масштабом, критерием ответственности предприятия?

Этим критерием ответственности должна стать *степень использования данным предприятием хозрасчетных возможностей для выполнения плана, степень овладения хозяйственной инициативой, степень уменья правильно, по-хозрасчетному организовать руководство всей оперативной работой.* Это прямо вытекает из приводимых нами указаний т. Сталина. Причины частичного недовыполнения плана, а, следовательно, и договора нужно искать не в отсутствии «объективных» возможностей, ибо эти возможности налицо, а в том, что «*не хватило уменья использовать эти возможности*»[28]. Только здесь мы найдем правильное объяснение тому, что оперативная работа отдельных предприятий болеет рядом серьезных недостатков, идет иногда плохо и влечет за собой нарушение обязательств по договору.

---

[27] Сталин, «Вопросы ленинизма» изд. 9, 1932 г., с. 578—579. Выделение мое.—Г. А.

[28] Сталин, О задачах хозяйственников, с. 4.

В этой постановке приобретает необходимую ясность проблема освобождения от ответственности. Так называемая невозможность исполнения принципиально несовместима с условиями социалистической стройки, где все направлено на то, чтобы добиться *реальности исполнения*, где все направлено *на борьбу с возможностью неисполнения*. Всякое обязательство, взятое на себя предприятием в силу хозрасчетной организации его работы, должно и может быть выполнено. Все так называемые условия освобождения от ответственности, если они не связаны с освоением начал хозрасчета, должны быть отброшены, как негодный хлам прошлого. Этих условий нет и не должно быть там, где работа организована правильно, где хозрасчет внедрен в самую гущу оперативной работы и стал ее действительной основой. *Первая здесь забота должна быть о том, чтобы создать условия ответственности*,—первая, но не единственная. Ибо вторая забота должна быть о том, чтобы *избежать автоматизма и обезлички ответственности* (а их нужно избежать, так как хозрасчет есть метод *индивидуализации* предприятия). Для этого требуется, с одной стороны, решительно бороться со всякими тенденциями установить безусловные посылки освобождения от ответственности независимо от конкретных условий. Для этого нужно, с другой стороны, учесть, а не отбрасывать огульно как раз те условия, которые не находятся в связи даже косвенно с действительным использованием хозрасчетных возможностей. Бить рублем в этом последнем случае уже не значит стимулировать хозрасчет. Эта мера не достигает здесь цели, ибо не стоит в связи с хозрасчетной организацией работы, и потому превращается в какое-то «возмездие» за самый факт нарушения «обязательства» независимо от причин, которыми оно (нарушение) вызвано.

Наряду с борьбой за всемерное усиление ответственности надо вместе с тем предупредить тенденцию «левацкого» толка, снять вовсе проблему освобождения от ответственности. Это крайность, заскок тем более опасный, что он несет с собой *обезличку* во всем этом важном деле, где как раз *индивидуализация* ответственности должна стать руководящим принципом. Не единая мерка, не шаблон нужны здесь, а всякий раз *конкретный подход*. Надо понять, что, освобождая от ответственности тогда, когда причина нарушения договора не в хозрасчете, мы тем самым *укрепляем хозрасчет и начала ответственности*, а не ослабляем их. А эти случаи освобождения от ответственности будут *крайне редки*, если к хозрасчету подходить по-серьезному, если с ним связывать *активную борьбу* за выполнение плана. Значит: «отвечай тогда, но и только тогда, когда не сумел организовать работы по-хозрасчетному и в результате нарушил план».

Выводы, стало-быть, ясны:

1) пределы материальной ответственности определяются планом, ибо для его выполнения даны все необходимые возможности;

2) масштабом же этой ответственности является то, *как и в какой мере* были использованы эти возможности.

Само собою разумеется, что эти выводы представляют собою пока только самый *принцип* решения вопроса, а не *норму*. Нормативное же освоение этого принципа требует добавочной работы

и связано с известными трудностями, анализ и пути устранения которых могли бы быть предметом самостоятельной статьи. Мы не склонны преувеличивать однако эти трудности, ибо думаем, что выдвинутый нами принцип ответственности вытекает из самого существа нашей практики, т. е. он жизненен и может быть непосредственно применим к основной массе случаев. В виде исключения, которое требует соответствующего корректива, можно было бы указать здесь на тот случай, когда невыполнение договора одним звеном *по независящим от него причинам* (напр. в результате планирующей деятельности государства), делает в свою очередь невозможным исполнеиие договора другим звеном во взаимоотношениях с какой-либо третьей организацией. Чтобы исключить здесь возможность универсальной амнистии для всех звеньев, можно, а быть может и нужно всякие расходы, связанные с мероприятиями центральной власти в области регулирования и планирования хозяйства, отнести за счет отрасли хозяйства, составляющей объект планирующей деятельности, а не перелагать эти расходы на другие отрасли.[29] Понятно, это только иллюстрация, которой не исчерпываются другие возможные поправки к предложенному нами принципу ответственности. Но ведь в конечном счете дело не в тех или др. поправках, количество которых может быть большим или меньшим, а в том, чтобы освободиться от «иностранной зависимости», отказаться от привычных здесь буржуазно-правовых представлений и дать *свое* отвечающее условиям социалистического строительства решение вопроса.

В свете этого нового принципа ответственности, опрокидывающего начала теории вины и причинения, особенно ясной становится та пропасть, каторая отделяет наш советский хозяйственный договор и весь связанный с ним круг проблем от договора буржуазного. Поистине, hic Rhodus, hic salta!

---

[29] См. Гинцбург — Арбитражные комиссии и государственное хозяйство («Революция права», 1928 г. № 6, с. 29).

ДОГОВОР КУПЛИ-ПРОДАЖИ В СОВЕТСКОЙ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛЕ[1]

И. ЗАГВЯЗИНСКИЙ

До сих пор не нашлось еще, кажется, ни одного автора, который заинтересовался бы всерьез проблемой договора купли-продажи в советской разничной торговле.

Не только нашему советскому договору розничной купли-продажи не особенно посчастливилось в этом отношении, но также и капиталистическому договору *розничной* купли-продажи. Буржуазные ученые создали огромную литературу, посвященную проблемам обслуживания потребителя и договорного права, но, во-первых, вопросам договора купли-продажи именно в *розничной торговле* уделяется ими неизмеримо малое внимание[2] и, во-вторых, все эти вопросы изучаются под таким углом зрения, который совершенно для нас неприемлем.

Как смотрит буржуазный юрист на договор купли-продажи? Договор купли-продажи интересует его в основном как разновидность *торговой сделки*, и его задача сводится лишь к тому, чтобы научить торговца пользоваться всеми правами и обязанностями, которые связаны с покупкой и перепродажей товаров. Это целиком и полностью относится также и к договору купли-продажи в розницу с рассрочкой платежа,—единственной форме договора розничной купли-продажи, которой посчастливилось быть предметом внимания весьма многих буржуазных юристов, как раз потому, что она живейшим образом связана с торговой практикой капиталистических предприятий.

Буржуазная юриспруденция повернута лицом своим к посреднику-капиталисту, а не к широкому потребителю. Интересы конечного покупателя всех товаров, интересы непосредственного потребителя—буржуазного юриста совершенно не занимают.

То же самое происходит и с буржуазными экономистами. Они посвящают большое количество страниц и даже целые исследовательские фолианты вопросам о том, как нужно организовать продажу

---

[1] Обработанная стенограмма доклада на бригаде хозяйственного права ИССП'а Ком. Академии. 19 февраля 1933 г.

[2] У целого ряда буржуазных юристов мы совершенно ничего не находим по поводу договора розничной купли-продажи. У других мы находим лишь некоторые замечания, одну или несколько случайно оброненных фраз. То же и у наших советских юристов.

в розничной торговле, как привлечь и обслужить покупателя, они внимательно и всесторонне изучают этого покупателя, все тончайшие переливы его психологии [3], все интимные стороны его жизни, составляют в назидание продавцам кодексы наивежливейшего обращения с покупателем, пишут прочувствованные трактаты о благотворном влиянии рекламы и все это во имя единственной цели— научить торговца науке «дешевой покупки и дорогой продажи» [4].

Вся мораль капиталистической торговли легко укладывается в принцип: «не обманешь—не продашь». Но этот «высокий» принцип может претерпевать самые неожиданные метаморфозы и принимать самые причудливые, затушеванные формы, когда торговец будет изысканно вежлив и утонченно обходителен в своих отношениях с покупателем с тем, чтобы в конце-концов при помощи этой изысканной вежливости и льстивой обходительности найти пути к покупательскому кошельку.

Вот как описывает приемы и методы капиталистической торговли Ф. Энгельс: «Ближайшим следствием частной собственности,—пишет он,—является торговля, обмен взаимных потребностей, купля и продажа. Эта торговля, как и всякая другая деятельность, должна стать при господстве частной собственности непосредственным источником дохода для производящих торговлю. Это значит, каждый должен стараться *как можно дороже продать и как можно дешевле купить*. При всякой купле и продаже выступают, следовательно, два человека с абсолютно противоположными интересами; конфликт этот носит решительно враждебный характер, потому что каждый знает намерения другого, знает, что намерения эти противоположны его собственным. Первым следствием этого является, с одной стороны, взаимное недоверие, с другой, оправдание этого недоверия, применение безнравственных средств для достижения безнравственных целей. Так, например, в торговле первое правило—молчание, скрывание всего того, что могло бы понизить цену данного товара. Из этого следует: в торговле дозволительно извлекать возможно большую

---

[3] Вот какие покупательские типы существуют оказывается на белом свете:

«Добродушный, любезный	Упрямый
Доверчивый	Недоверчивый
«С претензиями»	Высокомерный
С мнимым знанием	Критически настроенный
Со специальными знаниями	Подозрительный
Решительный	Самолюбивый
Нерешительный, но ждущий совета	Молчаливо-равнодушный
Не намеривающийся вовсе купить	Нервный
Робкий	Болтливый, заводящий разговор
Впечатлительный	Суетливый
Легко раздражающийся	Гоняющийся за маленькой пользой
Осторожный	Скучающий, безразличный
Злостный.	Вздорный
	«Пришедший приглядеться»
	«Случайно покупающий».

Этот длинный перечень был старательно выписан одним советским автором Г. Натансон, «Организация розн. торговли». М., 1929 г., с. 207, очевидно для руководства и в назидание работникам прилавка советских магазинов.

[4] «Дешево купить, чтобы дорого продать,—вот закон торговли». Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, 1932, с. 230.

пользу из неосведомленности, доверчивости противной стороны, равным образом расхваливать в товаре такие качества, каких он вовсе не имеет. *Словом, торговля есть законный обман.* Что практика вполне совпадает с этой теорией—в этом согласится со мною всякий купец, если он откровенно будет говорить правду» [5].

Конечно, объективным содержанием торговли является «общественный обмен веществ», но единственной двигательной силой капиталистической торговли, единственной ее целью является *прибыль.*

На службу этой цели поставлены все помыслы и все ухищрения капиталиста. «Ни один евнух не льстит более низким образом своему деспоту и не старается возбудить более гнусными способами его притупившиеся чувства, чтобы снискать себе его милость, чем это делает евнух промышленности, производитель, гоняясь за серебряными монетами, желая выманить из кармана горячо любимого ближнего денежки... он приспособляется к извращеннейшим его фантазиям, берет на себя роль сводника между ним и его потребностью, вызывает в нем патологические желания, подстерегает всякую слабость его, чтобы затем потребовать награду за удовлетворение ее» [6].

Таковы двигательные силы, мотивы и цели капиталистической торговли.

Иное дело в советской торговле.

Задачи советской торговли, как это четко и ясно подчеркнула XVII партконференция, заключаются в том, чтобы помочь обеспечению большевистских темпов роста нашего народного хозяйства, чтобы помочь выполнению плана социалистического строительства и лучше, полнее удовлетворить запросы многомиллионных масс трудящихся города и деревни в отношении товаров широкого потребления.

Задачи советской торговли заключаются в том, чтобы всемерно обслужить рабочего потребителя. «Он требует обеспечения всех своих материальных и культурных потребностей, и мы обязаны исполнить это его требование» [7]. И обязаны исполнить это требование не «по-азиатски», а культурно, без обвешивания и обсчитывания, без очередей, без трепки нервов, без лишних хождений и мытарств, своевременно доводя товар до покупателя, приближая товар к потребителю, выдвигая новые формы обслуживания и т. п.

Все *эти задачи есть, прежде всего, задачи розничного звена нашего торгового аппарата.* Розничное звено нашего торгового аппарата имеет огромное значение потому, что с ним ежедневно непосредственно общаются рабочий, работница, трудящиеся и от того, как оно будет работать, зависит чрезвычайно многое. «О советской власти,—говорил на съезде работников кооперации и торговли т. Микоян,—об ее кооперативной политике судят не по решениям съезда, а по тому, как продавец относится к покупателю» [8].

---

[5] Маркс и Энгельс, Литературное наследство, т. I, 1907, с. 386.

[6] Архив Маркса и Энгельса, т. III, с. 275. Подготовительные работы для «святого семейства».

[7] И. Сталин, Вопросы ленинизма, 1932, изд. 9, с. 591.

[8] А. Микоян, За советскую культурную торговлю. М.-Л., «Моск. раб.», 1931, с. 13.

Вот почему так важна четкая и классово-выдержанная работа низового торгового аппарата. Вот почему так важно, чтобы и продавец и покупатель точно знали свои права и обязанности, чтобы потребитель был огражден от «азиатских» форм торговли, от пренебрежительного отношения к нему со стороны продавца. Вот почему так важна и актуальна проблема договора купли-продажи в розничной торговле, ибо именно в договоре розничной купли-продажи реализуются отношения между торговой сетью и потребителем.

Переходя к характеристике договора купли-продажи в розничной торговле, мы прежде всего должны решить вопрос о том, есть ли этот вид договора—договор?

Странный вопрос. А между тем находятся весьма солидные и эрудитые авторы, которые дают на него отрицательный ответ и называют этот договор «ручной продажей», которая по их мнению вовсе не является договором, а «составляет сделку иного рода, чем договор купли-продажи»[9].

Подобные утверждения, конечно, неверны. Стоит только вспомнить характеристику обмена, данную Марксом[10], чтобы понять, что любой обмен товаров, или, что то же самое, обмен товаров на деньги, есть вместе с тем юридическое отношение друг к другу собственников этих товаров, формой которого является договор.

В самом деле как аргументирует Дернбург необходимость отличать «ручную продажу» от договора купли-продажи? «Если..,—пишет он,—продавец исковым порядком требует уплаты покупной цены за доставленный товар, основывая свое требование на договоре купли-продажи, а покупатель, напротив, утверждает, что имела место ручная продажа, и что товар был непосредственно обменен на деньги, то в таком заявлении ответчика заключается отрицание самого основания иска. Здесь нет еще почвы для решения дела в пользу истца и нельзя сказать, что покупатель сознается в получении товара, не представляя при этом доказательств платежа денег. Иначе покупателям при каждой ручной продаже следовало бы брать расписку в получении цены, чего обыкновенно не делается, и что было бы крайне неудобным. Наоборот, истец должен доказать, что действительно состоялся *договор купли-продажи*, и потом уже требовать от противника доказательства уплаты покупной цены»[11].

Эти рассуждения буржуазного юриста весьма неубедительны. Они переносят центр тяжести в область процессуальных доказательств и уводят в сторону от основного вопроса, почему ручная продажа—сделка иного характера, чем договор купли-продажи.

Что нужно было бы сделать Дернбургу, чтобы убедить в правильности своего положения? Ему нужно было бы доказать, что в сделке «ручной продажи» нет двух сторон и нет общего им волевого акта, нет объекта сделки, нет их соглашения, т. е. нет отношения обмена. Однако он и не попытался сделать этого, очевидно заранее предчувствуя всю бесплодность подобного рода попыток.

---

[9] Дернбург, Пандекты в III изд., 3, 1911, с. 242, прим. 3.
[10] См. К. Маркс, Капитал, т. I, изд. 8-е. М., 1931, с. 41.
[11] Дернбург, Цит. произведение, с. 242, прим. 3.

Поэтому он выбрал иной путь, путь чисто формально-логических изысканий. Его не интересует существо реальных, действительных отношений между продавцом и покупателем в сделке ручной продажи. Его интересует лишь соблюдение некоей определенной юридической формы. И истец, в приведенном примере, должен, по его мнению, доказать вовсе не то, что он действительно не получил денег за проданный им товар, а то, что им заключен был договор купли-продажи, а не какая-нибудь сделка ручной продажи.

Мы не можем руководствоваться подобным методом и сделку ручной продажи считаем самым настоящим, доподлинным и всамделишным договором купли-продажи. Достаточно лишь подчеркнуть, что это *своеобразный вид* договора купли-продажи, в котором момент его заключения совпадает (или почти совпадает) с моментом его исполнения, который поэтому имеет форму устной, а не письменной сделки и по которому поэтому в случае иска все бремя доказательств ложится на плечи именно той стороны, которая учиняет иск.

Для всякого, кто не страдает верою в юридическую форму, и рассматривает право, как реальное общественное отношение, должно быть ясным, что купля-продажа в розничной торговле является не только подлинным, но и типичным *договором*, наряду с другими видами договора купли-продажи.

Нашего мнения не может поколебать и утверждение Победоносцева, который полагает, что купля-продажа является не договором, а *действием*, «коим одна сторона передает другой вещь за определенную цену» [12]. Неверное утверждение. Ибо если одна сторона передает другой вещь за определенную цену, то это может происходить очевидно только при том условии, если другая сторона соглашается взять вещь и уплачивает за нее цену [13]. Купля-продажа не может быть никогда односторонней сделкой, купля-продажа не может рассматриваться иначе как договор.

Этот выход, со всеми вытекающими из него последствиями, следовало бы хорошенько усвоить работникам нашей товаропроводящей сети, большинство из которых также не привыкло еще рассматривать розничную куплю-продажу как договор.

Итак, розничная купля-продажа есть лишь разновидность договора купли-продажи вообще.

Договор купли-продажи—это та юридическая форма, которую принимают или в которой выражаются отношения обмена. «Товары не могут сами отправляться на рынок и обмениваться между собою» [14]. Для того, чтобы обмен был произведен, необходимо, во-первых, чтобы товары были доставлены на рынок товаровладельцами, и во-вторых, чтобы эти последние на основе общей воли и взаимной договоренности передали их друг другу. «Чтобы данные вещи могли отно-

---

[12] Победоносцев, Курс гражданского права, ч. I. Вотчинные права, 1896, с. 316.

[13] «Этот единственный процесс (обмена—И. З.) является, таким образом, двухсторонним: один его полюс составляет продажа товаровладельцем, противоположный полюс—купля владельцем денег, «Продажа есть купля», Т—Д. есть в то же время Д—Т.» (Маркс, Капитал, т. I, 1931, изд. 8, с. 60—61).

[14] Маркс, Капитал, т. I, изд. 8, 1931, с. 41.

ситься друг к другу как товары,—говорит К. Маркс,—товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых обитает в этих вещах; таким образом один товаровладелец, лишь по воле другого, следовательно, каждый из них лишь при посредстве одного общего им волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный»[15].

Этот общий волевой акт, при посредстве которого каждый из участников обмена присваивает себе чужой товар, отчуждая свой собственный, и есть «юридическое отношение, формой которого является *договор*,—все равно выражен ли он законно, или нет»[16].

Следовательно, отношения обмена теснейшим образом связаны с договором, проявляются в форме договора и не могут быть мыслимы вне этой формы.

Но отношения обмена различны на различных ступенях развития человеческого общества; они отражают на себе развитие общественных производственных отношений, они отражают на себе различные классовые интересы. Все это не может не сказаться, разумеется, и на договоре.

Еще Маркс прекрасно показал различие между куплей-продажей в условиях *простого товарного* обращения и в условиях *капиталистического* обращения.

Если целью простого товарного обращения—продажи ради купли (Т—Д—Т)—является удовлетворение потребности, получение необходимой потребительной стоимости взамен отчужденной, то целью капиталистического обращения, которое есть уже не продажа ради купли, а, наоборот, купля ради продажи (Д—Т—Д+д) является получение прибыли, присвоение прибавочной стоимости.

В условиях советского товарооборота купля-продажа преследует цели обеспечения расширенного социалистического воспроизводства и всестороннего удовлетворения потребностей широких трудящихся масс.

Совершенно чуждой и неприемлемой для нас является точка зрения профессора Шретера, открыто отрицающего классовый характер договора, как и всех правовых категорий вообще. «Формы обязательственных отношений и сделок,—утверждает он,—являются лишь организационным методом, *не имеющим внутренней социальной установки*. Они в этом отношении—*безликий инструментарий*. Все зависит от того, кто пользуется этим инструментарием и в каких целях»[17].

Может показаться с первого взгляда, что это утверждение весьма схоже с указанием т. Сталина на то, что мы используем для со-

---

[15] Там же.

[16] Там же, курсив мой—И. З.

[17] В. Шретер, Советское хозяйственное право, М., 1928, стр. 34, курсив мой—И. З. «И объективно вполне возможно—продолжает дальше автор,—как это и показывает наша практика, что все эти сложные формы торговых и банковых операций, которые в руках капиталистических предприятий служат одним целям, могут организационно служить и госпредприятиям, несомненно преследующим цели совершенно иные. Ведь даже и в условиях капиталистического хозяйства та же купля-продажа с формальной стороны одинаково служит и крупному биржевому спекулянту, и рабочему кооперативу» (там же).

циалистического строительства такие методы «капиталистической экономики», как торговлю и денежную систему, ставя их на службу социализму, направляя их против капитализма [18].

Может показаться с первого взгляда, что это утверждение весьма схоже и с указанием т. Сталина на то, что колхозы, как и советы, являясь *социалистическими формами* хозяйственной и политической организации, могут быть в известных случаях использованы против социализма, против пролетарского государства [19].

Однако т. Сталин не отрицает внутренней «социальной установки» этих хозяйственных и политических форм и методов. Тов. Сталин как раз подчеркивает, что торговля и денежная система по своей природе это методы «капиталистической экономики», а колхозы и советы это социалистические формы хозяйственных и политических организаций. И те и другие могут и должны быть поставлены на службу строительства социализма, могут и должны быть использованы диктатурой пролетариата, путем наполнения их классовым пролетарским, социалистическим содержанием.

Совершенно ясно, что точка зрения проф. Шретера ничего общего не имеет с указаниями т. Сталина. Договор—не безликий инструментарий. Он имеет вполне определенную внутреннюю социальную установку, как имеет вполне определенную социальную установку и сама теория «безликого инструментария». Теория «безликого инструментария» имеет на самом деле свое классовое лицо. Она является инструментарием буржуазной методологии в советском праве, пытающейся смазать различие между советским хозяйственным и буржуазным гражданским правом, пытающейся выхолостить из советского хозяйственного права его классовое пролетарское существо и свести его к знакомым образцам буржуазного гражданского права.

Наш договор купли-продажи по своему классовому содержанию принципиально противоположен договору капиталистическому. Смазывать или не замечать этого совершенно недопустимо.

Поэтому нельзя, говоря о договоре, забывать о его классовой природе. Отсюда неверной является характеристика буржуазного договора купли-продажи, данная П. И. Стучка.

Правда, в ряде мест П. И. Стучка подчеркивает антагонистическую классовую природу договоров в капиталистическом хозяйстве, однако, наряду с этим мы встречаем и совершенно неприемлемые формулировки. «Договор,—пишет он в Курсе советского гражданского права,—являлся и является по сие время *основною и единственною* в условиях буржуазного общества *формою проведения снабжения* населения необходимыми ему потребительными стоимостями»[20]. Такое определение договора и его роли в буржуазном обществе совершенно неприемлемо. Это определение не только не подчеркивает классовой роли, классовой характеристики договора, но, наоборот, затушевывает ее.

---

[18] См. И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 6-е, 1929 г., с. 345.
[19] См. И. Сталин, О работе в деревне. М. 1933.
[20] Стучка, Курс, т. III, М., 1931, с. 72 (последний (курсив мой—И. З.).

Договор купли-продажи в условиях буржуазного общества есть один из тех инструментов, при помощи которых опосредствуется эксплоатация человека человеком, это инструмент, при помощи которого *реализуется* прибавочная стоимость, извлеченная в процессе капиталистического производства.

Но подчеркивая со всей силой то обстоятельство, что договор купли-продажи является одним из важнейших орудий капиталистической эксплоатации, мы не должны отсюда делать вывод, что договор купли-продажи не может быть использован в условиях диктатуры пролетариата в качестве орудия, осуществляющего пролетарскую политику, в качестве орудия, направленного против капитализма и на построение социализма.

«Купля и продажа никогда не будет социалистической,—утверждал в свое время П. И. Стучка,—тут никаких чудес произойти не может. Купля и продажа есть буржуазный институт, а социализм купли и продажи не признает. Он признает только *прямое снабжение*»[21].

Совершенно очевидно, что такого рода утверждения абсолютно неверны и вредны политически. Они целиком и полностью смыкаются с «левацкой» недооценкой советской торговли[22].

Такого рода утверждения говорят о том, что авторы их не в состоянии понять, что ликвидация частной торговли вовсе не означает ликвидации торговли вообще, что ликвидация частной торговли как раз предполагает и обусловливает широчайшее развертывание советской торговли, которая на каждом шагу являет собою примеры ярчайшего сочетания купли-продажи с социалистическими отношениями, примеры действительной настоящей *социалистической куплипродажи*.

Они (такого рода утверждения) говорят о том, что авторы их не в состоянии понять, что договор в наших условиях приобретает принципиально иной характер, превращаясь из «буржуазного института» в орудие пролетарской политики и революционной законности, в орудие выполнения плана социалистического строительства.

Тов. Сталин в заключительном слове политотчета ЦК XIV партсъезду указал на то, что «дело вовсе не в том, что торговля и денежная система являются методами «капиталистической экономики». Дело в том, что социалистические элементы нашего хозяйства, борясь с элементами капиталистическими, овладевают этими методами и

---

[21] Стучка, Доклад на VI съезде раб. юстиции 1929 г. «ЕСЮ», № 9/10. Курсив мой—И. З.

[22] «Как известно,—пишет П. И. Стучка, в III томе своего курса,—распределение уже приняло у нас вид не простого обмена, но целого «оборота покрытия потребностей». Этот оборот поддается еще гражданско-правовому регулированию. Но в условиях советского хозяйства товар-продукт в порядке генерального или контрактационного договора поступает непосредственно от производителя (фабрики или сельского хозяйства) в кооператив и там, т. е., так сказать, *механически*, *даже без наличных денег* (через чеки, жирооперации и т. д.) поступает к покупателю: в распределительный пункт или даже на дом (хлеб, молоко и т. д.) в столовую или к производителю (плуг, коса, трактор, молотилка»). (Стучка, Курс Советского гражданского права, т. III, с. 12). Курсив мой—И. З.

оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов, что они *с успехом* используют их *против* капитализма, *с успехом* используют их для построения социалистического фундамента нашей экономики. Дело в том, стало быть, что, благодаря диалектике нашего развития, функции и назначение этих инструментов буржуазии меняются *принципиально*, коренным образом, меняются в пользу социализма, в ущерб капитализму» [23].

Все это целиком и полностью относится также *и к договору купли-продажи*, который, будучи одним из инструментов буржуазии — в наших условиях, в условиях диктатуры пролетариата, принципиально, коренным образом меняется, меняется в пользу социализма, против капитализма, превращаясь в острое орудие пролетариата, в орудие построения бесклассового социалистического общества.

Этим обусловливается глубочайшее различие между договором купли-продажи в условиях капитализма и договором купли-продажи в условиях пролетарской диктатуры.

Договор купли-продажи в условиях капитализма есть орудие капиталистической конкуренции и капиталистической эксплоатации. Там договор результатом своим имеет капиталистическое накопление и следовательно воспроизводит капиталистические отношения. Договор купли-продажи в условиях капитализма неминуемо отражает на себе все противоречия капиталистической экономики — ее анархичность и бесплановость.

Наш договор купли-продажи — орудие социалистического планирования. У нас договор результатом своим имеет усиление социалистического накопления и, следовательно, расширенное воспроизводство социалистических отношений.

В этом его огромная сила и как раз этого именно не понимают оппортунисты всех мастей и оттенков, которые говорят о несовместимости и противоположности договора и плана. Правые утверждают это, исходя из стремления «освободить» договор из-под влияния плана, «левые» утверждают это, исходя из стремления «освободить» план от договора, от договорного метода его выполнения.

И те и другие противопоставляют договор плану и те и другие выступают против советского хозяйственного договора, являющегося одним из могучих рычагов социалистического строительства в руках диктатуры пролетариата.

Но, отмечая глубокие качественные особенности, которые отличают договор купли-продажи в условиях диктатуры пролетариата от договора купли-продажи в условиях капитализма, мы должны вместе с тем отметить и те *внутренние изменения*, которые претерпевает наш договор *на различных этапах* социалистического строительства.

Договор купли-продажи на современном этапе значительно отличается от договора купли-продажи первого периода нэпа.

В течение первых лет нэпа договор купли-продажи был выражением торговой смычки между городом и деревней, в условиях

---

[23] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 6, 1929, с. 345.

развертывания частно-хозяйственной инициативы, развязывания товарооборота, допущения на известных условиях частных торговцев и т. д.

В течение первых лет нэпа договор купли-продажи был выражением политики допущения и вместе с тем ограничения и вытеснения частно-капиталистических элементов.

Наш теперешний договор купли-продажи является также выражением торговой смычки между городом и деревней, но уже на базе производственной смычки, уже в условиях окончательной победы социализма в нашей стране, в условиях, когда решена навсегда и бесповоротно ленинская проблема «кто-кого», решена и в городе и в деревне, решена в пользу социализма, против капитализма.

Наш теперешний договор купли-продажи является выражением окончательного вытеснения из сферы товарооборота частного капитала и полной победы плановой советской торговли.

Само собой ясно, что и на первом этапе нэпа план оказывал свое воздействие на договор купли-продажи, поскольку частно-хозяйственная деятельность регулировалась государством. Но на современном этапе это влияние плана гораздо глубже, шире, проникает во все поры хозяйственной жизни и деятельности.

Однако если закономерно и даже необходимо подчеркивать существенные отличия договора купли-продажи на данном этапе от договора купли-продажи первых лет нэпа, то *конструировать сейчас два вида договоров купли-продажи: плановый договор и гражданско-правовой договор*—было бы неправильно. А между тем попытки подобного рода, хотя и снабженные рядом «оговорочек», имеются в нашей литературе.

У нас нет сейчас и не может быть деления договоров купли-продажи на плановые и гражданско-правовые, так как советская торговля, в каком бы виде мы ее ни взяли, в виде госторговли, кооперативной торговли или торговли колхозников и единоличников есть плановая, планово-регулируемая торговля. Рыночная торговля, торговля по ценам, складывающимся на рынке, есть также *организованная* плановая торговля. Поэтому любой договор купли-продажи—звено в системе планового социалистического хозяйства, если не считать встречающиеся еще спекулянтские, рваческие договоры, с которыми мы ведем решительную и беспощадную борьбу.

Утверждать сейчас наличие двух видов договоров—планового и гражданско-правового—значит тянуть назад к первому периоду нэпа. Говорить сейчас о том, что «рыночный оборот... протекает по каналам гражданского права, реализуется через форму *гражданско-правового договора*» [24], т. е. говорить о том, что договор купли-продажи в области колхозной торговли «и сейчас укладывается в рамки ст. 130 ГК» [25], значит умалять значение и не понимать необ-

---

[24] Г. Амфитеатров, О системе договорных отношений по сбыту в промышленность, «Сов. государство», № 7—8, 1932, с. 48.

[25] Там же, с. 51. Далее т. Амфитеатров пишет: «Но ставить на этом точку, видеть здесь только моменты автономии участников договора и не видеть одновременно того, как через эти децентрализованные формы, через их использование проявляет себя в гражданском договоре организующее, плановое

ходимости планового воздействия на колхозный рынок со стороны пролетарского государства, значит недооценивать отрицательные стороны колхозной торговли, на которые обратил внимание т. Сталин в своем выступлении на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б).

Договор советского права теснейшим образом связан с планом и не мыслим вне плана, как и наоборот, выполнение плана в наших условиях связано с договором и немыслимо вне использования договорной формы. Договор в наших условиях есть рычаг, орудие, инструмент выполнения, реализации плана.

Но если договор купли-продажи в условиях социалистического хозяйства связан с планом теснейшими узами интимной дружбы, то это не означает, конечно, что план также навсегда и безоговорочно связал с договором свою судьбу. План связан с хозяйственным договором до тех пор, пока существуют товарно-денежные отношения, до тех пор, пока существует советская торговля и хозрасчет.

Само собой разумеется, что и тогда, когда будут окончательно уничтожены деньги, советская торговля и хозрасчет, и тогда останется проблема хозяйственных связей и соглашений между «производственно-потребительскими коммунами», однако эти связи уже не будут осложнены моментами эквивалентности, имущественной обособленности и хозрасчетности.

Договор купли-продажи теснейшим образом связан с планом, причем план социалистического строительства, будучи цельным и единым по своему существу, имеет различные формы своего проявления. Он проявляется в виде прямого, непосредственного планирования и в виде косвенного планирования или регулирования.

Договор купли-продажи в советской розничной торговле имеет плановый характер. Плановый характер договора купли-продажи в розничной торговле, плановый характер договоров купли-продажи в любом магазине госторговли и кооперации, на колхозном рынке, базаре и т. п. выражается в том, что любой из этих договоров предопределен планом завоза товаров в тот или иной район, торгфинпланом магазина, развертыванием колхозной торговли, которую нельзя рассматривать иначе, как одну из форм плановой советской торговли.

Договор советского права теснейшим образом связан с социалистическим производством.

Советская торговля—один из моментов в системе расширенного социалистического воспроизводства. Этим обусловлено наиболее близкое взаимодействие между советской торговлей и социалистическим производством, воздействие их друг на друга [26], этим обус-

---

начало, значит не видеть в этом договоре его особенностей, оставаться в плену юридической догматики».

Эта оговорка не спасает положения. Автор все же исключает полностью возможность *прямого, непосредственного* воздействия пролетарского государства на сферу колхозной торговли. А это-то и неправильно. Против этого предостерегают решения январского пленума ЦК и последние решения о ценах на продукции промкооперации. Автор сам не избежал опасности надуманного конструктивизма и попал в плен той самой юридической догматики, против которой он предостерегает других.

[26] «Производство и обмен представляют две различные функции. Производство может происходить без обмена, обмен же, именно потому, что он пре-

ловлен поворот советской торговли «лицом к производству». Поворот советской торговли лицом к производству решительно подчеркивает как примат производства над обменом и распределением, так и «обратное действие на движение производства» [27] со стороны торговли.

Договор купли-продажи в советской розничной торговле является как раз одним из орудий этого обратного действия советской торговли на движение социалистического производства. Свое влияние на производство советский договор купли-продажи оказывает через борьбу за количество, качество, ассортимент, комплектность, через борьбу за советскую политику цен и т. п. Но об этом позже.

Договор купли-продажи в советской розничной торговле теснейшим образом связан со всей системой товаропродвижения. Договор розничной купли-продажи является одним из звеньев системы товаропродвижения, одним из важнейших звеньев, так как он *завершает* собою процесс товаропродвижения, является конечным этапом в продвижении товара к рабочему потребителю.

В реальной жизни все звенья системы товаропродвижения неразрывно связаны друг с другом. Но мы не ставим своей задачей дать картину всего пути движения товара от производящего его завода, колхоза и т. п. вплоть до отдельного трудящегося потребителя. Договор купли-продажи в советской розничной торговле мы берем лишь в сфере взаимоотношений между розничным звеном товаропроводящего аппарата и трудящимся потребителем. Проблема взаимоотношений розничного звена с оптовым и вообще со снабжающими его организациями требует специального рассмотрения.

Перейдем к характеристике основных моментов договора купли-продажи в советской розничной торговле.

■

Всякий договор предполагает, прежде всего, существование *сторон*, заключающих этот договор, являющихся субъектами этого договора,—носителями определенных прав и обязанностей. Это полностью относится и к договору розничной купли-продажи.

Проблема субъекта права теснейшим образом связана с проблемой собственности. Проблема субъекта права это—проблема персонификации собственности.

Отсюда понятно глубокое различие между субъектами права, участвующими в договоре *капиталистической* купли-продажи, и субъектами права, участвующими в *советском* договоре купли-продажи.

жде всего есть обмен продуктов, не может, очевидно, обойтись без производства этих продуктов. Каждая из этих двух общественных функций находится под влиянием большею частью особенных внешних воздействий, почему та и другая подчиняются большею частью своим особенным специальным законам. Но, с другой стороны, эти функции в каждый данный момент обусловливают друг друга и воздействуют друг на друга в такой мере, что их можно было бы назвать абсциссой и ординатой экономической кривой». Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, см. Маркс и Энгельс, т. XIV, с. 149.

[27] Э н г е л ь с, Письмо к Конраду Шмидту, см. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Письма под редакцией Адоратского, М. 1931, изд. 4, с. 379.

Если там типичными и характерными субъектами в договоре розничной купли-продажи являются торговец, купец, частный предприниматель, с одной стороны, и трудящийся (рабочий, крестьянин, служащий), с другой, то у нас в качестве типичных и характерных сторон этого договора выступают государственные и кооперативные торговые организации, колхозы и колхозники, с одной стороны, и рабочие, колхозники, трудящиеся, с другой. Это—момент, отражающий резкое изменение классового содержания договора.

Там, в капиталистическом договоре купли-продажи с необычайной остротой выражена диаметральная противоположность и непримиримость интересов продавца и покупателя [28]. У нас, в нашем советском договоре купли-продажи, этой непримиримой враждебности между интересами продавца и покупателя нет. У нас нет и не может быть в принципе никаких противоречий между интересами продавца и покупателя, ибо одной из основных задач советской торговли является всемерное обслуживание потребителя и максимальное удовлетворение потребностей широких трудящихся масс.

В практике советской торговли мы встречаемся еще с известными трениями и противоречиями между продавцом и покупателем. Но это происходит либо благодаря искривлению со стороны отдельных звеньев нашего торгового аппарата партийной линии в вопросах советской торговли (нарушение советской политики цен, ухудшение качества, принудительный ассортимент и т. д.), либо благодаря отрыжкам мелкобуржуазных, рваческих спекулятивных тенденций, которые еще имеют значительное место у отдельных колхозов, колхозников и единоличников, выступающих на колхозном рынке, и даже в работе отдельных госторговых и кооперативных организаций.

Итак, субъекты права, заключающие договоры купли-продажи, в нашей розничной торговле совсем иные, чем субъекты права, заключающие договоры купли-продажи в капиталистической розничной торговле. В качестве продавцов выступают у нас магазины и лавки госторговли, потребительской кооперации, сбытовых объединений промышленности, магазины и палатки совхозов и колхозов, ЗРК, ЗР, сельпо, наконец колхозники и единоличные трудящиеся крестьяне, которым в качестве покупателей «противостоят» рабочие социалистических фабрик и заводов, работники социалистических полей, трудящиеся наших государственных и кооперативных организаций.

Здесь стоит особо отметить роль *частного* торговца.

В несогласованном оркестре капиталистической торговли, при заключении договора розничной купли-продажи, он играет роль первой скрипки.

Его персона имела известное значение и у нас в течение первого периода нэпа. Теперь, однако, его роль сведена на-нет. Но вытеснение

---

[28] Вспомните, что писал об этом Энгельс, в приведенной уже нами цитате: «При всякой купле и продаже выступают, следовательно, два человека, с абсолютно противоположными интересами: конфликт этот носит решительно враждебный характер, потому что каждый знает намерения другого, знает, что намерения эти противоположны его собственным». (К. Маркс и Энгельс, Литературное наследство, т. I, 1907, с. 386).

частника из сферы товарооборота и даже официальное запрещение частно-торговой деятельности вовсе не означает, что вопрос о частнике полностью исчерпан. Думать так было бы в высшей степени наивно. Частник еще бьется и барахтается, он пролезает в любую щель, используя всякую трудность и малейшую неорганизованность в рабочем снабжении и на колхозном рынке. Он стремится взять реванш в виде спекуляции. Вот почему необходимо было запретить открытие частно-торговых предприятий. Вот почему необходимо теперь выжечь каленым железом с советского рынка мародера, перекупщика, спекулянта.

В постановлении ЦИК и СНК СССР от 20 мая 1932 г. «О порядке производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян...» ясно и резко сказано: «Не допускать открытия магазинов и лавок частными торговцами и всячески искоренять перекупщиков и спекулянтов, пытающихся нажиться за счет рабочих и крестьян» [29]. Опубликованное затем постановление ВЦИК и СНК РСФСР предусматривает, что «скупка и перепродажа частными лицами в целях наживы (спекуляции) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления» караются «лишением свободы на срок не ниже 5 лет с полной или частичной конфискацией имущества» [30].

В тесной связи с проблемой субъекта договора советской розничной купли-продажи стоит проведение *принципа классовости и ударности в снабжении*.

Мы снабжаем лучше и больше передовые отряды строителей нового социалистического общества и, в первую очередь, ударные участки нашей социалистической стройки.

Как раз поэтому рабочее снабжение и советская торговля являются в руках пролетарского государства важнейшими орудиями социалистического строительства, важнейшими орудиями борьбы за выполнение и перевыполнение производственных планов.

Как раз поэтому необходимо окончательно ликвидировать остатки мелко-буржуазной *уравниловки*, которая имеется у нас еще кое-где и которая ничего общего не имеет с пролетарским подходом к распределению продуктов.

Социалистическое распределение должно быть теснейшим образом увязано с социалистическим производством, должно быть поставлено на службу социалистическому производству, должно оказывать воздействие на движение социалистического производства. Социалистическое распределение это—распределение «по количеству и качеству труда». *У нас нет и не может быть разрыва, а тем более противопоставления принципов производства принципам распределения.* Это Троцкий во время дискуссии о профсоюзах в 1920 г. заявил: «В области *потребления*, т. е. условий личного существования трудящихся, необходимо вести линию уравнительности. В области *производства* принцип ударности еще надолго останется для нас ре-

---

[29] «Известия», № 139 за 1932 г.

[30] Постановление ЦИК и СНК РСФСР об изменении ст. 107 УК РСФСР, см. «Известия» от 3/XII 1932 г., № 333.

шающим» [31]. Ленин тогда же резко отвечал ему: «Это совершенная путаница теоретически. Это совершенно неверно. Ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления ничто. Если меня так будут предпочитать, что я буду получать восьмушку хлеба, так благодарю покорно за такое предпочтение. Предпочтение в ударности есть предпочтение и в потреблении. Без этого ударность—мечтание, облачко, а мы все-таки материалисты» [32].

В другом месте Ленин говорил: «Когда речь идет о распределении продовольствия, думать, что нужно распределить только справедливо, нельзя, а нужно думать, что *это распределение есть метод, орудие, средство для повышения производства*» [33].

Тов. Сталин в своем знаменитом выступлении на совещании хозяйственников подверг уничтожающей критике теорийки и практику «левацкой» уравниловки в области зарплаты и подчеркнул, что «разница между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным будет существовать даже при социализме, даже после уничтожения классов, что лишь при коммунизме должна исчезнуть эта разница, что, ввиду этого, «зарплата» даже при социализме должна выдаваться по труду, а не по потребности» [34].

В свете именно этих задач, стоящих перед рабочим снабжением и советской торговлей, особое значение приобретает постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О расширении прав заводоуправлений в деле снабжения рабочих и улучшении карточной системы» [35], которое направлено к лучшей организации дела рабочего снабжения, к усилению власти директора на производстве, к установлению еще более тесной связи распределения продуктов с интересами производства.

Одним из средств осуществления принципов классовости и ударности в снабжении и повышения трудовой дисциплины является договор купли-продажи в советской розничной торговле. Эта характеристика относится, конечно, не только к госторговле и торговле потребительской кооперации, но и к колхозной торговле, являющейся могучим орудием организационно-хозяйственного укрепления колхозов, повышения трудовой дисциплины в колхозах, выполнения задачи «сделать все колхозы большевистскими и колхозников зажиточными» (Сталин).

В непосредственной связи со всем этим стоит *проблема торговых кадров* в наших государственных и кооперативных магазинах, так как эти кадры являются лицами, непосредственно выступающими от имени одной из сторон, одного из субъектов права в договоре розничной купли-продажи.

Проблема кадров занимает в советской торговле огромное место, и это становится особенно ясно в свете решений январского пленума ЦК и ЦКК, в свете речи т. Сталина «О работе в деревне».

Тов. Сталин с предельной ясностью и четкостью показал, как

---

[31] Троцкий, Роль и задачи профсоюзов. Издание Центрана, М., 1921, с. 41. Курсив мой—И. З.
[32] Ленин, т. XXVI, с. 70.
[33] Ленин, т. XXVI, с. 421. Курсив мой—И. З.
[34] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, с. 589.
[35] См. «Правда» от 5/XII 1932 г., № 335.

должны ставить большевики вопрос о соотношении содержания и формы, применительно к советам и колхозам.

«Колхоз есть социалистическая форма *хозяйственной* организации так же, как советы являются социалистической формой *политической* организации. Как колхозы, так и советы являются величайшим завоеванием нашей революции, величайшим завоеванием рабочего класса. Но колхозы и советы представляют лишь *форму* организации, правда, социалистическую, но все же *форму* организации. Все зависит от того, какое *содержание* будет влито в эту форму»[36]. Все зависит от того, *кто* будет руководить советами и колхозами. «Колхозы, как социалистическая форма организации хозяйства, могут показать чудеса хозяйственного строительства, если во главе их стоят действительные революционеры, большевики, коммунисты. И наоборот—колхозы могут превратиться на известный период в прикрытие всякого рода контрреволюционных деяний, если в колхозах будут заправлять эсеры и меньшевики, петлюровские офицеры и прочие белогвардейцы, бывшие деникинцы и колчаковцы»[37].

Все это полностью относится и к советской торговле.

Советская торговля есть также *социалистическая форма* организации товарооборота и представляет собой одно из крупнейших завоеваний нашей революции. Но эта социалистическая форма организации товарооборота может быть использована против социалистического строительства, против пролетарской революции, если мы не наполним ее действительно большевистским содержанием, если мы представим дело самотеку, если мы ее не организуем, если мы не будем бороться со спекулятивным вздуванием цен на колхозном рынке и т. д. и т. п. Следовательно, и здесь дело не в самой советской торговле, как социалистической форме организации, а в том, какое содержание вливается в эту советскую торговлю, *кто* руководит советским торговым аппаратом, *кто* организует, осуществляет и куда направляет советскую торговлю.

Отсюда совершенно понятно огромное значение кадров наших государственных и кооперативных магазинов, кадров, которые должны сыграть решающую роль в деле *большевистской организации* советской торговли.

Отсюда совершенно понятна необходимость серьезной проверки кадров торгового аппарата и решительной борьбы с проникновением в него чуждых элементов.

*

Объектом договора купли-продажи в советской розничной торговле являются главным образом огромные массы продуктов питания и товаров широкого потребления.

Особо стоит выделить здесь такой объект договора советской розничной купли-продажи, как *хлеб*.

У нас разрешена колхозная торговля хлебом. Но она разрешена колхозам, колхозникам и единоличникам только тех районов, обла-

---

[36] И. Сталин, О работе в деревне, 1933, с. 10.
[37] Там же, с. 11.

стей и республик, которые выполнили план хлебозаготовок и обеспечили себя семенами для сева.

Нам нет необходимости говорить здесь о значении колхозной торговли хлебом. Об этом с исчерпывающей ясностью сказал т. Сталин в своей недавней речи «О работе в деревне» на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б).

«Колхозная торговля,—говорил т. Сталин,—нужна и выгодна как деревне, так и городу, как рабочему классу, так и крестьянству» [38], потому что она расширяет базу товарооборота между городом и деревней, улучшает «снабжение рабочих сельскохозяйственными продуктами, а крестьян—городскими изделиями» [39], дополняет каналы товарооборота, дает колхознику добавочный источник дохода и укрепляет его экономическое положение, дает «новый толчок для улучшения работ колхозов как по линии сева, так и по линии уборки» [40].

Но колхозная торговля имеет не только *положительные* стороны, она имеет и *отрицательные стороны*. Существование двух цен на хлеб—государственной и рыночной—может привести при недостаточной организованности колхозной торговли к противопоставлению колхозной торговли хлебом—государственным хлебозаготовкам.

Тов. Сталин подчеркнул необходимость видеть обе стороны колхозной торговли и указал нашим деревенским работникам:

«Не заслоняйте своего внимания заботой о фондах и запасах всякого рода, не отвлекайтесь от главной задачи, разверните хлебозаготовки с первых же дней уборки и форсируйте их, ибо первая заповедь—выполнение плана хлебозаготовок, вторая заповедь—засыпка семян, и только после выполнения этих условий можете начать и развертывать колхозную торговлю хлебом» [41].

Исходя из этих именно установок в последнем пункте постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом» было записано:

«Признать целесообразным по окончании выполнения настоящего хлебозаготовительного плана и образования семенных фондов, т. е. с 15 января 1933 г., предоставить колхозам и колхозникам полную возможность беспрепятственной продажи излишков своего хлеба по своему усмотрению как на базарах и рынках, так и в своих колхозных лавках, обязав местные органы власти оказывать в этом колхозам и колхозникам полное содействие и принять меры к искоренению частников и перекупщиков-спекулянтов, пытающихся нажиться на колхозной торговле» [42].

Исходя из этих именно установок, 2 декабря 1932 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) постановили:

1. «В связи с тем, что Татарская АССР и Московская область выполнили досрочно установленный для них Совнаркомом СССР и ЦК ВКП(б) годовой план хлебозаготовок как в целом, так и по отдельным культурам, и обеспечили себя семенами для ярового сева,—с настоя-

---

[38] Сталин, О работе в деревне, 1933, с. 6.
[39] Там же.
[40] Там же.
[41] Там же, с. 5.
[42] «Известия», № 125, 1932.

щего времени разрешить колхозам, колхозникам и трудящимся единоличникам Татарской АССР и Московской области производить беспрепятственно продажу своего хлеба (мукой, зерном, печеным хлебом) как государственным и кооперативным организациям, так и на базарах и станциях Татреспублики и Московской области.

2. Предупредить колхозы, колхозников и единоличников остальных областей, краев и республик, что им так же будет предоставлено, согласно постановлению Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 6 мая 1932 г., право беспрепятственной торговли своим хлебом ранее установленного Совнаркомом и ЦК ВКП(б) срока, то-есть, ранее 15 января 1933 г., если в этих областях, краях и республиках годовой план хлебозаготовок будет выполнен досрочно с обеспечением семян для ярового сева.

3. Предупредить колхозы, колхозников и единоличников, что в областях, краях и республиках, не выполнивших годового плана хлебозаготовок и не обеспечивших себя семенами для ярового сева, колхозная торговля хлебом допущена не будет, а также предупредить их о том, что торговля хлебом в этих областях, краях и республиках будет преследоваться как спекуляция, согласно постановлению ЦИК и СНК от 22 августа 1932 г.»[43].

Исходя из этих именно установок и в соответствии с приведенным выше постановлением от 2 декабря 1932 г., был вынесен затем ряд постановлений, которыми разрешалась беспрепятственная продажа хлеба колхозам, колхозникам и единоличникам целого ряда республик, краев и областей нашего Советского союза, выполнивших годовой план хлебозаготовок и обеспечивших себя семенами для ярового сева[44].

Ближайшее отношение к вопросу об объекте договора советской розничной купли-продажи имеет и проблема *борьбы за товар*, борьбы за расширение товарооборота. Эта проблема является одной из основных и центральных для советской торговли. Каждое звено советского торгового аппарата и в первую очередь магазин должны драться за увеличение товарооборота, за вызов к жизни огромных масс новых товаров, путем организации самозаготовок и самозакупок, путем отыскания внутренних резервов, лежащих неиспользованными в нашей стране, путем «умения собрать распыленные товарные ценности и вызывать к жизни новые»[45], завязывая длительные договорные отношения с колхозами, промысловыми артелями и т. д. и т. п.

*

Одним из основных моментов всякого договора купли-продажи является *качество* товаров. У нас эта проблема стоит как проблема *борьбы за качество*, причем борьбы не только со стороны покупателя, но и со стороны продавца.

---

[43] «Правда» от 3/XII 1932, № 333.

[44] См. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12/I 1933 г., «Известия», № 13 от 13 января 1933 г.; постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23/I 1933 г., «Известия», № 23 от 24/I 1933 г. и ряд других аналогичных.

[45] Ленин, т. XXVI, с. 470.

Низкое качество продукции снижает количественные достижения промышленности, сокращает реальные товарные массы, бьет по социалистическому накоплению и рабочему снабжению, тянет вниз реальную заработную плату и не дает возможности удовлетворить возросшие потребности и запросы трудящегося потребителя.

Все это указывает на то, что проблема борьбы за качество имеет огромное политическое значение.

Ряд партийных решений подчеркивает необходимость решительного и быстрого улучшения качества нашей продукции. Последний, январский объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) вновь со всей силой подчеркнул это в своей резолюции.

Контроль за качеством выпускаемых промышленностью и продаваемых торговой сетью товаров осуществляет государственная инспекция по качеству.

Но одна из самых почетных ролей в деле действительной борьбы за повышение качества продукции должна принадлежать советскому торговому аппарату и в первую очередь магазину.

Особо большое место в этой борьбе принадлежит магазину потому, что именно он является тем конечным звеном торговой сети, который непосредственно смыкается с потребителем, которому легче всего изучить спрос потребителя, установить действительное качество продаваемых товаров, выяснить необходимый для данного района и в данное время ассортимент товаров и т. п.

Наш советский торговый аппарат, наши советские магазины уже борются и подчас достаточно умело и энергично за качество товаров, оказывая тем самым серьезное воздействие на промышленность.

В эту борьбу вовлекаются все более и более широкие массы работников прилавка и трудящихся потребителей, которые выдвинули целый ряд новых форм борьбы за качество.

К этим новым формам борьбы за качество нашей продукции, в том числе и борьбы за качество товаров широкого потребления, относится, прежде всего, составление «*социалистических счетов*», которые предъявляются работниками магазина и трудящимися потребителями рабочим фабрик и заводов, производящих недоброкачественные товары. К этим новым формам борьбы за качество нашей продукции относится организация при магазинах «*заслонов*» от брака, контрольно-ассортиментных ячеек, витрин брака и т. д. и т. п. К этим новым формам борьбы за качество продукции относится также и организация широких *конференций по качеству*, на которых трудящийся потребитель может встретиться лицом к лицу с непосредственным производителем и предъявить ему свои претензии.

Все это совершенно немыслимо в условиях капиталистической торговли. Все это абсолютно необходимо в условиях советской торговли.

В рамках нашей статьи мы не имеем возможности более подробно останавливаться на проблеме борьбы за качество в целом. Мы остановимся лишь на том, как выглядит она во взаимоотношениях сторон в договоре советской розничной купли-продажи.

Проблема качества в договоре советской розничной купли-продажи заключается в том, чтобы обеспечить трудящемуся потребителю пре-

доставление, во-первых, товаров высокого качества и, во-вторых, предоставление именно таких товаров (в таком ассортименте и такого сорта), какие ему действительно необходимы.

Потребитель должен получить товары надлежащего качества. Это есть непременное условие договора купли-продажи в советской розничной торговле. Этого может потребовать потребитель и это обязан выполнить наш торговый аппарат.

Еще до сих пор можно встретить в некоторых магазинах категорическое объявление: «товар обратно не принимается и не обменивается». Весьма многие хладнокровно, по привычке проходят мимо такой надписи, не отдавая себе отчета в том, что в наших условиях, в условиях советской торговли такая надпись не может быть терпима; она противоречит самому существу советской торговли, она является свидетельством нарушения революционной законности в области советской торговли.

Наше законодательство предоставляет в руки трудящегося потребителя мощное орудие борьбы за качество, которое еще очень плохо используется, так как потребитель подчас не знает об этом орудии или не умеет с ним обращаться. Мы говорим о праве покупателя на обмен недоброкачественных товаров.

В целях борьбы за качество постановлением СТО от 11 сентября 1929 г. установлен «обязательный обмен государственными предприятиями и кооперативными организациями приобретаемых в их розничной торговой сети промышленных товаров в случаях несоответствия этих товаров потребностям, для удовлетворения которых они предназначены, преждевременного износа их и т. п.»[46]. Обязательный обмен при обнаружении покупателем недоброкачественности распространяется на следующий круг промышленных товаров:

«а) текстильные товары: хлопчатобумажные, льняные, шерстяные и камвольные платки: б) готовое платье, головные уборы, белье; в) трикотажные изделия; г) нитки; д) обувь; е) галоши; ж) мебель, з) посудно-хозяйственные товары (металлические и силикатные); и) консервы; к) сахар (рафинад, песок)» [47].

В развитие этого постановления был издан целый ряд специальных инструкций, устанавливающих признаки недоброкачественности, сроки, в течение которых должен быть произведен обмен и порядок обмена по отдельным группам товаров [48].

---

[46] Пост. СТО от 11 сент. 1929 г. С. З., 1929 г., № 58, ст. 544.

[47] Пост. НКТорга СССР от 15/XII 1929 г. Зак. и расп. по торг., 1929, № 72.

[48] 1. Инструкция НКТорга от 25/XII 1929 г. № 11 «об обмене недоброкачественных консервов в розничной торговле». Зак. и расп. по торг, 1930 г., № 1; 2. Инстр. НКТорга от 27/XII 1929 г., № 33, «Об обмене и починке недоброкачественной обуви, купленной в госуд. и кооперативной розничной торговле». Зак. и расп. по торг, 1930, № 2; 3. Инстр. НКТорга от 31/XII 1929 г., № 34, «об обязательном обмене недоброкачественного сахара в розничной торговле». Зак. и расп. по торговле, 1930 г., № 2; 4. Инстр. НКТорга от 9/I 1930 г., № 62, «об обмене недоброкачественных галош, купленных в государственной и кооперативной розничной торговле». Зак. и расп. по торг., 1930 г., № 4, см. также пост. НКТорга СССР от 21/IX 1930 г., № 735. Зак. и расп. по торг. 1930 г., № 54, изменяющее инструкцию НКТорга от 9/I 1930 г; 5. Пост. НКТорга СССР от 22/II 1930 г., № 214, «о порядке обмена недоброкачественных текстильных товаров, трикотажных изделий, ниток, готового платья, головных уборов и

В течение определенного срока, установленного для каждой группы товаров, и в соответствии с установленными признаками недоброкачественности, покупатель имеет право или обменить недоброкачественный товар на товар доброкачественный, или получить обратно деньги, или потребовать исправления недостатков за счет торгующей организации. В случае, если торговые организации пускают в розничную продажу бракованные товары, они обязаны *оповещать* об этом покупателей и продавать бракованный товар *по пониженным ценам* [49].

Эти правила, полностью соответствующие задачам советской торговли, идут значительно дальше и гораздо более конкретны, чем правила, устанавливаемые ст. ст. 195—199 ГК, лишь повторяющими обычные буржуазные трафареты.

Со всем этим законодательством еще очень плохо знакомы широкие массы трудящихся потребителей.

Многие ли у нас знают, например, что если покупатель обнаружит, что подошва у купленных им ботинок проносилась, он в течение двух месяцев со дня покупки имеет право предъявления претензии к магазину. В течение 30 дней со дня покупки обуви покупатель имеет право по собственному усмотрению обменять недоброкачественные ботинки или потребовать бесплатной починки их, или получить обратно деньги.

После 30 дней положение несколько меняется и вопрос о том, обменить ли покупателю ботинки, починить ли их или возвратить деньги, решается уже по *усмотрению администрации магазина*. Но в течение еще целого месяца покупатель имеет право предъявления претензии к магазину. В течение 40 дней со дня покупки покупатель может обменять купленную обувь на новую, доплачивая 25% стоимости, или получить обратно деньги в размере 75% стоимости обуви или отдать в починку с оплатой 25% стоимости починки.

В течение 50 дней со дня покупки покупатель имеет право или обменить вещь на новую с оплатой 50% ее стоимости или получить обратно деньги в размере 50% или отдать вещь в починку с оплатой 50% стоимости починки. Наконец, в течение 60 дней со дня покупки покупатель при обмене доплачивает 75% стоимости обуви, при возврате денег получает 25% стоимости обуви и при починке уплачивает 75% стоимости починки.

Многие ли у нас знают, что покупатель, купивший галоши и обнаруживший через некоторое время, что у него начинает отставать подошва или каблук, в течение 30 дней с момента покупки, имеет право бесплатно обменять галоши или получить обратно уплаченные за них деньги.

шитого белья, приобретаемых в кооперативной и госуд. розничной торговле», Зак. и расп. по торг. 1930 г. № 13; 6. Инструкция НКТорга СССР от 28/VI 1930 г., № 8300/7472, «об обмене недоброкачественных металлоизделий, купленных в госуд. и коопер. розн. торговле». Зак. и расп. по торг., 1930, № 13; 7. Инстр. НКТорга СССР от 25/VI—I/VII 1930 г., № 8726/10077, «об обмене и починке недоброкачеств. мебели, купленной в коопер. и госуд. розничн. торговле. Зак. и расп. по торг. 1930 г., № 38, и др.

[49] См. пост. НКТорга СССР от 14/I 1930 г. № 69—Зак. и расп. по торг. 1930 г., № 5.

Нет, это знают у нас очень немногие, а между тем только ознакомление широких потребительских масс с нашим законодательством в этой области, популяризация нашего законодательства и применение его во всей полноте на практике означали бы действительное внедрение принципов *революционной законности* в советскую розничную торговлю.

Большое значение в вопросе о качестве товаров в советской розничной торговле имеет *товарный знак*.

В капиталистических условиях товарный знак есть орудие конкурентной борьбы отдельных фирм и предприятий за овладение рынком.

В наших условиях товарный знак преследует совершенно иные цели. Он гарантирует определенное качество продукции. Он уничтожает обезличку тех организаций, которые производят товар, и дает возможность повысить требования в области качества. Мы должны добиться, чтобы покупатель точно знал качество покупаемого им товара, знал, кто его производит, и в этом деле фабричное клеймо на товаре, товарный знак могут сыграть немаловажную роль.

Сюда же относится и вопрос о стандартизации. Мы имеем значительные достижения в области стандартизации. Стандартизация осуществлена в отношении множества предметов и производственного снабжения и ширпотреба. Это имеет большое народнохозяйственное значение и непосредственно связано с вопросами борьбы за повышение качества нашей продукции.

■

Теснейшее отношение к борьбе за качество наших товаров имеет и вопрос об *ассортименте* и комплектности. Мы должны добиться такого положения, чтобы рабочий потребитель имел полный выбор товаров, чтобы он мог получить именно такой товар, какой ему действительно нужен. А между тем, у нас в этой области еще чрезвычайно много неполадок и преступного упрощенства. Сплошь и рядом широкий ассортимент по какому-либо виду товаров сводят к одному-двум наименованиям, сплошь и рядом продаются неукомплектованные изделия.

До сих пор в практике советской розничной торговли не изжиты полностью и печальной памяти факты принудительного ассортимента.

Можно было бы привести порядочное количество примеров, которые показали бы, до каких столпов бессмыслицы и издевательства над потребителем доходят у нас некоторые торгующие организации. Вот случайно попавшиеся на глаза несколько фактов подобного рода. «В Актюбинске, в одном из... магазинов (Казторга.—*И. З.*) были стеганые одеяла, на которые был спрос, но не было спроса на кровати, состоящие из двух стенок и продольных полос. Казторговцы решили, что раз покупают одеяло, стало быть нужна и кровать. И к одеялу, стоящему 35 рублей, давали нагрузкой кровать за 110 руб. В Алма-Ата, в маг зине Казторга продаются фотоматериалы, при покупке гидрохинона (химикалий) на 1 р. 66 коп. надо обязательно

взять негодных фото-пластинок на 60 рублей [50].—5. В Свердловске, в магазине «Динамо» можно купить всякого рода охотничьи принадлежности. «Если вы охотник и у вас запасы пороха иссякли и вы хотите купить себе, скажем, одно кило пороха за 1 р. 50 к., то вы купить его можете только вместе с ружьем, стоимостью в 45 руб. Если же вам пороха потребуется 2 кило, то вам придется взять 2 ружья и т. д.» [51]. В Рыбинске, «в магазинах с.-х. снабжения при продаже шинного железа членам колхоза давали в виде обязательной нагрузки на каждые 34 кг. железа стоимостью в 7 руб. скат колес ценою в 67 руб.» [52]. «Кооперация Узбекистана получила партию книг на арабском языке (на сумму 20 тыс. руб.). Магазины продавали эти книги в виде принудительного ассортимента при продаже дефицитных товаров. Так при покупке одной пары галош стоимостью в 11 руб. 50 коп. дехканину давалось книг на сумму от 5 до 10 руб., при покупке хлопчатки на 10—12 руб. давалось книг на ту же сумму. Все протесты покупателей оставались без ответа. Не принималось во внимание даже такого рода «несущественное» заявление покупателя..., как ссылка на его неграмотность» [53].

Совершенно очевидно, что такого рода явления абсолютно недопустимы в советской торговле. Они находятся в противоречии с борьбой за повышение качества продукции, они нарушают советскую политику цен, они противоречат действительному внедрению революционной законности в советскую розничную торговлю и должны быть решительно искоренены.

С вопросом о качестве тесно связан вопрос *о цене*, которая является также одним из основных моментов договора купли-продажи.

Подобно тому, как вопрос о качестве в советском договоре купли-продажи приобретает совершенно иной характер, чем в буржуазном договоре, иначе выглядит у нас и проблема цены.

Проблема цены стоит у нас как проблема *борьбы за советскую политику цен.*

Советская политика цен является мощным орудием социалистического строительства в руках диктатуры пролетариата, орудием планового воздействия на все наше народное хозяйство в деле обеспечения расширенного воспроизводства социалистических отношений и улучшения материально-бытового уровня широких трудящихся масс.

Свое плановое воздействие на народное хозяйство советская политика цен осуществляет в первую очередь через советскую торговлю. Советская политика цен теснейшим образом связана с советской торговлей и немыслима без нее, как и, наоборот, советская торговля немыслима без советской политики цен или вне рамок советской политики цен.

---

[50] С. Голюдов, Об организации советской торговли. Казакстанское отд. Партиздата Алма-Ата, 1932, с. 24.

[51] См. заметку «Рыцари принудительного ассортимента», «Снаб., Кооп. и Торговля», № 92 от 23/IV 1932 г.

[52] А. Гиндин, Бороться с извращением советской политики цен. «Экономическая жизнь» от 11/XI 1932 г., № 260.

[53] Там же.

Советская политика цен означает, что торговля государственных и кооперативных торговых организаций производится по ценам, либо прямо устанавливаемым («твердые цены», «этикетные цены»), либо регулируемым («наценки») государством.

Советская политика цен означает, что торговля колхозов, колхозников и трудящихся-единоличников производится по ценам, складывающимся на рынке.

Как определяется цена в капиталистическом договоре купли-продажи? Она определяется там путем взаимного «соглашения воль», путем «свободной договоренности сторон», в основе которой лежит экономический закон спроса и предложения.

Цена в условиях капитализма есть денежное выражение стоимости, являющейся основным законом товарно-капиталистического производства.

Как устанавливается цена в советском договоре купли-продажи?

Наша цена определяется уже не путем «свободного и взаимного» «соглашения воль», не соотношением между спросом и предложением, а планом социалистического строительства. Цена, которая фигурирует в советском договоре розничной купли-продажи,—это не результат стихийной закономерности, независимой от воли и сознания людей, она есть выражение воли рабочего класса, строящего социализм, она есть выражение организованного воздействия пролетарской диктатуры на наше народное хозяйство.

Цены, по которым продаются товары в магазинах госторговли и потребкооперации, либо прямо устанавливаются, либо регулируются государством. Все промышленные товары, как и продукты питания, делятся для этой цели на ряд групп.

В первую группу входят такие товары, на которые государство в лице комитета цен при СТО, реорганизованного теперь в комитет товарных фондов и регулирования торговли, устанавливает твердые *розничные цены*. К этой группе относятся такие промтовары, как нитки, галоши, мыло, спички, электролампы, махорка, табак, папиросы, хлеб, вино, ученические тетради, сахар, чай, соль и керосин. На большинство из них установлены специальные этикетные цены [54]. К этой группе для основных городских и промышленных центров относятся также важнейшие продукты питания: животное масло, маргарин, яйца, мясо, мука, печеный хлеб (за исключением сдобы), растительное масло, макароны, крупа и следующие сорта рыбы: сельдь, сазан, судак и вобла [55].

Во вторую группу входит ряд товаров, на которые Комитетом товарных фондов и регулирования торговли при СТО розничные цены не устанавливаются, но по которым комитет цен при СТО утверждает определенные *розничные накидки* к отпускной цене промышленности. К этой группе относятся такие товары, как важнейшие сорта тканей, готовое платье, обувь, шорные изделия, силикатные изделия и кон-

---

[54] См. пост. Комитета цен при СТО от 26/II 1932 г. № 39. «Экономич. жизнь» от 28/II 1932 г., № 49.

[55] См. пост. Комитета цен при СТО от 26/II 1932 г. № 40 «О порядке регулирования розничных цен на товары широкого потребления». «Экономич. жизнь» от 28/II 1932 г., № 49.

сер態 [56]. На основе утвержденных отпускных цен промышленности и розничных накидок местные органы власти, в лице краевых или областных исполкомов или совнаркомов республик, не имеющих областного деления, или по их поручению городские советы утверждают уже единую цену по каждому отдельному товару для всех торгующих организаций в данной местности [57].

Следующую группу составляют те товары, розничные цены и накидки на которые устанавливаются местными регулирующими органами, на основе директив Комитета товарных фондов и регулирования торговли. К этой группе относятся такие товары, как капуста, лук, огурцы, молоко и сыр.

Наконец последнюю группу составят те товары, цены на которые устанавливаются самими торгующими организациями и сообщаются для контроля местным органам власти.

Вот как обстоит дело с установлением цен в договоре советской розничной купли-продажи, если мы имеем в виду договор, заключаемый в магазине государственной или кооперативной торговли. Здесь цена либо прямо устанавливается, либо регулируется государством.

Кое-кто пытается на основании этого сравнить наш договор розничной купли-продажи с так называемым «диктуемым договором» буржуазного права. Мы думаем, что такого рода сравнения должны быть решительно отброшены. В самом деле, что такое «диктуемый договор»? Это договор, заключаемый двумя сторонами, из которых одна является крупнейшей организацией монополистического капитала, а другая—мелким и малозаметным «частным лицом». Ясно, что при таком положении и при таком соотношении сил одна из этих сторон—монополистическая организация—имеет возможность заставить принять свои условия, «продиктовать» другой стороне условия договора (цену и т. п.). Этот договор хорошо знаком практике современного капитализма и (империализма) дает монополистическим организациям возможность получать дополнительные массы сверхприбыли.

Но переносить его в наши условия или выдавать наш договор за «диктуемый договор», абсолютно недопустимо.

Само собой ясно, что договор купли-продажи, заключаемый на основе колхозной торговли, на основе цен, складывающихся на рынке, никому не придет в голову считать «диктуемым договором». Но даже в нашей кооперативной или государственной торговле, где цены на товары обычно определяются, устанавливаются, диктуются государством—и там смешно говорить о «диктуемом договоре». Хорошенькое «диктование», когда цены в государственных магазинах, диктуемые цены почти всегда *ниже* цен не диктуемых, т. е рыночных.

Колхозная торговля производится по ценам, складывающимся на рынке. Об этом говорит постановление ЦИК и СНК СССР от 20 мая 1932 г. [58]. Что это значит? Значит ли что складывание цен на колхоз-

---

[56] Там же, см. Приложение.

[57] См. там же.

[58] См. пост. ЦИК и СНК СССР о порядке производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян и уменьшении налога на торговлю с.-х. продуктами от 20 мая 1932 г.

ном рынке происходит стихийно, подобно тому как происходит это в капиталистических условиях? Значит ли это, что мы отказываемся от регулирования рыночных цен, от вмешательства в процесс их образования?

Кое-кто именно так понял смысл «цен, складывающихся на рынке». Так, например, один из наших кооперативных центров подготовлял специальную инструкцию для своих предприятий, в которой разъяснял, что «цены, складывающиеся на рынке, это—цены *не регулируемые* государством». В газете Всекопромсоюза и Всекопромсовета «Кустарь и артель» от 17 октября 1932 г. напечатана специальная статья на тему «О ценах, складывающихся на рынке», в которой артелям промысловой кооперации предлагается «использовать предоставленные им правительством права и продавать свою продукцию по ценам, складывающимся на рынке». «Понятие—цена, складывающаяся на рынке»,—читаем там же, позволяет продавать товары, изготовленные из сырья собственных заготовок, *не исходя из производственной себестоимости*. В большинстве случаев ныне цена, сложившаяся на рынке, превышает нормальные калькуляционные цены, *но бояться этого не следует*» [59].

Торгуйте, следовательно, по ценам, складывающимся на рынке, которые выше калькуляционных цен, обогащайтесь за счет цен, складывающихся на рынке—вот директива, которую дают авторы статьи пром. артелям, сопровождая ее, конечно, целым рядом оговорок и оговорочек относительно того, что артели не должны ориентироваться на *чересчур* высокие спекулятивные цены, должны бороться с перекупщиками и пр.

Перед нами—вполне законченное правооппортунистическое понимание «цен, складывающихся на рынке», которое ведет к политике «свободной игры цен», к спекуляции и ажиотажу, к полному отказу от организующей роли пролетарского государства.

Совсем недавно было опубликовано в газетах постановление СНК СССР от 26/IV 1933 г. о ценах на продукцию промысловой кооперации и кооперации инвалидов» [60], которое «в целях ликвидации допущенного в последнее время промысловой кооперацией и кооперацией инвалидов вздутия цен на выпускаемую ими продукцию» предусматривает, что по ряду товаров, вырабатываемых артелями из сырья, отпускаемого им по государственным ценам из государственных фондов: а) кожаная обувь, в том числе вырабатываемая по индивидуальным заказам; б) трикотаж; в) швейные изделия; г) хлопчатобумажные и шелковые платки; д) мыло хозяйственное и туалетное, отпускные цены утверждаются непосредственно Комитетом товарных фондов и регулирования торговли при СТО. По ряду других товаров, вырабатываемых артелями также из сырья, отпускаемого из государственных фондов: а) валеная обувь; б) фетровая обувь; в) шорные изделия; г) овчинно-шубные изделия; д) пуховые платки; е) веревки и чуни; ж) метизы Павловского и Тульского районов; з) граммофоны;

---

[59] Газ. «Кустарь и артель» от 17/X 1932 г. ст. М. Главарина и М. Западинского «О ценах, складывающихся на рынке». Курсив мой—И. З.

[60] См. «Правда» 27/IV 1933 г. № 116.

и) часы-ходики; к) макароны; л) кондитерские изделия; м) примусы и горелки к ним; н) мясорубки; о) стандартная мебель, отпускные цены утверждаются уполномоченными Комитета товарных фондов и регулирования торговли на местах.

Отпускные цены на все перечисленные выше товары, изготовленные не из сырья, отпускаемого из государственных фондов, а из отходов, утиля и брака, закупаемых артелями у государственных и кооперативных организаций, а также из сырья, получаемого в порядке самозаготовок, устанавливаются специальными конвенционными бюро, организованными в республиках, краях и областях.

Эти же конвенционные бюро устанавливают отпускные цены и на ряд других товаров, вырабатываемых в артелях в районах наиболее развитого кустарно-промыслового производства: а) тара; б) основные виды лесохимической продукции ширпотреба; в) стекло и бутылки; г) основная продукция радио-изделий; д) основные виды учебно-наглядных пособий; е) основные виды галантереи; ж) щеточные изделия; з) головные уборы.

Это постановление решительно бьет по всякого рода оппортунистическим толкованиям процесса складывания цен на советском рынке и с достаточной наглядностью показывает, что пролетарское государство активно воздействует на этот процесс.

Наш рынок есть *советский* рынок, на котором выступают государственные, кооперативные и колхозные организации, колхозники и трудящиеся - единоличники. Советский рынок находится под плановым сознательным воздействием со стороны органов диктатуры пролетариата. Следовательно и цены на колхозном рынке не должны и не могут складываться стихийно.

Пролетарское государство имеет достаточно сил и средств для того, чтобы воздействовать на уровень рыночных цен, для того, чтобы организованно влиять на процессы их образования, для того, чтобы бороться за их снижение.

А бороться за снижение цен на колхозном рынке крайне необходимо, так как цены эти сейчас еще непомерно высоки.

Но как бороться за снижение цен на колхозном рынке?

Можно ли бороться за снижение цен путем *голого администрирования*, путем административного установления местными органами рыночных цен, прейскурантов? Конечно, нельзя.

Вот, например, Измайловский райколхозсоюз изготовил в свое время специальную инструкцию, по которой «колхозы и колхозники, выполнившие все виды заготовок на 100%, могут продавать свои товарные излишки на советских базарах по твердо установленным ценам по прилагаемому к сей инструкции *прейскуранту*», в котором предусматриваются цены на всевозможную с.-х. продукцию, с точностью до одной копейки, например, гуся предлагается продавать по 4 руб. 90 к. за штуку, а цыплят—по 3 руб. 05 к. [61].

Рассказывают также, что один догадливый администратор вышел

---

[61] См. заметку «По прейскуранту». «Социалистическое земледелие» от 9/VII 1932 г., № 1507.

на рынок, приценился к картошке, выяснил, что один колхозник продает по 3 руб. за мерку, другой—по 4 руб. а третий ту же мерку отдает за 2 руб., произвел соответствующие вычисления, вывел среднюю арифметическую и, встав на центральном пункте базара, громогласно, через рупор объявил: «Цена, складывающаяся на рынке на картошку, устанавливается сегодня в 3 руб.».

Можно ли так бороться за снижение рыночных цен? Конечно, нельзя.

Бороться за снижение цен на колхозном рынке нужно прежде всего путем дальнейшего развития самой колхозной торговли, путем организации обслуживания колхозных рынков и организации встречной торговли промтоварами, путем увеличения товарооборота, путем вызова к жизни огромного множества новых товаров, путем организации самозаготовок на глубинке, путем завоза на село товаров ширпотреба, путем жестокой борьбы со спекуляцией и ажиотажем со стороны отдельных заготовителей. Сентябрьский пленум ЦК обратил на этот вопрос самое серьезное внимание:

«Считая недостаточными успехи, достигнутые в развитии колхозной торговли, ЦК предлагает местным партийным и советским организациям оказывать всемерное содействие дальнейшему росту колхозной торговли (вовлечение в торговлю большего количества колхозов, колхозников и единоличных трудящихся крестьян, увеличение торговой сети, улучшение организации встречной торговли промтоварами, в частности, усиление торговли изделиями кустпромкооперации), решительно искореняя спекулянтов и перекупщиков и устраняя с рынка отдельных государственных кооперативных заготовителей, вздувающих цены и играющих на-руку спекулянтам с тем, чтобы всеми этими мерами добиться снижения непомерно высоких цен на колхозном рынке»[62].

Бороться за снижение цен на колхозном рынке нужно вместе с тем и путем организации массовой партийной и советской работы вокруг этого вопроса *внутри самих колхозов*, путем борьбы со спекулятивными тенденциями отдельных колхозов и колхозников, путем действительно большевистской организации колхозной торговли.

Мы имеем отдельные яркие примеры, когда хорошо организованные и подготовленные к встрече с приезжающими на рынок колхозниками торговые организации влияли на снижение цен[63].

Но вместе с тем надо отметить, что большинство наших торгующих государственных и кооперативных организаций еще не научилось влиять на процесс образования рыночных цен так, как этого от них требует партия, так, как этого требует от них действительное развертывание советской торговли, действительное проведение советской политики цен.

Проведение советской политики цен наталкивается на практике на целый ряд извращений. Эти извращения идут в основном по двум линиям, по линии правооппортунистических, наиболее опасных в данный период, извращений и по линии «левацких» извращений.

---

[62] Резол. сент. пленума ЦК ВКП(б) 1932 г.

[63] Например Озургетский райпотребсоюз, см. заметку «Райсоюзы боролись за советскую цену». «Снабжение, кооперация и торговля» от 4/XI 1932 г., № 253.

Правый оппортунизм стремится сорвать советскую политику цен тем, что, ратуя за «чистую торговлю» и игнорируя задачи социалистического накопления и улучшения материального обслуживания трудящихся масс, он всяческими путями стремится протащить произвольные высокие наценки, пытается вздуть розничные цены.

«*Левый*» оппортунизм стремится сорвать советскую политику цен тем, что, выступая против советской торговли, пытаясь столкнуть ее на рельсы механического распределения, игнорируя хозрасчет и рентабельность торгового предприятия, он пренебрежительно относится и к ценам.

Проблема цены в советском договоре розничной купли-продажи означает борьбу за советскую политику цен, борьбу против извращений советской политики цен, борьбу против незаконных наценок в государственной и кооперативной торговле, борьбу за снижение цен на колхозном рынке, борьбу против пренебрежения к ценам, борьбу против административного установления рыночных цен и т. д. и т. п., словом борьбу за внедрение революционной законности в нашу розничную торговлю.

Советское законодательство и в этой области дает в руки трудящегося потребителя великолепные орудия борьбы. Советское законодательство целиком и полностью защищает рабочего потребителя от произвола отдельных работников торгового аппарата. Оно защищает потребителя, в виде установления твердых цен на ряд товаров, в виде установления определенного процента розничной наценки на товары, в виде обязательства в каждом магазине иметь прейскуранты, ярлыки с ценами на каждый товар и т. п.

Совершенно ясно и четко сформулировано это в специальном постановлении Комитета цен при СТО, в котором сказано:

«В целях обеспечения контроля потребителей за состоянием цен в магазинах кооперации и госторговли и облегчения массового контроля в борьбе с произвольным повышением цен Комитет цен при СТО постановляет:

1. Обязать *все* торгующие организации под личную ответственность заведующих торговыми предприятиями (магазины, ларьки, киоски и т. п.) вывешивать на видном месте прейскуранты розничных цен.

2. За нарушение настоящего постановления заведующих торговыми предприятиями привлекать к уголовному суду» [64].

Знают ли у нас об этом широкие массы потребителей? Знают ли, что каждый магазин должен иметь прейскуранты и ярлычки с ценами на товары, что завмаг, у которого нет в магазине прейскуранта, должен быть привлечен к уголовной ответственности? Нет, не знают. И поэтому не могут в достаточной степени использовать его для защиты своих же собственных интересов.

■

Разобрав наиболее общие моменты любого договора купли-продажи в советской розничной торговле, мы должны перейти теперь к ха-

[64] Пост. Комитета цен при СТО от 27/X 1931 г. «О вывешивании розн. цен в магазинах». «Изв. ЦИК» № 298 от 28/X 1931 г.

рактеристике различных форм, в которых этот договор проявляется.

Существует ряд форм договора купли-продажи в советской розничной торговле: а) простая купля-продажа; б) купля-продажа с рассрочкой платежа; в) купля-продажа с предварительным авансированием стоимости товара.

Наиболее распространенной, массовидной, миллионы раз повторяющейся формой договора советской розничной купли-продажи является, конечно, договор простой купли-продажи, или, как его иначе называют иногда, договор ручной продажи, или договор купли-продажи за наличный расчет и т. п.

Характерной особенностью этого договора является то, что *момент заключения его совпадает или почти совпадает с моментом его исполнения.*

Это резко отличает данную форму договора розничной купли-продажи от двух других его форм—купли-продажи с рассрочкой платежа и купли-продажи с предварительным авансированием, как раз потому, что в двух последних формах договора момент заключения их *не совпадает*, разорван во времени с моментом их исполнения.

Благодаря этому для двух последних видов договора розничной купли-продажи возникает целый ряд юридических проблем, совершенно незнакомых договору простой купли-продажи.

В договоре простой купли-продажи почти все юридические вопросы решаются довольно просто.

Возьмем вопрос о форме договора. Совершенно очевидно, что это обычно *устная* сделка, не требующая какого-либо особого письменного оформления.

Возьмем вопрос о переходе права собственности. Момент уплаты денег («цены») совпадает здесь с моментом передачи вещи или происходит немного ранее этого момента. *Момент перехода права собственности* на вещь *совпадает с моментом передачи самой вещи.*

Поэтому никаких юридических проблем, связанных допустим с риском гибели вещи, просрочкой платежа или еще какими-либо подобными вопросами, здесь не возникает.

Правда, здесь возникает другая, гораздо более общая и более интересная проблема. Договор простой купли-продажи в советской розничной торговле заключается двумя сторонами, из которых одной является обычно государственный магазин, магазин потребкооперации или колхоз, т. е. представители социалистического сектора, (носители общественной, социалистической собственности), а с другой,—отдельные граждане, частные лица.

Что же получается с правом собственности на вещь, по поводу которой происходит заключение между этими сторонами договора купли-продажи? Очевидно, право собственности на вещь из рук социалистических предприятий переходит в руки частного лица. Мы наблюдаем здесь как будто бы переход вещи из социалистической, общественной собственности в частную собственность. Но мы не должны забывать, что отдельные, «частные лица»—граждане, заключающие договор советской купли-продажи,—это в подавляющей своей массе работники социалистических предприятий, мы не должны забывать,

что частная собственность этих частных граждан есть в основном лишь собственность на предметы потребления, мы не должны забывать, наконец, что эта частная собственность в условиях советского хозяйства уже не та частная собственность на предметы потребления, которую мы наблюдаем в условиях капитализма, а нечто переходное от частной собственности к *личной* собственности, которая будет характерна для развернутого коммунистического общества [65].

Мы должны подчеркнуть, что наше законодательство рассчитывает как раз на переход вещи в такого рода индивидуальную собственность или «личное пользование» потребителя. Но, конечно, могут быть и бывают искажения, и товары иной раз идут не на потребление, а на перепродажу.

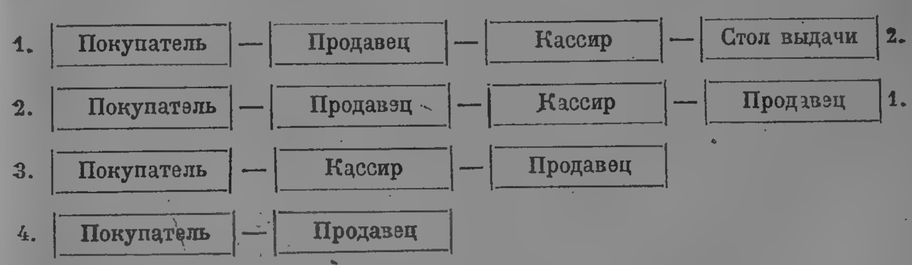
Революционная законность должна быть использована здесь в полной мере для решительной борьбы со спекулянтами и перекупщиками.

Мы затронули общий вопрос, имеющий отношение не только к договору простой купли-продажи, а ко всем формам розничной купли-продажи вообще. Характерной же особенностью договора простой купли-продажи является как раз то, что в нем момент заключения совпадает или почти совпадает во времени с моментом его исполнения.

Однако, грань, лежащая между различными формами договора купли-продажи, условна и относительна. Грань-то, конечно, есть, но это—грань, а не китайская стена, и эта грань бывает иногда весьма и весьма тонкой.

В одной книге мы наткнулись на 4 схемы, отображающие различные варианты расчетов покупателя с магазином в договоре, который мы называем договором простой купли-продажи.

Эти схемы выглядят так:



Эти схемы наглядно показывают, что даже простая розничная купля-продажа несет в себе известный разрыв между моментом заключения и моментом исполнения договора.

Совпадение обоих моментов мы наблюдаем только в четвертом случае, в случае непосредственных взаимоотношений продавца и покупателя, в случае, когда продавец является в то же время и кассиром.

---

[65] «Таким образом, положение, создаваемое экспроприацией экспроприаторов, характеризуется здесь как восстановление индивидуальной собственности, но на основе общественной собственности на землю и на произведенные самим трудом средства производства... это значит, что общественная собственность распространяется на землю и на другие средства производства, а индивидуальная собственность—на продукты, следовательно—на предметы потребления». Энгельс, Анти-Дюринг, см. Маркс и Энгельс т. XIV, с. 130.

Таким образом мы даже в договоре простой розничной купли-продажи обычно имеем налицо некоторый хотя бы самый незначительный разрыв во времени между моментом заключения и моментом исполнения договора. Отсюда—возникновение и некоторых юридических вопросов.

Один из таких вопросов—вопрос о чеке.

Что такое чек?

Чек[66]—свидетельство в получении цены, документ, подтверждающий, что обязательства покупателя выполнены. Продавец обязан выдать против чека эквивалент—товар.

Чек отличается от расписки в получении денег или «счета», так как последние даются *после* передачи товара, а чек—*перед* этим.

Счет свидетельствует в большинстве случаев о состоявшемся уже переходе права собственности на вещь в руки покупателя, чек свидетельствует лишь о выполнении покупателем своих обязательств перед продавцом.

Интересно отметить, что в нашей торговой практике с чеком связаны кое-какие дополнительные обязательства. Чек действителен в течение только одного дня, чек теряет свою силу и становится недействительным, если покупатель вышел с ним из магазина. Нечего уже говорить о том, что обязательства со стороны покупателя считаются невыполненными и деньги за товар не уплаченными, если чек покупателем будет утерян.

Вот те вопросы, которые связаны с договором простой купли-продажи.

Вторым видом договоров купли-продажи в розничной торговле является договор купли-продажи с рассрочкой платежа. Договор купли-продажи в розницу с рассрочкой платежа хорошо знаком практике капиталистической торговли и сам был вызван к жизни этой практикой.

Существо этого договора заключается в том, чтобы обеспечить капиталисту-предпринимателю возможность проталкивания дорогостоящих товаров к массовому потребителю.

Массовый потребитель, нуждающийся в таких вещах, как швейная машина, мебель, часы и т. п., не может приобрести их за наличный расчет. Предприниматель «идет ему навстречу» и, предоставляя на небезвыгодных для себя условиях рассрочку платежа, проталкивает свой товар.

Договор купли-продажи в розницу с рассрочкой платежа нашел свое применение и у нас, особенно в первые годы нэпа. 10 октября 1923 г. ВЦИК и СНК РСФСР было вынесено специальное постановление о купле-продаже в розницу с рассрочкой платежа «предметов домашнего обихода, ремесла, профессий, оборудования сельского хозяйства, домовладения, кооперативного и мелкопромышленного предприятия в тех случаях, когда предмет продажи предназначается для длительного пользования покупателя»[67].

---

[66] Здесь речь идет, конечно, не о банковском чеке, а о кассовом чеке магазина.

[67] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 октября 1923 г. Собр. Узак. 1923 г., № 79, ст. 770. См. также в ГК приложение к ст.ст. 180—205.

Совершенно очевидно, что в наших условиях этот договор с самого начала играл иную роль, чем в условиях капиталистического хозяйства, все более и более превращаясь в одно из орудий действительного обслуживания трудящихся масс.

Этот договор значительно отличается от договора простой купли-продажи. В нем нет совпадения во времени момента его заключения с моментом его реализации, и потому с ним связано значительно больше всевозможных юридических проблем и казусов. Если в договоре простой купли-продажи право собственности переходит на покупателя в момент уплаты цены товара, то здесь дело обстоит иначе.

Здесь право собственности переходит на покупателя в момент заключения договора, уплата же всей цены отсрочивается, ибо это договор купли-продажи с *рассрочкой платежа*. Уплата покупной цены, да и то не сразу, а в несколько приемов, происходит *после* передачи вещи в собственность покупателя. Естественно, что продавец в таком случае должен как-то обеспечить свои интересы. В обеспечение уплаты покупной цены продавцу предоставляется залоговое право на проданное имущество.

Но это же налагает серьезную ответственность и на покупателя. Впредь «до полной уплаты продавцу цены за проданное в рассрочку имущество покупателю запрещается перепродавать, закладывать или другим каким-нибудь способом передавать третьим лицам это имущество, а равно пользоваться имуществом такими способами, которые явно не свойственны природе имущества и ведут к его бесхозяйственному уничтожению или порче[68].

Покупатель обязан регулярно вносить следуемые по договору платежи.

В случае невзноса покупателем трех последовательных платежей, продавец имеет право потребовать расторжения договора и возвращения себе проданного имущества. Однако, если покупатель оплатил уже 60% стоимости вещи, продавец не имеет права отобрать вещь у покупателя, хотя приобретает право на единовременное взыскание долга.

В договоре простой купли-продажи не возникало проблемы *риска гибели* вещи. Здесь эта проблема возникает и играет практически весьма значительную роль.

Если до полной оплаты стоимости проданного в рассрочку имущества произошло уничтожение, утрата или порча этого последнего, вследствие обстоятельств, за которые покупатель не отвечает, то от уплаты всех дальнейших платежей он освобождается.

Если в договоре простой купли-продажи вопрос о форме договора не занимал сколько-нибудь заметного места благодаря тому, что там мы имеем устную форму договора, то здесь этому вопросу поневоле отводится почетная роль, ибо это должен быть правильно оформленный договор, написанный в 2-х экземплярах, по всем правилам юридического искусства.

Гораздо более важной и интересной представляется нам, однако, третья из намеченных выше форм, а именно договор розничной

---

[68] Там же.

купли-продажи с предварительным авансированием стоимости товара.

Этот вид договора охватывает собственно целый ряд подвидов, таких как: фото-, вело-обязательства, обязательства по швейной машине, доставка товаров на дом, предварительные заказы, абонементы и т. п.

Договор купли-продажи с предварительным авансированием занимает у нас сейчас значительное место. И это место занимает он, главным образом, *за счет вытеснения* из советской действительности договора купли-продажи с рассрочкой платежа.

Договор купли-продажи в розницу с рассрочкой платежа в значительной мере уже вытеснен из советского обихода. Его место занял договор купли-продажи с предварительным авансированием стоимости товара.

Почему это произошло и какие выводы следуют отсюда?

Это произошло, на наш взгляд, вследствие двух причин. Во-первых, вследствие товарного дефицита, вызванного колоссальным, невиданным ростом потребностей и запросов широчайших масс трудящихся, опередившем даже гигантский рост нашего производства. Во-вторых, и это тесно связано с первым, вследствие повышения платежеспособности населения, образования у него известных свободных денежных ресурсов, которые он не прочь авансировать под будущую продукцию.

Рост товарной продукции по линии ширпотреба и продовольственных товаров в ближайшее же время снова повысит значение купли-продажи с рассрочкой платежа в практике нашего хозяйства.

Если сравнить две последних формы договора купли-продажи в советской розничной торговле, то мы можем найти в них и *общее и различное*. Общее заключается у них в том, что и тут и там— *рассрочка платежа*. Различие в том, что в первом случае товар переходит в руки покупателя сразу же по заключению договора, а во втором— лишь после оплаты всей его стоимости.

Отсюда иначе поставлена будет и проблема перехода права собственности. Если право собственности по договору купли-продажи с рассрочкой платежа переходит на покупателя в момент *заключения* договора, то в договоре купли-продажи с предварительным (или целевым) авансированием право собственности на вещь, конечно, переходит в момент *исполнения* в момент *реализации договора*.

СОВЕТСКОЕ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО И КЛАССОВАЯ БОРЬБА

С. РАЕВИЧ

I

В период социалистической реконструкции, характеризуемый огромным ростом «творческой инициативы рабочего класса, исключительное значение приобретает массовое изобретательство, как одна из важнейших форм непосредственного участия рабочих в социалистической рационализации производства» [1]. Реконструкция народного хозяйства проводится трудящимися массами СССР под руководством ленинской партии в ожесточенной борьбе с классовыми врагами, причем и фронт изобретательства отнюдь не составляет исключения в этом отношении. Враги наши, конечно, понимают значение технических усовершенствований промышленности, сельского хозяйства и транспорта в деле построения социалистического общества и делают все возможное, чтобы воспрепятствовать их распространению.

Одним из методов борьбы против социалистического строительства являются попытки воспрепятствовать осуществлению директивы XVI съезда ВКП(б), указывающей на широкое усвоение новейших технических достижений как на одно из главных условий успешности технической реконструкции. Для этой цели наши враги пускают в ход самые разнообразные средства. В частности, они вели и ведут, меняя формы борьбы и приспособляясь к «легальным возможностям», открываемым недостатком нашего внимания к делу изобретательства, борьбу против развития и использования результатов производящихся в СССР изобретений. ЦК ВКП(б) признал в конце 1930 г., «что использование изобретений, усовершенствований, рабочих предложений на

---

[1] Из постановления ЦК ВКП(б) от 26/X 1930 г. (Савельев и Поскребышев, Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам 1931, с. 790.) В цитируемом постановлении в качестве одного из необходимых практических мероприятий указано на необходимость обеспечить наиболее полное освещение вопросов изобретательства во всей печати. Большинство центральных газет, особенно органов промышленности, уделяет с тех пор некоторое, хотя и недостаточное, место вопросам изобретательства. Директива ЦК относится, однако, не только к газетам, но и к «толстым» научным журналам, которые в своем большинстве так и остались безучастны к вопросам изобретательства. «Советское государство и революция права» поместила с тех пор одну статью по вопросам изобретательства, а большинство других органов Комакадемии, например, «Проблемы экономики» не дало ни одной, как будто вопрос не имеет для советской экономики никакого интереса.

предприятиях и в хозорганах поставлено совершенно неудовлетворительно», что было «следствием волокиты и саботажа, проистекающих из вредительства классово-враждебных элементов и от совершенно недопустимой косности, полной безответственности и недооценки... всего значения массового изобретательства[2] в создании новой техники, обеспечивающей в СССР невиданный в условиях капитализма рост производительности труда».

С тех пор внимание к этому делу усилилось, но положение на этом фронте и сейчас характеризуется наличием множества вылазок классовых врагов «на предприятиях, в хозорганах и научно-исследовательских институтах»[3].

В частности, наши враги и их пособники, наряду с замалчиванием изобретений, используют: широкую пропаганду буржуазных «научных» теорий, направленных к разоружению нас в борьбе за социализм; бюрократическое, переходящее во вредительство торможение рассмотрения, проверки и признания рабочих изобретений; непроизводительное использование, вплоть до явного расточения, средств, предназначенных на изобретательскую и научно-исследовательскую работу, и всяческое препятствование, со ссылкой на «объективные» причины, действительному проведению в жизнь признанных изобретений; травлю изобретателей; всяческое содействие иностранному капиталу в безвозмездном использовании советских изобретений и в получении «справедливого» вознаграждения за использование в СССР иностранных изобретений и много других способов. Одним из решающих на этом фронте моментов является непримиримая борьба на теоретическом участке—против буржуазной идеологии, в частности против юридической идеологии патентного права, являющейся непосредственной основой аргументации в пользу сохранения в СССР не отвечающих нашим условиям пережитков капиталистического патентного права и буржуазной патентной практики, всяческих бюрократических извращений в этом деле, апологии патентного права империализма и «научной» защиты притязаний иностранных капиталистов к СССР.

В области изобретательского дела, как и везде, теория партийна. Враждебная интересам пролетариата практика опирается не только на откровенно буржуазную идеологию, а широко использует в условиях диктатуры пролетариата также и всевозможные извращения и подделки ленинизма. В частности широко используется теорийка внеклассового и беспартийного характера вопросов техники и рационализации труда, якобы стоящих вне классовой борьбы. Для этой цели целый ряд проблем технической политики и патентного права сводится к вопросам технологии, энергетики и т. п. Так например в «Основах патентного права» Хейфеца физика, химия и технология широко служат прикрытием его насквозь, как увидим дальше, враждебных ленинизму теорий.

Другой методологический прием, направленный к тому, чтобы выхолостить теорию изобретательства, выбросить из нее классовую

---

[2] Там же, с. 790—791.
[3] Там же, с. 791.

сущность и тем самым сделать ее орудием классовой борьбы против социализма и за капитализм, является широкое использование эклектических и механистических теорий об особой категории «технически-трудовых» общественных отношений, стоящих вне борьбы классов. Оба эти приема выполняют социальный заказ буржуазии вне СССР и ее остатков в нашей стране затушевать классовую борьбу в изобретательском и рационализаторском деле и сделать это дело монопольным достоянием буржуазных специалистов.

Общеизвестны слова т. Сталина, что «техника в период реконструкции решает все» [5]. И тем не менее вопросам технического прогресса, борьбе за внедрение технических усовершенствований наша научная литература (и экономическая, и историческая, и философская, и, наконец, литература по вопросам государства и права) уделяла до сего времени очень мало внимания. Причиною этого в значительной мере является широко распространенное представление, что техника и технология являются предметом лишь естественной науки и в особенности, что это—область, где царствует «техническое сотрудничество» и нет классовой борьбы. Механистическая методология школы Богданова-Бухарина в этих вопросах царствует более, чем где-либо. Механицизм, фактически не сложивший оружия [6], хотя и признавший словесно в лице своих главных представителей правильность указаний ЦК о том, что именно он является на фронте методологии главной опасностью на данном этапе, проводит здесь особенно явно свою общую линию игнорирования классового антагонизма.

По Бухарину «категория производственных отношений есть всеобщая категория, касающаяся общественного строения: сюда входят и отношения социально-классового характера (отношения рабочего и капиталиста) и отношения другого типа (например, отношения между двумя предприятиями, отношения сотрудничества, т. е. так называемой простой кооперации... и т. д.)» [7].

Достаточно известно, что Ленин сделал по поводу этого замечание: «как раз терминология и неверна: не бывает классовых не социальных» [8]. Как правильно было отмечено недавно на страницах «Под знаменем марксизма» [9], не существует в классовом обществе «технически-трудовых» отношений.

Со сказанным тесно связано учение Бухарина об элементах социализма в недрах капитализма, находящееся в резком противоречии с тезисами по этому вопросу Ленина и Сталина [10]. Бухарин считает, что «технически-трудовые» отношения капитализма есть тот «*вид* производственных отношений», который «может лечь *в основу* новой

---

[5] Сталин, «О задачах хозяйственников», и «Вопросы ленинизма», 1932, с. 585.

[6] См. напр. статью «Механицизм на современном этапе» в «Под знаменем марксизма» 1932, № 7—8.

[7] Бухарин, «Экономика переходного периода» с. 41—42. Срав. тезис Каутского: «важнее вопроса о способе производства вопрос о самом производстве» (Материалистическое понимание истории, т. II, с. 592).

[8] XI Лен. сб., с. 368.

[9] Ст. Мушперта, «Под знаменем марксизма» 1932, № 7—8, с. 196.

[10] См. напр. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1932 г., с. 196.

производственной структуры [11], почему при социализме происходит лишь перегруппировка производственных отношений капитализма (ср. «мирное врастание в социализм»). Ленин выразил свое недоумение по поводу этой мысли, поставив против этой фразы два вопросительных знака.

Хорошо известно также, что по таким вопросам, как рационализация советского производства, Ленин считал решающими чисто политические моменты. Он выражал, например, сомнение, может ли меньшевик Ерманский удачно выполнить даже такую задачу, как собирание литературы по этому вопросу [12].

Немало имеется указаний по этому вопросу также и у Маркса, указаний диаметрально противоположных позиции Бухарина. По Марксу рабочие являются «личностями, вступившими в определенное отношение к капиталу, но не друг к другу» [13].

Тем не менее противопоставление классовых и неклассовых «технических» общественных отношений при капитализме воспроизводится и в новейшем учебнике истмата Гоникмана [14].

Особенно вредны теории, провозглашающие «чисто технический», т. е. свободный якобы от политики и классовой борьбы характер «внутриклассовых» производственных отношений на данном этапе, когда наши враги принимают, как правило, личину трудящихся и используют отдельные группы трудящихся и даже рабочих и партийцев в качестве орудия в борьбе против социализма. XVII конференция с особой силой подчеркнула и неизбежность сохранения, а в некоторых случаях и усиления буржуазных влияний на отдельные слои и группы трудящихся. Примеры, подтверждающие этот прогноз, будут даны, в частности, и в настоящей работе.

Как мы сейчас увидим, широко распространены эти же в конечном счете механистические установки также и в правовой литературе, в частности, в подходе к вопросам изобретательского права. В первую очередь влияние этих установок, с одной стороны, и широко распространенное до последнего времени стремление замыкаться в вопросах «высокой теории» и игнорировать конкретные вопросы социалистического строительства, с другой, объясняют в особенности то невнимание к вопросам технической политики и политики изобретательства, какое мы встречаем в марксистской научной литературе. Игнорируя эти темы, наши писатели чаще всего молчаливо исходят из того, что техника и классовая борьба исключают друг друга и что эти области вопросов чисто прикладного—мол—характера менее всего нуждаются поэтому в политическом руководстве и теоретическом освещении их с точки зрения марксизма-ленинизма. Такой подход к оценке значения этих вопросов широчайше распространен и до настоящего времени, несмотря на то, что он представляет собой несомненную отрыжку идеалистического понимания истории, с точки зрения которого

---

[11] «Экономика переходного периода», с. 52.

[12] VII «Ленинский сборник», Письмо к Аванесову, с. 89.

[13] Маркс, Капитал, т. I, с. 248—259.

[14] См. критику позиции Гоникмана в цитированной статье Мушперта в «Под знаменем марксизма», 1932 г. № 7—8. Сравн. Ленин т. V, с. 175 сверху (по 1 изданию).

теоретические, «чисто научные» проблемы предопределяют собой технику. Не в бровь, а в глаз сторонникам такого взгляда говорил Энгельс: «В Германии, к сожалению, привыкли писать историю наук так, как будто бы наука свалилась с неба», причем эти «историки науки» не желают считаться с тем, что если «техника в значительной степени зависит от состояния науки, то обратно—наука гораздо больше зависит от состояния и потребностей техники» [15].

В порядке самокритики должен сказать, что некоторую недооценку политики изобретательства (включая изобретательское право как одну из ее форм) в качестве орудия классовой борьбы проявил в своих работах также и я, хотя, как отметил в своей богатой фактами вредительства, бюрократизма и т. п. книге [16] т. Седельников, я был первый, кто открыл ему «глаза на научные подлоги Хейфеца», плодовитейшего представителя апологии империализма в советской литературе по изобретательскому праву. Нетрудно было бы показать недооценку значения изобретательского права и в работах т. П. И. Стучка, не говоря уже о других работах.

С недооценкой изобретательского права как поля классовой борьбы тесно связано то обстоятельство, что и теория и практика патентного права были в течение долгого времени монопольным достоянием наших классовых врагов и их пособников и что до сего времени они сохраняли здесь влиятельные позиции.

II

Весь процесс труда, все его условия, в том числе и отношения (якобы чисто «технически-трудовые») между рабочими и служащими в процессе этого труда приобретают иной характер в социалистической промышленности, чем при капитализме. Принципиально меняются, в частности, и цели, и содержание, и способы осуществления, и результаты изобретательской и рационализаторской деятельности рабочего и специалиста, а также и отношения в процессе подготовки изобретения и его реализации между трудящимися и между ними и предприятием.

Режим господства капитала делает «для рабочего невыносимыми не только отношения к капиталисту, но и самый труд», говорит Маркс... [17]. Как говорит он же в еще неопубликованных тетрадях о технике, «господство прежнего труда над живым получает не только социальное выражение в отношениях капиталиста и рабочего, но еще так сказать технологическое подтверждение» [18]. В этих условиях интересы рабочего принципиально противоположны интересам предпринимателя. В той мере, в какой последний заинтересован в усовершенствовании техники, он стремится, во-первых, внушить рабочему свою идеологию, идеологию «общенациональных» интересов, социальной демагогии, государственного капитализма и сотрудничества классов, которая должна для рабочего и специалиста идейно осмыс-

---

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, изд. 3, с. 366.

[16] «Пути советского изобретательства», с. 32.

[17] Архив Маркса и Энгельса, т. I, 1928, с. 241.

[18] Цитируется по статье Мушперта в «Под знаменем марксизма» № 7—8, 1932, с. 92.

лить и оправдать рационализаторскую деятельность в капиталистическом предприятии [19].

Во-вторых, для стимулирования в интересах эксплоататоров изобретений и рационализаторских предложений лиц наемного труда в капиталистическом обществе широко практикуется система тех или других подачек и коррупции для специалистов и верхушек рабочего класса и вовлечение отдельных единиц из их числа в среду капиталистов, в частности путем совместного владения патентами и т. п. Одним из орудий политики эксплоатации и коррупции является буржуазное патентное право.

Распространение этими методами заинтересованности в улучшении техники капиталистических предприятий и связанных с этим и преподносимых под соответствующим углом зрения технических знаний является там важной политической задачей, важнейшим актом идеологической классовой борьбы. Поэтому-то, например, фашистская конфедерация индустрии, которая представляет, как констатировал орган компартии «Lo stato operaio», действительного творца и хозяина фашизма, является, как подчеркивают ее представители, вместе с тем крупнейшим техническим издателем этой страны [20].

В эпоху империализма загнивание капитализма ведет ко все большему распространению стремления класть изобретения под сукно, что констатировал еще Ленин в «Империализме» и что наиболее сильно проявляется, как свидетельствуют тысячи приводившихся в нашей печати фактов [21], во время переживаемого мирового кризиса. Как подчеркнул т. Сталин, ничего действительно близкого к нашим социалистическим формам труда, «ничего подобного не может быть при капитализме», несмотря на потуги фашистов и социал-фашистов добиться, при помощи обмана, некоего суррогата этих форм. Между сознательными рабочими и капиталистами происходит непрерывная борьба вокруг попыток капитала извлекать дополнительную прибыль и усиливать эксплоатацию понуждением рабочих к активному участию в капиталистической рационализации.

В социалистических предприятиях рабочего государства отношение к труду и к улучшению техники меняется в корне. «Только слепые не видят, что в психологии масс, в их отношении к труду произошел громадный перелом, в корне изменивший облик наших заводов и фабрик». «Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно

---

[19] Так, например, один фашистский автор, комментируя выступление Муссолини, развернувшего программу последнего демагогического фашистского трюка—«хождения в народ», мотивирует этот трюк следующим образом: «что стоит оружие, если у солдат не хватает силы и воли его использовать. Что значит наиболее усовершенствованные машины, если вокруг них находятся рабочие, ум и сердце которых заняты далекими мыслями и—даже хуже того—которые враждебны по отношению к руководителям индустрии» («L'organizatione industriale» 1932 г., с. 629, статья «Похвала вождя составляет наилучшую награду»).

[20] «L'organizatione industriale» 1931, с. 633.

[21] В качестве новейшего характерного примера упомянем одобрение этой тенденции г. Кайо, лидером французских радикал-социалистов, в недавнем (январь 1933 г.) интервью с корреспондентом «Temps».

превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело *чести*, в дело *славы*, в дело *доблести* и *геройства*»[22] и вместе с тем в дело укрепления СССР как базы международной революции, в дело борьбы за низвержение мирового капитала и победы социализма.

Целый ряд ярких примеров характеризует новые стимулы деятельности наших изобретателей.

Как сообщалось в одной из сводок результатов рабочего изобретательства СССР, тов. А. С. Высоколов не так давно получил за одно из своих изобретений 2 300 руб. и передал их в распоряжение общественных организаций. Н. Н. Андреянов—инженер-транспортник, получив 40 тыс. рублей премии за свое изобретение, отдал деньги целиком землячеству красных партизан-украинцев, к которому он принадлежит. Землячество на эти деньги построило и передало Красной армии самолет.

Самоучка-монтер завода «Пневматик» т. Принц-Ленский изобрел электропневмометр для испытания мощности пневматических молотов. Из премии в 117 тыс. руб. он 112 тыс. отдал государству.

Рабочий завода «Большевик» т. Федосимов, автор 44 рационализаторских предложений и изобретений, отказался от всяких премий и патентов.

Тов. Каретников, изобретение которого дает миллионы рублей экономии, отказался от патента в пользу государства.

Подобных примеров у нас множество.

Нашими изобретателями руководит не стремление к наживе, а стремление помочь и ускорить социалистическое строительство. Для наших рабочих-рационализаторов, изобретателей, героически борющихся за осуществление плана, те или другие достижения в производстве являются не только на словах «делом доблести и геройства». Уже одно это предопределяет реакционность попыток уложить отношения, порождаемые советским изобретательством, в рамки традиционных категорий гражданского права.

Что двигает миллионами рабочих и колхозников в нашей стране? Что создает их стимул к труду и его улучшению? На это с полной ясностью ответил т. Сталин следующими словами:

«Сознание того, что рабочие работают не на капиталиста, а на свое собственное государство, на свой собственный класс,—это сознание является громадной двигательной силой в деле развития и усовершенствования нашей промышленности... Это новое отношение рабочих к предприятию, это чувство близости рабочего к предприятию является величайшим двигателем всей нашей промышленности»[23].

В целом ряде случаев изобретение может иметь место только в советских условиях уже в силу того, что лишь в СССР возможно осуществление грандиозных задач по техническому усовершенствованию и оборудованию гигантских гидроэлектрических станций, громадных совхозов и т. п. Здесь роль изобретателя, в качестве пионера борьбы за социализм, выступает особенно ярко.

---

[22] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, с. 533, 534.
[23] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, 1932, с. 278—279.

Овладение техникой руководителями производства и широкими массами рабочих и колхозников в наших условиях является проблемой сугубо классовой. В одной из своих передовых «Правда» подчеркнула, что буржуазия поставила последнюю ставку на провал большевиков на этом участке. Ряд вредительских процессов показал, что классовый враг пытался развернуть интенсивную деятельность, чтобы затормозить наше успешное продвижение вперед по пути социализма. Область овладения техникой стала плацдармом ожесточенной классовой борьбы. Как констатировала «Правда» (4/II 1933 г.), эта классовая борьба показала, что пролетариат не может слепо копировать и механически переносить заграничные технические образцы на советскую почву, она доказала настоятельную необходимость твердого пролетарского руководства старыми специалистами и быстрейшего выращивания нашей собственной технической интеллигенции; она доказала, наконец, что для технической реконструкции недостаточно установить новое, даже самое новейшее оборудование. Необходимо, кроме того, в упорной борьбе усвоить и улучшить технику его использования.

Многие советские изобретения имеют мировое значение. Они усиливают позицию СССР в борьбе двух систем не только в том отношении, что СССР может раньше провести их в жизнь, чем капиталистические страны, но также и в направлении возможностей улучшения платежного баланса СССР. Эти изобретения могут быть запатентованы за границей и явиться источником дохода для советского государства. Легко понять, однако, что зарубежным капиталистам эта перспектива не может улыбаться, и они делают все возможное для того, чтобы найти предлог для непризнания прав советских изобретателей. Это—один из участков борьбы двух систем, где мы сделали пока еще наименьшие успехи. Наши изобретения попрежнему широко крадутся иностранными капиталистами.

В качестве новейшего примера методов борьбы, ведущейся против нас на этом участке, приведем следующий недавний факт. Один советский инженер, сделавший весьма ценное изобретение, сделал заявки о выдаче ему патента в двух крупнейших капиталистических странах. В одной ему патент был выдан, и он получил приглашение от иностранной фирмы на предоставление ей лицензии на это изобретение. В другой стране, по прошествии примерно полуторагоднего мытарства, патентный орган ответил ему, что патент выдан не будет, так как изобретение его не является новым, ибо оно исчерпывается якобы ранее запатентованными изобретениями. Однако ознакомление с содержанием этих патентов показывает, что два из их числа ничего общего с изобретением советского инженера не имеют и приложены скорее всего для отвода глаз, в расчете на возможную неосведомленность адресата в патентном деле; третий же патент в своей решающей части... буквально воспроизводит изобретение советского инженера и выдан после его заявки, хотя якобы в удовлетворение заявки, сделанной много лет тому назад.

Разумеется, вести кампанию против СССР на фронте изобретательства, т. е. добиваться возможности безвозмездно присваивать советские изобретения и, напротив—непомерной оплаты со стороны СССР изобретений иностранных, а тем более тормозить по мере воз-

можности развитие изобретательства и применение изобретений внутри СССР, империалисты могут не иначе, как при помощи агентуры, «работающей» внутри СССР. Борьба против этой агентуры и против ее вольных и невольных пособников и покровителей в советском аппарате составляет важнейший участок классовой борьбы на изобретательском фронте. К основным этапам этой именно борьбы мы сейчас и переходим.

III

В период военного коммунизма и в восстановительный период вопросы техники, вообще, и изобретательства, в частности, не могли иметь столь решающего значения, какое они приобрели в реконструктивный период. Тем не менее, ожесточенная борьба против советской власти и ее политики велась нашими врагами и на этом фронте, тем более, что здесь они могли особенно рассчитывать на свою силу и нашу слабость. Эта уверенность позволяла им проводить здесь борьбу против диктатуры пролетариата и политики партии особенно беззастенчиво.

Мы унаследовали от царского строя ряд частных патентных контор, продолжавших полулегально и подпольно свое существование также и в первые годы советской власти. Преобладающее влияние в этой области имели в царское время иностранные, в первую очередь германские капиталисты, сохранившие свое преобладание в рядах армии классового врага на этом фронте и в более позднее время. В их интересах в первую очередь велась борьба против партийной линии в этом вопросе; им доставались многочисленные украденные у нас изобретения [24]; их агентура рекламировалась в качестве незаменимых специалистов; на оплату оказываемой ими же техпомощи эта агентура стремилась разбазарить в елико возможно большем количестве советские средства.

Наше законодательство периода военного коммунизма преследовало в вопросах патентного права в качестве главной своей цели ликвидацию дореволюционных капиталистических монополий и сосредоточение наиболее ценных изобретений в руках госорганов. Эта цель в основном была достигнута, но агентура классового врага сохранила здесь целый ряд, как увидим дальше, важных позиций, откуда вела борьбу против линии, проводившейся партией во главе с Лениным, главным помощником которого в этих вопросах был тов. Ф. Э. Дзержинский.

Гений Владимира Ильича тогда же отметил в полной мере значение рабочего изобретательства. В работе Седельникова приведен целый ряд таких фактов. По словам М. Горького, Ленин однажды сказал: «Если бы у нас была возможность поставить всех этих техников в условия, идеальные для их работы, через 25 лет Россия была бы передовой страной в мире» [25]. Неудивительно, что «в этот период в приемной канцелярии Совнаркома то и дело толпились изобретатели. Некоторым из них Ильич уделял особенное внимание, и только бла-

---

[24] В нашей литературе упоминалось уже, например, о том, что один из влиятельных сотрудников Комподиза, Блау, был прямо изобличен в продаже советских изобретений за границу.

[25] Седельников, Пути советского изобретательства, 1929, с. 21.

годаря его настойчивому участию кое-что удалось для них сделать, несмотря на огромные препятствия и противодействия со стороны отдельных лиц и даже ведомств». В этом отношении «*настойчивость*... Владимира Ильича бывала поистине трогательна» [26].

Однако, слабость наших кадров в этой области, бюрократические извращения наших научно-технических аппаратов и другие причины имели своим следствием, что делом изобретательства завладели тогда чуждые и активно враждебные партийной линии, а в значительной части и непосредственно связанные с заграницей контрреволюционные элементы. Им удалось поставить дело на такую «высоту», что не только общая линия, указанная Вл. Ильичем, но и его конкретные указания по поводу отдельных изобретений часто не проводились в жизнь [27]. Значительное время и после смерти Вл. Ильича «наиболее квалифицированная часть старой технической интеллигенции была заражена болезнью вредительства... Одни вредили, другие покрывали..., третьи умывали руки..., четвертые колебались... Конечно большинство старой технической интеллигенции продолжало работать более или менее лойяльно. Но речь идет здесь не о большинстве, а о наиболее квалифицированной части технической интеллигенции» [28] в частности и о видных работниках изобретательского фронта, в особенности тогдашнего Комподиза.

Не только в период военного коммунизма и в восстановительный период, но и в начале реконструктивного, мы были в этой области гораздо слабее, чем в настоящее время, а наши классовые враги имели здесь одну из наиболее полно и прочно захваченных своих позиций. Агентура международного капитала была близка к полному хозяйничанию в тогдашнем Комитете по делам изобретений; а один из фактических хозяев этого учреждения, являвшийся вместе с тем почти монополистом «научной» литературы по изобретательству, широко развивал, как увидим дальше (подпуская, конечно, где надо, долю «ученого» тумана), теорию принципиального тождества советского патентного права с «социальными реформами Запада» и защищал «личность советского изобретателя» от «чрезмерных» притязаний госпредприятий.

Дзержинский незадолго до своей смерти писал одному из своих близких товарищей в Ленинград, что о Комитете по делам изобретений «болит его душа» [29]. Ревизия Рабкрина показала, что не напрасны были эти опасения. Как известно, еще по непосредственной инициативе Ленина «МЧК было начато расследование халатности, волокиты и бездеятельности в Научно-техническом отделе и комитете по делам изобретений» [30].

Тогдашний Председатель ВСНХ СССР—т. Куйбышев—13 декабря 1926 г. в заключительном слове на VII съезде профсоюзов сказал: «Недавно РКИ обследовала Комитет по делам изобретений при ВСНХ, находящийся в Ленинграде. Данные обследования показали,

---

[26] Там же, с. 18 и 19.
[27] Примеры у Седельникова «Пути советского изобретательства».
[28] Сталин, Вопросы ленинизма изд. 9, 1932, с. 596.
[29] См. «Рабочая Москва» от 28. 7.1926 г.
[30] Ленинградская «Правда» от 21.1.1921. № 21.

что дела Комитета находятся в плачевном состоянии. Изобретения там мариновались годами, с изобретателей брали взятки, несколько лиц арестовано ГПУ за то, что они, за определенную мзду, оказывали предпочтение одному изобретателю перед другим. Есть подозрения, что там «работала иностранная шпионская организация, которая использовала наши изобретения за границей»[31]. Неудивительно, что в период хозяйничания на этом фронте классового врага, например, Казанцев со своим тормозом маялся 20 лет, из них 8 лет после Октябрьской революции; Черепухин со своей золото-и платинопромывающей машиной мытарствовал 9 лет до Октябрьской революции и 10 лет после.

Торможение технической реконструкции народного хозяйства СССР было одной стороной деятельности капиталистической агентуры в Комподизе. Другой стороной «полезной» (для кого?) ее деятельности было содействие иностранному капиталу в получении заказов, непомерной оплате его услуг, в безвозмездном использовании советских изобретателей и т. п. Приведем пару примеров из «технико-консультивной», законо-подготовительной и из литературной деятельности вольных и невольных пособников иностранного капитала в Комподизе и вне его.

Профессор т. Чернышев изобрел способ передачи изображений на расстояние. Способ проф. Чернышева был признан экспертизами представляющим исключительную практическую ценность. Однако это не помешало Наркомпочтелю купить за 240 000 руб. патент на аналогичное изобретение у германской фирмы «Телефункен» (Седельников). И, наоборот, мы уже упоминали о том, что один из влиятельных сотрудников Комподиза Блау был прямо изобличен в продаже советских изобретений за границу.

Наряду с чиновниками Комподиза и Наркомпочтеля, вредительство и саботаж развивали по мере сил и возможностей классовые враги, засевшие также и в других центральных и местных органах. Так, например, известный вредитель Рамзин и руководимый им тепло-технический институт в свое время сделали немало для саботирования нефтяной форсунки Пьянкова, являвшейся одним из наиболее ценных советских изобретений [32].

Из истории законодательной деятельности этой теплой компании основную ее заслугу перед иностранным капиталом представляет, к счастью, неудавшаяся (главным образом, благодаря тому, что т. Красин в последней инстанции—в СНК СССР—заметил подвох) попытка незаметно протащить широчайшую защиту притязаниям иностранных капиталистов при издании закона 1924 г. История эта, к которой причастны были авторы знаменитого (печально знаменитого) проекта Торгового свода—Вольф, Болдырев и др., по частям описана была еще в 1926 г. в моей книжке «Исключительные права» и позже с другой стороны в много раз цитировавшейся книге т. Седельникова. Поэтому вновь говорить о ней подробно я не стану. Подчеркну лишь

---

[31] См. отчет о VII съезде, «Труд» 13 и 14 декабря 1927 г.

[32] См. например, А. Смирнов и А. Запольский, Изобретательство в СССР и за границей, ст. 75. Много можно было привести аналогичных примеров также из истории советского тепловоза и т. п. См., напр., о деятельности Осадчего в «Новых путях» Шипова (стр. 36 и сл.).

то, что агентура классового врага сумела все же, несмотря на то, что ей не удалось оказать прямую защиту притязаниям иностранного капитала, ввести в закон 1924 г. ряд моментов, косвенно благоприятных для их защиты (чего стоит, например, воспроизведение, хотя и в «смягченном» виде многих форм германской проверочной системы) [33].

Но не только в непосредственной практической, подрывной и диверсионной работе наши классовые враги и их пособники, вольные и невольные, развернули борьбу против наших позиций на изобретательском фронте. Как показал Ленин еще в 90-х годах в борьбе против экономистов, буржуазия ведет борьбу против рабочего класса также и в форме идеологической борьбы, навязывая рабочему классу свою идеологию, в частности, свою юридическую идеологию. И в этой форме пособники капитала «потрудились» немало по части апологии империализма и извращения советской политики изобретательства и советского изобретательского права.

Основой апологии империализма в литературе об изобретательстве в буржуазном обществе и вместе с тем буржуазного влияния в советском патентном праве является, как и во многих других областях, утверждение о «социальном» преобразовании буржуазного права в эпоху империализма. Это мнимое «социальное» преобразование изображается в качестве предвосхищения элементов советской системы отношений изобретательства; вместе с тем *эти последние отношения извращаются в своем существе* и отождествляются с буржуазными отношениями в связи с *отрицанием качественного отличия советской системы хозяйства от капиталистической. Таким образом, принципиальное различие, революционный скачек от одной системы к другой отрицается и признается лишь количественная разница между ними, что служит теоретическим базисом для правооппортунистической практики изобретательского дела.*

В 1928—29 гг. основные установки Михайловского и Хейфеца (тогда руководящих работников Комподиза) могут быть сведены к следующим четырем взаимосвязанным положениям: 1) в России преобладает госкапитализм, 2) советский закон должен защищать интересы «личности» изобретателя (попутно сюда же причислялся иностранный патентообладатель-капиталист) от эксплоатации предприятий; 3) между советским правом и новейшими буржуазными законами нет и не может быть принципиальной разницы; 4) Россия должна вступить в Союз по охране промсобственности. Отстаивать с прежней откровенностью 2 и 4 тезисы Хейфец сейчас не берется, иногда даже заверяет в противном. Но по вопросу о принципиальном тождестве советского и буржуазного изобретательского права и социальном характере преобразования последнего он и сейчас, несмотря на всякие оговорки, в основном повторяет старое. Он по-прежнему остается на той позиции, что изобретатель в буржуазном пра-

---

[33] Тогдашний председатель Комподиза, гр. Кирзнер, в своем докладе на совещании в НТУ ВСНХ в марте 1928 г. сказал даже, будто, «если закрыть заголовок, то наш советский патентный закон трудно отличить от патентного закона любого буржуазного государства» (цитируется по Седельникову, Пути советского изобретательства, 1929, с. 26).

ве «ограничивается все более и более в своих монопольных правах» якобы «в пользу общественного коллектива»[34].

IV

Разумеется, царству пособников классового врага в органах изобретательского дела и в патентной литературе должен был рано или поздно настать конец. Ведя социалистическое наступление по всему фронту, рабочий класс СССР овладел и этой позицией и в основном очистил ее от классового врага. Комподиз был реорганизован. Вскоре после того подверглось коренному пересмотру законодательство об изобретениях, каковое было приведено в основном в соответствие с изменившейся обстановкой и задачами развернутого социалистического наступления.

9 апреля 1931 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление о введении в действие нового положения об изобретениях и технических усовершенствованиях[35].

Значение и основной смысл закона констатированы во вступительной части к вводному закону. Там указано, что в реконструктивный период овладение техникой, дальнейшее ее развитие имеют решающее значение для успехов соцстроительства. Однако хотя соц. индустриализация дает огромный, невозможный при капиталистическом строе простор развитию изобретательского дела и в особенности техническому творчеству рабочих масс, изобретательскому делу и в особенности рабочему изобретательству у нас до сего времени уделялось совершенно недостаточное внимание.

Оно сплошь и рядом тормозилось бюрократическими извращениями, косностью аппарата и т. д. Как констатировано во вступительной части закона, использование изобретений и обмен техническим опытом были до недавнего времени у нас поставлены плохо. Действовавшее доселе патентное законодательство, охранявшее интересы изобретателя путем предоставления ему исключительного права, перестало соответствовать стремлениям передовой части изобретателей.

Для основной массы случаев право на изобретения перестало быть исключительным правом. Новый закон окончательно пресек возможность выводить из советского законодательства право делать изобретение достоянием одного предприятия, преграждая использование его для других ячеек обобществленного сектора, что имело кое-где место при действии закона 1924 г. Типичная для загнивающего империализма тайна изобретения, которую старались культивировать у нас апологеты империализма, окончательно отпала. Ее заменило организованное форсирование обмена техническим опытом и широкое плани-

---

[34] Ввиду этого небесполезно напомнить основной выдвинутый им в 1925 г. («Основы патентного права» с. 3) тезис: «Переживаемая нами эпоха... знаменуется интенсивной перестройкой патентного законодательства почти во всех странах. На место «заявителя» становится... изобретатель, а последний ограничивается все более и более в своих монопольных правах в пользу общественного коллектива... Социальный момент резко выступает на первый план... не только в революционном декрете советской России,... но и в послевоенном законе Англии».

[35] СЗ, 1931, № 21, с. 180—181.

рование изобретательства в масштабе всего СССР. Как ни пытались т. Мартенс и др. доказать, что якобы изобретательство не поддается планированию, планирование его является фактором, приобретающим все большее значение в деле успешного строительства социализма, в деле победоносной борьбы социализма с капитализмом.

Новый закон создает иные формы взаимоотношений изобретателей с социалистическим государством, которые соответствуют роли рабочего-изобретателя в качестве участника соцстроительства. В этих целях закон устанавливает, во-первых, гарантии своевременного и полного использования изобретений, и, во-вторых, меры поощрения изобретателей, сответствующие советским условиям реконструктивного периода. Вместе с тем закон этот не принуждает изобретателей (в частности иностранных специалистов) против их желания пользоваться именно этими формами поощрения, оставляя для них открытой возможность, если они того пожелают, приобрести или сохранить исключительное право на близких к старым основаниях.

Говоря конкретно, в новом законе содержатся следующие важнейшие отличия по сравнению с законом 1924 г. Автор изобретения может либо требовать, чтобы было признано только его авторство, или же, чтобы ему было предоставлено исключительное право на изобретение. В первом случае, практически преобладающем, на изобретение выдается авторское свидетельство, во втором—патент. В тех случаях, когда на изобретение выдается авторское свидетельство, применяются следующие положения. Право использования изобретений в пределах СССР принадлежит государству. Если изобретение признано полезным для народного хозяйства, изобретатель имеет право на получение вознаграждения от государства или соответствующей организации по принадлежности. Если изобретение, хотя и не было признано высоко полезным, но фактически применяется в государственном предприятии, изобретатель имеет право получить вознаграждение от этого органа по особым ставкам, а также пользуется рядом льгот в квартирном, налоговом отношении, по части платы за учение детей, дополнительного отпуска и т. д.

Вряд ли надо доказывать, что тенденция нового закона об изобретениях и технических усовершенствованиях, направленная к тому, чтобы открыть широкий путь для удовлетворения стремлений сознательных строителей социализма к социалистической реализации изобретений, вполне отвечает и последующим партдирективам, в частности, решениям XVII партконференции. Для основной массы изобретений, производящихся внутри СССР [36], эта тенденция закона должна быть, однако, в условиях второй пятилетки продолжена, более последовательно развита и заострена, чем это было сделано в 1931 г. Для этой преобладающей массы случаев необходимо исхо-

---

[36] Процент изобретений, заявляемых иностранцами, у нас незначителен, ниже не только по сравнению со странами среднего развития капитализма, где процент иностран. заявок составляет более половины в Польше и даже Италии, но и по сравнению с Германией и САСШ. Незначителен также % изобретений кустарей и прочих. Подавляющее большинство изобретений заявляется у нас советскими рабочими и служащими.

дить из того, что социалистическая реализация изобретений может и должна быть (чем дальше, тем больше) очищена от остатков буржуазных «патентно-правовых» и вообще индивидуалистических пережитков. Чем дальше, тем больше мы можем и будем их изживать, заостряя роль изобретательского права как орудия классовой борьбы пролетариата.

Закон 1931 г. остановился здесь кое в чем на полпути. В частности, и самое противоположение технических усовершенствований и предложений по рационализации производства, с одной стороны, и изобретений, с другой, все более теряет разумное основание. А между тем для признания наличия подлежащего патентованию изобретения требуется поверка его новизны, что неизбежно связано с длительной и сложной процедурой, отнимающей много времени и энергии. Не без основания, на наш взгляд, указывалось т. Липецкером на страницах органа Комакадемии «Советское государство» еще тогда, когда закон 1931 г. не вступил в силу, что практика наша давно пошла по пути фактического устранения подчеркиваемой буржуазными юристами принципиальной якобы разницы между изобретением и рационализаторским предложением. Нет надобности сохранять у нас для многих изобретений весь тот сложный механизм, который пускается в ход при выдаче свидетельств об авторстве изобретения. И это тем более, что рабочие-изобретатели, как отмечалось уже на страницах нашей печати, многократно сами предпочитали не заботиться о патенте или авторском свидетельстве, а проводили свои изобретения в порядке рационализаторских предложений. Этому способствовала, конечно, и та волокита, которая царствовала в этой области во времена господства Кирзнеров и Михайловских в Комитете по делам изобретений и в советской литературе по патентному праву, но которая не совсем прекратилась и по сие время, как об этом свидетельствуют печатаемые в газетах письма рабочих-изобретателей. Эта волокита порождается не только наличием головотяпов, чуждого элемента в соответствующих наших органах, но и тем, что сохранение в наших условиях типично буржуазных элементов патентного права не может не ощущаться рабочими как волокита даже и в тех случаях, когда служащие наших органов виноваты не в большем, как в строгом, но недостаточно сознательном проведении в жизнь устаревших процедур.

Для изобретений, предполагаемых к запатентованию за границей, необходимо сохранить в основном действующий ныне порядок. Придется при этом кое-что потерять, вероятно, в будущем от невозможности запатентования тех изобретений, которые первоначально не предполагались к такому использованию, но в общем и целом СССР более сэкономит, чем проиграет на этом упрощении.

Заостряя и более последовательно проводя начала социалистической реализации изобретений, пересмотр действующего закона об изобретениях и усовершенствованиях не должен был бы, однако, как мы думаем, итти так далеко, чтобы исключать во всех случаях возможность выдачи патентов. Иначе говоря, должна быть сохранена возможность для изобретателя выбирать между патентованием и реализацией изобретения в порядке рационализации производства.

Мы не согласны здесь с т. Липецкером, некоторые мысли которого мы с одобрением цитировали: т. Липецкер в своем стремлении к последовательности забывает о такой «мелочи», как существование внешнего капиталистического окружения, играющего в этом случае решающую роль. Ведь иностранные патентообладатели—капиталисты, да и большинство иностранных изобретателей-инженеров отнюдь не являются сознательными строителями социализма и отдавать свои изобретения СССР в порядке их социалистической реализации без признания за ними исключительного права добровольно не станут [37]; а воспользоваться этими изобретениями без их согласия и помощи часто невозможно как по принципам юридического (см. соглашения с Германией и Норвегией), так и технического характера. Вряд ли кто-либо станет предлагать ради «последовательности» забыть заветы Ленина о необходимости использования лучших достижений капиталистов.

Уже то, что мы сказали, а на эту тему можно было бы сказать значительно больше,—достаточно ясно говорит, насколько неправ т. Липецкер, утверждая, что за частичное сохранение исключительного права на изобретения для некоторых категорий изобретателей якобы «нельзя привести ни одного разумного довода» [38]. С точки зрения платежного баланса весьма важен даже и такой «маленький» факт, как поступление в СССР инвалюты в качестве пошлин при подаче заявлений о выдаче патента. Сказанное не исключает, однако, конечно, необходимости вести борьбу с нездоровой, спекулятивной, рваческой атмосферой вокруг выдачи патентов; но и там, где речь идет о советских рвачах, возможно и более целесообразно в этом случае, на наш взгляд, вести борьбу более гибкими мерами общественного воздействия и налогового пресса на получателей патентов, чем провозглашать уничтожение исключительного права на изобретения для всех граждан СССР.

Большое значение должна иметь и для того, чтобы стимулировать добровольный переход на социалистический путь реализации изобретения, и в особенности для усиления стимулов изобретательства вообще такая система мероприятий, которая достаточно вознаграждает претендующих на патент авторов наиболее сложных, наиболее трудоемких и наиболее нужных и полезных изобретений. А в этом отношении *решающее значение должно иметь последовательное проведение в жизнь и в законе и в практике его применения историческое указание вождя партии т. Сталина об уничтожении уравниловки*, составляющей, на наш взгляд, один из основных грехов действующего закона об изобретениях.

Закон этот почти не знает различий между различными категориями изобретателей и изобретений в зависимости от их квалификации и трудоемкости изобретений. Лишь степень полезности изобретений кладется в основу определения мер поощрения да и

---

[37] Иное дело сознательные трудящиеся-иностранцы, неоднократно приносившие свои изобретения в дар социалистическому отечеству рабочих всего мира.

[38] Реформа законодательства об изобретениях, «Советское государство» № 4, 1931, с. 113.

она учитывается лишь при определении размера денежной оплаты, но не в других отношениях. Это означает, в частности, что изобретатель, хотя бы и высоко квалифицированный, но работающий в имеющей меньшую применимость области техники, должен получить, судя по тексту закона, меньшее вознаграждение, хотя бы и при большой трудоемкости произведенных им изысканий, чем изобретатель в такой области, которая имеет более широкое применение. Если это положение имеет за собою некоторое оправдание (на наш взгляд недостаточное для его безоговорочного признания), то навряд ли может быть признано соответствующим указаниям т. Сталина такое положение, когда и размер отпуска и жилищные льготы и льготы по налогам, и по приемам в вузы для всех изобретателей совершенно одинаковы. Если мы сейчас проводим диференциацию в снабжении ударников, различных категорий ответственных работников и т. д., то не менее необходимо решительное уничтожение уравниловки и обезлички и в такой весьма сложной и диференцированной отрасли труда, как изобретательство.

Уравниловка является, как это отчасти признал и Комитет по изобретательству в своем отчете за 1931 г., одной из причин, почему в 1931 г., при громадном росте числа изобретений, число заявок не возросло, а даже немного уменьшилось. Необходимо равным образом, здесь, как и везде, не забывать исторического указания т. Сталина, что «кто строит теперь тарифную систему на «принципах» уравниловки, без учета разницы между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, тот рвет с марксизмом, рвет с ленинизмом» [39].

Нет необходимости и вряд ли уместно останавливаться здесь на деталях того, как именно должно проводиться компенсирование изобретательского труда тех изобретателей, которые реализуют свои изобретения социалистическим путем, в зависимости от количества и качества труда. Но несомненным является для нас то, что не только денежное вознаграждение, но и снабжение, и объем некоторых других льгот для изобретателей должен быть диференцирован самим законом и притом не только в зависимости от эффективности изобретения; надо сочетать в качестве критерия полезность изобретения с количеством и качеством труда, который, насколько можно судить, был на него затрачен.

По вопросу об участии СССР в международной конференции и союзе по охране так называемой промышленной собственности нет никаких оснований сомневаться в необходимости сохранения прежней отрицательной позиции. Лишь покушение с негодными средствами представляет собою попытка доказать противное, предпринимавшаяся литературной агентурой иностранного капитала.

«Весь мир делится на угнетенные нации и господствующие нации. Угнетенных наций не меньше 70% всего населения земли» [40]. Это весьма важное и глубоко схватывающее современную действительность положение целиком применимо и к международным патентным

---

[39] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, 1932, с. 589—590.
[40] Ленин, т. XXV, 508—509.

отношениям. Ворме, Хейфец и др. апологеты империализма, утверждающие, что интересы «коллектива» (надклассовые, очевидно) преобладают не только в советском праве, но и в новейшем законодательстве империализма (см., например, предисловие к «Основам патентного права», Хейфеца), видят в международных соглашениях об охране «промышленной собственности» путь культурного общения и взаимопомощи народов и добивались капитуляции СССР в этом вопросе перед притязаниями иностранных капиталистов. Однако патентная статистика, несмотря на то, что она вовсе не имеет задачей освещать подобные вопросы, с несомненностью подтверждает роль «союза по охране промышленной собственности» в качестве одного из орудий гнета господствующих наций, крупнейших хищников империализма над другими народами. Некоторые из данных статистики настолько красноречивы в этом отношении, что лишь безраздельное господство агентуры капитала в литературе по изобретательству объясняет, что истинный смысл этих цифр до сих пор никем не вскрыт.

Крупнейшие капиталистические страны являются странами, где выдается больше всего патентов; напротив, страны слабые, зависимые, полуколониальные и колониальные являются теми, где изобретений делается несравненно меньше. Вернее, большинство изобретений, которые там делаются, являются изобретениями для самих изобретателей и окружающей их среды но не признаются таковыми с точки зрения патентного права «цивилизованных» наций, так как не являются улучшениями мировой техники, не имеют «новизны» в этом смысле слова. Буржуазия крупнейших хищников империализма добивается (и, по большей части, успешно), чтобы принадлежащие ей патенты признавались также и в более отсталых странах и в колониях и якобы «на равных основаниях» готова признать права патентообладателей из этих стран, желающих взять патент за границей, умалчивая о таком «пустяке», как почти полное отсутствие изобретений в этих странах. Вопреки теориям «деколонизаторов», империалистический гнет в этой форме не слабеет, а растет.

Особенно показательны в этом отношении данные по Британской Империи. Возьмем четыре страны: самую Англию, Ирландию, Индию и Нигерию (наиболее крупная после Индии британская колония в З. Африке). В «Propriété industrielle» за 1931 г. были опубликованы данные о заявках на выдачу патентов по Британской Империи за 1927—1929 гг. В 1929 г. в Англии—32 тысячи, а в Ирландском «Свободном государстве»—128, в Британской же Индии—67, несмотря на то, что и там имеется крупная промышленность. Заинтересованы ли Ирландия и Индия во «взаимной» охране патентов, вряд ли надо об этом много говорить. (Мы уже не говорим о том, что большинство заявляемых в Англии и сделанных в Индии изобретений захватывается английскими же капиталистами).

Как неоднократно подчеркивал Ленин, число господствующих наций невелико—всего три-четыре, целый же ряд номинально самостоятельных государств в действительности находятся в той или иной экономической, а потому и политической зависимости от крупнейших хищников. Такое громадное разбойничье государство, как

Российская Империя, было «связано по рукам и ногам англо-французским империалистическим капиталом»[41]. Тем, не менее, полного удовлетворения своих притязаний на патентном поприще иностранные капиталисты от русской буржуазии не добились. С точки зрения Вормса и других адвокатов иностранного капитала, то, чего не сумели добиться англо-французские капиталисты от царского правительства, можно было получить от правительства Советов. Не понимая и не желая понять того, что значит диктатура пролетариата, они сочли это время удобным для превращения России в полуколониальную страну. Перед их глазами был блестящий пример хозяйничания иностранного капитала в полуколониальных государствах Востока, в Средней Европе и других более отсталых государствах, где капитал крупнейших хищников все больше становится хозяином индустрии.

В качестве примера этого хозяйничания мы возьмем одну из стран, где местная буржуазия отнюдь не беззуба, упорно отстаивает претензии на великодержавность и в некоторых отношениях не без успеха отстаивает свою независимость. Мы имеем в виду фашистскую Италию. Цифры показывают, что и эта агрессивная страна в области патентного права чем дальше, тем больше прибирается к рукам иностранным (в первую очередь американским) капиталом. Вот что говорят итоги официальной статистики. В 1917 г. иностранцы получили в Италии лишь 40% всех выданных патентов, а в 1922 г.—уже 57%, в 1929 г.—61%, в 1930 г.—целых 68,5%, т. е. свыше $^{2}/_{3}$ общего числа[42]. Еще больше показательны цифры по Польше. В 1930 г. из выданных там 1411 патентов лишь 320 падало на польских граждан[43]. Польша в этом отношении, как и в некоторых других, является страной, зависимой от крупных хищников.

Поучительно отметить, что почти повсюду процент заявок, достигших своей цели, т. е. тех, по которым выданы патенты, выше для иностранцев, чем для граждан данной страны. Это лишний раз говорит о том, что, несмотря на некоторое пристрастие патентующих учреждений к соотечественникам, иностранный капитал, капитал крупнейших хищников империализма, повсюду находит способы себе проложить дорогу, а также о том, что среди заявляющих изобретения местных граждан повсюду имеется хуже отстаивающее свои интересы некапиталистическое (мелко-буржуазное и рабочее) меньшинство, иностранные же заявители почти исключительно состоят из капиталистов, знающих и использующих все легальные и нелегальные возможности.

V

Наши успехи в борьбе с классовым врагом на фронте изобретательства отнюдь не означают полного уничтожения этого врага. Было бы совершенно неверно считать, что задача борьбы с классовым врагом на этом участке полностью разрешена, что классовой борьбы здесь

[41] Ленин, т. XX, с. 19.
[42] «Propriété industrielle» 1931 г. Октябрь.
[43] «Gewerblicher Rechtschutz», 1931, № 5, с. 503.

больше нет. В особенности это относится, как мы сейчас увидим, к теории и литературе по изобретательству, а в значительной мере также и к ряду участков практической работы, особенно на местах. При этом, как обычно, правый оппортунизм на практике и правый уклон в теории, а равно и вылазки классового врага на всех этих участках друг друга питают, обусловливают и подают друг другу руку в борьбе против линии партии.

Правый уклон в изобретательском деле проявляется по преимуществу в неверии в выполнение рабочим классом стоящих перед ним задач, оппортунистическом стремлении снизить темпы развития изобретательства. В частности, в вопросах изобретательского права, *правый уклон* в наибольшей мере может проявиться *в недооценке особого качества советского изобретательского права, в цеплянии за устаревшие и не отвечающие размаху нашего движения вперед формы буржуазного патентного права, в примиренческом отношении к апологии патентной политики империализма*.

Как известно, обе существующие в буржуазном праве системы определения субъекта права на изобретение (защита «действительного изобретателя» и заявителя) на практике сводятся к защите грабежа изобретателя капиталистом, но при системе защиты заявителя это право на грабеж признано более явно. В связи с этим в Германии, где господствует именно этот принцип, распространяются (Engländer'ом и др.) апологетические теории, доказывающие, будто этот принцип на практике постепенно заменяется «принципом защиты действительного изобретателя». Хейфец не только не изобличает лживость и подлинный реакционный смысл этой «теории,» но, напротив, частично ее одобряет. Он признает, что в действительности патентамт не может отказать даже заведомо присвоившему изобретение заявителю, если нет протеста изобретателя. И тем не менее, якобы «это не исключает, конечно» (??) «того, что защитить интересы изобретателя можно в лице заявителя, т. к. оба лица часто совпадают» [44].

Тем более восхваляет Хейфец американскую систему. По его словам, «действительная защита интересов изобретателя» достигается в тех законодательствах, где «от заявителя или патентообладателя требуется авторство». Таково с.-американское право. «Американский патент покоится на том, что «автору или изобретателю гарантируется исключительное право на ... изобретения в течение определенного промежутка времени». Никаких оговорок о том, что этот тезис представляет собой одно из лицемерных украшений буржуазной демократии, аналогичных всяческим формальным свободам, автор не делает [45].

---

[44] «Erfindungswesen in U. d. S.S. R.»: 1931, № 7.

[45] В другой работе мы предполагаем демонстрировать на ряде фактов лживость утверждений, восхваляющих американскую систему по существу. Здесь для примера приведем лишь одну, но достаточно много говорящую за себя цитату: «Изобретатели, поверенные по патентным делам и др. лица, давшие показания перед комитетами Конгресса по патентным делам или обсуждавшие патентную проблему в процессе, почти единодушно согласны относительно того, что изобретатели, как общественная группа, скорее окончательно разочарованы, чем воодушевлены теперешним положением в патентном деле». (Воган, «Economics of our patent. system с. 206).

Правда, в дальнейшем он приводит случаи, показывающие, во что превращается защита прав изобретателя, но эти случаи так и остаются случаями, а правилом является будто бы «действительная защита интересов» рабочего изобретателя [46].

В качестве примера систематической апологии империализма со стороны идеологической агентуры классового врага и примиренческого отношения к этой апологии со стороны некоторой части советской печати, остановлюсь на новейших выступлениях не раз упоминавшегося Хейфеца и на терпимости, проявленной рядом товарищей к этим вылазкам. Считаю необходимым остановиться на этом примере подробнее по той причине, что до сего времени, несмотря на частичные разоблачения его роли, система взглядов этого чрезвычайно плодовитого и тем более вредоносного апологета буржуазии не подвергалась еще разгрому в ее целом и что некоторые из советских органов печати, издательств и т. п. продолжают считать его незаменимым монополистом по вопросам изобретательского права.

Нам уже пришлось указать в заметке «Юридический туман и империалистическая апология в авторском праве» в «Советском государстве» 1932 г. на то, что Хейфец и в новейшей его книге «Авторское право» не постеснялся вести полемику с ленинским тезисом о неиспользовании монополистами изобретений, как об одном из проявлений загнивания капитализма. На этот раз я остановлюсь на апологетическом подвиге его в его новейшей статье «Патентное право» в последнем томе «Технической энциклопедии», где он вновь оспаривает тот же тезис Ленина.

Как известно, Ленин указывал в «Империализме» на то, что, «поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а, следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является далее *экономическая* возможность искусственно задерживать технический прогресс. Ленин приводит пример— в Америке некий Оуэнс изобрел бутылочную машину, производящую революцию в выделке бутылок. Немецкий картель бутылочных фабрикантов скупает патенты Оуэнса и кладет их под сукно, задерживает их применение. «Конечно, монополия при капитализме никогда не может полностью и на очень долгое время устранить конкуренцию с всемирного рынка (в этом, между прочим, одна из причин вздорности теории ультра-империализма). Конечно, возможность понизить издержки производства и повысить прибыли посредством введения технических улучшений действует в пользу изменений. Но *тенденция* к застою и загниванию, свойственная монополии, продолжает в свою очередь действовать и в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени она берет верх» [47].

А вот чему, в полной противоположности Ленину, поучает в упомянутой статье Я. Хейфец:

---

[46] «Erfindungswesen in U. d. S. S. R.» 1931, № 7.
[47] Ленин, т. XIX, с. 151.

«Установление монополий в интересах отдельных патентообладателей при капиталистической системе *является экономической необходимостью для поднятия промышленности на высший технический уровень*, монопольное владение рынком в течение некоторого, хотя бы ограниченного, периода времени, дает возможность капиталистической организации осуществить изобретение в промышленном масштабе» [48].

И в этом случае роль апологета, безоговорочно восхваляющего технический прогресс империализма, слишком очевидна, чтобы о ней стоило подробно говорить. Поучительно, однако, подчеркнуть апологетическую роль автора в более частном вопросе о «достоинствах» патентной системы.

В той же статье мы читаем по этому последнему предмету следующее:

«Патентная система делает возможным не только введение в промышленную жизнь крупных, требующих огромных затрат изобретений, но и *опубликования их секрета во всеобщее сведение. Законодательство всех капиталистических стран ставит непременным условием выдачи патента раскрытие сущности изобретения в такой степени, чтобы всякий специалист мог его осуществить.* В период монополистического капитала экономическое значение патента видоизменяется. Период этот *характеризуется, с одной стороны, революцией в технике, а с другой—рационализацией производства на базисе новой техники и организационных форм.* Огромное увеличение числа патентов на изобретения дает представление о росте тех усовершенствований и улучшений, которые техническая мысль стремится внедрить в производство» [49].

Здесь Хейфец распространяет, в целях апологии империалистического права, совершенно очевидную неправду о технической революции, как основном факте эпохи империализма, и о широкой доступности пантентованных изобретений. Известный комментатор германского закона Питцекер констатирует нап отив, что «в Германии имеется лишь немного важных патентов, по которым сведующее липо действительно может работать» [50]. Даже Хейфец счел нужным упомянуть недавно об этом факте в «Вестнике Комитета по изобретательству», отнюдь не отказываясь, однако, от прежних своих утверждений.

В плоскости нашей темы особенно поучительно остановиться на том, как принципиально неправильное освещение основ патентного права в «научной» литературе толкает практических работников на политически неверную постановку пропаганды изобретательского права. Легко понять, что *отождествление советского изобретательского права с подвергшимся якобы «социальному преобразованию» патентным правом империализма, способствует как нельзя более затемнению революционной сущности советского права вообще и изо-*

---

[48] Техническая энциклопедия, т. XV, 1931, с. 910—911. курсив мой—С.Р.

[49] Там же, с. 911. курсив мой— С. Р.

[50] См. его комментарий, стр. 37. Ср. также «Deller, «Principles of patent law». 1931 с. 379—38. Как писала «Technik und Wirtschaft» в 1931 «никто не будет так глуп, чтобы даром раскрыть свои тайны»..

бретательского права в частности. Отсюда именно вытекает неправильная постановка разъяснительной кампании по советскому законодательству об изобретениях, какую допускают в частности иногда также и на страницах журнала «Изобретатель»; печатаемые там беседы часто дают несколько формальный ответ и, несмотря на констатируемые в них же недоумения и волнения изобретателей, очень мало делают для устранения этих недоумений; они ограничиваются указанием на то, что в силу определенных мотивов закон разрешает вопрос таким-то образом, при этом не подчеркивают того, на что необходимо обратить внимание, что надо учесть в жалобах и пожеланиях изобретателей и как найти путем гибкого, революционно-диалектического применения закона единственно целесообразное решение, соответствующее основным партийным установкам по этому предмету.

Слепое следование привычным трафаретам буржуазной процедуры отбора изобретений в одних случаях и имитация «наивного» следования этим образцам со стороны сознательных врагов рабочего класса, в других случаях, особенно часто влекут создание таких правил и других условий проверки изобретений, которые падают всей своей тяжестью на рабочих и делают для них почти невозможным успешное прохождение через все рогатки. Примеров такого рода можно набрать очень много. Укажем, например, на помещенную в «Изобретателе» за ноябрь—декабрь 1932 г. заметку под заглавием: «*Способ «отшивания» рабочего-изобретателя от участия в конкурсах*», где рассказывается о том, как недавно Государственный центральный институт курортологии объявил конкурс на проект аппарата для нагрева лечебной грязи.

На конкурс вместе с проектом аппарата для нагрева лечебной грязи требуется представить: 1) описание всего технологического процесса и расчеты его; 2) описание отдельных соединительных и других частей аппарата с указанием изготовляющих его заводов и сбытовых объединений; 3) расчет расхода тепловой и электрической энергии, а также эксплоатационную схему и 4) схему на изготовление и установку аппарата. Включение в условия конкурса перечисленных требований, по существу относящихся к обязанностям соответствующего технического аппарата, свидетельствует или о желании института полностью избавиться от технической работы, связанной с разрешением поставленного им вопроса, или о намерении отгородить конкурс от участия в нем рабочих-изобретателей, для которых составление тепловых и электрических расчетов, эксплоатационных смет, описание технологических процессов или составление списка фабрик и сбытовых объединений представляет настолько значительные затруднения, что тем самым отстраняет их от участия в конкурсе. Институт же, очевидно, не склонен «возиться» с малограмотными или техническими неоформленными предложениями.

Приведем еще один случай, особо поучительный для работников суда.

Как сообщал в 1932 г. «Изобретатель», имеющий большую популярность в зерносовхозах так называемый «каток» вырабатывается в большом количестве на машиностроительном заводе им. Сталина.

Материалы для этого катка до сих пор выписывались из-за границы. Учитывая необходимость изыскать средства освобождения от импорта, техник этого завода т. Косов изобрел новую конструкцию катка, который может изготовляться из советских материалов и кроме того своей выделкой даст большую экономию (приблизительно до 800 тыс. руб. в год).

Заинтересованные организации затормозили изобретение. Несмотря на «принципиальное сочувствие» к этому открытию со стороны специалистов, исследовавших это предложение, дело оказалось замариновано в высших инженерно-технических инстанциях.

Любопытно, что и контрольные органы ничего не могли поделать с волокитчиками. Даже Прокурор Республики не добился освобождения этого интересного изобретения из-под «ареста» у неистощимых на проволочки спецов, угробивших это изобретение.

Наряду с враждебностью иностранных капиталистов, наряду с саботажем и волокитой в его собственном аппарате, буржуазный, формально-юридический подход был также одной из причин неудачи деятельности ныне ликвидированного акционерного общества «ПРИЗ», имевшего своей целью реализацию советских изобретений за границей. «ПРИЗ» сосредоточился исключительно на обеспечении формальной предпосылки возможности их реализации—на патентовании советских изобретений в соответствующей стране. Эта, могущая иметь в лучшем случае служебное значение, операция в силу типичного для буржуазных идеологов отождествления формального права с его реальным осуществлением заслонила для подпавших под влияние этой идеологии работников «ПРИЗ» основную задачу этой организации—извлечение для советского государства дохода путем продажи за границей лицензий на советские изобретения. Результатом работы этой организации в конечном счете был чистый убыток для СССР, так как расходы на запатентование не покрывались равными нулю или близкими к нему доходами от реализации изобретений.

Вопреки заверениям правых оппортунистов о затухании классовой борьбы, сопротивление классового врага на ряде участков изобретательского фронта также и внутри СССР бывает исключительно упорным, несмотря на сильные меры уголовной репрессии. Так, например, на Севастопольском морском заводе было рассмотрено в апреле 1928 г. общественным судом дело о волоките и халатности в рассмотрении и проведении рабочих предложений. И тем не менее вновь назначенный состав работников не только вновь проявил халатность в этом деле, но один из этих работников был признан Верхсудом в 1931 г. виновным в присвоении рабочих предложений. При рассмотрении в 1931 г. в Верхсуде РСФСР дела работников фабрики «Скороход» констатировано, что бриз этого завода заслужил у рабочих название «Бюро похоронных процессий», а комиссия содействия рабочему изобретательству—название «крематория для изобретения».

Разговоры об единой и всех охватывающей трудовой семье рабочих и служащих помогают нашим врагам притуплять нашу бдительность по отношению к этим вредящим «тихой сапой» классовым врагам пролетариата.

Замазывание классовой борьбы, игнорирование особого качества советской системы, апология империализма и гнилой либерализм в отношении к ней, как порождение правого оппортунизма, есть главная опасность в теории изобретательства. Наряду с тем, нельзя упускать из виду также необходимости вести борьбу с левацкими загибами: недооценкой изобретательства и мер его поощрения, игнорированием вопросов правовой формы, тенденциями обезлички и уравниловки, невниманием к изобретателям-специалистам и т. п.

Борьба с обезличкой, уравниловкой должна проводится во всей системе нашей работы, в том числе и в нашей изобретательской работе. А коллективное наше изобретательство имело часто формы обезлички, формы уравниловки, обезлички авторства и уравниловки в выдаче премий. Иногда создается коллектив рабочих обычно во главе с заведующими бризом и председателем заводского совета общества изобретателей. Дается предложение от имени всех. Основной автор не указывается. Получают премию и делят ее поровну. Против такой обезлички авторства, против такой уравниловки в выдаче премий мы обязаны категорически протестовать. Это может только тормозить творчество изобретателей. Мы—за коллективное изобретательское творчество, но против обезлички, против уравниловки в изобретательском творчестве. Нельзя допускать такой уравниловки и обезлички в любом коллективе. Работа в изобретательском коллективе в бригаде требует выявления индивидуальности каждого участника бригады. Надо учитывать его особенности и способности и на основе этого так распределять, распланировывать задания по изобретательству внутри бригады, чтобы каждый взял на себя именно тот участок, который для него наиболее близок и интересен, тот участок, работа над которым будет способствовать дальнейшему росту технической смекалки рабочего-изобретателя [51].

У т. Осинского мы находим, напротив, сплетение правооппортунистической недооценки сил рабочего класса с «левацкой» недооценкой индивидуального авторства. Он идет явным образом в разрез с постановлением ЦК ВКП(б) об изобретательстве, когда не считает нужным в подробном (8 пунктов) перечне основных мероприятий по «производственно-технической реконструкции» отнести к числу их развитие рабочего изобретательства. Он говорит лишь (и то в последнем пункте) о вовлечении широчайших масс, в первую очередь рабочих, в изучение современной техники и в работу по ее развитию и усовершенствованию, о всемерном усилении деятельности научно-исследовательских институтов и проч. Здесь не случайно отсутствует упоминание о рабочем изобретательстве, а слова его о вовлечении масс в развитие техники, как мы сейчас увидим, надо понимать так, что роль передового рабочего—автора изобретений, понимается здесь гораздо уже и скромнее, роль эта понижается по сравнению с той ролью, какая за ними признана партией. На стр. 51 книги т. Осинского «Техника и рабочий класс» самое слово «изобретательство», когда речь идет об изобретениях рабочих, ставится в иронические кавычки: «Надо понять, что разговор здесь должен

---

[51] М. Сахно, Рабочее изобретательство, с. 40.

итти не о «изобретательстве», а о массовом выявлении выведенных *из опыта* усовершенствований и перестроек производственного процесса...», говорит т. Осинский. По его словам, «нам нужно **не поощрение партизанского изобретательства**, а *массовая научно-техно-пропаганда и организация усвоения и продвижения вперед массами новой техники»*.

Тов. Осинский является в этом отношении идеологом значительной группы оппортунистов-производственников, пренебрежительно относящихся к рабочим предложениям и считающих, что это — роскошь, которой можно заниматься лишь после того, как сделана «более необходимая» работа. Например, на Константиновском цинковом заводе (аналогично на Московском аффинажном) директор недавно заявил: «В виду неукомплектованности штатов и прорывов, нам рабочими предложениями заниматься некогда» [52].

Особенно легкое отношение распространено к выполнению решений правительства об образовании и укомплектовании бризов. Например, в цветной промышленности в 1932 г. во всех 50 бризах оказалось лишь 3 инженера, совершенно нет экономистов, конструкторов и т. п. [53]. И это при наличии раздутых штатов в других отделах.

В своих практических результатах и правый и «левый» уклоны подают друг другу руку и смыкаются в торможении развития и применения результатов рабочего изобретательства. Вот для примера некоторые результаты влияния этих уклонов и загибов и прикрываемого ими бюрократизма в практике изобретательского дела.

В 1930 г. по 57 объединениям число нереализованных предложений рабочих составляло 36 тыс. в 1931 г.—106 тыс., [54], НКПС в 1931 г. из 355 изобретений только на 55 были найдены дела, а на остальные и «след простыл». Из 17 обследованных объединений только 2 выполнили постановление партии и правительства о рабочем изобретательстве [55].

По прежнему *одним из основных методов саботажа и вообще «работы» классового врага в деле реализации рабочих изобретений является ссылка на те или другие правила закона, в частности о порядке проверки изобретений, порядке расходования средств и т. п., используемые для прикрытия нежелания содействовать реализации изобретений*. Орудием в руках классового врага нередко становятся в этом отношении некоторые наши товарищи, не желающие по-большевистски вести борьбу на этом участке. Как подчеркнул т. Куйбышев, ведь «дело это вообще крайне хлопотливое: не всякое изобретение может быть применено на практике, многие изобретения отпадают при сколько-нибудь внимательном рассмотрении. Но нельзя забывать, *что среди изобретений имеются поистине жемчужные зерна, не жалко затратить труд и средства и внимательным образом, скрупелезно, рассмотреть хотя бы 100 никчемных проектов для того, чтобы выбрать 5—10 ценных изобретений*. Вот этой воли, чтобы

---

[52] И с т р и н и Н о в и к о в, Массовое изобретательство, 1932, с. 16.

[53] Там же, с. 92.

[54] Из выступления т. Г р о с с м а н а на I Всесоюзном съезде изобретателей, «Изобретатель» 1932 г. февраль.

[55] Из выступления т. Антипова, там же.

выбрать эти изобретения, которые нужны для промышленности, этой готовности внимательным образом кропотливо разобраться во всех предложениях—у нас не хватает».

Борьба с вредителями в изобретательском деле и с саботажем рабочих предложений является, однако, делом, в котором принимают активное участие самые широкие массы рабочих. Так, например, в защиту изобретений рабочего Жуковского целых три завода выступили с коллективным заявлением, выражающим возмущение наплевательским отношением совбюрократов к его изобретению [56].

«Пойти в прямую атаку против советской власти» остатки капиталистических классов внутри нашей страны «уже не в силах». Однако, они будут и дальше стремиться «пакостить и вредить рабочим, колхозникам, советской власти, партии», везде, где могут, «тихой сапой» [57]. И не приходится сомневаться, что область изобретательства еще долго будет одной из тех, где как раз они будут проводить эту борьбу сравнительно широко. Поэтому *к этой области сугубо применимы слова т. Сталина, что «революционная бдительность... особенно необходима теперь большевикам»* [59]. Внимание к вылазкам врагов в этой области необходимо усилить также и потому, что общее ее значение все растет.

VI

Сколь ни отчаянно сопротивление и контратаки классового врага, партия однако непобедима, потому что не боится трудностей. Как и на многих других участках, на фронте изобретательства «главное... в том, чтобы иметь страстное большевистское желание овладеть техникой, овладеть наукой производства. При страстном желании можно добиться всего, можно преодолеть все» [59]. Эти слова вождя ВКП(б) особенно важно усвоить именно сейчас.

Как говорил т. Сталин на Январьском пленуме ЦК и ЦКК, в период первой пятилетки «мы сумели организовать энтузиазм, пафос *нового строительства* и добились решающих успехов. Это очень хорошо. Но теперь этого недостаточно. Теперь это дело должны мы дополнить энтузиазмом, пафосом *освоения* новых заводов и новой техники, серьезным поднятием производительности труда, серьезным сокращением себестоимости. *В этом теперь главное.* Ибо только на этой базе мы можем добиться того, что бы, скажем, ко второй половине второй пятилетки взять новый мощный разбег как в области строительства, так и в области прироста промышленной продукции» [60].

Вряд ли надо много говорить о том, что в осуществлении этих задач изобретательство должно сыграть еще большую роль, чем в выполнении задач первой пятилетки.

Историческое постановление ЦК ВКП(б) создало новые стимулы и возможности для развития массового изобретательства в СССР.

---

[56] А. Петровский, Рабочее изобретательство, с. 15—16.
[57] Сталин, Итоги первой пятилетки, 1933, с. 41, 42.
[58] Там же, с. 45.
[59] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, 1932, с. 583.
[60] Сталин, Итоги первой пятилетки, 1932, с. 25.

Достаточно сказать, что в 1931 г. было сделано почти в 5 раз больше рабочих предложений, чем в 1930 г. Из этих 360 тыс. предложений реализовано 96 тыс., давших социалистическому строительству сотни миллионов экономии.

Заслуживает особого внимания, однако, наличие продолжающихся вылазок классового врага и плохой работы многих бризов, имеющей следствием, например, снижение реализуемых рабочих предложений. Наша задача—форсировать рост достижений еще более. Одним из необходимых условий для ее успешного разрешения является непримиримая борьбы с невыбитыми все еще из их щелей классовыми врагами и их пособниками—оппортунистами всех мастей. Сильным и острым оружием в этой борьбе должно стать также и политически заостренное применение законодательства об изобретениях.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
7	2 сверху	на средства с.-х. производства	на средства производства
8	13 снизу	величайшие	величайшей
99	23 сверху	пеловское	Перовское
134	12 сверху	вопросов	вопросов «леваками»
173	6 снизу (прим.)	солидариата»	солидаритета»
185	15 снизу	этом в сейчас	этом сейчас
191	18 снизу	т. е. вели	и вели
193	24 сверху	отсутствие	нарушение
193	4 снизу	1932 г. (см.	1932 г., если они установлены по соглашению сторон (см.
197	20—19 снизу	из сжать ответственности	снять ответственность
202	10 снизу	сбытовые	отдельные сбытовые
202	9 снизу	органы никакой	органы
203	13 снизу	являются помехой	являются нередко помехой
203	4 снизу	с такого рода	иногда с такого рода
210	21 сверху	подчеркнуто	подчеркнуло
220	24 снизу	*предриятий»*[27].	*предприятий».*
220	4 снизу	*возможности»*[28].	*возможности»*[27].
220	1 снизу		Сноску 28 выкинуть
223	4 сверху	Не только	Но не только
223	5 сверху	, но также	также
227	13 снизу	выход	вывод
255	24 снизу	порче[68].	порче»[68].
275	13 сверху	хищников	хищников империализма
277	16 снизу	прогресс.	прогресс».

ЦЕНА 4 р. 50 к.

Адрес издательства:

Москва, Центр, Красная площ.; здание ЦИК СССР (б. ГУМ), 2-й этаж, пом. 28.

Заказы направлять:

в магазины и отделения КОГИЗ'а. Почтовые заказы направлять без задатка „КНИГА—ПОЧТОЙ": Москва, 64, Покровка, 28, или Ленинград, Проспект 25 Октября, 28.